

РУКОВОДСТВО ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ съ четвертаго нѣмецкаго изданія

Г. и С. Сонинихъ,

подъ редакціею В. В. БИТИЕРА.

ПРОИНВЕНТИЗОВАНО
в 1962 году

-6/893-

ПЕТЕРБУРГО

Съ рисунками и чертежами.
1907

ПЕРЕВІРЕНО
2005

ІСХОДАЧИЙ №

19

ПОСЛЕДНІЙ
1962 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство „ВѢСТИНИКЪ ЗНАНИЯ“.

1907.

Типографія Б. М. Вольфа. Невський, 126.

Проф. д-ръ В. Єрусалемъ.

РУКОВОДСТВО ПСИХОЛОГІЇ.

ВВЕДЕНИЕ.

ОСНОВНЫЯ ПОНЯТИЯ.

§ 1. Понятіе и предметъ психології.

Психологія—это наука о явленияхъ и законахъ душевной жизни. Предметомъ психології является сама душевная жизнь, наши воспоминанія и мысли, наши убѣжденія и сомнѣнія, наши радости и страданія, наши желанія и рѣшенія,—однимъ словомъ, все наши душевныя состоянія и дѣйствія въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ ежедневно и ежечасно переживаемъ. Эти переживанія даны намъ непосредственно, какъ таковыя. Они могутъ быть переживаемы только однимъ, известнымъ каждому изъ настъ, но не поддающимся болѣе близкому описанію, образомъ. И отъ явлений, совершающихся въ окружающей средѣ, въ такъ называемомъ «внѣшнемъ мрѣ», душевные явленія отличаются именно характеромъ своего проявленія. Явленія «внѣшнаго мра», къ которому, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, принадлежитъ также наше тѣло, мы называемъ физическими явленіями; физическая явленія составляютъ въ своей совокупности предметъ естествознанія. Явленія же душевной жизни мы называемъ психическими явленіями; и они -то составляютъ предметъ психології.

Характерный признакъ физическихъ явленій заключается въ томъ, что они доступны чувственному восприятію или могутъ быть сделаны доступными ему (при помощи микроскопа и т. п.); въ крайнемъ случаѣ мы можемъ представлять ихъ себѣ доступными чувственному восприятію. Психическія явленія, напротивъ, никогда не могутъ быть восприняты чувственно, и мы никогда не можемъ представлять ихъ себѣ доступными

чувственному восприятию. Я никогда не вижу своих мыслей и решений, своей радости и печали. Я никогда не могу представить их себе доступными моему зрению. О другихъ, положительныхъ признакахъ психическихъ явлений мы будемъ говорить ниже. Но уже приведенного признака достаточно для уясненія того факта, что *психические явленія* образуютъ совершение своеобразный классъ явлений, несравнимыхъ съ явленіями *физическими*. А разъ это такъ, то *психическая явленія* должны составлять предметъ особой науки.

Переживаніе психическихъ явлений мы называемъ въ самомъ общемъ смыслѣ *сознаніемъ*. Когда мы говоримъ, что мы обладаемъ сознаніемъ, то это значитъ только, что мы способны переживать психическая явленія. Точно такъ же потеря сознанія означаетъ не что иное, какъ временную или постоянную неспособность переживать эти явленія. Такимъ образомъ, мы подъ *сознаніемъ* понимаемъ общія черты, свойственные различнымъ психическимъ явленіямъ, мышленію, чувствованію, хотѣнію; мы подразумѣваемъ подъ нимъ общія свойства всѣхъ психическихъ явлений. При научномъ изученіи психическихъ явлений мы непроизвольно превращаемъ общій признакъ этихъ явлений въ одно обособленное понятіе, которое мы противопоставляемъ, какъ нѣчто особое, отдѣльнымъ переживаніямъ. Мы дѣлаемъ сознаніе чѣмъ-то вполнѣ самостоятельнымъ, особенно благодаря тому, что всѣ психическая переживанія *одного* и того же человѣка находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, и эту тѣсную связь мы обыкновенно называемъ *единствомъ сознанія*. Такимъ образомъ, сознаніе, какъ кажется, дѣйствительно отдѣляется, какъ нѣчто цѣлое и однородное, отъ своихъ состояній и содержаній.

Состояніемъ сознанія мы называемъ каждое дѣйствительно пережитое психическое явленіе въ его полной индивидуальной (личной) опредѣленности и индивидуальной окраскѣ. То, что мы переживаемъ въ своей душѣ, представляетъ собою не что иное, какъ непрерывный рядъ состояній сознанія. Каждая проносящаяся въ нашей головѣ мысль, каждое желаніе, каждая радость, каждое удивленіе является прежде всего измѣненіемъ старого состоянія сознанія и составною частью нового.

Содержаніями сознанія мы называемъ группы предметовъ, легко выдѣляющихся изъ совокупности нашихъ переживаній данного момента, такъ что съ помощью вниманія мы можемъ эти группы изолировать. Воспоминанія, картины фантазіи, мысли обладаютъ, по большей части, ясно выраженнымъ и ясно ограниченнымъ содержаніемъ. У состояній чувства эта особенность проявляется не съ такою силой.

Всѣ физическая явленія, т. е. вся окружающая насть обстановка, деревья, дома, облака, которые мы видимъ, звуки, которые мы слышимъ, дани намъ первоначально лишь какъ содержаніе сознанія. Однако, пока мы стоимъ на почвѣ повседневнаго опыта, до тѣхъ поръ мы убѣждены въ томъ, что всѣ эти вещи дѣйствительно существуютъ въ насть и независимо отъ насть. Вопросъ о томъ, правильно ли это наше убѣжденіе, относится уже къ области философскихъ или, точнѣе выражаясь, гносеологическихъ (теоретико-познавательныхъ) изслѣдований, выходящихъ за рамки психологии.

Такимъ образомъ, все то, что мы фактически переживаемъ, представляеть собою состояніе и содержаніе нашего сознанія. Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что предметомъ психологіи является наше сознаніе съ его мѣняющимися состояніями и содержаніями. Говоря о душевной жизни, мы постепенно имѣемъ въ виду душевную жизнь человѣка. Но такъ какъ, быть, сомнѣнія, животыя тоже переживаютъ психическая явленія, то психологія должна не ограничиваться изученіемъ души человѣка, а включить

иа свою сферу также душевную жизнь животныхъ. Однако, въ виду того, что мы непосредственно знакомы только съ душевной жизнью человѣка, то исходною точкою нашихъ изслѣдований должна быть сдѣлана именно человѣческая душа; да къ тому же душевная жизнь человѣка составляетъ самый важный и интересный предметъ психологіи. Въ настоящей книжѣ мы займемся почти исключительно изученіемъ душевной жизни человѣка. Лишь временами мы будемъ приводить факты изъ душевной жизни животныхъ для болѣе яснаго представленія предмета.

§ 2. Задача психологіи и мѣсто психологіи среди другихъ наукъ.

Психологіческія явленія даны намъ всегда только, какъ *события*. Мы имѣемъ тутъ постоянно дѣло лишь съ совершающимися вещами, а не съ покоящимися, незыблемымъ бытіемъ. Задачу психологіи составляетъ прежде всего возможно болѣе простое описание этихъ явленій. Тѣ выражения, которыя языкъ предоставляетъ въ распоряженіе изслѣдователя въ области психологіи, означаютъ почти всегда очень сложные комплексы психическихъ явленій. То, что мы называемъ воспоминаніемъ, мыслию, желаніемъ, представляется всегда цѣлую группу явленій. Вслѣдствіе этого описание всегда должно предшествовать разложенію, или анализу. Сложные явленія должны быть разложены и сведены къ простымъ, элементарнымъ, не разложимымъ уже больше явленіямъ. Не всегда легко сдѣлать такой анализъ. Онъ требуетъ значительной наблюдательности и долгаго упражненія. Послѣ анализа элементарные явленія и ихъ взаимоотношенія выступаютъ вполнѣ ясно. Такимъ образомъ, ближайшая задача психологіи заключается въ такомъ описаніи явленій душевной жизни, при которомъ *выступаютъ ясно элементарные явленія душевной жизни и ихъ взаимные отношения*.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, изъ какихъ элементарныхъ явленій состоитъ психическое переживаніе, находится вопросъ о *происхожденіи* данного явленія. Бездѣ и всегда душевная жизнь находится въ развитіи. События душевной жизни какъ бы движутся въ опредѣленномъ направлении и разворачиваются во времени. Тутъ совершенно нельзя обойти вопроса о томъ, что было прежде и что послѣ. Даже и тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ элементарными, болѣе не разложимыми явленіями,— даже и тутъ психологія не можетъ обойти вопроса о томъ, какъ изъ этихъ явленій выступаютъ у ребенка раньше и какъ—позже. Слѣдовательно, психологія должна разматривать душевную жизнь съ генетической точки зрѣнія.

Если вы не знаете того, какъ возникло и развилось опредѣленное психическое явленіе, то вы никоимъ образомъ не будете въ состояніи дать точное и опредѣленное описание его. Въ томъ, что, напримѣръ, зрительное восприятіе какого-нибудь предмета представляетъ собою не простое, а очень сложное явленіе, мы можемъ лучше всего убѣдиться путемъ наблюдений надъ очень маленькими дѣтьми: въ первые дни своей жизни ребенокъ онцуетъ свѣтъ, но у него еще нѣтъ никакихъ зрительныхъ восприятій.

Въ тѣсной связи съ генетической точкой зрѣнія находится *биологическая* точка зрѣнія на душевную жизнь. Разматривая душевную жизнь въ ея развитіи, мы очень скоро познаемъ все значение психическихъ явленій для *сохраненія жизни*. Наши чувства удовольствія и недовольствія являются очень важными руководителями въ дѣлѣ различенія вреднаго и полезнаго. Наши мысли и размышленія въ значительной своей части направлены на то, чтобы сдѣлать жизнь отдельнаго человѣка, семьи,

государства, человѣчества болѣе прѣятной и болѣе содержательной. Большая часть наукъ обязана своимъ происхождениемъ практическимъ потребностямъ, и вотъ задача психологіи заключается въ томъ, чтобы никогда не упускать изъ виду этой биологической точки зрения и такимъ путемъ проникнуть глубже въ душевную жизнь.

Такимъ образомъ, задачею психологіи является *сведеніе психическихъ явлений путемъ анализа къ ихъ элементарнымъ составнымъ частямъ и основаніе на генетической и биологической точкахъ зрения изслѣдованіе законовъ, господствующихъ надъ этими явленіями.*

Мѣсто психологіи въ системѣ наукъ опредѣляется ея задачей. Психологія является *опытной* наукой. Не занимаясь высказываніемъ предположений о сущности души, психологія изучаетъ психическія явленія въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ каждый переживаетъ; она изучаетъ ихъ въ ихъ закономѣрной связи. При этомъ она примѣняетъ, какъ это мы укажемъ въ слѣдующемъ параграфѣ, тѣ же методы, которые примѣняются при изученіи природы. Являясь *опытной* наукой, психологія имѣть черты сходства съ естественными науками. Съ этими науками ее связываетъ также тотъ фактъ, что психическія явленія имѣютъ огромное значеніе, какъ для поддержанія жизни отдельного человѣка, такъ и для поддержанія жизни всего человѣчества. Психическія явленія представляютъ крайне важный факторъ органической жизни вообще; поэтому *биология*, т.-с. наука, изслѣдующая общіе жизненные законы, должна принимать во вниманіе при своихъ изслѣдованіяхъ и психическія явленія. Но, несмотря на это близкое соприкосновеніе съ естественными науками, психологія отличается отъ нихъ *предметомъ* своего изслѣдованія. Психическія явленія, какъ мы уже показали, представляютъ собою своеобразный классъ явленій, который крайне рѣзко отличаются отъ предмета естественныхъ наукъ. Но психическія явленія имѣютъ огромное значеніе для развитія человѣчества. Законы этихъ явленій проявляются и въ исторіи человѣчества, и въ развитіи языка, и въ возникновеніи права, и въ развитіи обычаевъ, нравственности, искусства и литературы. Если же мы объединимъ, какъ теперь это принято, всѣ науки, имѣющія предметомъ своего изслѣдованія явленія человѣческаго духа, подъ общимъ именемъ *гуманитарныхъ наукъ*, то *мѣсто* психологіи въ общемъ ряду можно было бы опредѣлить, приблизительно, такъ: *психологія примѣняетъ тотъ же методъ, что и естественные науки; но, благодаря предмету своего изслѣдованія, она является основой всѣхъ гуманитарныхъ наукъ.*

Къ гуманитарнымъ наукамъ относится прежде всего исторія съ ея многочисленными развѣтвленіями, каковы политическая исторія, исторія культуры и хозяйства. Къ этому же классу наукъ относятся филология и языкознаніе, правовѣданіе и политическая экономія. Изъ такъ называемыхъ философскихъ дисциплинъ сюда принадлежать прежде всего теорія познанія, этика и эстетика. Для всѣхъ этихъ наукъ необходимо знаніе законовъ душевной жизни и психологическое обоснованіе.

§ 3. Методы психологіи.

Подобно другимъ опытнымъ наукамъ, психологія достигаетъ своихъ результатовъ путемъ *наблюденія и опыта*. Но, благодаря своеобразію предмета, оба эти метода находятся здѣсь оригинальное примѣненіе.

Каждый можетъ производить *непосредственный наблюденія только на себѣ самомъ*. Поэтому первымъ методомъ, помогающимъ получать психологические факты, является *самонаблюденіе*. Этотъ методъ называется *интроспективнымъ* методомъ (отъ англійского слова „*introspection*“— *самонаблюденіе*).

Інтроспективний методъ имѣеть то преимущество, что явленія, подложиця наблюденію, даны намъ непосредственно. При наблюденіи виѣшняго міра мы пользуемся нашими чувствами, дѣспособность которыхъ мы стараемся усилить различными аппаратами. Правильность сдѣланного наблюденія будетъ зависѣть отъ остроты нашихъ чувствъ и отъ точности пріемъненныхъ аппаратовъ. Слѣдовательно, наблюденіе производится здѣсь *не непосредственно*. Напротивъ, явленія, происходящія въ нашемъ сознаніи, мы наблюдаемъ *непосредственно*, т.-е. безъ помощи какихъ-либо матеріальныхъ средствъ. Всльдствіе этого, интроспективный методъ, несмотря на всѣ связанныя съ нимъ трудности и обусловленные имъ источники ошибокъ, все же является необходимой основой и предпосылкой всѣхъ другихъ методовъ.

Но интроспективный методъ страдаетъ многими недостатками. Наблюдая предметы и явленія виѣшняго міра, мы, обыкновенно, можемъ проходить на нѣкоторое время наше наблюденіе или чаще повторять его при тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Особенно же нельзя не отмѣтить того факта, что наше наблюденіе не оказываетъ никакого вліянія на физическія явленія. Психическія явленія, напротивъ, протекаютъ очень быстро и поэтому крайне трудно поддаются наблюденію. Но еще большая трудность заключается въ томъ, что, благодаря вниманію, которое мы посвящаемъ наблюданому явленію, само явленіе или совершенно прекращается или значительно измѣняется. Поэтому наблюденіе является наиболѣе точнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о болѣе простыхъ явленіяхъ, на которыхъ вниманіе не оказываетъ такого сильнаго вліянія. При болѣе сложныхъ явленіяхъ приходится, по большей части, ждать, пока явленіе не прошло, но зато осталось въ нашемъ воспоминаніи. Если бы я захотѣлъ наблюдать за собой, напримѣръ, во время припадка гнѣва, то въ этотъ самый моментъ припадокъ прекратился бы. Послѣ припадка, иногда даже черезъ нѣсколько дней, удается возстановить въ памяти отдѣльныя фазы явленія. Но и воспоминаніе не является надежнымъ источникомъ, такъ какъ оно не даетъ цѣльной картины явленія и часто даже обманываетъ насъ. Другимъ недостаткомъ самонаблюденія является индивидуальное различие человѣка, которое крайне важно, когда дѣло идетъ о психическихъ явленіяхъ. Послѣ того, какъ я наблюдалъ какое-нибудь явленіе въ моемъ сознаніи, я ни въ коемъ случаѣ не могу сказать, нашелъ ли я какое-нибудь свойство моего индивидуального сознанія или общее свойство человѣческаго сознанія. Только тогда, когда это наблюденіе производится чаще и при одинаковыхъ условияхъ и подтверждается другими людьми, оно приобрѣтаетъ извѣстную цѣнность для общей психологіи.

Итакъ, самонаблюдение дополняется *наблюдениемъ надъ другими*. При этомъ надо замѣтить, что у другихъ мы можемъ наблюдать не самое *психическое явленіе*, а лишь *внѣшнія проявленія* его. На основаніи этихъ внѣшнихъ проявленій мы стараемся выяснить себѣ тѣтъ психической процессъ, который совершается въ сознаніи данного человѣка. Такими внѣшними выраженіями являются осанка, выраженіе лица, жесты и другія движения, а особенно рѣчъ. Рѣчъ могла бы дать намъ лучшее разъясненіе того, что происходит въ душѣ другого человѣка, и такимъ образомъ она могла бы служить ближайшимъ и лучшимъ источникомъ психическихъ фактovъ. Но, къ сожалѣнію, намъ приходится постоянно считаться съ возможностью того, что говорящее лицо само не уяснило себѣ своего психического состоянія или что оно хочетъ насъ ввести въ заблужденіе. Къ этому надо прибавить еще то обстоятельство, что языкъ представляетъ собою одно изъ довольно несовершенныхъ средствъ выраженія психическихъ явленій. Живое, непрерывное теченіе душевной жизни есть болѣшимъ трудомъ уклада-

дышатся въ словахъ, а цѣлкомъ оно никогда не укладывается въ нихъ. Поэтому-то Шиллер вполнѣ правильно говоритъ:

Warum kann der lebendige Geist dem Geist nicht erscheinen?
Spricht die Seele, so spricht, ach! schon die Seele nicht mehr.
(Отчего же живой духъ не можетъ явиться духу?)

Когда душа начинаетъ говоритьъ, то тогда, увы! душа ужъ не говоритьъ). «

А такъ какъ слова выражаютъ лишь несовершенныи образъ все то, что происходит въ нашей душѣ, то, слѣдовательно, мы можемъ понять другого человѣка, съ душевными состояніями котораго мы хотимъ познакомиться, лишь въ томъ случаѣ, если мы въ состояніи возсоздать въ нашемъ собственномъ сознаніи тѣ явленія, которыхъ по нашему предположенію переживаются этимъ человѣкомъ. Легче всего это удается намъ въ томъ случаѣ, если мы сами находились часто въ подобномъ положеніи и переживали подобное явленіе. Такъ, напримѣръ, по большей части, бѣднякъ куда лучше понимаетъ страданія нищеты, чѣмъ богачъ. Въ такихъ случаяхъ мы обыкновенно говоримъ: «Я легко могу мысленно перенестись въ такое положеніе». Изъ этого слѣдуетъ, что въ сущности дѣйствительный фактический матеріалъ доставляется намъ лишь путемъ наблюденія надъ собственными душевными переживаніями, и что, слѣдовательно, *самонаблюденіе* служитъ намъ единственнымъ масштабомъ для оцѣнки нашихъ наблюденій надъ другими. Однако, несмотря на это, наблюденія надъ другими людьми служатъ для нась однимъ изъ важнейшихъ источниковъ психического изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что наблюденія надъ другими людьми побуждаютъ нась изслѣдовать самого себя, побуждаютъ нась интенсивно заниматься самоанализомъ. Такимъ образомъ, самонаблюденіе и наблюденіе надъ другими идутъ рука объ руку другъ съ другомъ. Тутъ мы не имѣемъ дѣла съ двумя различными методами. Нѣть, самонаблюденіе и наблюденіе надъ другими вмѣстѣ образуютъ интроспективный методъ, очень удачно охарактеризованный Шиллеромъ въ слѣдующихъ словахъ:

Willst du dich selbst erkennen, so sieh, wie die andern es treiben,
Willst du die andern verstehn, blick' in dein eigenes Herz.

(Если ты хочешь познать самого себя, то присмотрись къ поступкамъ другихъ людей; если-жъ ты хочешь понять другихъ, то загляни въ свое собственное сердце)

Уже на очень ранней ступени развитія люди стали заниматься наблюденіями надъ другими людьми по чисто практическимъ соображеніямъ. Намъ очень важно знать, что происходит въ душѣ нашего ближняго, такъ какъ мы хотимъ знать, чего мы можемъ ожидать отъ него. Эти практические мотивы дѣйствуютъ еще и въ настоящее время. Суды, врачи, учителя должны умѣть наблюдать; они должны для своего дѣла обладать этой способностью. Жизнь ставить намъ цѣлый рядъ задачъ; эти задачи бываютъ крайне просты; но онѣ часто очень сложны и запутаны. Если мы, напримѣръ, изъ крика ребенка заключаемъ, что ребенокъ испытываетъ какое-нибудь чувство недовольства, то этотъ выводъ болѣе или менѣе правиленъ. Мать ребенка сумѣть даже въ большей части слушаевъ по тону голоса опредѣлять природу потребности ребенка. Но уже значительно труднѣе вывести изъ разговоровъ дѣтей своеобразный и часто очень интересный міръ представленій дѣтскаго сознанія. Тутъ мы ужъ не всегда достигаемъ вѣрныхъ результатовъ. Если же мы, наконецъ, захотимъ изъ словъ и поступковъ какой-нибудь исторической личности, какъ, напримѣръ, Наполеона I, составить себѣ картину духовнаго состоянія данной личности въ определенный моментъ, то тутъ уже передъ нами встаетъ чрезвычайно запутанная и трудная задача, которая рѣдко разрѣшается сразу. Средний

человѣкъ, умѣющій распознавать людей, нерѣдко способенъ разобрать болѣе простыя, поставленныя жизнью задачи наблюденія надъ другими людьми; но для решения болѣе сложныхъ задачъ требуются обыкновенно специальный знанія по психологіи.

§ 4. Методы психологіи (продолженіе).

Собранный при посредствѣ интроспективнаго метода фактическій матеріалъ долженъ быть использованъ для психологическихъ изслѣдований. Какъ мы уже выше указывали, это дѣлается путемъ *разложенія, анализа* психологическихъ явлений. Всѣ явленія, наблюдаваемыя нами надъ собой или надъ другими, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, очень сложными и запутанными; они должны быть разложены на элементарныя явленія. При этомъ нерѣдко оказывается, что нельзѧ реально *отдѣлять* элементарныя явленія одно отъ другого, но *различать* ихъ другъ отъ друга можно.

Возьмемте для примѣра слѣдующее явленіе. Вы слышите, какъ въ сосѣдней комнатѣ бьютъ часы, это явленіе, совершающееся въ чусть ли не безконечно малый промежутокъ времени, кажется при поверхностномъ наблюденіи чѣмъ-то очень простымъ. Можно, однако, легко показать, что оно состоитъ изъ нѣсколькихъ процессовъ, ясно отличающихся другъ отъ друга. Бой часовъ вызываетъ прежде всего въ вашемъ сознаніи звуковое ощущеніе. Подъ вліяніемъ прошлаго опыта у васъ создается отъ этого ощущенія представление о стѣнныхъ часахъ. А съ этимъ представлениемъ связывается сужденіе о томъ, что бой производится часовымъ механизмомъ. Если бы вамъ раньше никогда не приходилось видѣть часы, и звуковое ощущеніе отъ боя часовъ не было связано съ представлениемъ объ этомъ,—то тогда бой часовъ не вызывалъ бы въ васъ ни вышеуказанного представления, ни соотвѣтствующаго ему сужденія. На этомъ примѣрѣ можно убѣдиться въ томъ, что обычныя переживанія повседневной жизни становятся понятными намъ лишь путемъ психического анализа.

Анализъ является важнейшей работой психолога, и эта работа рѣзко отличаетъ ихъ отъ вышеупомянутаго средняго человѣка, умѣющаго распознавать людей. Такой практикъ-психологъ старается на основаніи нерасчлененного опыта угадать, какъ опредѣленный человѣкъ поступить въ опредѣленномъ случаѣ. Психологъ значительно меньше интересуется отдѣльными случаями. Онъ хочетъ путемъ анализа найти общий законъ, который имѣть силу для данного наблюдаемаго случая. Анализъ болѣе сложныхъ явлений можетъ быть произведенъ при помощи только интроспективнаго метода, и уже здѣсь этотъ методъ даетъ значительные результаты. На основаніи этого метода мы видимъ, что то, что мы обыкновенно называемъ чувственнымъ восприятіемъ, содержитъ часто въ себѣ элементы сужденія и образы воспоминанія. Но, идя такимъ путемъ, мы ервнительно быстро достигаемъ границы анализа. Восприятіе какого-нибудь предмета глазомъ представляетъ собою при примененіи интроспективнаго метода нечто простое, не поддающееся дальнѣйшему анализу. Тутъ приходитъ на помощь психологический опытъ, который даетъ возможность производить дальнѣйшее расчлененіе.

Экспериментальный методъ примѣняется въ психологіи такъ же, какъ въ естественныхъ наукахъ. Условія, при которыхъ происходитъ какое-либо психическое явленіе, создаются преднамѣренно и планомѣрно, притомъ такъ, что они могутъ быть измѣнены и качественно, и количественно. Обыкновенно для психологического опыта требуется участіе двухъ лицъ, а именно: экспериментатора и наблюдателя. Экспериментаторъ

создаетъ и измѣняетъ условія опыта, а наблюдатель на основаніи самонаблюдений передаетъ при помощи словъ или условныхъ знаковъ то, что онъ переживаетъ. Наблюдатель не долженъ знать заранѣе о предпринятомъ измѣненіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ его наблюденія были бы менѣе точны. Для достиженія вѣриныхъ результатовъ необходимо, чтобы наблюдатель былъ опытымъ человѣкомъ въ этомъ дѣлѣ. Характерной чертой психологическихъ опытовъ является также тотъ фактъ, что они должны быть сдѣланы неоднократно и на различныхъ лицахъ. Только такимъ образомъ могутъ быть сглажены индивидуальная различія и точно опредѣлены ихъ временные измѣненія. Экспериментаторъ, сравнивающій результаты и разрабатываящій ихъ, долженъ, для полнаго пониманія, самъ стать наблюдателемъ, т. е. онъ долженъ дать произвести опыты на себѣ. Необходимыми условіями здѣсь, какъ и вездѣ, являются строгая точность и полная правдивость. Цѣлый рядъ опытовъ предпринимается обыкновенно на основаніи какого-либо предположенія; но если даже это предположеніе оказывается невѣрнымъ, то все же должны быть полностью сообщены результаты неудавшихся опытовъ. Изъ неудачныхъ опытовъ изучашася часто большему, чѣмъ изъ удачныхъ.

Экспериментальный методъ, примѣняемый въ психологіи въ теченіе всего лишь, нѣсколькихъ десятилѣтій, далъ уже очень важные результаты. Съ помощью этого метода удалось значительно точнѣе проанализировать чувственныя восприятія, чѣмъ это было возможно прежде. Такъ, напр., мы знаемъ теперь, что восприятіе какого-либо предмета глазомъ складывается изъ ощущеній сѣтчатой оболочки и двигательныхъ ощущеній глазныхъ мускуловъ. Когда мы внимательно наблюдаемъ какой-нибудь объектъ, то мы обыкновенно фиксируемъ его. Отсюда мы заключаемъ, что внимательность и фиксация тождественны. Но соответствующіе опыты показали, что ихъ можно непосредственно отдѣлять другъ отъ друга, и такимъ образомъ мы знаемъ, что они представляютъ собою два различныхъ явленія, которыхъ часто действуютъ совместно. Экспериментальный методъ показалъ намъ также то огромное значеніе, которое имѣютъ для всей нашей душевной жизни ощущенія мускуловъ.

Экспериментальный методъ пролилъ свѣтъ, главнымъ образомъ, на элементарныя психическія явленія, а именно на чувственныя восприятія. Но опыты, произведенныя для опредѣленія продолжительности физическихъ явленій объема, сознанія, законовъ ассоціаціи памяти, дали тоже блестящіе результаты. Объ этихъ результатахъ я поговорю въ соответствующихъ мѣстахъ этой книги. Были также сдѣланы попытки выразить цифрами различные степени интенсивности ощущеній, о чѣмъ я тоже буду говорить ниже. Во всякомъ случаѣ для того, чтобы глубже проникать въ тайны душевной жизни, необходимо пользоваться какъ интроспективными, такъ и экспериментальными методами.

Э. Г. Веберъ первый серьезно занялся экспериментальной психологіей. Его статья «Der Tastsinn und das Gemeingefühl», напечатанная въ физиологическомъ словарѣ Вагнера, до сихъ поръ представляетъ собою основную работу по этому вопросу. *Г. Фехнеръ* тоже занимался серьезно экспериментальной психологіей и произвелъ цѣлый рядъ опытовъ для опредѣленія отношенія раздраженія къ ощущенію. Въ 1879 году *Вильгельмъ Вундтъ* основалъ въ Лейпцигѣ первый институтъ экспериментальной психологіи, по образцу которого были впослѣдствии основаны такія же учрежденія въ другихъ городахъ Германіи, а затѣмъ во Франціи, Италии, Англіи, Австріи и Америці. Благодаря этому экспериментальная психологія расширяется различными методами и специально-устроеными аппаратами, которые даютъ ей возможность производить крайне точныя изслѣдованія.

§ 5. Источники психології.

1. Физіологія. При тѣсній связі психическихъ явлений и физіологическихъ процессовъ психологу крайне важно точно знать тѣ физіологические явленія, которыхъ сопровождаются какою - либо психической процессомъ; особенно важно знать ему физіологическая явленія, происходящія въ мозгу. Если физіология и не можетъ объяснить природу психическихъ явлений, то все же болѣе точное знаніе физіологии можетъ побудить изслѣдователя къ новому, болѣе тщательному анализу психическихъ явлений.

Такъ, напримѣръ, открытие центра членораздѣльной рѣчи (такъ называемаго центра Брокѣ) повело къ болѣе правильному психологическому анализу явлений, совершающихся при процессѣ рѣчи.

2. Языкоznаніе. Такъ какъ языкъ служитъ для выраженія явлений сознанія и долженъ, по крайней мѣрѣ, въ начальные моменты своего развитія быть разсматриваемъ, какъ результатъ непроизвольного творчества, то очень часто первоначальная форма и значеніе словъ проливаются яркій свѣтъ на психическое состояніе данного народа на его ранніхъ ступеняхъ развитія. *Измѣненія въ значеніи отдѣльныхъ словъ* въ свою очередь показываютъ намъ, какими окольными путями часто шло человѣческое мышленіе по пути своего развитія. Такимъ образомъ, особымъ значеніемъ для психологіи обладаютъ среди различныхъ отраслей языкоznанія *этимологія и історія языка*.

Такъ, напримѣръ, этимологія греческаго слова *oīdo* (=я знаю= я ви-дѣль) показываетъ намъ, что по народному возврѣнію единственнымъ вѣрнымъ источникомъ знанія является чувственное созерцаніе.

3. Этнографія. Эта наука, особенно развивающаяся въ послѣдніе годы, занимается, главнымъ образомъ, изслѣдованіемъ физическихъ и духовныхъ способностей дикихъ народовъ и подводить въ эти особенности подъ общія точки зрѣнія. Въ результатѣ такого изученія дикихъ народовъ удалось установить существованіе извѣстныхъ «элементарныхъ идей», присущихъ всѣмъ народамъ земли, а также существованіе «национальныхъ идей», характеризующихъ отдѣльные народы. Къ разряду первыхъ относится, напримѣръ, общее всѣмъ народамъ земли «анимистическое» возврѣніе на природу, т. е. возврѣніе на природу, какъ на нечто одушевленное. Этимъ возврѣніемъ проникнуто все человѣчество, и даже культурный человѣкъ никогда не можетъ совершенно отѣлаться отъ него. Къ «народнымъ идеямъ» относятся, напримѣръ, художественная и научная способности грековъ, политические и юридические таланты римлянъ, вдумчивость германскихъ народовъ. Этнографія указываетъ намъ, кроме того, на зависимость отдѣльного человѣка отъ окружающей его обстановки и показываетъ намъ, что многія психические явленія и предрасположенія представляютъ собою продуктъ этого постоянного влиянія вѣтшай среды; и это мы называемъ обыкновенно общую волею народа или народнымъ духомъ. Со временемъ значение этнографіи для психологіи будетъ оценено въ еще болѣе значительной степени, чѣмъ это дѣлается теперь.

Если мы знакомимся съ народами, считающими только до четырехъ, то это показываетъ намъ, что числовыя представленія развились лишь постепенно; впрочемъ, въ этомъ можно убѣдиться также путемъ наблюдений надъ дѣтьми.

4. Всемірная історія и історія культуры. Общія черты развитія человѣчества, представленныя исторіей, знакомятъ насъ съ представленіями и чувствами, господствовавшими въ различныя времена какъ среди цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ выдающихся личностей. Сравнивая результаты

этихъ изслѣдований съ данными нашего самоанаблюденія, мы опредѣляемъ черты сходства и различия между прошедшими и настоящими временемъ. Благодаря этому мы становимся способными открыть тѣ свойства человѣческаго познанія, которыя остаются постоянно одинаковыми; кромѣ того, мы приобрѣаемъ возможность опредѣлить, какимъ образомъ человѣческое сознаніе развилось въ теченіе исторической жизни. Тутъ нельзѧ не отмѣтить того факта, что для такихъ наблюдений требуется уже извѣстная психологическая опытность, и результаты этого наблюденія одинаково цѣнны какъ для исторіи, такъ и для психологии.

Поступки Леопида, Аристиды, Арнольда Винкельрида воодушевляютъ насъ еще и въ настоящее время, такъ какъ патріотическія чувства одинаково сильны въ человѣкѣ въ наше время, какъ и прежде. Напротивъ, представлія и чувства, обусловленныя институтомъ рабства, намъ совершенно непонятны. Если мы захотимъ перенестись въ положеніе господина, то мы всегда будемъ присваивать себѣ менѣе правъ надъ работой, чѣмъ сколькими обладають господинъ древности. Если же мы захотимъ мысленно перенестись въ положеніе раба, то мы всегда оставимъ за собою большую мѣру свободы, чѣмъ какою обладають дѣйствительно рабы.

5. Литература и искусство. Само собою понятно, что произведенія свободнаго умственнаго творчества въ лицѣ памятниковъ изящной литературы и искусствъ знакомятъ насъ съ психикой ихъ творцовъ, а еще больше съ духомъ той эпохи, въ которую они возникли, и со вкусомъ той публики, для которой они предназначались. Знакомясь съ произведеніями греческихъ писателей и мыслителей, начиная съ Гомера и кончая Александровской эпохой, вы ясно сумѣете прослѣдить, какъ постепенно совершенствовались религіозныя представления въ народномъ сознаніи. Боги, надѣленные въ поэмахъ Гомера всѣми человѣческими слабостями, превращаются уже у Эсхила, Пиндара и Софокла въ возвышенныхъ стражей нравственного мірового порядка; у Платона и Аристотеля вы найдете уже безусловно монотеистическія представления, находящія себѣ прямо-таки возвышенное выраженіе въ сочиненіи стоикомъ Клеантомъ гимнѣ Зевсу. Въ наше время можно ясно замѣтить, что сильное впечатлѣніе, производимое на публику статуями бельгійскаго скульптора Константина Менье объясняется интересомъ, проявляемымъ публикой по отношенію къ трудящимся классамъ.

6. Автобіографіи, исповѣди, письма выдающихся людей даютъ психологу много цѣннаго матеріала и доставляютъ ему очень интересные доказательства и примѣры, говорящіе за открываемые имъ законы. Достаточно упомянуть объ исповѣди Св. Августина, о книгѣ Гете «Изъ моей жизни» и особенно, объ автобіографіи Грильпарцера.

7. Наблюденія надъ дѣтьми, надъ людьми, отставшими въ умственномъ отношеніи, и надъ людьми, лишенными извѣстныхъ органовъ чувствъ даютъ намъ тоже очень интересный матеріалъ. Особенно поучительно ознакомиться съ воспитаніемъ глухонѣмыхъ слѣпыхъ (какъ напр., Лауры Бриджменъ, Елены Келлеръ, Маріи Гертенъ и др.).

8. Проявленія больной или выродившейся душевной жизни, наблюдавшаяся надъ душевно больными или преступниками, могутъ часто дать очень цѣнный матеріалъ для сужденія о нормальныхъ состояніяхъ.

§ 6. Понятіе души.

Вѣра въ отличную отъ тѣла душу, поискающую тѣло послѣ смерти и затѣмъ ведущую самостоятельное существование, глубоко сидитъ въ человѣчествѣ и истрѣбляется даже въ дикихъ павловичъ стоящихъ на самой

нижчою ступенію культурного розвитку. Почти всі мірові языки релігійні системи землі сдѣлали єтото върошеніе догматомъ, и, въ качествѣ само собою понятного уловія, оно перешло во многія філософскія системи. Такимъ образомъ, научная психологія находитъ уже готовое понятіе души и должна считаться съ нимъ.

Образованіе этого понятія обусловлено, главнымъ образомъ, двумя фактами душевной жизни. Во-первыхъ, между всѣми психологическими переживаніями одной и той же личности существуетъ тѣсная связь. Всякое воспріятіе какого-либо предмета можетъ вызвать во мнѣ воспомінанія и чувства, можетъ возбудить во мнѣ желанія, обусловленные прежними переживаніями. Эта тѣсная связь между всѣми психическими явленіями заставляетъ насъ видѣть въ источникѣ психическихъ явленій нѣчто цѣльное, единое. Связь, существующую между нашими душевными переживаніями, мы называемъ *единствомъ сознанія*.

Второй фактъ, обусловливающій образованіе понятія души, заключается въ томъ, что мы переносимъ всѣ переживанія на одного *субъекта*, на одного человѣка, какъ носителя ихъ. То, что я слышу и вижу, то, что я думаю и чувствую, все это является *моими переживаніями*. Мое «я» остается при этомъ, какъ кажется, постоянно однимъ и тѣмъ же. «Я былъ мальчикомъ и стала старикомъ» и постоянно быть однимъ и тѣмъ же. Какъ бы мы ни были погружены въ созерцаніе какой-нибудь картины, какъ бы мы ни углубились въ какія-нибудь мысли, тѣмъ не менѣе, достаточно одного волевого акта для того, чтобы снова привести наше «я» къ полному сознанию. Вопросъ о сущности и содержаніи этого «я» мы займемся еще ниже.

Тутъ намъ достаточно указать на несомнѣнный фактъ существования *сознанія нашего «я»*, и мы увидимъ, что образованіе понятія души вполнѣ возможно.

Если же мы обратимъ вниманіе на своеобразный характеръ психическихъ явленій, не поддающихся сравненію со всѣми чувственными воспріятіями, то мы еще легче поймемъ, отчего *матерія*, являющейся носительницей физическихъ явленій, противопоставляется *душа*, какъ носительница психическихъ явленій.

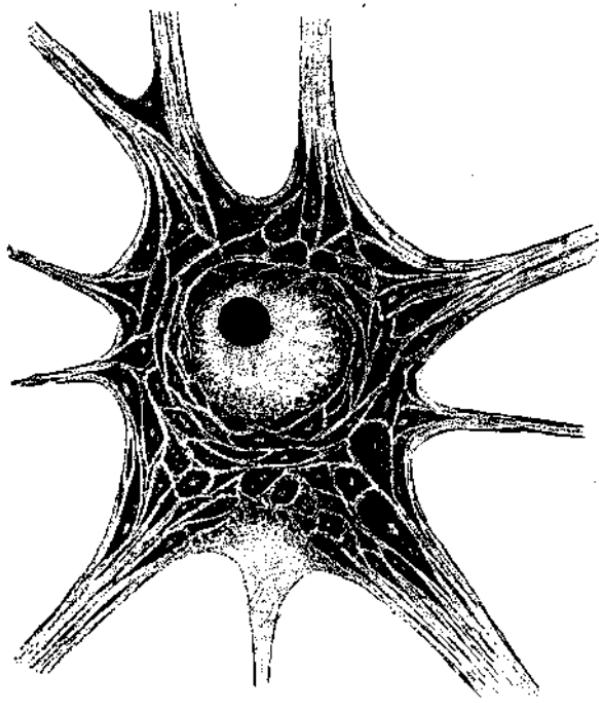
Но подобно тому, какъ механика не въ состояніи что-либо сказать о сущности матеріи, и занимается только изслѣдованіемъ законовъ равновѣсія и движенія,—точно такъ же психологія должна отказаться отъ мысли высказывать какіе либо взгляды на сущность души. Для психолога душа представляетъ собою не что иное, какъ цѣльность, однородность душевной жизни. Вопросы о сущности, происхожденіи, судьбахъ души послѣ смерти выходятъ за предѣлы опыта. Разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ занимается метафизика, задача которой заключается въ томъ, чтобы свести данный опыта въ одну свободную отъ противорѣчій систему. Психологія же ограничивается изслѣдованіемъ закона душевной жизни.

Прежде психологія составляла часть метафизики. Теперь же она стала чисто опытной наукой. Напротивъ, каждая філософская система, претендующая на научное значеніе, должна одинаково считаться съ фактами душевной жизни и съ результатами естествознанія. Даже больше, толь фактъ, что психическая явленія представляются намъ съ полной непосредственностью, понуждаетъ каждого человѣка, занимающагося філософскимъ умозрѣніемъ, изучать психологію. Между тѣмъ какъ психологія занимается своими изслѣдованіями совершенно независимо отъ какой-либо філософской системы,— всякая філософія должна, напротивъ, основываться на психологіи. Такимъ образомъ, подобно логикѣ, психологія является необходимой основой філософії.

§ 7. Тело и душа. Нервная система.

Опыт показывает намъ, что переживаемыя нами психической явленія находятся въ самой разнообразной и тѣсной связи, какъ съ окружающей насъ средой, такъ и съ особенностямиъ явленийъ, совершающимися въ нашемъ тѣлѣ. Нарушенія въ пищевареніи вызываютъ ощущенія боли и угнетенное настроеніе. Нарушенія, происходящія въ органахъ дыханія, сопровождаются часто чувствами тоски и страха. Наоборотъ, чувство стыда заставляетъ нашу кровь бросаться намъ въ щеки; радостная вѣсть заставляетъ наше пульсъ сильно биться, а печальное извѣстіе вызываетъ въ насъ слезы.

На все эти факты, говорящие о взаимоотношениях, существующих между тьмой и душой, уже давно обращено внимание; на нихъ

Фиг. 1. Мультиполярная (многополярная) нервная клетка. Отходящий от неё вниз отросток представляет собой, по всей вероятности, отросток первого, остальные отростки являются протоплазматическими отростками.

годы труда. Мы дадимъ въ настоящей книжѣ лишь
изъ этихъ областей, а именно тѣ свѣдѣнія, которы
мая психическихъ явлений.

Строение нервовъ. Нервы состоять изъ двоякаго рода микроскопически мыхъ основныхъ элементовъ, а именно: изъ *нервныхъ клѣтокъ* и *нервныхъ волоконъ*. Клѣтки—это кругловатыя протоплазматическая образованія, отъ которыхъ, по большей части, отходитъ нѣсколько отростковъ (см. фиг. 1). Только одинъ изъ этихъ отростковъ обладаетъ способностью передавать дальніе возникшее въ клѣтиѣ раздраженіе или возбужденіе. Эта отростокъ и есть *нервное волокно*, составляющее *вифебъ* съ клѣткой одно-ко-

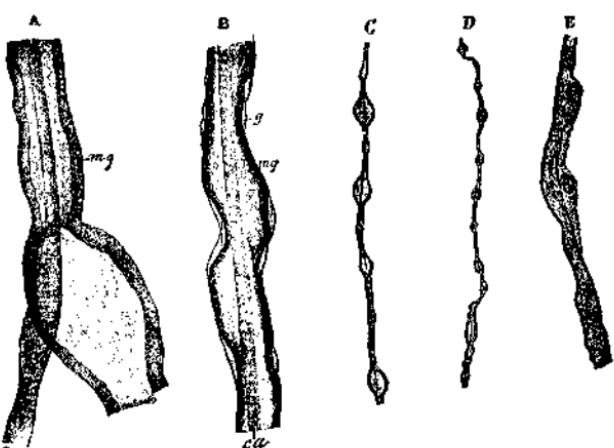
и есть первое волокно, состоящее вместе из яичной одно целое. Первые волокна, по большей части, соединяются в большую группы.

нерѣдко останавливались. Уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ было известно, что важнѣйшимъ носителемъ этихъ взаимоотношеній является мозгъ. Научныя изслѣдованія послѣднихъ столѣтій познакомили настъ съ деталями этихъ взаимоотношеній значительно лучше, чѣмъ это имѣло мѣсто раньше. Въ настоящее время мы знаемъ, что мозгъ представляетъ собою центральный органъ нервной системы, и что всѣ отношения, существующія между психическими и физиологическими процессами, являются функциями нервовъ.

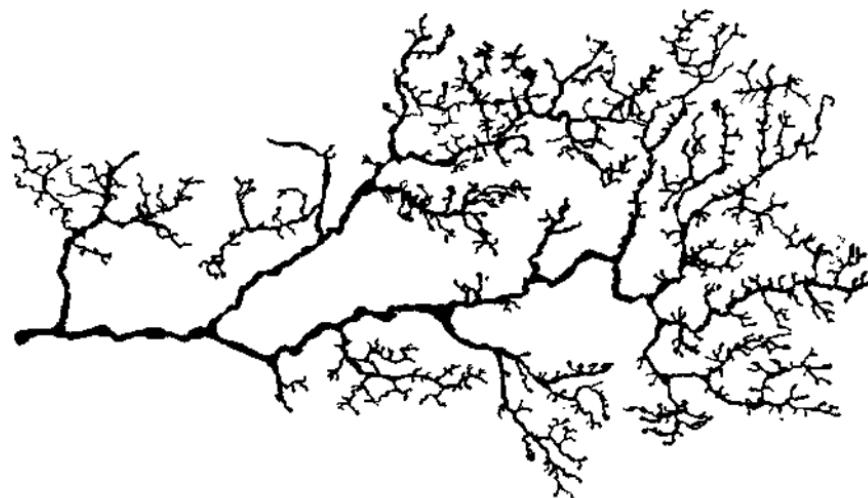
Анатомія и фізіологія нервної системи охватають обширную область науки, для детального ознакомления съ которой требуются

и особенно густые слои ихъ располагаются въ центрахъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Первое волокно состоитъ, главнымъ образомъ, изъ мягкой, непрерывной нити, носящей въброятности, въ свою толщина которыхъ крайне незначительна. Большая часть осевого цилиндра покрыта одною или даже двумя оболочками, а именно, такъ называемыми міэлиновой и шванновской оболочками (см. фиг. 2). Первые волокна достигаютъ значительной длины; иногда они достигаютъ длины чуть ли не въ метръ. Такія длинные волокна тянутся, напримѣръ, отъ затылка къ пальцамъ. Волокна очень часто переплетаются другъ съ другомъ. На противоположномъ концѣ осевого цилиндръ обыкновенно расщепляется или разветвляется (см. фиг. 3). Эти концы первовъ служатъ или для того, чтобы впитывать въ себя приходящія извнѣ возбужденія, или для того, чтобы передавать приносимыя ими возбужденія; послѣднее имѣть мѣсто

Фиг. 2. Различные первые волокна. са—осевой цилиндръ; mg—мякотная оболочка; г—шванновская оболочка.

Фиг. 3. Конечные разветвления осевого цилиндра.

въ томъ случаѣ, если они соприкасаются съ мускуломъ. Отдельные волокна безцвѣты и прозрачны. Слѣдовательно, тамъ, где они сходятся въ большомъ количествѣ, вся ихъ ткань принимаетъ блѣдую окраску, какъ это наблюдается повсюду, где очень незначительныя прозрачныя частички скапливаются въ большомъ количествѣ; примѣромъ этого можетъ служить синѣй или пѣни.

Что же касается первыхъ клѣтокъ (которыя, конечно,

всегда пронизаны первыми волокнами), то они отличаются краевато скрыть цветомъ. Соответственно этому мы называемъ ткань, состоящую изъ волоконъ, *блѣдой* первою субстанціей, а ткань, состоящую изъ первыхъ клѣтокъ, *сѣрой* первою субстанціей. Обособленные стволы, состоящие изъ несколькиихъ тысячъ расположенныхъ параллельно другъ съ другомъ первыхъ волоконъ, называются *нервами*. Обособленный комплексъ (соединение «узль») первыхъ клѣтокъ мы называемъ *гангліемъ*.

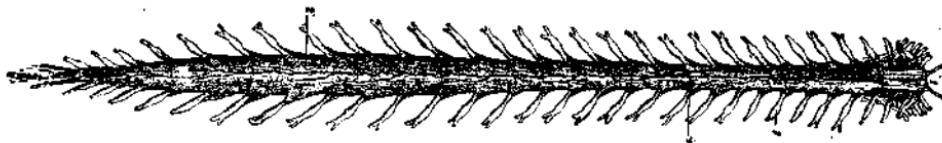
Функции нервовъ. Отправление первыхъ волоконъ заключается въ дальнѣйшей передачѣ принятыхъ ими какимъ-нибудь путемъ возбужденій. Эту функцию они выполняютъ въ двухъ различныхъ направленияхъ, которыми, конечно, соответствуютъ различные дѣйствія. Возбужденіе нерва происходитъ, во-первыхъ, на поверхности тѣла подъ влияніемъ физическихъ явлений, дѣйствующихъ въ качествѣ раздраженій. Конечные развѣтвленія первыхъ волоконъ, находящихся въ данномъ мѣстѣ тѣла, какъ бы всасываютъ возбужденіе и передаваютъ его со средней скоростью въ 60 метровъ въ секунду къ различнымъ центрамъ. Если первое волокно проходитъ черезъ клѣтки (сѣрую субстанцію), то скорость передачи раздраженія значительно уменьшается. Попавъ въ мозговую кору, возбужденіе превращается какимъ-то непонятнымъ для насъ образомъ въ психическое состояніе; простые раздраженія превращаются въ *ощущенія*. Нервные пути, проводящіе возбужденіе въ этомъ направлениі, носятъ название *центростремительныхъ* первыхъ путей, а соответствующія нервныя волокна называются *чувствительными волокнами* или *чувствительными нервами*. Но, съ другой стороны, возбужденіе можетъ произойти въ центральномъ органѣ; оно можетъ быть обусловлено, напримѣръ, волевымъ актомъ. Тогда волокна, выходящія изъ расположенныхъ тамъ клѣтокъ, передаютъ возбужденіе мускуламъ и вызываютъ такимъ путемъ сокращеніе соответствующихъ мускуловъ и *движенія*. Эти пути мы называемъ *центробѣжными*, а соответствующія волокна носятъ название *двигательныхъ нервовъ*. Обыкновенно первое волокно можетъ служить проводникомъ только въ одномъ направлениі, такъ что оно проводить возбужденіе или только по направлению къ центру, или только по направлению отъ центра. До настоящаго времени не удалось еще окончательно решить, существуютъ ли также волокна, проводящія возбужденія въ обоихъ направленияхъ.

Строеніе и функции нервной системы. Нервные элементарные организмы объединяются въ человѣческомъ тѣлѣ въ одно цѣлое, въ одну искусно построенную систему, пронизывающую всѣ части тѣла. Всѣ нервныя клѣтки распадаются на *три* рѣзко отдѣленные другъ отъ друга слоя, выполняющіе различные функции.

1. Периферическая ганглій. Этотъ слой, расположенный ближе всего къ периферии (поверхности) тѣла, состоитъ изъ безчисленнаго множества мелкихъ клѣточныхъ колоній (*ганглій*). Эти гангліи сильно распространены въ туловищѣ и головѣ и не находятся другъ съ другомъ ни въ какой непосредственной связи. Сюда относятся клѣточныя колоніи, расположенные по каждой сторонѣ спинного мозга (по 31 колоніи), снабжающія верхнія и нижнія конечности первыми волокнами и являющіяся посредниками ощущенія и движенія въ рукахъ и ногахъ. Сюда же относятся и гангліи, расположенные въ органахъ чувствъ (въ глазу, ухѣ, носу и на языке) и передающіе чувственныя ощущенія. У большей части этихъ ганглій имѣются два проводящихъ волокна, изъ которыхъ одно воспринимаетъ возбужденія, возникающія на поверхности, а другое передаетъ впечатлія центру.

2. Субкортикальные центры. Среди всѣхъ вышеупомянутыхъ многочисленныхъ клѣточныхъ колоній тянется вторая масса первыхъ клѣтокъ. Она имеетъ форму длиннаго *каната*, который начинается внизу у

позвоночника и заканчивается въ головѣ большими или меньшими утолщѣніями. Въ нижней своей части этотъ канатъ заострѣтъ. Самую главную часть этого каната образуетъ сѣрая субстанція *спинного мозга*, представляющая собою тонкій столбъ нервныхъ клѣтокъ (см. фиг. 4). Внутри головы скопленія клѣтокъ становятся болѣе объемистыми. Кромѣ того, они неоднократно пересѣкаются толстыми скопленіями волоконъ. Такимъ образомъ, здесь, считая сзади напередъ, возникаетъ шесть различныхъ образо-

Фиг. 4. Спинной мозг.

1. Нижняя часть продолговатого мозга. 2. Корешки спинномозговыхъ нервовъ.

ваний: продолговатый мозгъ (*Medull oblongata*) (на фиг. 4 справа), Варолиевъ мостъ (*pons Varolii*), четверохолміе (*Corpora quadrigemina*) съ расположеннымными подъ нимъ ножками мозга (*pedunculi*), зрительные бугры (*thalami optici*) и, наконецъ, обонятельные луковицы (*bulbi olfactorii*). Эти послѣднія отдѣлены нѣкоторымъ промежуткомъ отъ остальныхъ, и у человѣка онѣ находятся въ состояніи вырожденія (см. фиг. 5).

Фиг. 5. Продольный разрез головы и шеи. По Ранке.

Этотъ центральный стволъ выполняетъ разнообразнѣйшія функции. Прежде всего, онъ воспринимаетъ приходящія отъ периферическихъ гангіевъ возбужденія; тутъ эти возбужденія часто комбинируются другъ съ другомъ и отсюда уже передаются большому мозгу, въ которомъ они превращаются въ психическія состоянія. Особенно важная функция субкортичальныхъ центровъ заключается, однако, въ томъ, что они самостоятельно реагируютъ на многія впечатлѣнія, приходящія съ поверхности тѣла. Дѣло

нагъ двигательные волокна и такимъ путемъ вызываютъ движениі въ различныхъ частяхъ тѣла. Эти движениі возникаютъ безъ предварительного волевого акта и носятъ название *рефлекторныхъ движений*.

Примѣрами рефлекторныхъ движений могутъ служить суженія зрачка при внезапномъ переходѣ изъ темноты къ свѣту, опусканіе вѣка при прикосновеніи къ нему посторонняго тѣла, кашель, чиханіе и т. п.

Рефлекторными движениями совершаются со значительнымъ разнообразіемъ и точностью. Обыкновенно они цѣлесообразны, такъ какъ служатъ, съ одной стороны, для удержанія раздраженій, полезныхъ организму, а съ другой—для отраженія вредныхъ раздраженій. Но эти движения цѣлесообразны лишь постольку, поскольку дѣло идетъ объ обычныхъ раздраженіяхъ организма. Рефлекторные движения проявляются вполнѣ опредѣленно и увѣренно, но они приспособлены только къ среднему, обычному типу раздраженій. При отклоненіи данныхъ раздраженій отъ средняго типа рефлекторные движения могутъ быть прямо-таки вредны. Для иллюстраціи

Фиг. 6. Основаніе мозга. (По Ранке).

мы можемъ привести слѣдующій примѣръ: организмъ ребенка нуждается въ сахарѣ. Слѣдовательно, мы можемъ назвать очень цѣлесообразнымъ тотъ фактъ, что когда вы поднесете ребенку сладости, то онъ начнетъ ихъ облизывать, у него выдѣлится слюна, и онъ будетъ глотать сладости. Но въ руки ребенка можетъ случайно попасть кусочекъ свинцоваго сахара, и выше описанная рефлекторная движенія, которая обыкно-

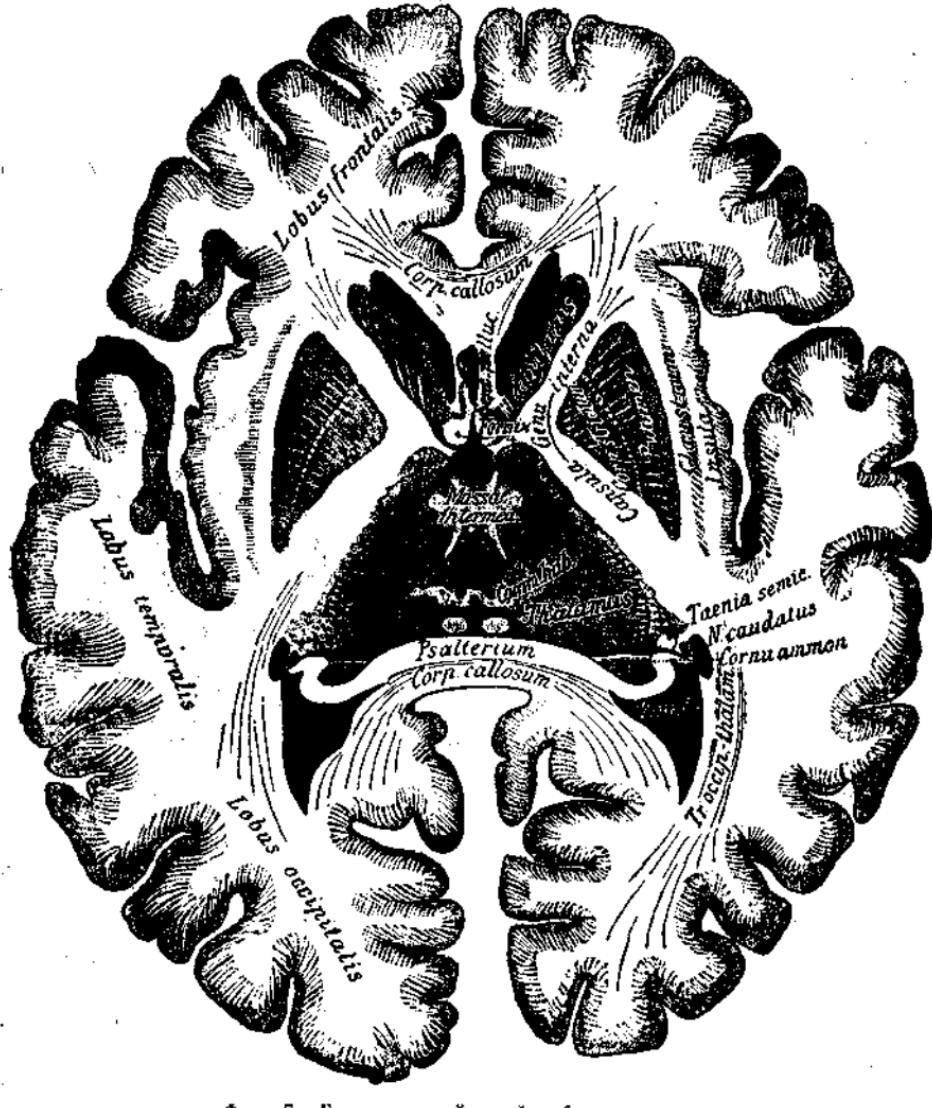
венно цѣлесообразны для него, принесутъ ему въ данномъ случаѣ смерть. Поэтому-то приспособленіе организма къ обстоятельствамъ данного момента и вѣрный выборъ движений, необходимыхъ для данного случая, никакъ образомъ не производятся механизмомъ рефлекторныхъ движений. Тутъ уже необходима дѣятельность третьаго, значительно болѣе сложнаго слоя, къ ознакомленію съ которымъ мы и переходимъ.

3. Большой и малый мозгъ. На небольшомъ разстояніи отъ верхнихъ частей центральнаго канала располагается третій, высшій слой клѣтокъ нервной системы. Этотъ третій слой состоитъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ большихъ и сравнительно тонкихъ словъ струй субстанціи, а именно изъ коры *большого мозга* и коры *малаго мозга* (мозжечка). Большой мозгъ (см. фиг. 6) состоитъ изъ двухъ массъ, имѣющихъ приблизительно форму полушарій.

Эти полушарія покрываютъ собою зрительные бугры, четверехолміе, а также часть малаго мозга. Толщина слоя клѣтокъ тутъ незначительна. У большого мозга она равняется приблизительно тремъ миллиметрамъ, а у малаго—одному миллиметру. Но зато очень значительна и поверхность. Поверхность большого мозга равняется приблизительно 1600 кв. сантим.

Эта относительно большая поверхность умѣщается подъ крышкой черепа только потому, что она не ровна, а расположена въ формѣ безчисленныхъ складокъ.

Эти складки, каждая изъ которыхъ носитъ особое название, дѣлять мозговую кору на многочисленныя извилины и доли (см. фиг. 7). Изъ этихъ долей надо особенно отмѣтить лобную, височную и затылочную доли. Въ послѣднее десятилѣтіе неоднократно удавалось доказать, что извѣстныя

Фиг. 7. Горизонтальный разрѣзъ большого мозга.

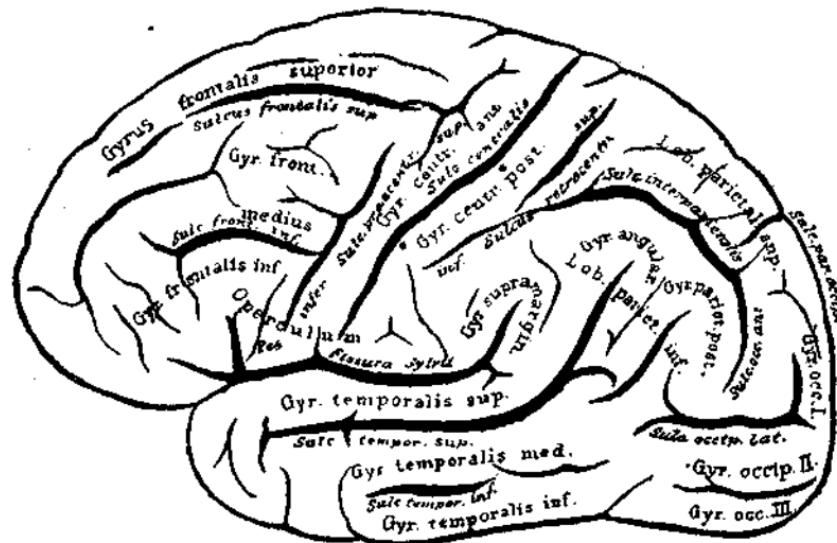
функции мозга связаны съ опредѣленными мѣстами. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что движеніе органовъ членораздѣльной рѣчи связано съ одною изъ частей лѣвой лобной доли. При пораненіи этой части происходить нарушенія рѣчи, а иногда даже возникаетъ полнѣйшая невозможность говорить (афазія).

Каждочный слой большого и малаго мозга пронизанъ различными группами волокнистыхъ путей, которые исполняютъ слѣдующія функции:

поддерживаютъ сообщеніе между обоими полушаріями. 3. Они соединяютъ части отдельныхъ полушарій другъ съ другомъ.

Первая группа этихъ волоконъ передаетъ приходящія съ поверхности тѣла впечатлій, которыя въ корѣ превращаются въ психической состоянія. Другая часть этой группы волоконъ передаетъ приказанія центральнаго органа другимъ центрамъ и черезъ нихъ другимъ органамъ тѣла. Въ этой группѣ особенно важны пирамидальные пучки, являющіеся посредниками въ дѣлѣ передачи произвольныхъ движений тѣла. Тутъ мы должны отметить тотъ интересный фактъ, что правая половина тѣла связана съ лѣвымъ полушаріемъ, а лѣвая половина — съ правымъ полушаріемъ. Такимъ образомъ, если ударъ парализуетъ правую половину тѣла, то известно, что кровоизлѣяніе произошло въ лѣвомъ полушаріи.

Вторая группа, а именно комиссулярные волокна, соединяетъ соответственные части полушарій, и, наконецъ, третья группа, а именно

Фиг. 8. Головной мозгъ сбоку. Извилины (gyri) и долбы (fissulae) отмѣчены печатнымъ шрифтомъ, а бороды (fissurae, sulci) — курсивомъ.

ассоціаціонные волокна, даютъ возможность соединяться разнообразными впечатлій, благодаря чему создаются самыя различные комбинаціи.

Самая важная задача коры большого мозга заключается въ томъ, чтобы создать возможно болѣе многостороннюю связь между каждой отдельной областью нервной системы и всѣми другими областями. Такимъ путемъ отдельные органы связываются другъ съ другомъ, и организмъ объединяется въ одно, тѣсно сплоченное цѣлое.

Возбужденія коры большого мозга находятся въ тѣнѣйшей связи съ психическими состояніями. Безъ всякаго сомнѣнія нормальное теченіе психическихъ явлений, т. е., здоровый умъ, находится въ полной зависимости отъ здороваго мозга. Кромѣ того, достовѣрно известно, что определенные психические состоянія соответствуютъ определеннымъ процессамъ въ мозгу. До настоящаго времени эта закономѣрная связь известна намъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, и съ трудомъ возможно определить для отдельныхъ, хотя бы и самыхъ элементарныхъ психическихъ процессовъ соответствующія имъ явленія въ мозгу. Лишь только мы переходимъ къ немногимъ более сложнымъ психическимъ образованиямъ, какъ мы уже совершили терпѣмъ способность найти какую-нибудь связь. Болѣе точное изученіе

этой связи крайне важно, какъ для познанія человѣческаго организма, такъ и для практическихъ целей, особенно для лѣченія душевно-больныхъ. Но если бы мы познакомились даже самыемъ точнымъ образомъ съ этой связью, то и тогда психическая явленія нисколько не переставали бы быть крайне своеобразными и несравнимыми съ другими явленіями. Психическая явленія всегда будуть рѣзко отличаться отъ всего, доступнаго чувственому восприятію, и изученіе законовъ психическихъ явленій будетъ всегда составлять задачу особой науки. Физическая и психическая явленія представляютъ собою двѣ различныя группы явленій, находящіяся въ разнобразной зависимости другъ отъ друга. Такимъ образомъ, психологія никогда не можетъ стать частью физиологии, такъ какъ ея предметъ всегда будетъ крайне своеобразенъ.

§ 8. Основные функции сознания.

Даже обыкновенный языкъ оттѣняетъ разнообразная различія психическихъ явленій. Но такъ какъ эти различія покоятся на непроанализированномъ опыте, то для науки они могутъ служить, самое большое, точками опоры; въ своемъ изслѣдованіи наука не можетъ остановиться на нихъ; она должна скорѣе найти такое дѣленіе психическихъ явленій, которое соотвѣтствуетъ логическому требованію яснаго распределенія всего объема понятія.

На основаніи физиологическихъ процессовъ мы можемъ раздѣлить психическая явленія на группы, которая, между прочимъ, не противорѣчать нашимъ обычнымъ понятіямъ. Центростремительные нервные пути оканчиваются, по большей части, въ большомъ мозгу, въ которомъ происходит превращеніе раздраженій въ психическая состоянія. Тутъ мы сталкиваемся прежде всего съ такими психическими явленіями, какъ ощущеніе и воспріятіе, которые затѣмъ остаются въ сознаніи въ качествѣ образовъ воспоминанія. При помощи вниманія и другихъ процессовъ однородные предметы объединяются въ понятія, создается отправлѣніе сужденія, а въ результатѣ мы получимъ познаніе вицѣнаго міра и его законовъ. Такимъ образомъ, центростремительнымъ нервнымъ путямъ соотвѣтствуетъ первая основная функция, а именно *познаніе*, которое пробѣгаетъ много стадій развитія.

Центробѣжнымъ путямъ соотвѣтствуетъ то, что мы называемъ *хотѣніемъ*, при чемъ и тутъ можно прослѣдить цѣлую шкалу развитія отъ неясныхъ влечений къ сознательнымъ волевымъ актамъ.

Къ этимъ двумъ основнымъ функциямъ должна быть прибавлена третья, соответствующая нервнымъ процессамъ, которые совершаются внутри центровъ. Эта основная функция заключается въ томъ, что душа становится въ извѣстное отношеніе къ полученнымъ извѣнѣ впечатлѣніямъ. Въ зависимости отъ того, благопріятны ли или вредны жизни эти впечатлѣнія, душа испытываетъ отъ нихъ извѣстное чувство удовольствія или недовольства. Такимъ образомъ, основная функция чувствованія—это способность сознанія оказывать положительную или отрицательную реакцію на отдельные ощущенія или воспріятія, способность переживать ихъ какъ нечто пріятное или непріятное и оказывать, такимъ образомъ, влияніе на волю.

Совершающіеся въ действительной жизни психические процессы не обусловливаются исключительно одною изъ этихъ трехъ основныхъ функций; въ каждомъ процессѣ дѣйствуютъ одновременно все три функции. Для того, чтобы у насъ создалось извѣстное сужденіе, мы настъ дѣлжимъ пробудиться интересъ къ данному предмету (чувство), и мы должны обистить

на него ване внимание (волі). Точно также чувства связаны съ представлениями или суждениями и, съ другой стороны, заключаютъ въ себѣ уже влечения и желания. Каждый волевой актъ предполагаетъ существование представлений и суждений и никогда не совершается безъ наличности чувствъ удовольствія или недовольства. Но, хотя всѣ три основные функции дѣйствуютъ вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе, обыкновенно одна изъ нихъ играетъ преобладающую роль, и въ зависимости отъ того, какая основная функция имѣть перевѣсъ, мы называемъ данное переживаніе мыслью, чувствомъ или волевымъ актомъ.

Всѣ три основные функции развиваются въ благопріятномъ для поддержания жизни направлениіи. Функция познанія не можетъ остановиться на чувственныхъ ощущеніяхъ и воспріятіяхъ; она должна съ помощью прежнихъ воспріятій извѣстнымъ образомъ распредѣлять и группировать ихъ; иначе мы никогда не могли бы правильно использовать окружающую насть условія, или, вѣрѣе сказать, вести себя цѣлесообразно въ окружающей насть средѣ. Такимъ образомъ, спачала изъ чисто практическихъ соображеній складываются болѣе тонкія формы функции познанія, къ которымъ въ извѣстномъ смыслѣ принадлежитъ также и языки; языкъ облегчаетъ возможность совмѣстной работы многихъ отдельныхъ существъ и, такимъ образомъ, значительно содѣствуетъ прогрессу познаній.

Функция воли, выражавшаяся спачала въ неясныхъ побужденіяхъ, постепенно научается употреблять рефлекторныя движения, побужденія и инстинкты для болѣе высокихъ цѣлей и можетъ или содѣствовать этимъ побужденіямъ и инстинктамъ, или сдерживать ихъ. Въ соотвѣтствии съ болѣе трудными задачами воля постепенно научается ставить себѣ отдѣленные цѣли и достигать этихъ цѣлей путемъ искусствъ комбинацій и строгаго удерживанія себя въ рамкахъ данной цѣли.

Функция чувствованія тоже все болѣе и болѣе облагораживается, и мы научаемся испытывать возникающее въ данный моментъ вредное чувство удовольствія менѣе сильно, чѣмъ ясно вытекающее изъ него позднѣшее чувство недовольства. Благодаря способности чувства къ развитію передъ нами открываются все новые и новые источники наслажденія, особенно въ области эстетики. Такимъ образомъ, наша жизнь становится все болѣе и болѣе богатой по своему содержанию.

§ 9. Ступени развитія сознанія.

Три основные функции сознанія дѣйствуютъ рядомъ и совмѣстно другъ съ другомъ. Но, разматривая психическую явленія съ генетической точки зрѣнія, мы приходимъ къ дальнѣйшему раздѣленію ихъ на группы, и это дѣленіе тоже очень важно. Дѣло въ томъ, что основываясь на самонаблюденіи, мы можемъ различать, если такъ можно выразиться, опредѣленные слои сознанія, аналогичныя разслоеніямъ нервныхъ центровъ. Эти слои расположены въ извѣстномъ смыслѣ другъ надъ другомъ и отчасти другъ послѣ друга. Всѣ психические явленія, выступающія въ видѣ непосредственныхъ дѣйствій вѣнчанихъ или внутреннихъ раздраженій или непосредственно обнаруживающіяся въ движенияхъ тѣла, мы называемъ первичными явленіями. Сюда относятся ощущенія и воспріятія органовъ чувствъ: предметы, которые мы видимъ въ настоящій моментъ, звуки, которые мы слышимъ теперь, радость, которую мы испытываемъ въ данную минуту, волевой актъ, который мы собираемся сейчасъ же выполнить.

Первичныя психические явленія съ физиологической точки зрѣнія соответствуютъ все то, что находится въ непосредственной связи съ первичными органами перваго слоя клѣтокъ. Такимъ образомъ, и тутъ

мы имѣемъ дѣло какъ съ явленіями, совершающимися въ органахъ чувствъ, такъ и съ произвольными движениями.

Отъ нихъ существенно отличаются образы воспоминанія обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, а именно: цветъ, который мы себѣ только представляемъ, звукъ, который мы мыслимъ, или воспоминаніе о пережитомъ чувствѣ удовольствія. Всѣ эти явленія, не находящіяся въ непосредственной связи съ вышними явленіями, мы называемъ *вторичными явленіями*. На существованіи вторичныхъ явленій поконится все высшее развитіе душевной жизни. Образы воспоминанія въ своей взаимной связи составляютъ то, что мы называемъ опытомъ. Представление о пережитомъ возникаетъ безъ вторичнаго дѣйствія соответствующаго вышнаго раздраженія, и такимъ путемъ я могу использовать сдѣянный мною прежде опытъ. При каждомъ новомъ восприятіи во мнѣ возникаютъ образы воспоминанія о прежнихъ восприятіяхъ и научаютъ меня правильному толкованію и использованію нового восприятія. Будущее не является тогда больше для меня чѣмъ-то совершенно темнымъ, неизвѣстнымъ. На основаніи настоящаго я создаю себѣ сужденіе о возможномъ будущемъ, и такимъ образомъ я уже не являюсь игрушкой въ рукахъ судьбы.

Въ области функции познанія можно установить еще дальнѣйшую ступень развитія. Вторичные явленія представляютъ собою въ качествѣ образовъ воспоминанія нечто, носящее личную окраску, и сохраняютъ свою *наглядность*. Но въ то же время представленія, образовавшіяся независимо отъ вышніхъ раздраженій, обнаруживаютъ тенденцію стать *типичными* представленіями (§ 35). Чѣмъ больше они проявляются, какъ таковыя, тѣмъ легче сознаніе на своей высшей ступени развитія превращаетъ ихъ въ *ненаглядныя* понятія. Представление становится мышлениемъ. Мы можемъ называть психические процессы, находящіеся на такой ступени развитія, *третичными явленіями*. Здѣсь объединяются отдельные случаи, и изъ всей массы опыта выводятся *законы явленій*.

Функции *чувствованія* и *хотѣнія* по своей природѣ являются *первичными* функциями. Каждое дѣйствительное чувство и каждый фактический волевой актъ находятся въ непосредственной связи съ физическими состояніями и движеніями. Но чѣмъ не менѣе можно ясно отличать явленія жизни, чувства и воли, связанныя со вторичными и третичными образованіями познанія, отъ явленій, связанныхъ съ первичными актами, т. е. съ однimi только чувственными ощущеніями и чувственными восприятіями. Поскольку дѣло обстоитъ такъ, постольку и для этихъ группъ раздѣленіе по стадіямъ развитія имѣть громадное значеніе.

Вторичнымъ и третичнымъ явленіямъ соответствуютъ явленія, совершающіяся въ корѣ большого мозга и происходящія отчасти въ связи съ субкортикальными центрами, отчасти же цѣликомъ внутри мозговой коры.

Третичные явленія приобрѣтаютъ для развитія душевной жизни особое значеніе еще вслѣдствіе того, что они ведутъ къ дѣйствіямъ, отличающимся болѣе живучестью, чѣмъ отдельный человѣкъ, и составляющимъ прочное достояніе человѣчества. Ерикъ, вырывающійся изъ сдавленной груди, превратился подъ влияніемъ третичныхъ явленій въ языкъ, который при посредствѣ своей системы звуковъ дѣлаетъ возможной передачу самыхъ скровенныхъ мыслей; а благодаря этому мысли получаются дальнѣйшее развитіе, превосходящее нѣрѣдко пониманіе того человѣка, который ихъ впервые высказалъ. Религіозныя системы, законы, обычаи, научные изслѣдованія, произведения искусства всякаго рода должны быть рассматриваемы, какъ продукты этой ступени развитія душевной жизни, и эти продукты постепенно образуютъ духовное достояніе человѣчества, ведущее самостоятельное существование рядомъ съ природой и надъ природой. Это духовное

достоине, въ которое каждое поколѣніе вносить свою ленту, оканчиваетъ, въ свою очередь, значительное вліяніе на развитіе особи, которая рождается, какъ часть соціального организма; научаясь говорить, эта особа присваиваетъ себѣ довольно солидную часть умственной работы прежнихъ поколѣній и этимъ самымъ приобрѣтаетъ прекрасное орудіе для дальнѣйшаго духовнаго труда.

Такимъ образомъ, совокупность психическихъ дѣйствій человѣчества выступаетъ передъ отдѣльнымъ человѣкомъ какъ нечто данное, объективное, и эту совокупность психической дѣятельности прошедшихъ временъ, результатами которой являются языкъ и религія, законы и обычай, наука и искусство, можно въ противоположность отдѣльной личности или *субъективному* духу назвать *объективнымъ* духомъ; этотъ терминъ впервые упоминается у философа Гегеля. Съ самаго раннаго дѣтства мы все находимся подъ вліяніемъ объективнаго духа. Въ рѣчи, произнесенной при вступлении на университетскую каѳедру, Шиллеръ наглядно показалъ, какъ для того, чтобы понять одинъ отдѣльный исторический фактъ, надо знать всю всемирную исторію. Точно такъ же, чтобы совершенно понять какое-нибудь психическое явленіе, совершающееся въ сознаніи человѣка, мы должны имѣть въ виду все духовное развитіе человѣчества. На каждомъ грамматическомъ разборѣ какого-либо предложения, при решеніи любой алгебраической задачи мы можемъ убѣдиться въ томъ, что наши познанія являются продуктами духовной работы всего человѣчества. Безъ тѣхъ средствъ мышленія, которыя разработаны для настѣ греческими и римскими грамматиками, мы не могли бы разобраться въ какомъ-нибудь сложномъ предложениі, точно такъ же какъ безъ умственного труда греческихъ, арабскихъ и индійскихъ математиковъ мы бы не были въ состояніи составить какое-либо уравненіе и построить и вычислить какую-нибудь геометрическую фигуру. Но и характеръ проявленія нашихъ чувствъ и влечений обусловленъ духовнымъ развитиемъ прошлыхъ временъ. Аристотель такъ-таки правъ, говоря, что человѣкъ является съ самого начала своей жизни общественнымъ животнымъ (*φυτοὶ πολιτεῖσθαι*); и наши духовные блага созданы лишь въ результатѣ совмѣстной работы многихъ поколѣній.

Такъ стадіи развитія сознанія ведутъ насъ отъ отдѣльного человѣка къ человѣчеству, а затѣмъ назадъ отъ человѣчества къ отдѣльной особи, которая подъ вліяніемъ объективнаго духа развивается въ богато одаренную духовными благами личность. А эта личность, въ свою очередь, призвана, не только на то, чтобы приобрѣтать то, что она унаследовала отъ своихъ отцовъ, и владѣть этимъ, но и на то, чтобы умножить своимъ собственнымъ трудомъ свое состояніе и, такимъ образомъ, обогатить духовную сокровищницу человѣчества.

§ 10. Психическая склонности.

Разсматривая основные функции и ступени развитія сознанія, мы видѣли, что пережитыя психическая явленія не исчезаютъ безслѣдно даже и въ томъ случаѣ, если они затѣмъ уступили мѣсто другимъ явленіямъ. Повседневный опытъ показываетъ намъ, что при случаѣ наши старыя воспріятія вновь воскресаютъ въ настѣ въ качествѣ образовъ воспоминанія. Чѣмъ чаще данное явленіе совершается, тѣмъ легче и быстрѣе оно вновь возникаетъ въ настѣ по опредѣленному поводу. Подобно тому какъ органы нашего тѣла научаются опредѣленной работѣ путемъ упражненія, точно такъ же наша душа учится путемъ упражненія. Такимъ образомъ мы можемъ говорить о психическомъ упражненіи, на которомъ покоятся всякое ученіе, всякое приобрѣтеніе психическихъ способностей.

Эти факты заставляют нас ввести въ психологію рядомъ съ психическими явленіями или переживаніями, въ которыхъ осуществляется душевная жизнь, вспомогательное понятіе, обозначающее способность переживать определенныя психическая явленія. Для этого понятія придуманъ терминъ *«психическая склонность»*, психическое предрасположение.

Еще и въ настоящее время мы употребляемъ образное выражение, когда мы хотимъ указать на то, что явленія, жившія раньше въ нашемъ сознаніи, затѣмъ перестаютъ быть доступными нашему сознанію, а потомъ опять оживаются въ немъ. Мы говоримъ про эти явленія, что они опускаются подъ порогъ сознанія и затѣмъ снова переходятъ порогъ сознанія. Но это образное выражение можетъ вызвать въ насъ ложное представление о томъ, будто психическая явленія представляются собою какихъ-то существъ, которые гдѣ-то сохраняются въ полной неприкосновенности даже и тогда, когда ихъ не переживаютъ, и которые выжидаютъ только удобного момента для того, чтобы появиться вновь. Мы должны помнить, что все психическое лежитъ цѣликомъ въ пространства, не воспринимается чувствами и представляетъ собою только *явлениe*, только *событие*, а не *покоящееся бытіе*. Поэтому-то психическую склонность нельзя представить себѣ наглядно; она является *вспомогательнымъ понятіемъ*, образованнымъ по аналогии съ понятіемъ *потенциальной энергіи*.

Всѣ свойства, характеризующія особенность человѣка, являются не чѣмъ инымъ, какъ психическими склонностями. Изыкъ обладаетъ богатымъ запасомъ такихъ выражений, которые могутъ однако быть правильно поняты лишь тогда, когда мы будемъ имѣть въ виду, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ психическими склонностями, и когда мы будемъ знать, къ какимъ дѣйствіямъ предрасполагаютъ эти склонности. Такъ, напримѣръ, память представляетъ собою психическую склонность, которая дѣлаетъ насъ способными переживать образы воспоминанія. Въ этомъ смыслѣ у каждого человѣка есть память. Хорошая память—это психическая склонность, дѣлающая человѣка способнымъ къ возможно неизмѣнному воспроизведенію длинныхъ рядовъ представлений и сужденій послѣ незначительного числа повторений. Фантазія—это психическая склонность, дѣлающая насъ способными создавать изъ элементовъ представлений новые образованія. Способности, разсудительность, глупость, настроение, характеръ—все это примѣры психическихъ склонностей.

Подобно тому, какъ психическая явленія находятся въ разнообразнѣйшей зависимости отъ физиологическихъ процессовъ, точно такъ же психическая склонности находятся въ тѣснѣйшей связи съ физиологическими склонностями. Музыкальный слухъ, талантъ къ рисованию представляютъ собою психическую склонность, находящіяся въ очевидной связи съ опредѣленными физиологическими склонностями. Каждая пріобрѣтенная ловкость, какъ, напримѣръ, умѣнье читать, писать, считать, поконится на совмѣстномъ дѣйствіи физиологическихъ и психическихъ склонностей.

Соответственно основнымъ функциямъ сознанія мы будемъ отличать разнообразные склонности какъ въ области познанія, такъ и въ областяхъ чувствованія и хотѣнія. Такъ, въ психологіи познанія мы часто будемъ наталкиваться на склонности къ восприятію, къ воспоминанію, къ сужденію. Такъ, напр., все пріобрѣтенное знаніе заключается въ склонностяхъ къ сужденію, дѣлающихъ насъ способными къ быстрому и правильному сужденію въ какой-нибудь опредѣленной области.

Чувственныя склонности играютъ большую роль въ дѣлѣ опредѣленія особенности какого-нибудь человѣка. То, что старая психологія называла темпераментами, представляетъ собою не что иное, какъ чувственныя склонности. Если въ древніе вѣка эти склонности объяснялись смѣстью

известныхъ соковъ, какъ, напримѣръ, крови и желчи, то въ настоящее время мы должны считать физиологической основой этихъ чувственныхъ склонностей свойства первичной системы.

Волевые склонности— это, напримѣръ, то, что мы называемъ характеромъ.

Различеніе первичныхъ и вторичныхъ склонностей тоже довольно важно для насть, но куда важнѣе различеніе *прирожденныхъ* и *пріобрѣтенныхъ* склонностей. Такъ, напримѣръ способность переживать зрительныя и слуховыя воспирятія, способность различать высокіе и низкіе звуки, безусловно прирождена; а способность понимать родной языкъ и говорить на немъ является безусловно пріобрѣтенной склонностью.

Люди отличаются другъ оть друга по числу, силѣ и качеству психическихъ склонностей. Психология до сихъ порь занималась излѣдованіемъ лишь тѣхъ склонностей, которыхъ общіи всѣмъ людямъ. Рядомъ съ *общей* психологіей ученые начали въ послѣднее время заниматься излѣдованіемъ болѣе специальныхъ склонностей, чтобы такимъ путемъ создать болѣе обоснованную съ научной точки зренія группировку и раздѣленіе психическихъ явлений. Эта специальная, «*дифференціальная психологія*» имѣть передъ собою богатое поле дѣятельности и безусловно доставить намъ крайне важные результаты, которые могутъ пріобрѣсть особое значеніе въ дѣлѣ воспитанія и преподаванія.

§ 11. Раздѣленіе психологіи.

Изъ всего сказанного само собою вытекаетъ дѣленіе психологіи. Соответственно тремъ основнымъ функциямъ сознанія, намъ придется прежде всего разбить психологію на три части, а именно:

1. Психологію познаній.
2. Психологію чувствованія.
3. Психологію хотѣнія.

Въ каждой отдельной части мы произведемъ раздѣленіе соотвѣтственно ступенямъ развитія сознанія и будемъ разматривать сначала явленія первичной, а затѣмъ явленія вторичной и третичной ступеней развитія.

Въ области познанія, въ которой отдельные ступени развитія ясно отличаются другъ оть друга, мы получимъ слѣдующее дѣленіе:

1. Ощущеніе и воспирятіе.
2. Представленіе.
3. Мысленіе и языкъ.

Такъ какъ развитіе мысленія во многихъ отношеніяхъ тѣсно связано съ языкомъ, то оба эти элемента должны быть разматриваемы вмѣстѣ.

Въ психологіи *чувства* и *воли*, которая по своей природѣ всегда первичны, мы при разматриваніи данныхъ явлений съ генетической точки зренія начнемъ съ первичныхъ, а затѣмъ перейдемъ къ вторичнымъ и третичнымъ условіямъ этихъ явлений.

Въ каждомъ отдельѣ намъ придется считаться съ необходимостью отличать психическая явленія оть психическихъ склонностей.

Психологія познавання.

А. Ощущеніе и восприятіе.

§ 12. Происхожденіе и общія свойства ощущенія.

Вначалѣ душевная жизнь, по всей вѣроятности, покрывается цѣлкомъ какимъ-то яснымъ *чувствомъ жизни*, колеблющимся въ предѣлахъ между состояніями удовольствія и недовольства. На это чувство мы должны смотрѣть, какъ на первоначальную, еще совсѣмъ *недифференцированную реакцію*, производимую сознаніемъ на дѣйствующія въ окружающей средѣ и внутри организма раздраженія. Какъ кажется, это чувство не сопровождается никакими представленіями и носить совершенно запутанный хаотический характеръ. Проснувшись послѣ глубокаго сна или очнувшись отъ обморока, мы переживаемъ нѣчто подобное, и можно предположить, что сознаніе новорожденнаго ребенка находится въ такомъ же состояніи.

При этомъ, какъ кажется, состоянія недовольства проявляются значительно яснѣе, чѣмъ состоянія удовольствія, и выражаются въ оживленныхъ движеніяхъ. По всей вѣроятности, ребенокъ испытываетъ различные виды чувствъ удовольствія и недовольства уже въ первые дни, а, можетъ быть, даже и въ первые часы своей жизни. Душевная жизнь начинаетъ дифференцироваться и разнообразиться. Молодая душа замѣчаетъ лишь то, что полезно или вредно для ея развитія. Явленія окружающей среды существуютъ для нея лишь постольку, поскольку они приносятъ съ собой чувство удовольствія или недовольства. Чѣмъ болѣе разнообразныя впечатлѣнія начинаютъ дѣйствовать на ребенка, тѣмъ больше дифференцируются его чувства удовольствія или недовольства. И вотъ, когда между сномъ и плачемъ начинаютъ проходить все большия и большия промежутки времени, и когда у ребенка появляется возможность дать окружающей средѣ воздѣйствовать на себя,—тогда различныя состоянія удовольствія и недовольства начинаютъ все яснѣе отмежевываться другъ отъ друга. Холодъ вызываетъ другое чувство недовольства, чѣмъ голодъ. Чувство удовольствія, обусловленное теплой ванной, начинаетъ ясно отличаться отъ того чувства, которое ребенокъ переживаетъ при приемѣ пищи. Тогда переживаемая ребенкомъ измѣненія въ состояніи сознанія содержать рядомъ съ чувствомъ удовольствія и недовольства еще одну ясно замѣтную составную часть, и эта составная часть находится въ куда болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ природѣ раздраженія, чѣмъ въ какихъ находится первоначальное чувство удовольствія или недовольства къ данному раздраженію.

Эта составная часть является тѣмъ психическимъ элементомъ, который мы называемъ *ощущеніемъ*. Въ лицѣ ощущенія наша душа реагируетъ на данное раздраженіе иначе, чѣмъ въ лицѣ чувства удовольствія или недовольства. Ощущеніе и раздраженіе находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, такъ что опущеніе можно назвать функцией раздраженія. Чувство представляетъ собою нѣчто субъективное, практическое, ощущеніе является чѣмъ то объективнымъ, теоретическимъ. Ощущеніе составляетъ первую ступень развитія познанія. Ощущенія являются тѣми элементами, изъ которыхъ постепенно складывается наша картина міра.

Простая ощущенія не встречаются къ качествѣ самостоятельныхъ переживаний, отграниченныхъ оть другихъ переживаний. Мы сталкиваемся съ ними лишь какъ съ одинаковыми элементами въ различныхъ комплексахъ, и только путемъ психологического анализа мы пришли къ познанію того, что они представляютъ собою элементарныи, неразложимыи явленія. Развитое сознаніе знакомо только съ группами ощущеній, имѣющихъ отношеніе къ вѣшнимъ или внутреннимъ раздраженіямъ и появляющихся передъ нами въ видѣ опредѣленныхъ вещей или явленій. Изученіемъ этихъ группъ, комплексовъ ощущеній, носящихъ название *восприятій*, мы займемся ниже.

Простое или *чистое* ощущеніе представляетъ собою, такимъ образомъ, элементарное психическое явленіе, находимое нами путемъ анализа. Тѣ особенности, которыми одно ощущеніе отличается оть другого, и въ которыхъ выражается отношеніе зависимости между раздраженіемъ и ощущеніемъ, мы называемъ *содержаніемъ* или *качествомъ* ощущенія. Ощущенія одинакового качества отличаются другъ оть друга по своей различной *силѣ* или *интенсивности*. Наконецъ, въ ощущеніи, по большей части, еще имѣется остатокъ того чувства удовольствія или недовольства изъ которого ощущеніе развилось какъ продуктъ дифференціаціи. Этотъ остатокъ чувства удовольствія или недовольства мы называемъ чувственнымъ *тономъ* ощущенія.

Качество, интенсивность и чувствственный тонъ составляютъ общія свойства ощущенія. Ощущеніе опредѣленного качества немыслимо безъ опредѣленной интенсивности и безъ опредѣленного чувственного тона, хотя этотъ послѣдній иногда лишь очень слабо замѣтъ. Въ слѣдующихъ параграфахъ мы остановимся на каждомъ изъ этихъ свойствъ.

§ 13. Качество ощущенія.

Качества ощущенія не поддаются болѣе подробному описанію. Каждый изъ насъ, кто ихъ переживаетъ, знакомъ съ ними. Если же у когонибудь неѣть соответствующихъ физиологическихъ и психическихъ склонностей, то его нельзя познакомить съ этими качествами. Слѣпорожденный не знаетъ ничего о краскахъ; человѣкъ, глухой оть рожденія, не имѣть понятія о звукахъ и шумахъ. Такимъ образомъ, у насъ не можетъ быть рѣчи объ *определѣленіи содержанія* понятія «качества ощущенія». Намъ надо скорѣе ограничить *объемъ* этого понятія путемъ соответствующей группировки тѣхъ элементарныхъ явленій, которыя мы называемъ ощущеніями. Основу такой классификаціи нельзя найти въ самихъ психическихъ явленіяхъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ мы могли бы сказать только то, что мы переживаемъ различныи по свойствамъ ощущенія, несравнимыи другъ съ другомъ. Мы должны скорѣе попытаться расположить въ различные группы тѣ *раздраженія*, которыя возбуждаются въ насъ ощущеніи, и посмотретьъ, нельзя ли къ отдѣльнымъ группамъ раздраженій отнести опредѣленные группы ощущеній.

Подъ *раздраженіемъ* мы въ общемъ понимаемъ физическую причину ощущенія. Явленія, совершающіяся въ организма и дѣйствующія на окончаніе перва, представляютъ собою *физическія* раздраженія. Такими физическими раздраженіями являются: механическое давленіе или толчокъ, свѣтотипы и звуковые волны и т. д. Возбужденіе нервовъ дѣйствуетъ какъ *физиологическое* раздраженіе. Если возбужденъ первый изъ упомянутыхъ типовъ (см. § 7) слоевъ нервныхъ клѣтокъ, то мы имѣемъ дѣло съ *периферическими* физиологическими раздраженіями; если же возбужденіе прошло во второй и третій слой, то тогда мы говоримъ о *центральныхъ*

физиологических раздраженийъ. Центральная раздраженія могутъ быть, въ свою очередь, разделены на *субкортикальныя* (относящіяся ко второму слою коры) и *кортикальныя* (относящіяся къ корѣ большого мозга). Для образования ощущенія непремѣнно требуется *кортикальное раздраженіе*.

Однако, для классификаціи ощущеній лучше примѣнить другое разделеніе раздраженій. Дѣло въ томъ, что раздраженія можно прежде всего разбить на *внѣшнія и внутреннія* раздраженія. Внѣшнія раздраженія— это таکія явленія, которыя совершаются въ организма. Внутреннія раздраженія возникаютъ внутри организма.

Внѣшнія раздраженія, въ свою очередь, распадаются на дѣлѣ группы: въ первую входятъ тѣ явленія, которыя дѣйствуютъ на всю поверхность тѣла, повсюду, гдѣ находятся окончанія (развѣтвленія) нервовъ. Къ разряду такихъ явленій относятся: механическое давленіе или толчокъ, теплота, электрические токи и химическая дѣятельность. Ихъ можно назвать общими чувственными раздраженіями. Соответствующія имъ ощущенія прежде относились цѣлкомъ къ области чувства осознанія. Но они такъ разнообразны, что правильно было бы назвать часть ихъ *чувственными ощущеніями въ широкомъ смыслѣ*, а название «ощущеніе осознанія» отнести къ болѣе ограниченной области.

Ко второй группѣ внѣшнихъ раздраженій относятся явленія, которыя могутъ дѣйствовать только на особые органы, расположенные на поверхности тѣла. Къ такимъ явленіямъ относятся, между прочимъ, звуковая и свѣтовая волны и некоторые химические процессы, вызывающіе вкусовыя и обонятельные ощущенія. Эти раздраженія мы называемъ *специфическими чувственными раздраженіями*, а вызываемыя ими ощущенія мы назовемъ *чувственными ощущеніями въ узкомъ смыслѣ*. Часто ихъ называютъ просто чувственными ощущеніями. Сумму физиологическихъ и психическихъ склонностей, дѣлающихъ насъ способными переживать такія ощущенія, мы называемъ *чувствами*¹⁾. Человѣкъ обладаетъ пятью такими чувствами: чувствомъ осознанія, слуха, зрѣнія, вкуса и обонянія. Такъ какъ эти чувства очень важны для всей духовной жизни человѣка, то мы ихъ разсмотримъ подробнѣе ниже.

Къ *внутреннимъ* раздраженіямъ относятся прежде всего растительные процессы внутри нашего тѣла, какъ, напримѣръ, дыханіе, принятие пищи, пищевареніе, выданіе и т. д. Такъ какъ почти всѣ органы, служащіе этимъ функциямъ, пронизаны нервными волокнами, то уже при нормальномъ ходѣ этихъ процессовъ въ насъ вызываются различнѣйшія ощущенія. Кому не знакомы тѣ ощущенія, которыя на языкѣ выражаются словами: голодъ, жажда, сытость и т. п. Но яснѣе всего эти ощущенія проявляются въ сознаніи тогда, когда ходъ растительныхъ процессовъ претерпѣваетъ известное нарушеніе. Этотъ классъ ощущеній носитъ общее название *жизненныхъ ощущеній*. Они отражаютъ въ наше сознаніи общее состояніе организма, наше общее самочувствіе. Они образуютъ тотъ задній фонъ, на которомъ протекаютъ наши чувственные ощущенія, и оказываютъ громадное влияніе на ходъ этихъ послѣднихъ, а также на болѣе сложное состояніе вторичной и третичной ступени. Если мы чувствуемъ себя свѣжими, то образы, доставляемые намъ нашими чувствами, болѣе живы, приобрѣтенный нами склонности постоянно готовы проявить себя, мы располагаемъ нашими психическими способностями и каждую минуту

¹⁾ Мы употребляемъ въ данномъ случаѣ это выраженіе только потому, что оно принято въ русскомъ языке, но просимъ читателей не смѣшивать его съ *чувствами*, *чувствованіями*, составляющимъ особую основную функцию сознанія. Прим. пер.

можетъ ихъ использовать. Если же человекъ находится въ умніи и обезсиленъ, то и сознѣ не събѣтъ ему достаточно силы, и захвѣтъ цѣлѣвъ недостаточно прѣятелъ; онъ съ трудомъ вспоминаетъ и не можетъ ни на что рѣшиться. Сумма жизненныхъ ощущеній часто называется также общимъ чувствомъ, общимъ самочувствіемъ, настроениемъ.

Къ внутреннимъ раздраженіямъ относятся также произвольныя и непроизвольныя движения нашихъ органовъ. Такъ какъ мускулы пронизаны не только двигательными, но и чувствительными волокнами, то сокращеніе ихъ и слѣдующее за нимъ движеніе вступаютъ въ наше сознаніе въ качествѣ мышечного ощущенія. Эти ощущенія имѣютъ громадное значеніе для всей душевной жизни. По большей части ихъ объединяютъ подъ общимъ названіемъ *ощущеній движенія*.

Ощущенія движенія передаются при посредствѣ чувствительныхъ первыхъ волоконъ, пронизывающихъ мускулы, суставы, сухожилія и слизки тѣла. Такимъ образомъ, при посредствѣ ощущеній движенія наше сознаніе узнаетъ о совершившихся произвольныхъ и непроизвольныхъ движеніяхъ. Ощущенія движенія, по большей части, связаны съ другими психическими явленіями и поэтому легко усваиваются отъ нашего вниманія. Всѣдствіе этого съ ними и ихъ значеніемъ познакомились лишь въ послѣднее десятилѣтіе. Эти ощущенія даютъ намъ точныя свѣдѣнія объ органахъ нашего тѣла, и такимъ образомъ мы знакомимся съ органами и начинаемъ пользоваться ими. Всѣ ощущенія движенія точно локализованы, т. е. они относятся къ определеннымъ частямъ тѣла. Слѣдовательно, они играютъ рѣшающую роль въ дѣлѣ развитія *представления пространства*.

Ощущенія движенія представляютъ собою сверхъ того составную часть всѣхъ воспріятій чувствъ осознанія и зрѣнія. Они передаютъ ощущеніе сопротивленія, испытываемое нами при прикосновеніи къ тѣлу и при попыткѣ сжать это тѣло; а это ощущеніе въ значительной степени содѣствуетъ воспріятію твердости, непроницаемости. На этомъ воспріятіи, какъ мы ниже увидимъ, покоятся, главнымъ образомъ, представление о самостоятельныхъ, независимыхъ отъ насъ *вещахъ*.

Ниже мы остановимся еще на изслѣдованіи той важной роли, которую ощущенія движенія играютъ въ дѣлѣ образования *зрительныхъ воспріятій*. Сужденія о поковъ или движеніи нашего тѣла, сужденія о направлении и скорости движенія, чувство равновѣсія и возникающее при нарушеніи его чувство головокруженія,—все это въ послѣднемъ счетѣ покоятся на ощущеніяхъ движенія.

Къ внутреннимъ раздраженіямъ относятся также явленія, совершающіяся въ центральномъ органѣ и приводящія въ возбужденіе безъ соответствующихъ внѣшнихъ раздраженій различныя части мозга, которые находятся съ связи съ отдельными группами ощущеній. Иногда такія центральные возбужденія возникаютъ въ совершенно нормальномъ состояніи, на яву, но чаще въ лихорадочномъ состояніи и во снѣ. Съ этими возбужденіями постоянно связаны ложныя сужденія, такъ какъ мы относимъ созданныя ощущенія къ мнимымъ внѣшнимъ раздраженіямъ. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, находящійся въ лихорадочномъ бреду, думаетъ обыкновенно, что онъ ясно воспринимаетъ различные образы вблизи горящей свѣчки или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ. Часто онъ даже прекрасно знаетъ, что въ действительности въ данномъ мѣстѣ ничего нѣтъ, но онъ не можетъ отѣлиться отъ впечатлѣній. Такія явленія называются *галлюцинациями* въ томъ случаѣ, если на лицо нѣть никакого видимаго чувства раздраженія; если же какое-нибудь чувственное раздраженіе значительно измѣняется, подъ влияниемъ центрального возбужденія, и вслѣдствіе этого толкуется

совершенно неправильно, то тогда мы имъемъ дѣло съ *иллюзіями*. Такія явленія можно называть произвольно, если непосредственно раздражать центральныя части чувственныхъ нервовъ. Указанныя ощущенія мы будемъ называть *центральными чувственными ощущеніями*.

Слѣдовательно, по своимъ качествамъ ощущенія могутъ быть разделены на слѣдующіе классы и группы:

I. Ощущенія, вызванныя *внѣшними раздраженіями*; они распределяются на:

А. Чувственныя ощущенія въ широкомъ смыслѣ (обусловлены общими чувственными раздраженіями).

Б. Чувственныя ощущенія въ узкомъ смыслѣ (обусловлены специфическими чувственными раздраженіями).

II. Ощущенія, вызванныя *внутренними раздраженіями*; они распределяются на:

А. Жизненные ощущенія.

В. Ощущенія движенія.

С. Центральная чувственная ощущенія.

§ 14. Интенсивность ощущенія.

Выше мы говорили, что одинаковыя по качеству ощущенія могутъ отличаться другъ отъ друга по силѣ или *интенсивности*. Но эта мысль требуетъ некотораго разъясненія.

Въ ощущеніи мы видимъ элементарное психическое явленіе; мы видимъ въ немъ измѣненіе въ состояніи нашего сознанія, вполнѣ опредѣленное по своему содержанію и зависящее отъ какого-нибудь перваго раздраженія. Такъ какъ нашъ организмъ и наше сознаніе образуютъ одно цѣлое, то каждое измѣненіе должно оказывать дѣйствіе на все это цѣлое. Само собою понятно, что эти измѣненія отличаются другъ отъ друга не только по качеству, но и по количеству. Не особенно сильное свѣтовое раздраженіе должно измѣнить состояніе нашего сознанія въ меньшей степени, чѣмъ это сдѣлаетъ оглушающій шумъ или рѣзкій запахъ. Больѣе сильные раздраженія представляютъ собою, по большей части, такія явленія, которыя имѣютъ для поддержанія нашей жизни большое значеніе, чѣмъ слабыя раздраженія. Большая интенсивность проявляется прежде всего въ болѣе сильныхъ чувствахъ и влеченияхъ, возбуждаемыхъ болѣе сильными раздраженіями.

Такимъ образомъ каждое ощущеніе отличается опредѣленной интенсивностью, которая проявляется особенно въ распространеніи дѣйствія данного раздраженія на болѣе или менѣе значительныя части организма. Однако, если два одновременныхъ или непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ ощущенія сильно отличаются по своимъ качествамъ, то сравнивать ихъ интенсивность можно только приблизительно. Трудно и даже почти невозможно сказать, что болѣе интенсивно, данный красный цветъ или данный звукъ. Въ такихъ случаяхъ мы можемъ познавать только крупныя различія. Но зато, чѣмъ болѣе похожи два ощущенія другъ на друга по своимъ качествамъ, тѣмъ тоньше становится наша способность различать ихъ интенсивность. Когда мы имѣемъ дѣло съ двумя сходными цветами, то мы легко опредѣлимъ, какой изъ нихъ болѣе или менѣе сильнъ; для двухъ звуковъ мы легко укажемъ, какой изъ нихъ болѣе или менѣе силенъ. Измѣненіе состоянія сознанія совершается въ данномъ случаѣ въ одномъ и томъ же направлѣніи и относится къ однѣмъ и тѣмъ же функциямъ.

Эта способность подвергать болѣе точному сужденію интенсивность

сходныхъ или одинаковыхъ по своему содержанию ощущеній, навела ученыхъ на мысль измерять силу ощущеній. Значительные раньше психологи это сдѣлали астрономы, которые раздѣлили звѣзды, видимые простымъ глазомъ, на шесть группъ по силѣ ихъ свѣта. При этомъ они себѣ представили разницу между силой свѣта звѣздъ первой и звѣздъ второй группы равной разницѣ силы свѣта между звѣздами второй и третьей группы и т. д. Такимъ образомъ, если мы примемъ разницу въ силѣ свѣта между звѣздой первой и звѣздой второй величины равной единицѣ, то разница въ силѣ свѣта между звѣздой первой величины и звѣздой третьей величины будетъ равна двумъ. Разница между звѣздой первой и звѣздой четвертой величины равна тремъ. Послѣ болѣе или менѣе долгаго упражненія астрономы производятъ эти измѣренія со значительной точностью, и этотъ принципъ кладется также въ основу классификаціи звѣздъ, недоступныхъ невооруженному глазу.

Э. Веберъ и Г. Фехнеръ произвели очень тщательныя изслѣдованія по вопросу обѣ измѣримости силы ощущенія; эти изслѣдованія были продолжены другими учеными. Важнейшими результатами этихъ изслѣдованій являются слѣдующие:

Не каждое раздраженіе настолько сильно, чтобы вызвать ощущеніе. Физическое явленіе (тутъ мы говоримъ только о физическихъ раздраженіяхъ) должно достигнуть известной силы для того, чтобы ощущеніе стало замѣтнымъ. Эту силу раздраженія мы называемъ *порогомъ раздраженія*, а соответствующее ей ощущеніе—*минимальнымъ ощущеніемъ*. Но существуетъ также и верхняя граница раздраженія, за которой увеличеніе силы раздраженія не ведетъ уже за собою увеличенія силы ощущенія. Эту верхнюю границу мы назовемъ *высшей точкой раздраженія*, а соответствующее ей ощущеніе—*максимальнымъ ощущеніемъ*.

Слишкомъ слабыми раздраженіями являются, напримѣръ, слова, сканьня щупотомъ и потому не дошедшия до нашего слуха, или слишкомъ незначительное количество пахучаго вещества, не могущее вызвать ощущеніе обонянія. Въ такомъ случаѣ мы говоримъ: эти раздраженія лежать подъ порогомъ сознанія, или они *незамѣтны*. Порогъ раздраженія ни въ коемъ случаѣ не представляетъ постоянной величины. При одномъ и томъ же видѣ раздраженія этотъ порогъ можетъ быть различенъ для различныхъ особей или даже для одной и той же особи въ различные времена, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ психическихъ состояній. Для человека, тутого на ухо, подъ порогомъ остаются такія звуковыя раздраженія, которыя прекрасно замѣты человѣку съ нормальнымъ слухомъ. То же самое можно сказать въ извѣстномъ смыслѣ о слабыхъ свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ раздраженіяхъ для близорукихъ людей или людей съ слабымъ зрѣніемъ. Если мы усиленно заняты чѣмъ-нибудь, то осязательное раздраженіе, производимое расхаживающей по нашей кожѣ мухой, можетъ остаться незамѣтнымъ, между тѣмъ, какъ въ другой разъ мы сразу замѣтили его.

То же самое можно сказать и о высшей точкѣ раздраженія. Человѣка со слабыми глазами оставляетъ такой свѣтъ, который прекрасно переносится человѣкомъ съ нормальными глазами. Если раздраженіе переходитъ по своей силѣ за предѣлы высшей точки, то оно часто производить гибельное дѣйствіе на соответствующій органъ. Слишкомъ сильныя слуховыя раздраженія могутъ вызвать глухоту; противъ слишкомъ сильныхъ свѣтовыхъ раздраженій глазъ защищается опусканиемъ вѣкъ, но и тогда это раздраженіе оказывается вредное вліяніе на глазъ. Ощущеніе становится непріятнымъ уже тогда, когда оно приближается къ максимальному ощущенію. Поэтому-то нельзя устраивать опыты для опредѣленія

абсолютной величины высшей точки раздражения. Впрочемъ, порогъ раздражения тоже опредѣляется лишь для очень немногихъ раздражений. Да и тамъ, где оно опредѣлено, результаты не отличаются требуемой точностью.

Отношения силы раздражений къ интенсивности ощущенія основательно изучены въ предѣлахъ между обѣими крайними точками. Не каждое усиленіе раздражения въ состояніи увеличить интенсивность ощущенія. Чуть скорѣе дѣйствуетъ слѣдующій законъ: *усиленіе раздражения влечетъ за собою увеличеніе интенсивности ощущенія только въ томъ случаѣ, если приростъ раздраженія находится въ опредѣленномъ постоянномъ отношеніи къ наличной силѣ раздраженія, причемъ величина этого отношенія должна быть установлена опытнымъ путемъ для ощущеній различныхъ качествъ.*

Такъ, напримѣръ, если для того, чтобы вызвать усиленіе ощущенія давленія, мы должны прибавить къ находящемуся на руцѣ грузу въ одинъ килограммъ еще $\frac{1}{3}$ килограмма, то къ грузу въ 2 килограмма мы должны будемъ прибавить уже $\frac{2}{3}$ килограмма для того, чтобы разница стала замѣтной. Этотъ законъ, открытый *Веберомъ* и разработанный далѣе *Фехнеромъ*, называется *закономъ Вебера, или основнымъ психофизическимъ закономъ.*

На основаніи многочисленныхъ опытовъ, произведенныхъ для опредѣленія постоянного отношенія, существующаго между ростомъ раздраженія и наличнымъ раздраженіемъ для различныхъ видовъ ощущенія, удалось установить, что восприимчивость къ разницѣ остается постоянной лишь въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о среднихъ по своей силѣ раздраженіяхъ; когда сила раздраженія приближается къ порогу или высшей точкѣ раздраженія, то тогда эта чувствительность крайне измѣнчива.

Для свѣтовыхъ раздражений средней силы восприимчивость къ разлику опредѣляется равно $\pi^{\frac{1}{100}}$; это значитъ, что свѣтовое раздраженіе должно быть усилено на $\frac{1}{100}$ своей настоящей силы для того, чтобы разница стала замѣтной. Для звуковыхъ раздраженій восприимчивость къ различію опредѣлена равной $\frac{1}{3}$. Для ощущеній давленія получена такая же величина, между тѣмъ какъ для мускульныхъ ощущеній, возникающихъ при подъемѣ грузовъ, получилось число $\frac{1}{17}$.

Итакъ, при опредѣленіи интенсивности нашихъ ощущеній мы узнаемъ не абсолютную силу раздраженія, а лишь относительный приростъ раздраженія. Въ такомъ смыслѣ *Веберъ* истолковывалъ свои изслѣдованія, и это толкованіе до настоящаго времени болѣе всего соответствуетъ фактамъ.

Фехнеръ хотѣлъ пойти немного дальше и добить абсолютную мѣру интенсивности ощущенія, добть числовое выраженіе этой интенсивности. Для этой цѣли онъ прежде всего попытался найти математическую формулу для закона Вебера. Ходъ его мыслей былъ приблизительно таковъ: онъ сначала допустилъ, что *только-что* ставшія замѣтными ощущенія и *только-что* ставшія замѣтными различія представляютъ собой *одинаково замѣтныя*, а, слѣдовательно, также *одинаковые* ощущенія или различія. Если же поискать какого нибудь числового отношенія, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало отношенію, существующему между силою раздраженія и интенсивностью ощущенія, то при предположкахъ, сдѣланныхъ *Веберомъ* и *Фехнеромъ*, такимъ числовымъ отношеніемъ будетъ отношеніе числа къ своему логарифму. Если мы, напримѣръ, напишемъ другъ за другомъ числа 0, 1, 2, 3, то (при основаніи логарифмовъ 10) соотвѣтствующими логарифмами будутъ: 1, 10, 100, 1000. Если мы присмотримся къ приросту чи- сель и отношенію этого прироста къ предшествующимъ числамъ, то мы получимъ слѣдующее: $\frac{1}{1} = \frac{10}{10} = \frac{100}{100} = 9$. Отношеніе прироста къ наличному

числу остается столь же постояннымъ, какъ это и должно имѣть мѣсто при приростѣ раздраженій, если это раздраженіе должно вызывать одинаково сильное различие ощущенія. Изъ этого Фехнеръ выводитъ слѣдующее положеніе: ощущеніе растетъ вмѣстѣ съ логарифмомъ раздраженія (*основная формула*). Затѣмъ Фехнеръ вводить въ вычисленіе порогъ раздраженія и считаетъ его равнымъ единицѣ. Слѣдовательно, порогу раздраженій соответствуетъ ощущеніе, равное 0. Каждому реальному раздраженію будеть затѣмъ соотвѣтствовать ощущеніе, сила котораго равняется логарифму силы раздраженія; и такимъ образомъ Фехнеръ установилъ слѣдующее положеніе: *интенсивность ощущенія равна логарифму силы раздраженія.*

Противъ этого положенія очень многіе вполнѣ основательно возражали. Дѣло въ томъ, что предположеніе, будто всѣ замѣтныя ощущенія одинаково замѣтны или даже равны другъ другу, противорѣчить истинѣ и опровергается фактами. Если вы къ вѣсу въ 10 килограммовъ прибавите $\frac{3}{5}$ килограмма, то этотъ приростъ ощущается совершенно иначе, чѣмъ когда вы къ 1 килограмму прибавите $\frac{1}{5}$ килограмма. Только-только замѣтный приростъ какого-нибудь ощущенія, отличающагося и безъ того значительной интенсивностью, вызываетъ сильная побочная дѣйствія, которыя Фехнеръ упустилъ изъ виду. Къ тому же принятая имъ единица не представляетъ собою чего-то постоянного, неизмѣннаго, вѣчно имѣющагося подъ рукою въ качествѣ масштаба. Однимъ словомъ, мы должны счи-тать попытку абсолютнаго измѣренія интенсивности ощущенія неудавшейся, хотя сама по себѣ эта попытка очень интересна.

§ 15. Чувственныи тонъ ощущенія.

Чувственнымъ тономъ ощущенія мы назвали выше тотъ остатокъ чувствъ удовольствія или недовольства, который имѣется налицо въ ощущеніи, развившемся изъ этихъ состояній върезультатѣ дифференціаціи ихъ. Чувственныи тонъ ощущенія не вытекаетъ изъ той же основной функции, изъ которой вытекаетъ ощущеніе. Онъ, по большей части, находится лишь въ связи съ ощущеніемъ. Поэтому въ чувственномъ тонѣ ощущенія можно также видѣть *реакцію общаго сознанія* на измѣненіе, совершающееся въ ощущеніи. Чистое простое ощущеніе, по всей вѣроятности, очень рѣдко совершенно лишено чувственного тона. Только тогда, когда изъ ощущенія развиваются высшая психическая образованія, тогда только это чувство ослабляется до незамѣтности. Особенно быстро притупляется чувство удовольствія подъ влияніемъ привычки, между тѣмъ какъ чувство недовольства остается дольше въ силѣ.

Чувственныи тонъ ощущенія зависятъ:

1. Отъ **качества** ощущенія. Ощущенія извѣстнаго качества дѣйствуютъ всегда или по большей части пріятно. Ощущенія другихъ качествъ—непріятно. Такъ, напримѣръ, гармонические звуки дѣйствуютъ пріятно, диссонансъ, по большей части, непріятно. Запахъ розы, по большей части, пріятенъ. Запахъ сѣроводорода всегда невыносимъ.

2. Отъ **интенсивности** ощущенія. Нѣкоторыя ощущенія до извѣстнаго предѣла пріятны; за этими предѣлами они вызываютъ въ насъ чувство недовольства. Приближаясь къ своей высшей точкѣ, раздраженіе вызываетъ всегда непріятнаго ощущенія. Военная музика, дѣйствующая очень пріятно на нѣкоторомъ разстояніи, становится невыносимой, если мы стоимъ слишкомъ близко къ оркестру. То же самое можно сказать о световыхъ и звуковыхъ ощущеніяхъ и о нѣкоторыхъ запахахъ.

3. Отъ **общаго состоянія сознанія** и отъ **индивидуальныхъ осо-**

Беностой. Холодъ и теплота привычны или непривычны памъ ѿ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условий. Запахъ мускуса ибисоторымъ правится, а другимъ онъ кажется отвратительнымъ. Особенно рѣзкія различія въ тонѣ ощущеній замѣчаются у вкусовыхъ ощущений. Въ этомъ можно убѣдиться хотя бы на основаніи того, что въ каждомъ языкѣ имѣется пословица, соответствующая латинской «de gustibus non est disputandum»—«на писать и цѣѣть товарища нѣть». (Дословный переводъ: «о вкусахъ нельзя спорить»).

Ощущенія, сопровождаются сильнымъ чувствомъ, возбуждаютъ въ насъ, но большей части, ясно выраженное желаніе или отвращеніе и имѣютъ, съ биологической точки зреінія, громадное значеніе, т. е. они играютъ важную роль въ дѣлѣ сохраненія жизни. Такія ощущенія, какъ, напримѣръ, запахъ или вкусъ, можно назвать практическими ощущеніями. Ощущенія, сопровождаются слабыми чувствами или не сопровождаются никакими чувствами, не находятся въ непосредственномъ отношеніи къ сохраненію жизни, такъ какъ они не вызываютъ никакого стремленія, желанія. Зато у нихъ яснѣе выступаетъ зависимость отъ вѣшнаго раздраженія и, такимъ образомъ, эти ощущенія пріобрѣтаютъ громадное значеніе для познанія вѣшнаго міра. Это познаніе въ послѣднемъ счетѣ куда болѣе важно для сохраненія жизни, чѣмъ непосредственно вызванное желаніе или отвращеніе. Но тутъ связь съ сохраненіемъ жизни болѣе сложна и запутана. Близкайшее дѣйствие, оказываемое ощущеніями и состоящими изъ нихъ комплексами, заключается въ познаніи предмета, вызвавшаго эти ощущенія. Эти ощущенія можно назвать теоретическими ощущеніями. Къ этимъ ощущеніямъ относятся осознательныя, слуховая и зрительная ощущенія.

§ 16. Чувственныя ощущенія въ широкомъ смыслѣ.

Эту группу ощущеній можно раздѣлить на: 1) болевыя ощущенія и 2) температурныя ощущенія.

Болевыя ощущенія вызываются общими вѣшними раздраженіями, каковы: механическое давленіе или ударъ, электрический токъ, химическая дѣятельность, высокая и низкая температура. Болевыя ощущенія, возникающія внутри нашего тѣла и вызванныя, съдовательно, внутренними возбужденіями, происходить только въ ненормальныхъ, патологическихъ случаяхъ и указываютъ на извѣстное нарушеніе. Болевое ощущеніе, которое, конечно, всегда связано съ чувствомъ недовольства, отличается отъ общаго чувства недовольства тѣмъ, что оно локализовано, т. с. относится къ опредѣленному мѣсту въ тѣлѣ. Въ лицѣ этой локализации мы сталкиваемся съ однимъ изъ самыхъ первоначальныхъ элементовъ созерцанія пространства, о развитіи котораго мы будемъ говорить ниже.

У болевого ощущенія *порогъ раздраженія* расположено значительно выше, чѣмъ у другихъ ощущеній, такъ какъ часто при приближеніи раздраженія къ высшей точкѣ ощущеніе переходитъ въ болевое ощущеніе. Если боль приближается къ высшему предѣлу, то тогда, въ случаѣ невозможности унять ее, наступаетъ разрушеніе соответствующаго органа, обморокъ или даже смерть. Болевое ощущеніе бываетъ различныхъ родовъ, которые обыкновенно опредѣляются по природѣ раздраженія. Мы говоримъ о жгучей, колющей, судорожной боли и т. п.

Болевое ощущеніе имѣть громадное биологическое значеніе, такъ какъ оно дасть намъ знать о наличии опасностей, угрожающихъ отдельнымъ частямъ тѣла. Часто болевое ощущеніе влечетъ за собою движения, приспособленія къ защитѣ организма отъ такихъ опасностей.

Температурные ощущения. Эти ощущения тоже относятся к разряду чувственных ощущений въ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они могутъ возникать на всей поверхности кожи тѣла, а также внутри его. Мы различаемъ два рода температурныхъ ощущений, а именно: *ощущение тепла и ощущение холода*. Оба они представляютъ собою положительный состоянія, выступающая въ качествѣ противоположныхъ другъ другу явлений.

Соответствующія этимъ ощущеніямъ раздраженія вызываются тѣми движеніями молекулъ, на которыхъ физика смотритъ, какъ на причины или, скорѣе, какъ на собственную сущность теплоты. Возникновеніе температурного ощущенія, главнымъ образомъ, обусловлено приспособленіемъ собственной теплоты организма къ окружающей средѣ. При полномъ приспособленіи организма стоитъ на *психологическомъ нулю*. При повышеніи температуры возникаетъ тепловое ощущеніе, а при пониженіи температуры ниже психологического нуля создается ощущеніе холода. Ощущеніе тепла дѣлится на большие ступеней, чѣмъ ощущеніе холода вообще; это объясняется тѣмъ, что ощущеніе холода вообще притупляетъ нашу чувствительность. Температурное ощущеніе можетъ тоже быть локализовано, если раздражению подвергаются лишь определенные мышцы кожи.

Чувственный тонъ температурного ощущенія находится въ сильной зависимости отъ интенсивности ощущенія, отъ общаго состоянія и индивидуальныхъ особенностей. Въ общемъ мы можемъ сказать, что ощущеніе тепла остается приятнымъ для насы въ теченіе большаго промежутка времени и до болѣе высокихъ градусовъ, чѣмъ ощущеніе холода.

Органами температурного ощущенія являются, въ общемъ, первыя окончанія въ кожѣ. Въ послѣднее время удалось различить въ этихъ окончаніяхъ *точки теплоты* и *точки холода*. Особенно ясно поддаются опредѣленію точки холода. Съ большими или меньшими количествомъ этихъ точекъ находится въ связи большая или меньшая температурная чувствительность различныхъ мышцъ тѣла. Самыми чувствительными частями тѣла являются вѣки глазъ, лобъ, щеки, подбородокъ; менѣе чувствительны грудь, животъ, рука и кисть руки; самую менѣешю чувствительностью отличается нога. Въ томъ, что различныя части тѣла испытываютъ различныя температурные ощущенія, можно легко убѣдиться. Для этого достаточно сѣсть въ очень теплую или очень холодную ванну.

§ 17. Ощущеніе и восприятіе.

Выше мы назвали ощущеніе психическимъ элементомъ познанія, элементомъ, не поддающимся дальнѣйшему разложенію; но въ то же время мы указали на то, что въ нашемъ сознаніи ощущеніе никогда не дается въ чистомъ видѣ, а всегда появляется въ видѣ сложныхъ образованій. Мы видимъ не свѣтъ и цвѣтъ, а освѣщенія пространства и цвѣтныя поверхности. То, что мы беремъ въ руки, не возбуждается въ насы простыхъ ощущеній давленія и температуры, а воспринимается нами, какъ тѣло, какъ угловатая, круглая, шероховатая, твердая или мягкая вещь.

Комплексы, въ которые соединяются ощущенія, оказываются обыкновенно связными и цѣльными, вслѣдствіе своего совмѣстнаго существованія въ пространствѣ и вслѣдствіе постоянства въ измѣненіи. Наше сознаніе обладаетъ свойствомъ сводить такой комплексъ ощущеній къ одной одновременной причинѣ и разматривать его, какъ нечто единое, однородное. Такой комплексъ ощущеній, разматриваемый нашимъ сознаніемъ, какъ одно цѣлое называется *восприятіемъ*.

Физическимъ условиемъ образования восприятій является комплексъ:

раздражений, отличающихся совместностью существования и постоянствомъ ть измѣненій. *Психическимиъ условіемъ* является кромѣ ощущений, соответствующихъ отдельнымъ раздражениямъ, еще *актъ синтеза*, въ которомъ, какъ мы ниже увидимъ, проявляется дѣйствие одного общаго психологического закона. Благодаря этому акту синтеза въ наше сознаніе проникаетъ отношеніе воспріятія къ раздраженіямъ; въ ощущеніи это отношеніе имѣлось тоже на лицо, но оно не выступало вполнѣ ясно и замѣтно. Мы воспринимаемъ не наши собственные состоянія, а вещи изъ окружающей настѣ сре́ды.

Въ зависимости отъ различныхъ органовъ чувствъ, воспріятія распределяются на различные группы. Всю ту сумму физиологическихъ и психическихъ склонностей, которая дѣлаетъ настѣ способными переживать извѣстный воспріятія, мы называемъ, какъ уже выше было упомянуто, *чувствами*. Въ слѣдующихъ параграфахъ мы займемся изученіемъ отдельныхъ группъ ощущений, называемыхъ нами чувственными ощущеніями въ узкомъ смыслѣ слова. При этомъ мы будемъ разматривать вмѣстѣ ощущеніе и воспріятіе.

Подобно ощущенію, воспріятіе относится къ первичной ступени. Съ актомъ синтеза, обусловливающимъ образование воспріятія, мы встрѣтимся ниже, когда будемъ говорить о вторичныхъ и третичныхъ образованіяхъ; тогда мы сумѣмъ точно определить его.

§ 18. Чувство осознанія.

Осознательные ощущенія и воспріятія имѣютъ громадное значеніе, какъ для сохраненія жизни, такъ и для развитія высшихъ психическихъ функций. Осознательные ощущенія образуютъ переходную стадію отъ общихъ къ специфическимъ чувственнымъ ощущеніямъ. Къ тому же чувство осознанія является, какъ кажется, самыи первоначальнымъ чувствомъ, и многоѣ вероятія говорить за то, что у низшихъ животныхъ изъ органовъ осознанія развились органы другихъ чувствъ, какъ, напримѣръ, глазъ и ухо.

Осознательные раздраженія, дѣйствующія извѣнѣ, представляютъ собой всегда нечто вродѣ давленія. Однако, порогъ раздраженія расположено такъ низко, что уже простое прикосновеніе какой-нибудь части кожи къ постороннему тѣлу вызываетъ ощущеніе осознанія. Внутри тѣла движенія мышцъ и особенно суставовъ тоже часто связаны съ осознательными ощущеніями, объединяющимися со своеобразными ощущеніями движенія въ неразрывные комплексы. Вообще фактъ тѣснаго объединенія ощущеній осознанія и движенія крайне важенъ для душевной жизни.

Характерною особенностью осознанія является его точная локализація. Если какое-нибудь тѣло прикасается къ нашей кожѣ, то мы всегда относимъ ощущеніе къ соответствующей части кожи; однако эта локализація не отличается одинаковой точностью во всѣхъ частяхъ тѣла. *Беберъ* установилъ путемъ опытовъ, что точнѣе всего мы локализуемъ на кончикѣ языка и на кончикахъ пальцевъ, а съ наименѣшей точностью — на средней спинѣ.

Опыты устраиваются слѣдующимъ образомъ: мы прикасаемся циркулемъ съ тупыми концами къ различнымъ частямъ тѣла. Разстояніе, отдѣляющее концы циркуля другъ отъ друга, точно устанавливается. Мы касаемся тѣла обими концами циркуля одновременно и приближаемъ эти концы другъ къ другу до тѣхъ поръ, пока тѣло не перестаетъ испытывать двойного ощущенія и не начнетъ испытывать одного простого ощущенія. Разстояніе концовъ циркуля другъ отъ друга въ тотъ моментъ когда оба ощущенія сливаются, служить памътъ чувствительности дан-

наго места. Чемъ меньше разстояніе, тѣмъ болѣе значительна чувствительность данного мѣста тѣла. Опыты *Вебера*, оказавшіеся вполнѣ правильными при дальнѣйшихъ пропибркахъ дали слѣдующіе цифры:

Кончики языка . . .	1 миллим.	Наружная часть руки. 31 миллим.
Кончики пальцевъ . . .	2 »	Колѣнная чашечка . . . 36 »
Красная полоса губы . . .	3 »	Средняя часть спины . . . 68 »

Путемъ упражненія эта нормальная мѣра можетъ быть увеличена, въ чемъ неоднократно можно было убѣждаться на опытахъ со слѣпыми. При умственномъ утомлении чувствительность кожи значительно ослабѣвала. Слѣдовательно, опытъ *Вебера* можно также примѣнить для опредѣленія и измѣренія умственного утомлѣнія (например, у учениковъ и ученицъ). Дѣтей осматриваютъ передъ уроками и послѣ уроковъ, и вторая цифра будетъ обыкновенно больше первой.

При посредствѣ осозательныхъ воспріятій мы знакомимся съ поверхностью окружающихъ насъ тѣлъ. При помощи чувства осозанія мы узнаемъ, угловато ли или кругло, шероховато ли или гладко, твердо ли или мягко, мокро ли или сухо данное тѣло; всѣ эти свойства являются, такимъ образомъ, качествами осозательного ощущенія. Всѣ эти воспріятія должны быть разсмотриваемы, какъ комплексы осозательныхъ ощущеній и ощущений движенія. Особенности свойства твердости и мягкости должны быть, главнымъ образомъ, сведены къ большему или меньшему *сопротивленію*, оказываемому тѣломъ нашей попытки сдавить его. А это сопротивленіе доходитъ до нашего сознанія при посредствѣ ощущеній движенія. На этомъ *воспріятіи сопротивленія* основывается также наше знаніе о непроницаемости или прочности тѣла. При посредствѣ чувства осозанія мы знакомимся съ нашимъ собственнымъ тѣломъ и со взаимными положеніями его частей, при чёмъ опять-таки и тутъ крупную роль играютъ ощущенія движенія.

Проводя пальцами вдоль поверхности тѣла, мы знакомимся съ *величиной и формой* тѣла, поддающихся осозанію, при чёмъ въ данномъ случаѣ объединяются осозательные и мускульные ощущенія. Само собою разумѣется, что нормальному человѣку тутъ въ значительной степени поможетъ зрѣніе; но мы можемъ на слѣпыхъ людяхъ убѣдиться въ томъ, какъ много можетъ тутъ сдѣлать одно только чувство осозанія. Такимъ образомъ, чувство осозанія является основой для нашего пространственного созерцанія и въ значительной степени содѣйствуетъ развитию его.

Характернымъ признакомъ осозательныхъ воспріятій является чрезвычайная убѣдительность сужденій, построенныхъ на нихъ. Мы куда легче допускаемъ возможность самообмана для вещей, видѣнныхъ или слышанныхъ нами, чѣмъ для вещей, съ которыми мы познакомились на основаніи осозательныхъ воспріятій.

Уже *Аристотель* отмѣтилъ тотъ фактъ, что если мы сложимъ средний и указательный пальцы и положимъ между концами пальцевъ какой-нибудь шарикъ, то въ насъ возникнетъ представление о томъ, будто имѣются два шарика. Человѣкъ, продѣзывающій透过这个点, чтобы опытъ въ первый разъ, вначалѣ не хочетъ даже допустить мысли о томъ, что въ действительности имѣть только одинъ шарикъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ еще до сихъ поръ не нашедшимъ себѣ удовлетворительного объясненія обманомъ чувства, показываетъ намъ, какъ сильно мы вѣримъ даннымъ чувства осозанія.

Воспріятія чувства осозанія составляютъ основу для нашего пониманія тѣлеснаго міра. Болѣе точнаго пониманія мы достигаемъ при посредствѣ чувства зрѣнія, съ которымъ мы ознакомимся въ слѣдующемъ параграфѣ.

§ 19. Зрѣніе.

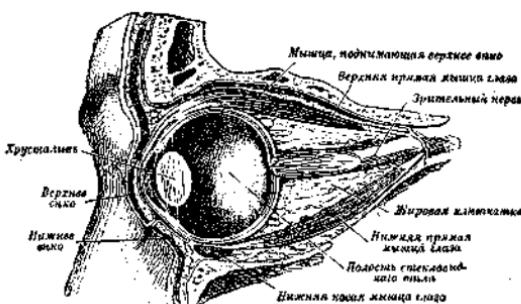
Свѣтъ и цвѣтъ.

Психическія явленія, для которыхъ посредникомъ является наше чувство зрѣнія, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, которая въ то же время характеризуютъ важнѣйшія ступени развитія этихъ явленій. Мы различаемъ: 1. Свѣтовыя и цвѣтовыя ощущенія; 2. Воспріятія предметовъ. Въ дѣйствительности эти группы нераздѣльны, такъ какъ каждое свѣтовое и цвѣтовое ощущеніе связано съ пространственными воспріятіями, а, съ другой стороны, каждое воспріятіе содержитъ въ себѣ свѣтовыя и цвѣтовыя ощущенія, являющіяся предпосылкой воспріятія. Но можно легко показать, что свѣтъ и цвѣтъ являются первичными, первоначальными элементами, развивающимися въ настоящее зрительное воспріятіе лишь въ связи съ другими явленіями.

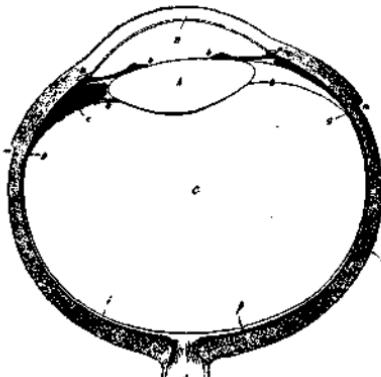
Физическими раздраженіями служатъ колебанія эніра; длина волнъ и преломляемость этихъ колебаній различны. Законы, обусловливающіе распространеніе, преломленіе, поглощеніе и отраженіе свѣтовыхъ волнъ, составляютъ предметъ геометрической и физической оптики.

Въ качествѣ **физиологическихъ** раздраженій служатъ прежде всего измѣненія, которымъ подвергаются свѣтовыя волны въ глазу, и возбужденіе периферического слоя клѣтокъ, известного подъ именемъ сѣтчатой оболочки (retina). Затѣмъ возбужденіе передается исходящимъ отъ сѣтчатой оболочки зрительнымъ нервомъ (nervus opticus) центральному органу.

Остановимся немного на анатомическомъ строеніи зрительного аппарата. Человѣческій глазъ представляетъ собою шарообразное тѣло, окруженное двумя оболочками (см. фиг. 10). Внѣшняя оболочка (склеротики, склеры) отличается значительной прочностью и сплачиваетъ весь аппаратъ. Сзади она пробуравлена зрительнымъ нервомъ. Въ передней части она переходитъ въ прозрачную **роговую оболочку** (cornea). Вторая оболочка, расположенная подъ склерой, носитъ название **сосудистой оболочки** (chorioidea); она содержитъ много кровеносныхъ сосудовъ, а также мускуль, играющій значительную роль въ дѣїи аккомодации глаза (приспособленіе глаза къ разстояніямъ). Переднюю часть сосудистой оболочки образуетъ **радужная оболочка** (iris) съ отверстиемъ — **зрачкомъ** (pupilla). Зрачокъ рефлекторно суживается и расширяется въ зависимости отъ того, попадаютъ

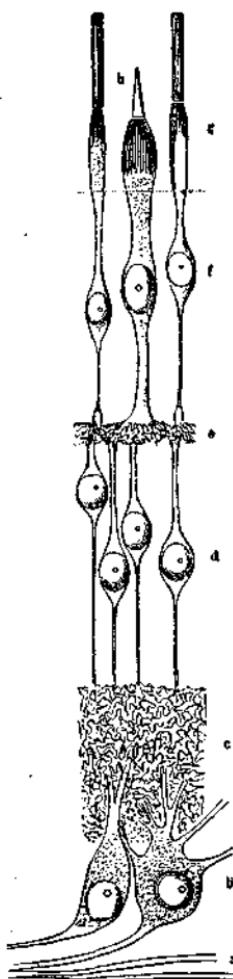

Фиг. 9. Зрительный аппаратъ въ разрѣзѣ.

Фиг. 10. Горизонтальный разрѣзъ человѣческаго глаза. у — скlera; В — роговая оболочка; А — хрусталикъ; г — стекловидное тѣло; г — сосудистая оболочка; и — радужная оболочка; и — сѣтчатка; д — зрачокъ; а — зрительный нервъ.

ли изъ него большія или меньшія количества сірата. Внутренность глаза заполнена водянистой жидкостью, хрусталикомъ и стекловиднымъ тѣломъ; вѣт эти элементы представляютъ собою свѣтопреломляющія массы. За стекловиднымъ тѣломъ тянется сірчатая оболочка, которая состоить изъ

Фиг. 11.

Слон сътчатой ободочни

- а) слой первых волокон;
б) слой первых клеток;
в) межзернистый слой;
г) внутренний зернистый слой
д) межзернистый слой;
е) наружн. зернистый слой;
ж) наружн. пограничная перепонка с бугорками;
и) слой палочек и колбочек.

(Сильно увелич.)

иъ тинется слѣдующая оболочка, которая состоить изъ нѣсколькихъ слоевъ нервной ткани; она имѣть громадное значеніе для зрительного воспріятія (см. фиг. 11). Приблизительно въ срединѣ ея находится такъ называемое желтое пятно (*fovea centralis*), являющеся *мѣстомъ наиболѣе яснаго зрѣнія*. Отъ сѣтчатой оболочки отходять проводящія волокна, соединяющіяся въ зрительный нервъ и передающія черезъ стѣнку склеры возбужденіе центральному органу. Мѣсто выступленія зрительного нерва состоить только изъ волоконъ и почему не чувствительно къ свѣтовымъ лучамъ. Поэтому его называютъ слѣпымъ пятномъ.

Къ зрительному аппарату относятся, конечно, тѣ части мозга, въ которыхъ возникаетъ возбужденіе, обусловленное свѣтовыми раздраженіями. Такими частями являются: зрительные бугры, четырехолміе и извѣстныя части мозговой коры. Герингъ объединяетъ всѣ нервные элементы, возбуждаемые при зрительномъ ощущеніи, подъ общимъ именемъ «зрительная субстанція». Процессъ возбужденія заключается, по всей вѣроятности, въ химическихъ измѣненіяхъ зрительной субстанціи.

Мы различаемъ зрительные ощущенія, какъ и вѣдь другія ощущенія, по качеству, интенсивности и чувственному тону. Качествами зрительного ощущенія являются *свѣтъ* и *цвѣтъ*. Въ безцвѣтномъ свѣтовомъ ощущеніи намъ извѣстны различія лишь въ силѣ свѣта, носящія характеръ постепенности. Различные ступени силы свѣта обозначаются у насъ опредѣленными словами — свѣтлый, темный и т. п. При этомъ нельзя не отмѣтить того факта, что полный мракъ долженъ быть тоже рассматриваемъ, какъ положительное ощущеніе, а не какъ отсутствіе свѣтового ощущенія.

Цветовые ощущения распадаются на две группы. Белый и черный цвета съ расположеными между ними переходными оттенками съраго цвета мы называем *нейтральными цветами*. Такъ какъ тутъ переходы движутся лишь въ одномъ направлениі, то мы можемъ символически изобразить нейтральные цвета въ видѣ прямой линіи, конечныя точки которой представляютъ белый и черный цвета. Тогда расположенная между этими двумя конечными точками линія будетъ содержать всѣ возможные оттенки съраго цвета.

Вторую группу составляют *пестрые цветы*.

Если мы пропустимъ солнечный свѣтъ сквозь призму и поставимъ на пути разложившемуся такимъ образомъ свѣту экранъ или стѣну, то мы получимъ такъ называемый *спектръ*, состоящій изъ цѣлой радуги цветовъ, идущихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: красный, оран-

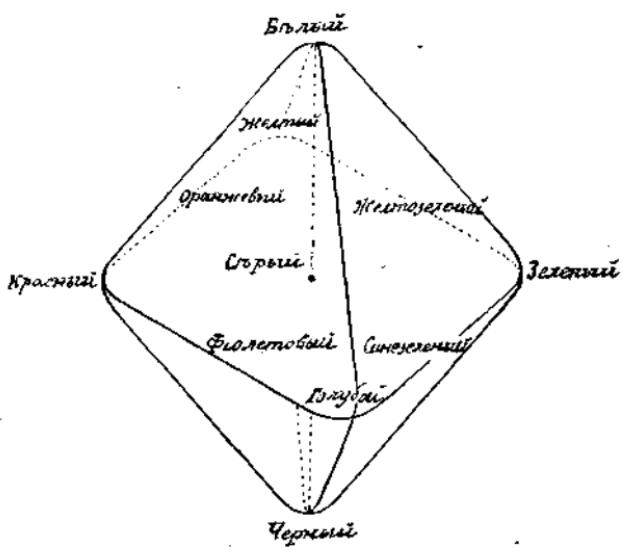
жевый, желтый, зеленый, голубой, фиолетовый. Эти цвета спектра переходят постепенно друг в друга: красный переходит через оранжевый в желтый цвет, желтый — в зеленый, зеленый — в синий, а синий через фиолетовый снова приближается к красному цвету. Для символического изображения пестрых цветов мы обыкновенно пользуемся кругом, поверхность которого изображает цвета с их переходами. Если мы внизу поместим красный цвет и затем будем наносить справа налево постепенно цвета спектра, то у фиолетового цвета мы опять вернемся к красному, но между красным и фиолетовым остается промежуток, и если мы этот промежуток заполним пурпуровым цветом, составляющим смесь красного и фиолетового цветов, то круг будет замкнут (см. фиг. 12). Среди цветов спектра надо отмечать четыре основных главных цвета, а именно, красный и зеленый, желтый и голубой. Эти цвета обозначаются в спектре поворотные пункты в постепенных переходах цветов друг в друга. Оранжевый цвет напоминает нам как красный, так и желтый цвет; фиолетовый напоминает нам одинаково голубой и красный цвета. Напротив, несть такого цветового оттенка, который бы одновременно напоминал красный и зеленый или желтый и голубой цвета.

Въ пестрых цветах, важнейшими представителями которых являются цвета спектра, мы различаем:

- Цветовой тонъ,** т. е. тотъ признакъ, благодаря которому четыре основных цвета отличаются другъ отъ друга.
- Интенсивность или силу,** и
- Степень насыщенія,** т. е. большее или меньшее отклонение каждого цвета отъ благо или сбраго цвета. Такимъ образомъ, мы говоримъ: цветъ отличается желтоватымъ тономъ, онъ интенсивенъ и довольно насыщенъ. Красный цветъ одного и того же тона можетъ быть больше или меньше интенсивенъ, больше или меньше насыщенъ. Для того, чтобы получить ясное изображеніе всѣхъ возможныхъ оттенковъ цветовъ по тону, интенсивности и степени

Фиг. 12.

Фиг. 13.

насыщений можно устроить такъ называемый цветовой октаэдръ (см. фиг. 13).

Ось этого октаэдра будеть изображать бѣлый и черный цвета съ расположеннымми между ними оттѣнками сѣраго цвета. Подъ угломъ къ этой оси расположены четырехугольникъ, углы которого изображаютъ главные цвета и при томъ такъ, что желтый цветъ расположень ближе всего къ бѣлому, а синий цветъ ближе всего къ черному. Тогда на относящихъ къ отдельнымъ цветовымъ тонамъ плоскостяхъ расположатся всѣ цвета того же тона, но различной интенсивности, между тѣмъ какъ внутри октаэдра будуть содержаться цвета различныхъ степеней насыщенія.

Только средняя часть сѣтчатой оболочки чувствительна ко всѣмъ цветамъ спектра или, выражаясь болѣе научно, возбудима цветовыми лучами всякой длины волнъ. Лучи, падающіе на эту часть, видны глазомъ *прямо*, лучи падающіе на боковыя части, видны глазомъ *непрямо*. Край сѣтчатой оболочки не чувствителенъ къ пестрымъ цветамъ и различаетъ лишь бѣлый и черный цвета и оттѣнки сѣраго цвета.

Между средней частью и краемъ оболочки находится полоса, различающая лишь желтый и голубой цвета, но не зеленый и красный. Такимъ образомъ, при непрямомъ зрѣніи спектръ или кажется цѣликомъ сѣрымъ съ различными степенями силы этого цвета, или распадается на двѣ части. Мѣсто зеленаго цвета кажется безцвѣтнымъ, цветлый конецъ кажется желтымъ, темный—голубымъ; при этомъ интенсивность каждого цвета различна. Такія же явленія наблюдаются при такъ называемой *слѣпотѣ на цвета*. Приблизительно 2% людей видятъ всей сѣтчатой оболочкой такъ, какъ люди съ нормальнымъ зрѣніемъ видятъ при непрямомъ зрѣніи. Люди, отличающіеся цветовой слѣпотой (дальтонизмомъ), не различаютъ красного и зеленаго цветовъ. Эти цвета напоминаютъ имъ сѣрий цветъ различной силы. Бываютъ также случаи полной *цвѣтовой слѣпоты*. Люди съ такимъ недостаткомъ видятъ такой же спектръ, какой мы видимъ, когда лучи падаютъ на вѣнчаний край сѣтчатой оболочки.

Смѣшеніе цветовъ. Дополнительные цвета. Если вы приведете кругъ съ нарисованными на немъ цветами спектра въ быстрое вращеніе, то цветной кругъ покажется вамъ сѣрымъ. То же самое получится, если вы нанесете на кругъ не всѣ, а лишь два цвета, расположенные въ цветовомъ кругѣ другъ противъ друга. Такія пары цветовъ, которыхъ бы дополняли другъ друга до бѣлого цвета, мы называемъ *дополнительными цветами*.

Дополнительными цветами являются красный и сине-зеленый, оранжевый и голубой, зеленый и пурпуровый. Смѣшеніе всѣхъ цветовъ спектра, а также двухъ дополнительныхъ цветовъ даетъ бѣлый или сѣрий цветъ въ зависимости отъ степени чистоты употребленныхъ цветовъ. Кроме этого крайне важного закона смѣшенія, есть еще и другие законы, на изложеніи которыхъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко.

Явленія контраста. Послѣдовательные образы. Если мы положимъ полоски сѣрой бумаги на подкладки различныхъ цветовъ, то цветъ полосокъ бумаги будетъ отличаться различною силой. Полоски, лежащія на темной подкладкѣ, покажутся намъ болѣе цветными, на самой цветлой покажется полоска, лежащая на черной подкладкѣ. На красной подкладкѣ полоски часто принимаютъ зеленоватый оттѣнокъ, а на синей желтоватый оттѣнокъ. Сила сѣрата и цветовой тонъ предмета, какъ показываетъ этотъ опытъ, находится подъ сильнымъ влияніемъ окружающей среды (одновременный контрастъ). Сильная цветовая впечатлѣнія оставляютъ послѣ себя *послѣдовательные образы*, выступающіе послѣ того, какъ цветовое раздраженіе

перестает действовать. Мы называемъ последовательные образы *положительными*, если они отличаются тѣмъ же цветомъ, какимъ отличалось первоначальное впечатліе; мы называемъ ихъ *отрицательными*, если они выступаютъ въ дополнительномъ цветѣ. Если вы будете въкоторое время смотрѣть на красный свѣтъ и затѣмъ перенесете быстро свой взоръ на бѣлую стѣну, то на ней появится зеленое пятно. По большей части, последовательный образъ похожъ по своей формѣ и величинѣ на первоначальное раздраженіе. Это явленіе, которое можетъ быть многообразно измѣнено, носить название *последовательного контраста*.

Мы не можемъ не остановиться хоть вкратцѣ на *теоріяхъ цветовыхъ ощущеній*. Разнообразіе цветовыхъ ощущеній и поразительныя явленія, сопровождающія эти ощущенія, прямо-таки требуютъ созданія цѣлой теоріи для объясненія ихъ. Мы остановимся вкратцѣ на двухъ такихъ теоріяхъ. Согласно теоріи *Юнга-Гельмгольца* (установленной англійскимъ физикомъ Юнгомъ и развитой Гельмгольцемъ) въ цветчатой оболочкѣ находятся три различныхъ нервныхъ элемента. Каждый изъ этихъ элементовъ можетъ быть возбуждаемъ лишь определенными лучами. Имѣются элементы, ощущающіе красный цветъ, элементы, ощущающіе зеленый цветъ, и элементы, ощущающіе фиолетовый цветъ. Солнечный свѣтъ возбуждаетъ всѣ три группы элементовъ, и въ результатѣ ихъ совмѣстнаго дѣйствія получается ощущеніе безцвѣтнаго свѣта. Если возбужденіе касается только одной группы, то возникаютъ соответствующія ей ощущенія краснаго, зеленаго и фиолетового цветовъ. Раздраженіе красныхъ и зеленыхъ элементовъ создаетъ желтый цветъ различныхъ оттенковъ. Раздраженіе зеленыхъ и фиолетовыхъ элементовъ создаетъ оттенки синяго-цвѣта, раздраженіе красныхъ и фиолетовыхъ—пурпуровое ощущеніе. Для объясненія явленій контраста эта теорія вынуждена допустить обманы сужденія. Да и для объясненія явленій цветовой слѣпоты ей приходится прибѣгать къ различнымъ вспомогательнымъ гипотезамъ. Поэтому то эта теорія, занимавшая прежде господствовавшее положеніе, потеряла въ настоящее время большую часть своихъ сторонниковъ.

Куда болѣе проста теорія *Геринга*. Герингъ допускаетъ существование *четырехъ основныхъ цветовъ*: чернаго, бѣлаго, краснаго, зеленаго, желтаго, синяго. Эти цвета распадаются на три пары; каждая пара представляетъ собой что-то родственное, сплоченное. Свѣтовый и цветовой ощущенія обусловлены химическими процессами, происходящими въ зрительной субстанціи, а именно диссимиляціей (Д) и ассимиляціей (А). Цветовые ощущенія возникаютъ, по его мнѣнию, въ результатѣ *трехъ основныхъ процессовъ*: черно-бѣлаго, красно-зеленаго и желто-синяго процессовъ. Эти противорѣчивые цвета создаются или явленіями диссимиляціи, или явленіями ассимиляціи. Изъ всѣхъ трехъ субстанцій въ наибольшемъ количествѣ представлена черно-бѣлая субстанція, приходящая въ возбужденіе отъ всякихъ лучей. Диссимиляція соотвѣтствуетъ бѣлый цветъ, ассимиляціи — черный цветъ; а различными фазисами этихъ процессовъ соотвѣтствуютъ расположенные между ними оттенки сѣраго цвета. Точно также свѣтлые цвета — красный и желтый — соотвѣтствуютъ диссимиляціи, а темные — зеленый и голубой — ассимиляціи. Явленія контраста объясняются тутъ просто антагонистическимъ (противоподобнымъ) характеромъ процессовъ, постоянно оказывающихъ влияніе другъ на друга. Дополнительные последовательные образы должны быть приведены просто къ ассимиляціи, сдѣдующей за диссимиляціей, или наоборотъ. Особенно простое и убѣдительное объясненіе дается тутъ явленіемъ цветовой слѣпоты. Людямъ, не видящимъ красныхъ и зеленыхъ цветовъ, недостаетъ красно-зеленой субстанціи. У людей, отличающихся полной цветовой слѣпотой, недостаетъ

также и ясно-зеленой субстанции. Все чаше и чаше для объяснения цветовыхъ ощущений примѣняется теорія Геринга, которая въ своихъ деталяхъ способна къ дальнѣйшему развитию.

§ 20. Зрѣніе.

Воспріятіе предметовъ.

Въ первые дни жизни дѣти воспринимаютъ свѣтъ и цвѣтъ лишь, какъ особая разновидности чувствъ удовольствія и недовольства, и не воспринимаютъ освѣщеныхъ и окрашенныхъ предметовъ, какъ таковыхъ. Лишь позже ребенокъ научается относить свѣтовыя и цвѣтовыя ощущенія къ предметамъ окружающей его среды и начинаетъ *воспринимать предметы*. Въ развитомъ сознаніи свѣтовыя и цвѣтовыя ощущенія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, встрѣчаются лишь, какъ элементы такихъ воспріятій. Воспріятіе предметовъ образуется въ результатѣ объединенного выступленія комплексовъ свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ ощущений, связанныхъ съ *ощущеніями движения*. Этотъ процессъ находится въ связи съ определенными психическими и физиологическими условіями.

Важнейшимъ *физиологическимъ* условіемъ воспріятія предмета является *изображеніе, получаемое на сѣтчатой оболочки*. Отъ отдельныхъ точекъ предмета исходятъ лучи, которые проходятъ черезъ части глаза, преломляющія свѣтъ, и создаются на сѣтчатой оболочки обратное изображеніе предмета. Изображенія, получающіяся на сѣтчатой оболочки можно наблюдать у только что убитыхъ животныхъ, а при извѣстныхъ условіяхъ, и въ человѣческомъ глазу. Изображенія будутъ отличаться полной ясностью только на желтомъ пятнѣ, т. е. только въ результата прямого зрѣнія. На боковыхъ частяхъ сѣтчатой оболочки, т. е. при непрямомъ зрѣніи, изображеніе отличается расплывчатостью.

Вы можете спросить, почему мы видимъ предметы, какъ слѣдуетъ, въ то время какъ на сѣтчатой оболочки получается обратное изображеніе. Такъ вопросъ поставленъ неправильно. Вѣдь изображеніе, получающееся на сѣтчатой оболочкѣ, является только *однимъ* изъ физиологическихъ условій для образования воспріятія. Для того, чтобы воспріятіе стало совершившимся фактомъ, должны произойти еще особая явленія въ центральномъ органѣ. Если соответствующія части мозга по какимъ-либо причинамъ не функционируютъ, то при совершенно нормальномъ изображеніи предмета на сѣтчатой оболочкѣ, мы все же его не увидимъ: мы будемъ слѣпы. О природѣ же тѣхъ центральныхъ процессовъ, подъ влияниемъ которыхъ воспріятіе становится совершившимся фактомъ, мы въ общемъ еще и въ настоящее время ничего не знаемъ. Къ тому же нельзѧ не отмѣтить того, что мы видимъ не изображеніе, получающееся на нашей сѣтчатой оболочкѣ, а предметъ. Обратное изображеніе предмета на сѣтчатой оболочкѣ представляетъ собою фактъ геометрической оптики, никакъ не противорѣчащей законамъ оптики; но этотъ фактъ не составляетъ *психологической проблемы*.

Если бы нашъ глазъ былъ неподвиженъ, то мы могли бы видѣть прямо лишь незначительную часть окружающей насъ природы. Ясную картину вѣтшаго міра мы получаемъ лишь благодаря движеніямъ глаза.

Прежде всего мы должны тутъ указать на *приспособляемость* глаза къ разстояніямъ (аккомодацио). Дѣло въ томъ, что мускуль сосудистой оболочки вызываетъ своимъ сокращеніемъ измѣненія въ радиусѣ кривизны хрусталика. Благодаря этому глазъ приспособляется къ различнымъ разстояніямъ и можетъ до извѣстныхъ предѣловъ ясно видѣть болѣе или менѣе близкіе или болѣе или менѣе отдаленные предметы.

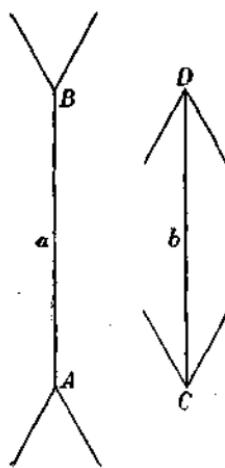
Но для зрительных восприятий большую роль играют движение всего глаза, производимая тремя парами мускуловъ. Эти мускулы позволяют глазу двигаться вверхъ и внизъ, къ носу и къ вискамъ. Та точка предмета, отъ которой лучи падаютъ на желтое пятно, называется *точкой зрѣнія*. Пока глазъ поконится, точка зрѣнія можетъ меняться лишь въ томъ случаѣ, если самъ предметъ передвигается. Но движение глаза даетъ возможность всѣмъ или почти всѣмъ точкамъ предмета стать поочередно точками зрѣнія. Движение глазъ, совершающееся нами для того, чтобы видѣть предметъ прямо, называется *фиксацией*. *Фиксировать* предметъ—значить, следовательно, направить глазъ такъ, чтобы исходящіе отъ предмета лучи попадали на место наиболѣе ясного зрѣнія.

Такимъ образомъ, всѣ части предмета постепенно подвергаются прямому зрителю. При этомъ съ ощущеніями сѣтчатой оболочки соединяются возникающія при движении глазъ мускульные ощущенія. Объединеніе и комбинированіе этихъ ощущеній нашимъ сознаніемъ даетъ нашему полю зрѣнія его опредѣленную форму и даетъ намъ возможность познавать величину, форму, удаленность предметовъ. Съ помощью этого мы также узнаемъ, находится ли предметъ въ покое или движении.

Форма поля зрителю. Первая изъ трехъ вышенназванныхъ паръ мышцъ, а именно прямая внутренняя и внешняя глазная мышцы (*Rectus internus* и *Rectus externus*), приводятъ глазъ, а вмѣстѣ съ нимъ и точку зрителю, въ горизонтальное движение, параллельное къ прямой, проведенной черезъ центры обоихъ глазъ. Комбинированная дѣятельность обѣихъ другихъ паръ мышцъ (*Rectus superior* и *Rectus inferior*, *Obliquus superior* и *Obliquus inferior*) приводитъ въ движение глазъ по направленію къ верху и низу, но не въ прямомъ направленіи, а по круговой дугѣ. Если глазъ приспособленъ къ разматриванию вещей на очень большомъ разстояніи, то незадерживаема никакими препятствіями точка зрителю описываетъ круговыя дуги, которая при обращеніи головы во всевозможныхъ направленіяхъ превращаются въ круги. Слѣдовательно, если мы, стоя на болѣе или менѣе возвышенномъ месте, дадимъ нашему взору просторъ, то наше поле зрителю приобрѣтаетъ форму внутренней поверхности шара, центромъ которого являемся мы сами. Если мы стоимъ на плоской поверхности, на землѣ, то мы, конечно, видимъ только верхнюю половину этой шаровой поверхности. Обращая наше вниманіе постепенно на различныя точки горизонта, мы этимъ самымъ измѣряемъ поле зрителю при помощи радиусовъ, которые мы мысленно проводимъ отъ себя къ этимъ точкамъ. Такимъ путемъ мы получаемъ представление о поверхности съ двумя измѣрѣніями. Измѣрение поля зрителю въ вѣсъ совершается, соответственно вышесказанному, путемъ передвиженій точки зрителю, обусловленныхъ движениемъ глазныхъ мышцъ. Эти движения сопровождаются, само собою понятно, мускульными ощущеніями и въ значительной степени содѣствуютъ образованію представлѣнія о пространствѣ съ тремя измѣрѣніями.

Восприятія величины. Для сужденія о величинѣ какого-нибудь предмета прежде всего имѣть решающее значение изображеніе, получающееся на сѣтчатой оболочки. Если мы мысленно проведемъ отъ точекъ изображений, полученного на сѣтчатой оболочки, къ соответствующимъ точкамъ предмета линіи, то эти пересекающіеся въ центрѣ зрачка линіи составляютъ углы, который называется *угломъ зрителю*. Этотъ уголъ зрителю является, въ общемъ, мѣрой, служащей для сужденія о величинѣ предмета. Предметы, которые мы видимъ подъ однимъ угломъ зрителю, кажутся намъ, въ общемъ, одинаково большими. Болѣе удаленный изъ двухъ предметовъ одинаковыхъ размѣровъ кажется намъ менѣшимъ, такъ какъ мы видимъ

сто подъ меньшимъ угломъ зреія. Но уголъ зреія является не единственнымъ масштабомъ для определенія величины предмета. Прежде всего, если мы видимъ два предмета подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зреія, то *болѣе отдаленный предметъ* кажется намъ *большимъ*, такъ какъ мы знаемъ изъ прежніаго опыта, что болѣе отдаленные предметы кажутся намъ меньшими, чѣмъ это имѣеть мѣсто въ дѣйствительности. Кромѣ того, тѣ части предмета, изображеніе которыхъ размѣщается на боковыхъ частяхъ сѣтчатой оболочки, отличаются очень незначительною ясностью, такъ что и тутъ на помощь къ намъ приходять движенія глазъ. Мы получаемъ куда болѣе ясное представлѣніе о величинѣ предмета, если нашъ взоръ скользнетъ по нему цѣликомъ. Необходимыя для этого движенія сопровождаются мускульными ощущеніями, которые сливаются съ ощущеніями сѣтчатой оболочки въ одно цѣлое. Зависимость нашихъ опредѣленій величины отъ движеній глазъ и отъ обусловливаемыхъ ими мускульныхъ ощущеній можетъ быть иллюстрирована многими данными повседневной жизни. Такъ, напримѣръ, если мы хотимъ провести прямую линію

Фиг. 14.

такимъ образомъ, чтобы она была равна по своей длине другой данной линіи, то это удается намъ со значительно большей легкостью, если обѣ прямые идуть въ одномъ и томъ же направлении. Куда труднѣе уже провести какую-нибудь вертикальную линію, равную данной горизонтальной линіи.

Очень многое самообманы въ дѣлѣ определенія величины и направлѣнія объясняются зависимостью воспріятія величины и формы отъ мускульныхъ ощущеній. Одинъ изъ самыхъ простыхъ случаевъ такого самообмана изображенъ на фиг. 14. Линіи AB и CD одинаково длинны, тѣмъ не менѣе, первая кажется болѣе длинной, чѣмъ вторая. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе расходящагося вверхъ угла мы очень легко слѣдимъ за папра вленіемъ первой линіи уже за предѣлы B. На линіи же CD наше движеніе задерживается вслѣдствіе того, что стороны угла направлены внутрь.

Воспріятіе формъ. Для воспріятія формы изобра-

женіе, получающееся на сѣтчатой оболочкѣ, тоже составляетъ основу: взаимное расположение точекъ изображенія соответствуетъ взаимному расположению точекъ предмета. Но точнымъ и яснымъ наше воспріятіе становится лишь тогда, когда мы даемъ взору скользнуть по отдельнымъ линіямъ предмета. Такимъ образомъ, воспріятіе формы тоже покояится на комбинаціи ощущеній сѣтчатой оболочки и ощущеній движенія. Мы знаемъ, что двѣ фигуры, расположенные различно, равны только послѣ продолжительного разсмотрѣнія ихъ, только послѣ того, какъ мы убѣдились при помощи неоднократныхъ движений глазъ въ равенствѣ ограничивающихъ данную фигуру линій и въ равенствѣ образованныхъ ими угловъ.

Мускульные ощущенія, возникающія при разматриваніи формы предметъ, являются также источникомъ различныхъ элементарныхъ эстетическихъ чувствъ. Геометрический орнаментъ нравится мнѣ, если я могу легко его воспринять, т. е. если для того, чтобы прослѣдить за ходомъ его предѣльныхъ линій, мнѣ надо производить не особенно сильныя движения глазъ и при томъ съ небольшимъ напряженіемъ. Если же какая-нибудь фигура требуетъ отъ меня необычныхъ комбинацій въ движеніи глазъ, то она действуетъ на меня съ эстетической точки зреія непріятно, такъ какъ мускульные ощущенія слишкомъ сильны, и, для того, чтобы

услыть за формой, мы приходится неоднократно напрягаться. Носят это некоторого промежутка времени, когда я успеть немножко лучше научиться данным движением и могу однажды взглянуть форму,—тогда эстетическое недовольство, по большей части, исчезает. Углубления въ колоннахъ, идущія параллельно ихъ длины, действуютъ обыкновенно приятно на глазъ, такъ какъ они заставляютъ нашъ глазъ повторить движение къ которому онъ уже привыкъ для данной колонны. Если же въ колоннѣ проведены попечерные углубленія, то вызванная этимъ задержка въ стремлении глаза вверхъ испытывается нами съ недовольствомъ, и только послѣ болѣе или менѣе продолжительного созерцанія мы привыкаемъ къ нимъ. Симметрія действуетъ на насъ приятно, такъ какъ глаза совершаютъ при этомъ одинаковый движения, а асимметрія не нравится намъ. При этомъ мы должны однако замѣтить, что для того, чтобы произвести эстетическое дѣйствие, симметрія должна обнаруживать извѣстное богатство формъ. Къ пустому кругу мы отнесемся съ эстетической точки зрѣнія совершенно равнодушно; если же въ немъ проведены радиусы, и эти радиусы заключены въ симметрическія круговые дуги, то симметрія уже достаточно богата и можетъ оказать на насъ эстетическое дѣйствие. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что орнаменты часто устраиваются въ формѣ звѣзда.

Восприятие движущихся предметовъ. Разматривая движущіяся предметы, мы, обыкновенно, слѣдимъ за ними своимъ взоромъ. Всѣдѣствіе этого движущимися кажется намъ также предметы, для фиксации которыхъ мы должны постоянно двигать своимъ глазомъ. Мускульные ощущенія даютъ намъ свѣдѣнія о направленіи и скорости движений. Этимъ объясняются нѣкоторые обманы чувствъ. Если мы сидимъ въ быстрѣ мчащемся поѣздѣ, то вмѣстѣ съ нашимъ тѣломъ приводятся въ движение и наши глаза, причемъ объ этомъ движеніи намъ ничего не говорять никакія мускульные ощущенія. Когда же мы хотимъ сосредоточить свой взоръ хотя бы на встрѣчномъ телеграфномъ столбѣ, то намъ приходится слѣдить за нимъ своимъ взоромъ, т. е. мы должны совершать движения, подобныя тѣмъ, которыя мы обыкновенно совершаємъ по отношенію къ предметамъ, движущимися въ направленіи, противоположномъ направленію хода поѣзда. Поэтому намъ кажется, что телеграфный столбъ движется. Точно такъ же если мы, долго покружившись въ комнатѣ, въ утомлѣніи опустимся на стулья, то намъ покажется, что стѣны комнаты кружатся въ противоположномъ направленіи.

Восприятие разстоянія. Для определенія относительного разстоянія предметовъ отъ нашего глаза намъ служитъ *приспособленіе* глаза. Но при способленіе глаза показываетъ намъ только, какой изъ двухъ видимыхъ предметовъ находится ближе или дальше отъ насъ. Когда мы имѣемъ дѣло съ большими разстояніями, то и это сужденіе становится ненадежнымъ. Въ дѣлѣ оцѣнки абсолютного разстоянія какого-нибудь предмета отъ нашего глаза рѣшающую роль отчасти играютъ опять-таки движения глазъ, а отчасти нашъ опытъ. Разстояніе, отдѣляющее насъ отъ какого-нибудь предмета, мы нерѣдко опредѣляемъ по тому количеству труда, которое мы должны были бы затратить для того, чтобы подойти къ предмету. Иногда мы принимаемъ въ соображеніе также *кажущуюся* величину видимыхъ предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, зная дѣйствительную величину данного предмета, мы при определеніи разстоянія получаемъ тѣмъ большую величину, чѣмъ менѣе кажется намъ предметъ. Определеніе болѣе или менѣе надежно только для сравнительно небольшихъ разстояній. Лишь только намъ приходится имѣть дѣло съ большими разстояніями, какъ и при развитомъ сознаніи это определеніе начинаетъ страдать неточностью. О томъ, какую роль въ дѣлѣ определенія разстоянія играетъ опытъ, можно судить

но тому, что дѣти иногда протягивают ручки къ лунѣ, а также по тому, что подвергнутые операциіи слѣпорожденные думаютъ въ первыи часы послѣ операциіи, будто всѣ ясно видимы предметы находятся очень близко отъ нихъ.

Чувство зрѣнія намъ не только показываетъ относительное разстояніе предметовъ другъ отъ друга и отъ насть; сверхъ того части предметовъ никакимъ образомъ не представляются нашему зрѣнію приложенными другъ къ другу въ формѣ плоскостей. Нѣть, мы видимъ эти предметы въ видѣ тѣль, мы воспринимаемъ ихъ глубину. Но воспринимать глубину, воспринимать третье измѣреніе мы умѣемъ только послѣ нѣкотораго упражненія, хотя мы и не замѣчаемъ того, какъ мы научаемся этому. Подвергшися операциіи слѣпорожденные неоднократно считали шаръ кругомъ, кубъ—квадратомъ. Только путемъ нашупыванія предметовъ они убѣждались въ томъ, что эти предметы являются тѣлами. Зрѣнію же предметы представлялись въ формѣ плоскостей.

Воспріятіе глубины представляетъ собою важнѣйшее дѣйствіе бинокулярнаго зрѣнія (зрѣнія обоими глазами). Мы относимъ, правда, зрительныя воспріятія обоихъ глазъ обыкновенно къ одному предмету, и когда у человѣка предметы двоятся, то мы видимъ въ этомъ симптомѣ патологическаго состоянія его. Но изображенія одного и того же предмета, получаемыя на сѣтчатой оболочкѣ, не одинаковы въ обоихъ глазахъ. Путемъ комбинированія этихъ различныхъ изображеній мы достигаемъ того, что видимъ тѣла. На этомъ фактѣ основано устройство одного оптическаго инструмента, а именно *стереоскопа*. Благодаря стереоскопу, мы можемъ два рисунка, сдѣланнныя съ одного и того же предмета на плоскости, скомбинировать такъ, что они превращаются въ картину съ тремя измѣреніями.

Тотъ фактъ, что мы видимъ въ трехъ измѣреніяхъ, обусловленъ, впрочемъ, также въ значительной степени совмѣстнымъ дѣйствіемъ зрительныхъ и осязательныхъ воспріятій. Какъ мы уже выше упомянули, познаніе твердости, непроницаемости тѣль поконится на воспріятіи сопротивленія, оказываемаго тѣломъ нашей попыткѣ сдавить его. Въ первый періодъ жизни для ребенка поводомъ къ выполнению движений хватанія служатъ свѣтовыя и цвѣтовыя ощущенія. Когда затѣмъ предметъ попадаетъ въ руки къ ребенку, то чувство осязанія подтверждаетъ предположеніе, сдѣланное подъ вліяніемъ зрительного впечатлѣнія. При повтореніи данного зрительного впечатлѣнія вновь возникаютъ прежнія осязательныя воспріятія, въ качествѣ образовъ воспоминанія, и усиливаютъ впечатлѣніе тѣлесности предметовъ. Эти осязательныя воспоминанія сливаются затѣмъ со зрительными впечатлѣніями, такъ что часто намъ кажется, что мы видимъ данную вещь, между тѣмъ какъ мы знаемъ ее только благодаря прежде пережитымъ осязательнымъ воспріятіямъ.

Во всякомъ случаѣ, зрительныя и осязательныя воспріятія, которыя содержать въ себѣ въ качествѣ элементовъ разнообразныя ощущенія движений, дѣйствуютъ вмѣстѣ. Изъ ихъ совмѣстной дѣятельности создается постепенно наше представленіе о тѣлесномъ мірѣ, расположенному въ пространствѣ трехъ измѣреній. Инстинктъ самосохраненія понуждаетъ насть все ближе знакомиться съ этимъ міромъ, отъ строенія котораго вѣдь очень и очень зависить наше благо и наши страданія.

§ 21. Слухъ.

При посредствѣ чувства слуха мы ощущаемъ или звуки, или шумы. Выразить словами разницу между этими объемами группами ощущений трудно, но каждый изъ нихъ заслуживаетъ изъ повседневнаго опыта, въ чёмъ заклю-

частся различія между ими. Относительно обѣихъ этихъ группъ мы можемъ сказать, что звуки разматриваются скорѣе, какъ внутреннія состоянія, какъ психическія явленія, что они несуть не пространственный, а временный характеръ, и что они способны вызывать въ настъ сильныя чувства. Шумы, напротивъ, не разматриваются, какъ самостоятельная ощущенія, а относятся нами вслѣдствіе ассоціацій (о которыхъ мы будемъ говорить ниже) къ прежнимъ зрительнымъ и осязательнымъ восприятіямъ; такимъ образомъ, мы разматриваемъ ихъ, какъ знаки событий, протекающихъ въ пространствѣ. Поэтому специфическія свойства чувства слуха проявляются куда сильнѣе въ звукахъ, чѣмъ въ шумахъ, между тѣмъ какъ для сохраненія жизни и для общаго развитія сознанія шумы имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ звуки.

Физическими раздраженіями для всѣхъ слуховыхъ ощущеній служатъ колебанія вѣшнихъ тѣлъ, колебанія, приносимыя уху по воздуху. Во внутреннемъ ухѣ эти колебанія превращаются въ физіологическія раздраженія, которыя, будучи проведены соотвѣтствующими нервами къ центральному органу, вызываютъ слуховыя ощущенія.

Анатомія и физіология слухового аппарата (см. фиг. 15). Наружное ухо состоитъ изъ ушной раковины и слухового прохода, который заканчивается барабанной перепонкой, представляющей собою косо расположенную мембрану, толщиной приблизительно въ 1 миллиметръ. Барабанная перепонка приходитъ подъ влияніемъ доходящихъ до нея колебаній воздуха сама въ колебательное движеніе и передаетъ его дальше находящимся въ барабанной полости **слуховымъ косточкамъ** (молоточку, наковальни, стремени). Стремя производить давленіе на овальное окно и приводить этимъ въ движение жидкость лабиринта. **Лабиринтъ** представляетъ собою костное образованіе, внутри которого находятся два **перепончатыхъ мѣшечка** и много каналовъ и полостей. Всѣ они заполнены жидкостью и объединяются подъ общимъ названіемъ **перепончатаго лабиринта** (см. фиг. 16). Одинъ изъ мѣшечковъ соединяетъ съ такъ называемымъ **перепончатымъ улитковымъ каналомъ**, расположеннымъ въ улиткѣ и являющимся однимъ изъ наиболѣе важныхъ для слухового процесса органовъ. Надъ нижней или основной перепонкой перепончатаго улитковаго канала расположена система клѣтокъ, известная подъ названіемъ **«Кортіева органа»**. Мы не станемъ тутъ описывать крайне сложнаго строенія этого органа, нахо-

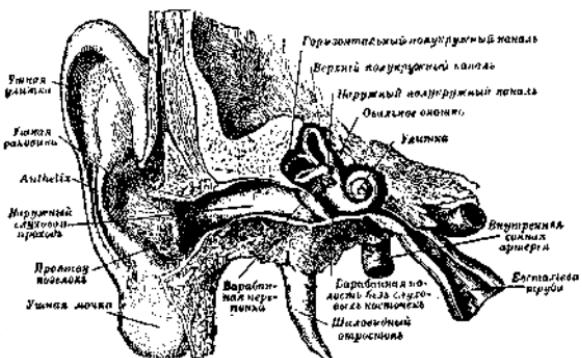

Рис. 15. Разрѣзъ черезъ органъ слуха человѣка.
(По Ранке).

Фиг. 16. Схема перепончатаго лабиринта; e — эпилитический, f — круглый мѣшечекъ; a, b — перепончатые дуговые ходы; h, i — перепончатая улитка; k — улитковый первъ; n — нервъ преддверія.

дится въ улиткѣ и являющимся однимъ изъ наиболѣе важныхъ для слухового процесса органовъ. Надъ нижней или основной перепонкой перепончатаго улитковаго канала расположена система клѣтокъ, известная подъ названіемъ **«Кортіева органа»**. Мы не станемъ тутъ описывать крайне сложнаго строенія этого органа, нахо-

дланатою съ склонами слухового нерва. Основная переноска сама состоитъ изъ большого числа волоконецъ. Но общеизвестной теоріи Гольгтона, эти волоконца настроены на различные тона, и если раздается соответствующий тонъ, то они приходятся въ колебательное движение. Этимъ колебаниемъ данныхъ волоконецъ ученые объясняютъ нашу способность различать высоту тоновъ и отмѣтить обертоны (верхние тоны). Второй есть вышеназванныхъ мѣшечковъ, а именно эллиптическій мѣшечекъ, носить три дугообразныхъ канала, выступающихъ изъ мѣшечка съ бокаловидными утолщеніями, ампулами. Эти дугообразные каналы имѣютъ опредѣленное отношеніе къ положеніямъ и движеніямъ головы и, по всей вѣроятности, играютъ также извѣстную роль при нарушеніяхъ въ равновѣсіи тѣла, выражавшихся въ головокруженіяхъ.

Такимъ образомъ, ухо, какъ кажется, исполняетъ двѣ совершенно различные функции. Этому факту соответствуетъ наличность въ ухѣ двухъ нервовъ. Нервъ улитки (*nervus cochlearis*), по всей вѣроятности, является посредникомъ въ дѣлѣ передачи слуховыхъ ощущеній, а нервъ преддверія (*nervus vestibularis*), навѣрное, имѣть отношеніе къ ощущенію равновѣсія. Но оба эти нерва соединяются и тянутся затѣмъ очень близко одинъ отъ другого, образуя вмѣстѣ слуховой нервъ (*nervus acusticus*).

Физической причиной ощущенія шума являются колебанія, которыхъ повторяются неравномерно, или, какъ принято говорить, не периодически. Звуковые ощущенія обусловлены, напротивъ, *периодическими* колебаніями, которыхъ, несмотря на свои часто очень сложные формы, повторяются вполне равномерно. Звуки воспринимаются ухомъ, какъ сложные ощущенія. Элементарные ощущенія, изъ которыхъ состоятъ звуки, мы называемъ тонами. Понятія «тонъ» и «звукъ» надо строго различать. Тонъ характеризуется простотою формы колебанія и отсутствиемъ тембра. Въ психологическомъ отношеніи между звукомъ и тономъ нельзя провести рѣзкой грани. Мы слышимъ, по большой части, звуки. Чистые тоны, лишенные всякаго тембра, почти никогда не встречаются. Ниже мы употребляемъ оба выраженія и понимаемъ подъ тонами болѣе элементарные ощущенія, а подъ звуками—болѣе сложные ощущенія.

Звуки мы, какъ извѣстно, различаемъ по силѣ тона, по высотѣ тона и по тембру. Извѣстно, что сила тона зависитъ отъ амплитуды, высота тона—отъ продолжительности (степени скорости), а тембр—отъ формы колебаній. Мы очень точно знаемъ, какія отношенія существуютъ между слуховыми ощущеніями и физическими раздраженіями; но мы не должны, основываясь на этомъ, устанавливать вмѣсто ощущенія физический процессъ. Мы должны, скорѣе, излѣдовывать въ этой книжѣ эти ощущенія съ чисто психологической точки зренія.

Характернымъ признакомъ звукового ощущенія является высота тона. Даже человѣкъ, не понимающій ничего въ музыке, ясно отличить высоте тона отъ низшихъ и сумѣть указать, движутся ли данные тона «вверхъ» или «внизъ». Выраженія «высокій тонъ» и «низкій тонъ» употребляются въ настоящее время всѣми. Греки называли низкие тона «тяжелыми» (*βαρύς*), а высокіе—«острыми» (*ἀσπός*). И, дѣйствительно, въ низкихъ тонахъ есть что то тяжелое, мрачное, тянувшее внизъ, а высокіе тона свѣты, прозрачны, стремятся вверхъ. Мы можемъ расположить тона по ихъ высотѣ только въ одномъ измѣрѣніи. Отъ одного данного тона можно двигаться только въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Такимъ образомъ, изображать рядъ тоновъ по ихъ высотѣ можно въ видѣ прямой линіи.

Какъ мы выше говорили, высота тона зависитъ отъ продолжитель-

жести колебаний. Указанием на продолжительность обыкновенно замыкаютъ указаниемъ на число совершающихся въ одну секунду колебаний; обѣ эти величины однозначны. Предѣль нашей восприимчивости по отношенію къ тонамъ установленъ довольно точно. Для того, чтобы быть воспринятыми нами, тонъ долженъ имѣть, приблизительно 20 колебаний въ секунду. 40000 колебаний соответствуютъ высшему тону, могущему быть воспринятымъ нами. Если колебания совершаются медленнѣе, чѣмъ со скоростью 20 въ секунду, то наше ухо воспринимаетъ ихъ, какъ толчки воздуха. Если же число колебаний превышаетъ 40000 въ секунду, то ухо ощущаетъ ихъ, какъ шипѣніе. Восприимчивость къ различіямъ очень значительна для низкихъ тоновъ; для высокихъ она куда меньше. Для тоновъ, которымъ соответствуютъ отъ 64 до 1024 колебаний въ секунду, мы отмѣчаемъ различія въ 0,2. Еще важнѣе другое свойство звукового ощущенія. Дѣло въ томъ, что если мы создадимъ послѣдовательный рядъ тоновъ, то мы черезъ опредѣленные промежутки будемъ наталкиваться на тона, которые, несмотря на различную высоту, обнаруживаютъ извѣстное сходство, извѣстное родство другъ съ другомъ. Самое поразительное сходство это—сходство между даннымъ тономъ и его октавой, т. е. топомъ, возникающимъ отъ двойного числа колебаний. Уже въ древности были отмѣчены эти черты сходства звуковъ, и было найдено, что сходство существуетъ между такими тонами, числа колебаний или длины струнъ которыхъ находятся во взаимныхъ отношеніяхъ, выражаяющихся небольшими числами. На основаніи этихъ фактъ были затѣмъ установлены музыкальныя гаммы, на деталяхъ которыхъ мы здѣсь не будемъ останавливаться.

Тона одинаковой силы и высоты отличаются другъ отъ друга по *тембрю*. Одинъ и тотъ же тонъ звучитъ иначе, если сыграть его на рояли, скрипкѣ или сиѣти. По тембрю мы узнаемъ различные музыкальные инструменты. Эти различія обусловлены часто у различныхъ инструментовъ побочными шумами. Тембръ въ узкомъ смыслѣ слова или музыкальный тембръ зависитъ отъ *формы колебанія*. Каждая форма волны, поскольку колебанія періодичны, можетъ быть разложена на извѣстное число простыхъ, маятниковыхъ колебаний. Точно такъ же каждый звукъ можетъ быть разложенъ на простые тона. Наиболѣе низкій изъ нихъ является *основнымъ тономъ*, который, какъ намъ кажется, мы слышимъ наиболѣе ясно. Другіе тона, числа колебаний которыхъ являются кратными числа колебаний основного тона, называются *верхними тонами*. Ихъ считаются следующимъ образомъ: если принять основной тонъ за единицу, то первый верхний тонъ, число колебаний которого вдвое больше, равняется октавѣ основнаго тона. Второй верхний тонъ, число колебаний которого въ три раза больше, образуетъ дуodeциму, а третій—двойную октаву основнаго тона.

Основной тонъ . . . . . п колебаний

Первый верхний тонъ . . 2 п (октава)

Второй   »   . . 3 п (дуodeцима)

Третій   »   . . 4 п (двойная октава)

} основного тона.

Тонъ, обусловленный только простыми маятниковыми колебаніями, не имѣть верхнихъ тоновъ. Онъ даетъ ясный, мягкий звукъ, но, какъ выражается Гельмгольцъ, онъ не оригиналентъ. Такіе тона можно, приблизительно, получить при помощи камертона. Они являются чистыми тонами безъ всякаго тембра. Слѣдовательно, тембръ, какъ мы теперь можемъ точнѣе сказать, зависитъ отъ числа и силы верхнихъ тоновъ. Благодаря тембрю тонъ дѣлается звучнѣе, красивѣе, и, если такъ можно выразиться, пробрѣтаетъ опредѣленную физіономію. Послѣ некотораго упражненія ухо начинаетъ различать верхніе тоны.

Учение о созвучии и диссонансах, о дрожанияхъ и комбинационныхъ тонахъ и о мелодическомъ действии извѣстныхъ рядовъ звукомъ относится отчасти къ акустикѣ, отчасти къ теоріи музыки. Объ эстетическомъ дѣйствии звуковыхъ ощущеній мы будемъ говорить ниже.

Шумы можно раздѣлить на мгновенные и продолжительные шумы. Примѣромъ первыхъ можетъ служить трескъ, примѣромъ вторыхъ—шелестъ, гудѣніе, свистъ, шипѣніе. Очень часто встречаются шумы, состоящіе изъ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ мгновенныхъ шумовъ; къ такимъ шумамъ можно отнести хрустѣніе и плескъ. У шумовъ можно также, въ извѣстномъ смыслѣ, различать высоту. Но значеніе ощущеній шума заключается, какъ мы уже говорили, главнымъ образомъ въ вызываемыхъ ими представлѣніяхъ. Это сказывается яснѣ всего въ языке, составными части которого—слова могутъ быть восприняты только какъ шумы, хотя гласные буквы и носятъ часто характеръ звуковъ. Значеніе языка для душевной жизни будетъ разсмотрѣно нами ниже.

Ритмъ. Говоря о слуховыхъ восприятіяхъ, мы не можемъ не остановиться на одномъ крайне важномъ фактѣ душевной жизни, который однако до сихъ поръ еще недостаточно изслѣдованъ. Я имѣю въ виду *ритмическое расчлененіе* движений и чувственныхъ впечатлѣній. Уже физиологические процессы во время дыханія и дѣятельности сердца обнаруживаютъ ритмическое расчлененіе. Точно такъ же мы придерживаемся опредѣленного ритма при движеніяхъ, напримѣръ, во время ходьбы, и работаемъ значительно легче, если работа совершаются по извѣстному такту. Послѣднее время ученые обратили вниманіе на то, что уже дикие народы вносятъ ритмъ въ свои общія работы и сопровождаютъ ихъ ритмическими пѣснями. Ритмъ можно наблюдать у крестьянъ во время молотьбы, у кузнецовыхъ при ударажъ молотомъ и даже у портныхъ и сапожниковъ.

Прислушиваясь нѣкоторое время къ тиканью часовъ или къ ударамъ метронома, мы непроизвольно начинаемъ отѣнять отдельные удары сильнѣе и вносимъ въ движеніе, которое съ объективной точки зренія отличается полнымъ однообразіемъ, опредѣленный ритмъ. Въ каждомъ языкѣ можно замѣтить ритмическое расположение слоговъ и словъ, а поэзія только развиваетъ этотъ ритмъ болѣе сильно. Послѣднимъ и основнымъ источникомъ музыки тоже, какъ кажется, является свойственное человѣческой природѣ ритмическое чувство. Даже мелодія и гармонія могли бы быть рассматриваемы, какъ продукты крайне нѣжной и богатой дифференціации первонаучальныхъ ритмическихъ звуковъ. Какъ кажется, ритмъ дѣйствительно представляется собою общее свойство нашей органической жизни, свойство, нерѣдко играющее рѣшающую роль въ дѣлѣ пониманія и изображенія окружающей настъ среды. Такимъ образомъ, художники, дающіе дальнѣйшее развитіе кроющемуся въ настъ ритму, не творятъ ничего нового, а только открываютъ настъ самихъ нашему сознанію.

Локализація слуховыхъ впечатлѣній происходитъ въ извѣстномъ смыслѣ непосредственно. Совсѣмъ маленькая дѣти уже поворачиваются голову по тому направлению, откуда приходитъ шумъ. Слѣпые развиваются дальше это пространственное чувство уха, помогающее имъ ориентироваться въ мѣстности. У людей, обладающихъ всѣми чувствами, осознательная и зрительная восприятія берутъ цѣликомъ на себя обязанность ориентироваться въ пространствѣ, и поэтому у нихъ пространственное чувство уха слабо развито. Вотъ почему вполнѣ развитой человѣкъ, обладающій всѣми чувствами, почти что не умѣеть непосредственно локализовать слуховые впечатлѣнія. Мы вносимъ предполагаемыя причины звука въ уже less опредѣлившееся осознательное и зрительное пространство.

§ 22. Вкусъ и обоняниe.

Ощущенія вкуса и обонянія обусловлены химическими дѣйствіями, благодаря которымъ раздражаются окончанія вкусовыхъ и обонятельныхъ первовъ. Поэтому эти два чувства называются также *химическими* чувствами. Вкусовые нервы возбуждаются только жидкими (а также растворимыми въ слюнѣ) веществами, обонятельные—только газообразными веществами.

Органами вкусового ощущенія являются нѣбо, кончикъ языка и задняя часть языка. Качества вкусового ощущенія не могутъ быть такъ точно опредѣлены, какъ это имѣло мѣсто у разсмотрѣнныхъ нами выше чувствъ. Выраженія: кислый, сладкій, горькій, соленый обозначаютъ лишь важнѣшіе классы вкусовыхъ ощущеній, въ предѣлахъ которыхъ однако встрѣчается много разнообразныхъ оттѣнковъ. Эти оттѣнки образуются отчасти благодаря смѣшанію различныхъ вкусовыхъ ощущеній (кисло-сладкое, горковато-сладкое), отчасти же благодаря тому, что къ вкусовымъ ощущеніямъ присоединяются осезаательные ощущенія и сливаются съ ними. Вкусовое ощущеніе всегда имѣетъ опредѣленный чувственный тонъ. Вотъ почему у этого ощущенія и наблюдается такъ много индивидуальныхъ различий.

Органами *чувствъ обонянія* являются слизистыя оболочки носа. Качества обонятельного ощущенія неопределены и трудно установимы, такъ что языкъ не создаль ни одного слова, которое обозначало бы исключительно какое-нибудь качество обонянія. Поэтому мы называемъ большую часть запаховъ по ихъ возбудителямъ (запахъ розы, фіалки и т. п.) или мы заимствуемъ обозначеніе изъ другихъ областей чувствъ, говоря о жгучемъ, Ѣдкомъ запахѣ. Обонятельные ощущенія тоже всегда обладаютъ опредѣленнымъ чувственнымъ тономъ. Поэтому они, подобно вкусовымъ ощущеніямъ, имѣютъ для насъ практическое значеніе. Дѣло въ томъ, что вызывая въ насъ чувства удовольствія или недовольства, они этимъ самымъ возбуждаютъ въ насъ желаніе или отвращеніе. Обонятельные восприятія очень тѣсно связаны съ представлѣніями о вызывающихъ ихъ веществахъ и поэтому часто возбуждаются въ насъ образы воспоминанія, причемъ мы не знаемъ, чѣмъ данные представлѣнія вызваны (см. ниже § 30).

§ 23. Общее значеніе чувственныхъ воспріятій.

При посредствѣ чувствъ мы создаемъ себѣ картину окружающаго насъ вѣнчнаго міра. Мы постепенно научаемся ориентироваться въ этомъ мірѣ, содержащемъ въ себѣ большую часть необходимыхъ для сохраненія нашей жизни условій. Полученное нами при посредствѣ чувственныхъ воспріятій представление объ окружающей насъ средѣ говорить намъ, что эта среда состоитъ изъ большого числа самостоятельныхъ, независимыхъ отъ насъ вещей, расположенныхъ въ пространствѣ трехъ измѣреній. Увѣренность въ существованіи самостоятельныхъ тѣлесныхъ вещей обусловлена у насъ, главнымъ образомъ, данными чувствъ зрѣнія и осезанія. Зрительные воспріятія и воспріятія осезанія разнообразно соединяются другъ съ другомъ и дополняютъ другъ друга. Слуховые, обонятельные и вкусовые воспріятія мы, по большей части, относимъ къ прежнимъ зрителльнымъ воспріятіямъ и воспріятіямъ осезанія. Всѣ эти воспріятія мы понимаемъ, какъ *дѣйствія, свойства и состоянія* вещей. Тамъ, где эта связь воспринимается не особенно ясно, тамъ слуховые, обонятельные и вкусовые воспріятія, къ которымъ въ данномъ случаѣ присоединяются еще болевые температурные ощущенія, понимаются нами, какъ *внутреннія состоянія*.

результатѣ этого у насъ могутъ воспринять, живыи чувства удовольствія и недовольства, связанныя съ большими или мелкими желаніями и вызывающіе соответственныи движения агрессивныи или оборошительныи¹⁾; кроме того, вышеуказанныя восприятія могутъ стать источникомъ эстетическихъ чувствъ. Постѣднее имѣть можетъ особенно при звуковыхъ ощущеніяхъ.

При переживаніи чувственныхъ восприятій мы, въ общемъ, ведемъ себя пассивно. Когда мы воспринимаемъ какой-нибудь предметъ глазомъ, то у насъ вѣтъ того чувства, что мы можемъ произвольно вызвать его. Мы должны видѣть то, что тамъ имѣется, и находимся такимъ образомъ подъ давленіемъ объективнаго явленія, совершающагося независимо отъ насъ. Чѣмъ точнѣе наши восприятія соответствуютъ создающимъ ихъ объективнымъ явленіямъ, тѣмъ лучше наши чувства исполняютъ свою биологическую задачу, тѣмъ лучше мы можемъ приспособляться къ окружающей насъ средѣ. Такимъ образомъ, возможно лучшее отраженіе объективной действительности при посредствѣ нашихъ чувствъ является для насъ крайне важнымъ жизненнымъ условиемъ. Однако нельзѧ сказать, чтобы мы при переживаніи чувственныхъ восприятій вели себя совершенно пассивно. Какъ мы уже выше указывали, восприятія создаются, по большей части, въ результатѣ объединенія чувственныхъ ощущеній съ ощущеніями движенія. Движенія, вызывающія мускульныи ощущенія, показываютъ намъ, что для завоеванія вѣнчанаго міра напр. организмъ долженъ принять некоторое самодѣятельное участіе въ восприниманіи вѣнчаности. Такимъ образомъ, движения не только служатъ удержанію полезнаго и отраженію предмета, но они также принимаютъ участіе въ дѣлѣ познаванія и помогаютъ намъ создавать себѣ картину вѣнчанаго міра.

Итакъ, въ восприятіи нашъ организмъ проявляетъ не только свою способность принимать, но свою *самодѣятельность, самопроизвольность*. Актъ самодѣятельности является уже вышеупомянутое объединеніе комплексовъ ощущеній въ однородныи, самостоятельныи образованія (см. § 17). А ниже мы еще яснѣе увидимъ, какъ этотъ актъ объединенія находится въ тѣсной связи со всѣмъ нашимъ пониманіемъ міра. Кромѣ того, въ восприятіяхъ, переживаемыхъ развитымъ сознаніемъ, почти всегда содержатся элементы, которые берутъ свое начало отъ прежніхъ восприятій, и которые, такимъ образомъ, относятся уже ко вторичной ступени развитія, т. е. къ жизни представлений. А тутъ самодѣятельность, самопроизвольность сознанія проявляются все яснѣе и энергичнѣе. Матеріаль, получаемый нами при посредствѣ нашихъ чувствъ, подвергается уже извѣстной обработкѣ въ нашемъ восприятіи. Такимъ образомъ, тутъ мы уже встрѣчаемся съ извѣстной работой оформливанія сырого матеріала. На вторичной ступени эта работа продолжается, и, такимъ образомъ, на этой ступени самодѣятельность души развивается еще дальше. Но чувственныи восприятія образуютъ постоянную основу, матеріаль, приносимый извѣтъ въ душу. Эта матеріаль душа должна обработать, она должна придать ему извѣстную форму и расчленить его. Все это она должна дѣлать для того, чтобы все ближе и ближе ознакомиться со средой, окружающей нашъ организмъ, т. е. съ жизненными условіями организма. Все это она должна дѣлать для того, чтобы все прочнѣе и прочнѣе забрать въ свои руки власть надъ вѣнчаниемъ міромъ.

1) Въ виду отсутствія въ русскомъ языке точной терминологии для столь общихъ понятій, приходится значение этихъ выражений пояснить примѣрами. Подъ агрессивными (наступательными) слѣдуетъ понимать тѣ проявленія желанія, которые выражаются, напр. у ребенка, когда онъ тянется къ сахару, къ лампѣ и т. п.; подъ оборонительными же—противоположными, напр., когда онъ отталкиваетъ что-либо непріятное.

В. Представление.

§ 24. Представление.

Если бы, постъ прекращения дѣйствія чувственныхъ раздраженій, существа и воспріятія безсъдуно исчезли, то у насъ не могла бы развиться бытъ богатая душевная жизнь. Человѣкъ превратился бы въ своего рода подиевку, для которой изъ яи вчерашняго, ни завтрашняго дня, только одинъ сегодняшний день. Не было бы тогда ни познаній, ни развитій. Однимъ словомъ, не было бы жизни. Но, какъ известно, животное, и, въ еще большемъ степени, человѣкъ, обладасть способностью возсоздавать образы предметовъ, возникшихъ раньше въ результатѣ воспріятія, возсоздавать даже постъ того, какъ прекратилось соотвѣтствующее чувственное раздраженіе. Этотъ процессъ называется *воспроизведеніемъ*, а воспроизведеніе воспріятіе называется *представленіемъ*.

Слова «представление», «представлять», очень удачно выражаютъ данное понятие. Словами «я прекрасно представляю себѣ домъ и окружающую его обстановку» я хочу сказать слѣдующее: «я могу путемъ психической дѣятельности создать картину дома передъ моими духовными очами», или «я въ состояніи воспроизвести эту картину въ свою сознаніе». Выраженіе «я представляю себѣ домъ» имѣть смыслъ лишь тогда, когда я не вижу этого дома. Такимъ образомъ, понятіе представления вполнѣ соответствуетъ смыслу, который ему придается въ обыденной рѣчи.

Приступая къ изученію дѣятельности представлѣнія, мы вступаемъ въ области чисто психическихъ явлений. На этой ступени сознаніе становится независимымъ отъ наружности внѣшнихъ раздраженій, носящихъ какъ бы то ни было случайный характеръ. Теперь мы уже получаемъ возможность устанавливать въ известномъ порядкѣ накопившійся запасъ воспріятій, связывать эти воспріятія другъ съ другомъ и въ результате этого создавать себѣ путемъ духовной обработки матеріала ясную картину вчерашняго и внутренняго міра. Изъ представлѣнія развивается мышленіе, ставящее себѣ цѣлью познаніе міра и подчиненіе природы человѣческому духу. На представлѣніи покоятся всѣ высшія чувства, которыя воодушевляютъ насъ на благородные поступки, которыя возвышаютъ нашу душу и которая содѣствуютъ художественному творчеству. Представлѣніе предсказываетъ, напоминая, животный инстинктъ въ сознательную волю, укрѣпляющую наше сознаніе и вырабатываемую нашъ характеръ. Такимъ образомъ, представлѣнія образуютъ основу высшей духовной жизни; и не только для психологии, но также для всѣхъ наукъ и для практической жизни крайне важно знать законы, проявляющіеся при образованіи и ходѣ представлѣній. Кромѣ того для насъ важно знать, какія соединенія и сложныя образованія составляются изъ простыхъ представлѣній.

§ 25. Представление и воспріятіе.

Представление является болѣе высокой ступенью развитія той самой основной функции сознанія, которая имѣется на лицо въ *воспріятіи*. Для того, чтобы вѣрно понять различіе между представлѣніемъ и воспріятіемъ, мы должны это помнить.

Многіе говорятъ, что представлѣніе предмета или явленія *можетъ* отличаться по своему содержанію съ воспріятіемъ давнаго предмета или явленія, и что оно отличается отъ этого послѣдняго только по степени ясности. Громъ, который мы себѣ представляемъ, не гремитъ. Солнце,

результатъ этого у насъ могутъ возникнуть живыя чувства удовольствия и недовольства, вызанныя съ большими или меньшими желаниями и вызывающими соответственныи движения агрессивные или оборонительные¹⁾; кроме того, вышеуказанныи восприятія могутъ стать источникомъ эмоциональныхъ чувствъ. Исследуетъ имѣть мѣсто особенно при звуковыхъ ощущеніяхъ.

При переживаніи чувственныхъ восприятій мы, въ общемъ, ведемъ себѣ пассивно. Когда мы воспринимаемъ какой-нибудь предметъ глазомъ, то у насъ есть того чувства, что мы можемъ произвольно извлечь его. Мы должны видѣть то, что тамъ лежитъ, и находимся такимъ образомъ подъ давленіемъ объективнаго явленія, совершающагося независимо отъ насъ. Чѣмъ точнѣе наши восприятія соответствуютъ создающимъ ихъ объективнымъ явленіямъ, тѣмъ лучше наши чувства исполняютъ свою биологическую задачу, тѣмъ лучше мы можемъ приспособляться къ окружающей насъ средѣ. Такимъ образомъ, возможно лучшее отраженіе объективной действительности при посредствѣ нашихъ чувствъ является для насъ крайне важнымъ жизненнымъ условиемъ. Однако нельзя сказать, чтобы мы при переживаніи чувственныхъ восприятій вели себя совершенно пассивно. Какъ мы уже выше указывали, восприятія создаются, по большей части, въ результате объединенія чувственныхъ ощущеній съ ощущеніями движенія. Движенія, вызывающія мускульныя ощущенія, показываютъ намъ, что для завоеванія вицѣнія міра нашъ организмъ долженъ принять пѣкоторое самодѣятельное участіе въ восприниманіи вицѣніи. Такимъ образомъ, движения не только служатъ удержанію полезнаго и отражению вреднаго, но они также принимаютъ участіе въ дѣлѣ познаванія и помогаютъ намъ создавать себѣ картину вицѣнія міра.

Итакъ, въ восприятіи нашъ организмъ проявляетъ не только свою способность принимать, но и свою самодѣятельность, самопроизвольность. Актомъ самодѣятельности является уже вышеупомянутое объединеніе комплексовъ ощущеній въ однородный, самостоятельный образованія (см. § 17). А ниже мы еще яснѣ увидимъ, какъ этотъ актъ объединенія находится въ тѣсной связи со всѣмъ нашимъ пониманіемъ міра. Кромѣ того, въ восприятіяхъ, переживаемыхъ развитымъ сознаніемъ, почти всегда содержатся элементы, которые берутъ свое начало отъ прежнихъ восприятій, и которые, такимъ образомъ, относятся уже къ вторичной ступени развитія, т. е. къ жизни представленія. А тутъ самодѣятельность, самопроизвольность сознанія проявляются все яснѣ и энергичнѣ. Матеріалъ, получаемый нами при посредствѣ нашихъ чувствъ, подвергается уже известной обработкѣ въ нашемъ восприятіи. Такимъ образомъ, тутъ мы уже встрѣчаемся съ изгѣстной работой оформлнія сырого матеріала. На вторичной ступени эта работа продолжается, и, такимъ образомъ, на этой ступени самодѣятельность души развивается еще дальше. Но чувственныи восприятія образуютъ постоянную основу, матеріаль, приносимый извѣтъ въ душу. Этотъ матеріалъ душа должна обработать, она должна придать ему известную форму и расчленить его. Все это она должна дѣлать для того, чтобы все ближе и ближе ознакомиться со средой, окружающей нашъ организмъ, т. е. съ жизненными условиями организма. Все это она должна дѣлать для того, чтобы все прочнѣе и прочнѣе забрать въ свои руки власть надъ вицѣніемъ міромъ.

¹⁾ Въ виду отсутствія въ русскомъ языке точной терминологии для столь общихъ понятий, приходится значение этихъ выражений пояснить примѣрами. Подъ агрессивными (наступательными) слѣдуетъ понимать тѣ проявления желанія, которые выражаются, напр. у ребенка, когда онъ тягается къ сахару, къ лампѣ и т. п.; подъ оборонительными же—противоположными, напр., когда онъ отталкиваетъ что-либо непріятное.

В. Представленіе.

§ 24. Представленіе.

Если бы, посль прекращенія дѣйствія чувственныхъ раздраженій, сущніи и воспріятія безсъѣдно исчезли, то у насъ не могла бы развиться не богатая душевная жизнь. Человѣкъ превратился бы въ своего рода «одиноку», для которой быть ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, а только одинъ сегодняшний день. Не было бы тогда ни познанія, ни разніи. Однимъ словомъ, не было бы жизни. Но, какъ известно, животное, и, въ еще большей степени, человѣкъ, обладасть способностью возсоздавать образы предметовъ, возникшихъ раньше въ результатѣ воспріятія, возсоздавать даже послѣ того, какъ прекратилось соответствующее чувственное раздраженіе. Этотъ процессъ называется *воспроизведеніемъ*, а воспроизведеніе воспріятіе называется *представленіемъ*.

Слова «представленіе», «представлять», очень удачно выражаютъ данное явленіе. Словами «я прекрасно представляю себѣ домъ и окружающую его обстановку» я хочу сказать слѣдующее: «я могу путемъ психической дѣятельности создать картину дома передъ моими духовными очами», или «я въ состояніи воспроизвести эту картину въ своею сознаніи». Выраженіе «я представляю себѣ домъ» имѣть смыслъ лишь тогда, когда я не вижу этого дома. Такимъ образомъ, понятіе представлениія вполнѣ соответствуетъ смыслу, который ему придается въ обыденной рѣчи.

Приступая къ изученію дѣятельности представлениія, мы вступаемъ въ область чисто психическихъ явленій. На этой ступени сознаніе становится независимымъ отъ наличности вѣнчальныхъ раздраженій, носящихъ какъ бы то ни было случайный характеръ. Теперь мы уже получаемъ возможность устанавливать въ извѣстномъ порядкѣ накопившійся зашась воспріятій, связывать эти воспріятія другъ съ другомъ и въ результатѣ этого создавать себѣ путемъ духовной обработки матеріала ясную картину вчерашняго и внутренняго міра. Изъ представлениія развивается мышленіе, ставящее себѣ цѣлью познаніе міра и подчиненіе природы человѣческому духу. На представлениіи покоятся вѣсъ высшей чувства, которыя воодушевляютъ насъ на благородные поступки, которыя возвышаютъ нашу душу и которыя способствуютъ художественному творчеству. Представленіе предращаетъ, наконецъ, животный инстинктъ въ сознательную волю, укрѣпляющую наше сознаніе и вырабатывающую нашъ характеръ. Такимъ образомъ, представлениа образуютъ основу высшей духовной жизни; и не только для психологіи, но также для всѣхъ наукъ и для практической жизни крайне важно знать законы, проявляющіеся при образованіи и ходѣ представлений. Бѣзъ того для насъ важно знать, какія соединенія и сложныя образованія составляются изъ простыхъ представлений.

§ 25. Представленіе и воспріятіе.

Представленіе является болѣе высокой ступенью развитія той самой основной функции сознанія, которая имѣется на лицо въ *воспріятії*. Для того, чтобы вѣрно понять различие между представлениемъ и воспріятіемъ, мы должны это помнить.

Многіе говорятъ, что представлениe предмета или явленія тождественно по своему содержанію съ воспріятіемъ данного предмета или явленія, и что оно отличается отъ этого послѣдняго только по степени *живости*. Громъ, который мы себѣ представляемъ, не гремитъ. Солнце,

которое мы себѣ представляемъ, не свѣтить. Со всѣмъ этимъ можно согласиться, но характерное различие между представлениемъ и воспріятіемъ кроется не въ этомъ. Вѣдь при извѣстныхъ обстоятельствахъ возможно, что какое-нибудь живое представление вызываетъ въ наше тѣ же чувства, что и чувственное воспріятіе. Нерѣдко представление объ отвратительномъ кушаныи влекло за собою рвоту¹⁾.

Характерное различие между воспріятіемъ и представлениемъ заключается скорѣе въ томъ, что содержащаяся въ воспріятіи самодѣятельность души развивается въ представлениіи еще значительно сильнѣе, и, слѣдовательно, приходитъ также въ наше сознаніе съ большою ясностью. Мои воспріятія приходятъ ко мнѣ извѣнѣ и какъ бы насыщенно называемыя мнѣ. Образы же воспоминанія и фантастическая представленія въ значительной степени независимы отъ вѣнчніхъ раздраженій; я могу ихъ вызывать произвольно; они составляютъ мое достояніе, которымъ я могу постоянно располагать; они принадлежатъ мнѣ. Мы путешествуемъ, для того, чтобы образы воспоминанія о видимомъ всегда имѣлись на лицо и для того, чтобы мы могли наслаждаться ими. Воспріятія возникаютъ на нашей *периферіи*, представленія—въ *центре*. Воспріятія относятся къ первичной ступени, а представленія—къ вторичной, и вотъ въ этомъ-то кроется характерное различие между обоями переживаніями. Воспріятіе дѣйствуетъ непосредственно, оно отличается яркостью и живостью, оно захватываетъ наше насилино, мы не можемъ противъ него бороться; но оно приходитъ извѣнѣ и остается чѣмъ-то единичнымъ, бѣднымъ, если подъ его вліяніемъ въ наше не пробуждаются представленія, связывающія его со всѣмъ нашимъ «я». Въ нормальномъ состояніи представленіе никогда не можетъ сравняться съ воспріятіемъ по непосредственности и неотразимости. Но зато представленіе всегда *богато*, оно всегда является составною частью богатой цѣпи.

Такимъ образомъ, воспріятіе всегда нуждается въ переработкѣ, оформлениіи и расчлененіи, производимыми дѣятельностью нашего представленія, а съ другой стороны, представленіе постоянно нуждается въ новомъ матеріалѣ, который оно постоянно получаетъ въ большомъ количествѣ отъ нашихъ чувствъ.

§ 26. Главные классы представлений.

Подъ представлениемъ мы понимаемъ воспроизведенное воспріятіе, а характеръ воспроизведенія воспріятій образуетъ самую естественную основу классификаціи представлений. Но мы должны сейчасъ же отмѣтить тотъ фактъ, что группы классификаціи не исключаютъ абсолютно другъ друга, и что повсюду мы будемъ сталкиваться съ промежуточными ступенями и переходными формами. Впрочемъ, этого и надо ожидать, такъ какъ психическую явленія, какъ мы уже говорили, носятъ характеръ событий, происшествий; въ нихъ нѣтъ элемента постоянства, устойчивости.

Представленія, при посредствѣ которыхъ мы воспроизводимъ въ возможно неизмѣнномъ видѣ прежнія переживанія, носятъ название *воспоминаній*. Психическую склонность переживать воспоминанія мы называемъ *памятью*.

Если же мы создаемъ изъ воспринятыхъ элементовъ новыя образованія, не являющіяся въ данной комбинаціи предметомъ прежніго воспріятія, то мы говоримъ о *представленіяхъ соображенія*, о *фантастическойъ представленіяхъ*. Склонность создавать такія представлениія мы называемъ *силой воображения или фантазіей*.

¹⁾ А въ состояніи гипноза внушенное представленіе отличается такою интенсивностью, что часто совершенно неотдѣльно по эффекту отъ действительного чувственнаго воспріятія.

Какъ воспоминанія, такъ и фантастическая представлениія приобрѣтаются при извѣстныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, способность быть представителями цѣлаго класса предметовъ. Вслѣдствіе этого такія переживанія приобрѣтаютъ ясно выраженное своеобразіе и составляютъ особый классъ представлений, имѣющихъ особенное значеніе для дальнѣйшаго развитія процесса представлениія и для превращенія его въ мышленіе; этотъ классъ представлений имѣть также громадное значеніе для художественнаго творчества. Мы назовемъ этотъ классъ представлений *психическими представлениіями*. Психическая склонность создавать типическія представлениія не получила еще до сихъ поръ особаго названія; это объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что эти представлениія были до настоящаго времени еще мало изслѣдованы и на нихъ обращалось мало вниманія.

Ниже мы прежде всего остановимся на законахъ, которые, въ общемъ, обусловливаютъ ходъ представлений; а потомъ мы уже специально остановимся на различныхъ классахъ представлений.

§ 27. Ходъ представлений.

На первый взглядъ ходъ нашихъ представлений кажется намъ столь разнообразнымъ и настолько обусловленнымъ индивидуальными различіями, что мы можемъ легко прійти къ убѣжденію въ невозможности устанавливать законы этого хода. Мы не знаемъ, что намъ можетъ прійти въ голову черезъ минуту; тѣмъ паче мы не можемъ знать, что можетъ прійти въ голову другому человѣку. Но если вы подвергнете испытанію и разложите отдѣльные пережитые вами самими ряды представлений, ходъ которыхъ вы еще помните, то тогда вы скоро замѣтите, что процессъ представлениія не подчиняется слѣпой случайности, а руководится опредѣленными законами. Ходъ нашихъ представлений особенно опредѣляется двумя факторами.

Во-первыхъ, направление и содержаніе нашихъ представлений опредѣляется прежнимъ опытомъ. Воспріятіе вызываетъ въ качествѣ образовъ воспоминанія такія представлениія, которыя часто были связаны съ нимъ. Такъ, видъ родины послѣ болѣе или менѣе долгаго отсутствія вызываетъ въ насъ образы нашихъ близкихъ, напоминаетъ намъ наши дѣтскія игры и забавы. Ученикъ при видѣ учителя представляеть себѣ предметъ, который толь обыкновенно преподаетъ. Далѣе, воспріятіе напоминаетъ намъ такие предметы и вещи, которые почему-либо похожи на только что воспринятое нами. Такъ, напримѣръ, мы часто узнаемъ членовъ одной и той же семьи по сходству чертъ лица, по разговору, по манерѣ держать себя и т. д.

Во-вторыхъ, ходъ нашихъ представлений опредѣляется господствующими склонностями чувства и воли. Когда человѣкъ находится въ печальному настроеніи, ему приходить на умъ скорѣе тяжелыя воспоминанія, веселые образы и картины отвергаются имъ. Проявляя живой интересъ къ какому-нибудь предмету, мы легко замѣчаемъ все находящееся въ связи съ нимъ и выбираемъ изъ массы различнѣйшихъ вещей, все, что имѣеть къ нему какое-либо отношеніе. Такъ, напримѣръ, ботаникъ замѣчаетъ во время своей прогулки такія растенія, на которыхъ всякий другой не обратить никакого вниманія. Если мы преслѣдуемъ какую-либо цѣль, то все относящееся къ ней будетъ возбуждать наше вниманіе и вызывать въ насъ таія представлениія, которыя всякому другому никогда не придутъ въ голову. Такъ, напримѣръ, если кто-либо изучаетъ съ научной цѣлью какое-нибудь нарѣчіе, то онъ, путешествуя въ опредѣленной мѣстности, изъ отвѣта крестьянина на его вопросъ о дорогѣ всегда сумѣть отличить нужную ему форму слова, на которую обычный туристъ не обратить никакого вниманія.

Оба эти фактора действуютъ почти всегда совместно въ дѣйствительной жизни представлений. Но въ психологіи ихъ значительно удобнѣе разсматривать отдельно другъ отъ друга.

Прежнія познанія представляютъ собою ту основу, ту область, въ которой движется ходъ представлений. Поэтому они представляютъ собою основной факторъ. Ходъ представлений, опредѣляемый этимъ факторомъ, мы назовемъ *ассоціаціоннымъ*, а законы, дѣйствующіе при этомъ—*законами ассоціаціи*. Подъ *ассоціаціей* мы понимаемъ соединеніе представлений, сочетаніе ихъ въ определенной послѣдовательности въ нашемъ сознаніи.

Дѣйствие второго фактора мы назовемъ *апперцепціей*, а соответственно этому ходъ представлений, обусловленный, главнымъ образомъ, склонностями чувства и воли, получаетъ название *апперцепціонного* хода представлений. Съ апперцепціей намъ придется еще ниже встрѣтиться.

§ 28. Ассоціаціонный ходъ представлений. Законъ виѣшней связи (смежности).

Не надо забывать, что ассоціаціонный ходъ представлений представляетъ собою абстракцію (отвлеченіе). Чувственная и волевая склонности никогда не перестаютъ вмѣшиваться въ ходъ нашихъ мыслей. Если мы оставимъ временно въ сторонѣ ихъ влияніе, то тогда мы уподобляемся физику, который устанавливаетъ законы рычага сначала на такъ называемъ «математическомъ рычагѣ», а затѣмъ уже принимаетъ во вниманіе влиянія тренія, вѣса плечь рычага и т. д. Кромѣ того, бываютъ случаи, когда возможно болѣе или менѣе точное наблюденіе ассоціаціонного хода представлений въ его чистомъ видѣ. Волевые склонности, какъ кажется, наименѣе даютъ себя знать во снѣ, при извѣстныхъ душевныхъ разстройствахъ, отчасти также у дѣтей.

Законы, дѣйствующіе на ассоціаціонный ходъ представлений, называются коротко *законами ассоціаціи*. Уже Аристотель зналъ наиболѣе важные изъ нихъ. Эти законы можно свести къ двумъ главнымъ формамъ, а именно: къ ассоціаціи по виѣшней связи (смежности) и къ ассоціаціи походству.

Законъ смежности гласить: *воспріятія или представленія, переживаемыя часто одновременно или непосредственно обиы за другими, вступаютъ въ такую связь другъ съ другомъ, что при воспроизведеніи одного какого-нибудь члена соединенія воспроизводятся и остальные члены его.* Представленія, соединенные такимъ способомъ, находятся въ то же время какъ бы въ механической связи другъ съ другомъ, обусловленной ихъ частымъ соприкосновеніемъ.

Ассоціаціи по смежности, образующіяся изъ воспріятія одного и того же чувства, сливаются другъ съ другомъ такъ сильно, что отдельные части очень часто даже не сознаются нами независимо отъ цѣла. Такъ, напримѣръ, отдельные предметы обстановки какой-нибудь комнаты сливаются часто въ одно цѣлое, въ одну общую картину. Если въ наше отсутствіе мебель переставили, то, войдя въ комнату, мы сначала замѣчаемъ только въ общихъ чертахъ, что тутъ что-тоизмѣнилось. Лишь потомъ при ближайшемъ разсмотрѣніи отдельныхъ предметовъ общая картина какъ бы распадается на отдельные части, и тогда мы начинаемъ разбираться въ томъ, какое измѣненіе произошло въ комнатѣ. Звуки мелодіи тоже легко сливаются въ одно цѣлое.

Однако ассоціаціи, образующіяся изъ воспріятій одного и того же чувства, не такъ важны, какъ ассоціаціи по смежности, образующіяся

изъ воспріятій различныхъ чувствъ, и какъ ряды представлений, создавающиеся изъ впечатлѣній, которыхъ регулярно следуютъ другъ за другомъ.

Здѣсь намъ опять бросается въ глаза значеніе зрительныхъ и беззательныхъ воспріятій. Запахъ и вкусъ лимона вызываетъ въ насъ обязательно зрительное представлѣніе или образъ самого лимона; и все же лимонъ употребляется, главнымъ образомъ, для возбужденія обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній. Точно такъ же звукъ музыкального инструмента непремѣнно вызываетъ въ насъ общій видъ самого инструмента, хотя здѣсь отличительнымъ признакомъ является не вышнія форма, а тембръ. У сѣпыхъ мѣсто зрительныхъ впечатлѣній занимаютъ воспріятія осязанія. Зрительныи и осязательныи воспріятія образуютъ центръ, къ которому тѣснѣмъ кольцомъ примыкаютъ воспріятія остальныхъ чувствъ. Мы можемъ отдельно удерживать въ нашемъ сознаніи лишь образы, обусловленные чувствомъ зрѣнія и осязанія; воспріятія другихъ чувствъ не отличаются такой самостоятельностью; мы ихъ постоянно связываемъ съ зрительными и осязательными образами, какъ бы являющимися ихъ носителями.

Наибольшее значеніе для развитія душевной жизни имѣютъ соединенія впечатлѣній зрѣнія и слуха. Голосъ и даже шаги человѣка вызываютъ его образъ въ нашемъ сознаніи. Наиболѣе обширную и важную область этихъ соединеній составляетъ языкъ и находящіеся въ тѣсной связи съ нимъ письменные знаки его.

Ребенокъ научается говорить на своемъ родномъ языке потому, что онъ привыкаетъ связывать опредѣленные звуки съ опредѣленными зрительными образами. Когда ребенокъ научается понимать другого человѣка, то тутъ главную роль играетъ слухъ; при разговорѣ ребенка принимаютъ участіе и мышечный опиценія, возникшія благодаря произношенію соответствующихъ словъ. Впрочемъ, потомъ ребенокъ воспроизводить слова также, когда онъ слышитъ ихъ. Поэтому, для пониманія ребенкомъ родного языка необходимо, чтобы существовала связь между представлѣніемъ объекта и звуковыми впечатлѣніями, получающимися при устномъ обозначеніи этого объекта. Для того, чтобы ребенокъ говорилъ, необходима опять-таки тѣсная связь между представлѣніями объекта и движениими органовъ рѣчи, создающими соответствующее слово. Явленія, наблюдаваемыя при разговорѣ, значительно сложнѣе явленій, наблюдавшихъ при пониманіи одного человѣка другимъ; поэтому-то второй процессъ развился раньше первого. Учась читать, ребенокъ соединяетъ въ свою сознаніе сначала форму буквы съ звукомъ и въ то же время съ соответствующими движениими органовъ рѣчи. Эта работа вначалѣ такъ овладѣваетъ вниманіемъ ребенка, что значение звуковъ не воспроизводится въ его умѣ. Очень часто ребенокъ, прочитавъ громко для упражненія какой-нибудь отрывокъ, не можетъ передать его содержаніе, а между тѣмъ если ему этотъ отрывокъ прочтеть кто-нибудь другой, то онъ прекрасно пойметъ его. Только тогда, когда связь между буквами и звуками станетъ очень тѣсной, значение звука доходить до сознанія; тогда письменный знакъ соединяется непосредственно съ представлѣніемъ, воспроизводящимъ звукъ. Только тогда мы можемъ, не выговаривая словъ, понять то, что мы читаемъ. Все же связь между звукомъ и значеніемъ остается всегда болѣе первоначальной и узкой, чѣмъ связь между письменнымъ знакомъ и значеніемъ. Поэтому-то мы противопоставляемъ живое слово мертвой буквѣ.

О томъ, какъ сложенъ физиологический и, если такъ можно сказать, психический механизмъ, употребляемый при разговорѣ, чтеніи, писаніи и т. д., можно судить по явленіямъ *афазіи*, которой мы коснемся ниже.

Соединенія представлений по смежности образуются, какъ мы это выше видѣли, не только между чувственными воспріятіями, но и между

восприятиями и движениями. Восприятие нить вызывает въ играющемъ на рояли представление о соответствующей гаммѣ и связанныхъ съ этимъ мышечныхъ ощущеніяхъ; это восприятие вызываетъ неизбѣжно и быстро соответствующія движения пальцевъ. Тѣмъ чане отдѣльные члены ассоціаціи по смежности соединялись другъ съ другомъ, тѣмъ быстрѣе и надежнѣе протекаетъ рядъ явлений, и на этомъ фактѣ поконится все то, что мы въ жизни называемъ *привычкой* и *упражненіемъ*. Слѣдовательно, все то, что въ окружающей настъ обстановкѣ находится постоянно вмѣстѣ, срастается въ нашей душѣ въ прочныя ассоціаціи, отдѣльные члены которыхъ воспроизводятъ другъ друга. Точно такъ же наши ежедневныя занятія превращаются въ ряды прочныхъ ассоціацій по смежности, и такимъ образомъ, благодаря цѣлесообразному навыку мы все лучше и лучшие приспособляемся къ окружающимъ настъ условіямъ. Такимъ путемъ, среди людей, принадлежащихъ къ одному и тому же народу, къ одному и тому же сословію или имѣющіхъ одинаковую профессію, постепенно вырабатываются одинаковыя черты, которые часто становятся отличительнымъ признакомъ этихъ народовъ, сословій или профессій. Нравы, обычай, учрежденія, манера говорить и думать становятся привычными и часто свято сохраняются нами.

Пока все течеть по обычному руслу, пока климатическая и соціальная условия измѣняются незначительно, до тѣхъ порь привычки, выработанные ассоціаціями по смежности, крайне благотворно отражаются на всемъ общественномъ организме. Благодаря быстро и надежно протекающему ряду цѣлесообразно приспособленыхъ движений мы сохраняемъ время и жизненную энергию. Но когда условія менѣяются и требуютъ новыхъ приспособлений, привычные устарѣвшіе ассоціаціи, задерживая образование новыхъ соединеній, часто являются тормазомъ общественного развитія.

Дорога, по которой мы ежедневно проходимъ отъ нашей квартиры до школы или до места нашей службы, скоро становится рядомъ тѣсно соединенныхъ другъ съ другомъ представлений и движений. Когда мы менѣемъ квартиру, то съ нами часто случается, что мы, выйдя изъ школы или со службы, совершаю мѣханически отправляемся на старую квартиру. Такимъ образомъ, обычно протекающей рядъ встрѣчає сопротивленіе, которое мы должны преодолѣть путемъ нового приспособленія. То, что мы здѣсь наблюдаемъ на незначительномъ событии въ жизни отдѣльного человѣка, происходитъ въ большемъ масштабѣ и съ болѣе значительными послѣдствіями среди цѣлыхъ народовъ. Измѣненіе въ способѣ мышленія или чувствованія, вызванное измѣненіемъ условій, встрѣчає рѣзкое сопротивленіе со стороны установившихся обычныхъ ассоціацій. Въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х. въ Аѳинахъ имѣть место такой умственный переворотъ, и слова «*уорф*» и «*фбэз*» представляли тогда собою выраженія для противопоставленія привычки новому приспособленію. Подобное же движение имѣло место въ 18 вѣкѣ (вѣкѣ возрожденія), когда во Франціи мечемъ, а въ Германіи первомъ боролись противъ традиціоннаго способа мышленія и чувствованія. Когда, въ противоположность традиціи, призываютъ ко всему естественному, когда все старое считается противоестественнымъ, а все новое — естественнымъ, то это объясняется тѣмъ, что всяко сильное чувство люди склонны разсматривать какъ силу природы, могущую проявлять себя.

Факты, находящіе свое выраженіе въ законѣ смежности, тѣмъ сильнѣй имѣютъ огромное значение для развитія душевной жизни. Это значение заключается въ обусловленномъ ими приспособленіи къ окружающимъ условіямъ и въ быстромъ и вѣрномъ теченіи обычныхъ, заученныхъ ря-

довъ. Правда, сила, сохраненная при этомъ, часто употребляется на то, что было прочно соединено смежностью.

§ 29. Ассоциація по сходству.

Рядомъ съ закономъ смежности существуетъ, какъ мы уже упомянули, другой законъ, опредѣляющій ассоциаціонный ходъ нашихъ представлений. Этотъ законъ гласить:

Воспріятія и представленія возбуждаютъ въ нашемъ сознаніи прежнія воспріятія и представленія, которыя почему-либо похожи на нихъ. Этотъ законъ называется закономъ сходства.

Дѣйствіе этого закона выражается совершенно иначе, чѣмъ дѣйствіе закона смежности. Когда намъ въ руки попадаетъ фотографія знакомаго человѣка, то мы сейчасъ же узнаемъ его, такъ какъ выраженіе лица, переданное фотографіей, похоже на то, которое черты лица данного человѣка оставили въ нашемъ сознаніи. Этотъ актъ самъ по себѣ является *сужденіемъ*, къ которому насы побуждаетъ лежащая въ основѣ ассоциація по сходству.

Очень часто понятіе *сходство* опредѣляли такъ: сходство — это соединеніе одинаковыхъ и различныхъ чертъ. Съ логической точки зренія нельзѧ ничего возразить противъ этого опредѣленія, и оно вполнѣ годится какъ для геометрическаго понятія подобія, такъ и для обыденной жизни. Но въ психологіи это опредѣленіе скорѣ запутываетъ, чѣмъ разъясняетъ дѣло. Если бы, основываясь на этомъ, ассоциацію по сходству стали рассматривать какъ соединеніе ассоциаціи смежности и ассоциаціи тожества, то это не соотвѣтствовало бы фактамъ. Совершенно тожественныхъ воспріятій или представлений въ нашей душевной жизни не встрѣчается. Воспріятіе, переживаемое мною въ настоящій моментъ, никогда не можетъ быть тожественно съ пережитымъ ранѣе воспріятіемъ. Но если я при этомъ все же вспоминаю старое воспріятіе, то виновникомъ этого является сходство, но не тожественность. Когда различія не замѣчаются нами, то мы принимаемъ сходство за тожественность. Если же эти различія замѣ чаются, то въ нашемъ сознаніи сходное связано съ несходными; ниже мы увидимъ, что подобные ассоциаціи встрѣчаются особенно часто и имѣютъ большое значеніе.

Появленіе сходныхъ представлений побуждаетъ насъ, въ большей части случаевъ, дѣлать сужденія; очень часто бываетъ довольно трудно выдѣлить актъ ассоциаціи изъ всего комплекса душевной жизни. Поэтому сужденіе, обусловленное ассоциаціей по сходству, мы называемъ *отожествленіемъ* и попытаемся показать значеніе ассоциаціи по сходству, для различныхъ видовъ такихъ отожествленій.

Отожествление чувственныхъ воспріятій. Отожествление совершается значительно легче, когда сходныя черты не сопровождаются или не окружены различіями; но въ и противномъ случаѣ отожествленіе куда важнѣе и значительнѣе. Мелодію, сыгранную военнымъ оркестромъ, мы узнаемъ очень легко, если она снова играется какимъ нибудь другимъ оркестромъ. Если же мы хоть немного музыкальны, то мы узнаемъ ее, если ее сыграютъ на рояли или на скрипкѣ. Кромѣ того, большое значеніе для умнѣйшихъ разсказывать мелодію имѣть попытка спѣсть самому эту мелодію, такъ какъ тутъ къ слуховымъ впечатлѣніямъ присоединяются еще и мышечные ощущенія голосовыхъ органовъ.

Мы отожествляемъ на различныхъ предметахъ одинаковые цѣла, одинаковыя формы. Отожествление одинаковыхъ фігуръ, одинаковыхъ гранічныхъ линій различныхъ тѣлъ и поверхностей, вѣдь, въ концѣ

концовъ, къ геометріи, которая имѣть дѣло лишь съ чистыми формами. Тотъ фактъ, что сходныя вещи называются одними и тѣми же именами, обусловленъ отожествлениемъ сходныхъ, зрительныхъ восприятій; такимъ образомъ, элементарная классификація и группировки, въ конечномъ счетѣ, обусловлены ассоціаціями по сходству.

Отожествление отношений. Аналогія. Ассоціаціи по сходству существуютъ не только между отдельными представлениями. Очень часто какое нибудь отношение между представлениями наводить насъ на мысль о ранѣе замѣченномъ сходномъ отношеніи. Отожествление такихъ отношений мы называемъ *аналогіей*.

Уже въ раннемъ дѣтствѣ мы замѣчаемъ сходныя черты между простѣйшими ощущеніями различныхъ чувствъ. Такъ, говоря объ *остромъ запахѣ*, мы имѣемъ въ виду показать, что этотъ запахъ возбуждается въ насть чувство, похожее на то, которое мы испытываемъ, когда нашей кожи касается какой-либо острый предметъ. Мы говоримъ о свѣтлыхъ тонахъ и кричащихъ краскахъ. Дѣти обыкновенно называютъ *черными* низкие, мрачные звуки. Сходство оказывается здѣсь въ чувствѣ, т. е. въ отношеніи ощущенія къ общему сознанию.

Нахожденіе аналогіи часто имѣть большое практическое значеніе. Нахожденіе аналогіи между паромъ и другими двигательными силами (мышечная сила, текучая вода) послужило основой изобрѣтенія паровой машины. Точно такъ же прошло не мало времени, пока научились отожествлять молнию съ электрическими искрами, а громъ—съ слѣдующимъ за нимъ трескомъ. Хотя мыслительные процессы, выступающіе здѣсь, очень сложны, но все же основой ихъ являются ассоціаціи по сходству. Классификація объектовъ, основанная на одномъ только сходствѣ чувственныхъ впечатлѣній, дѣлается значительно точнѣе и планомѣрнѣе благодаря отожествлению отношеній. Летучая мышь напоминаетъ своей вѣшнностью птицу. Но тотъ фактъ, что она рождастъ живыхъ дѣтенышей, обнаруживаетъ ея принадлежность къ классу млекопитающихъ. Все раздѣленіе животныхъ на позвоночныхъ и беспозвоночныхъ основано на отожествлении отношеній. Такимъ образомъ были открыты важныя черты сходства, которыя были скрыты яркими вѣшними различіями.

Аналогія имѣть также большое значеніе для *иллюстраціи* нашей мысли. Исторический фактъ или историческая личность дѣлаются значительно яснѣе, если мы проведемъ аналогію между ними и другими историческими фактами или личностями. «Сравни себя съ другими, и ты познаешь самаго себя», говорить Антоніо отчаявшемуся Тассо; еще сильнѣе значеніе аналогіи подчеркивается въ томъ же произведеніи въ слѣдующихъ словахъ:

„Когда всгрѣчаемъ что нибудь нежданно
„И взглянь необычайнымъ поражень,
„Поражены на мигъ мы тутъ бываемъ:
„Сравненья умъ не можетъ прискать“.

(Перев. А. Яхонтова).

На этомъ основана оживляющая сила *метафоръ* и сравненій. Здѣсь поэтъ можетъ выказать свою оригиналность, если онъ удачно находить ускользавшій прежде отъ нашего вниманія сходный черты предметовъ. *Метонимія* поконится, напротивъ, на существующей уже ассоціаціи по смежности и оставляетъ мало простора поэтической фантазіи.

Интересную связь ассоціаций по сходству и ассоціаций по смежности обнаруживаютъ сравненія Гомера. Такъ, напримѣръ, когда плачущій Патрокль сравнивается съ маленькой дѣвочкой, въ слезахъ умоляющей матеръ взять ее на руки, то на ассоціаціи сходства основано лишь представление

о залитомъ слезами личикѣ ребенка. Остальныя разъясненія являются только ассоціаціями по смежности и не находятся ни въ какой связи съ сравниваемымъ предметомъ.

Способность производить отожествленія и находить сходныя черты развита у различныхъ людей въ различной степени. Какъ кажется, степень, въ которой имѣется на лицо эта психическая склонность, является частью склонностей, которыя мы называемъ способностью схватывать, одаренностью, остроумiemъ, умомъ.

§ 30. Ассоціаціонный ходъ представлений.

(Продолжение).

Часто случается, что въ нашемъ сознаніи пробуждается представление, причину возникновенія которого мы не можемъ себѣ объяснить. Мы вдругъ вспоминаемъ какое-нибудь старое событие и не можемъ понять, чѣмъ обусловлено это воспоминаніе. Часто такие представления называли свободными представлениями. Но болѣе точные наблюденія и опыты показали, что и эти представления вызваны ассоціацией (по большей части ассоціацией по смежности), притомъ однако такъ, что промежуточные звенья ряда не соизнаются нами. Благодаря этому и образуется минимый пробѣль, который даетъ поводъ къ допущенію наличности свободно появляющихся представлений, противорѣчащихъ законамъ ассоціаціи.

Особенно часто несознанными промежуточными звеньями являются ощущенія обонянія (см. § 23). Мы разсказали однажды слѣдующій случай: одинъ пожилой офицеръ занимался вечеромъ въ своей комнатѣ. Вдругъ въ его душѣ возникла картина сельского ландшафта; ему представилась сельская дорога, по которой девушки вела старика. Картина была такъ жива, что стала мѣшать офицеру заниматься; чѣмъ больше онъ задумывается надъ тѣмъ, что означаетъ это представление и какимъ образомъ оно возникло, тѣмъ больше онъ начинаетъ волноваться. Вставъ изъ-за письменного стола и начавъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ вдругъ замѣчаетъ на одномъ изъ столовъ комнаты букетъ грушанки (*Pirola uniflora*). Эти цветы объяснили ему все. Лѣтъ тридцать тому назадъ онъ былъ въ этой мѣстности, которая такъ живо воскресла въ его душѣ. Тамъ онъ въ первый разъ видѣлъ грушанку и вдыхалъ ея пріятный ароматъ. Тамъ же онъ увидѣлъ въ этотъ моментъ старика и молодую девушки. Запахъ цветовъ по ассоціаціи вызвалъ въ немъ представление, происхожденіе которого онъ сначала никакъ не могъ себѣ объяснить. Всѣ мы при случаѣ переживаемъ подобная изслѣдованія, и при внимательномъ разборѣ мы почти всегда находимъ недостававшее вначалѣ промежуточное звено.

Въ общемъ мы можемъ сказать, что всякое воспроизведеніе основано на ассоціаціи. Поэтому мы часто для того, чтобы вспомнить какую-либо вещь, стараемся освѣжить въ своей памяти представленія, находящіяся съ ней въ какой либо связи. Если мы напримѣръ, помнимъ, что въ одномъ определенномъ мѣстѣ намъ пришла въ голову мысль, которую мы теперь забыли, то мы стараемся найти это мѣсто, въ надеждѣ, что намъ удастся вспомнить забытое; и часто такія попытки увѣличиваются успехомъ.

Грильпарцеръ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что онъ вспомнилъ забытый имъ планъ своего сочиненія „Der goldene Vliess“, начавъ играть тѣ симфоніи, съ звуками которыхъ были связаны его мысли о задуманномъ произведении.

Часто говорятъ объ ассоціаціяхъ по контрасту. Ученые утверждали, что представление воспроизводить не только сходныя представленія, но и

представлений совершенно противоположного содержания. Однако въ высшей степени неправильно говорить, что свѣтъ напоминаетъ намъ темноту. Когда яркий свѣтъ ослѣпляетъ мой глазъ, я ищу темноты; когда меня утомляетъ шумъ города, я съ тоскою думаю о тишинѣ деревенской жизни. Съ большими правомъ можно сказать, что карликъ напоминаетъ великана; но здѣсь ассоціація обусловлена не противоположностью, не контрастомъ, а общимъ. Карликъ и великанъ представляютъ собою отклоненія отъ среднаго типа, и мое развитое сознаніе shaftитъ сходство въ отношеніяхъ, несмотря на различие чувственныхъ ощущеній. Пары понятій, каковы: направо — нальво, вверхъ — внизъ и т. п., такъ часто представляются нами вмѣстѣ, что они связаны другъ съ другомъ не только по ихъ логическому отношенію, но и по ассоціаціи по смежности. Такимъ образомъ, явленія контраста объясняются, отчасти, утомленіемъ, а отчастій — обоими законами ассоціацій по сходству и ассоціацій по смежности.

Ассоціаціонный ходъ представлений побуждаетъ насъ къ сужденіямъ, и эти сужденія иногда ошибочно принимаются за ассоціаціи. Особенно часто это смыщеніе понятій наблюдается при *вторичномъ узнаваніи*. Вторичное узнаваніе какого-либо предмета часто склонны рассматривать, какъ простейший случай воспроизведенія (репродукціи). Въ дѣйствительности же вторичное узнаваніе является *сужденіемъ*, составленнымъ на основаніи ассоціаціи по сходству и ассоціаціи по смежности. Если я послѣ болѣе или менѣе продолжительного періода времени снова ѿду на желѣзной дорогѣ по знакомой мнѣ местности, то въ каждый моментъ я снова узнаю различные вещи. «Здѣсь», говорю я себѣ, «вотъ домъ, гдѣ я провелъ такъ много приятныхъ часовъ». Видъ дома, благодаря ассоціаціи по сходству, пробудилъ во мнѣ прежнія воспоминанія того же объекта, къ которымъ присоединился въ качествѣ ассоціаціи по смежности цѣлый рядъ другихъ представлений. Всѣ впечатлѣнія вызываются вмѣстѣ взятое вторичное узнаваніе, которое часто связано съ разнообразнейшими чувствами. Ассоціаціонный ходъ представлений является основой и условиемъ вторичного узнаванія, но онъ не составляетъ акта вторичного узнаванія, а лишь вызываетъ его.

Ассоціаціонный ходъ, какъ мы уже выше замѣчали, связанъ въ развитомъ, бодромъ сознаніи съ апперцепціонными явленіями, которыя измѣняютъ его въ ту или другую сторону. Тамъ, где ходъ представлений опредѣляется исключительно законами ассоціаціи (а это приблизительно имѣеть место во снѣ), тамъ этотъ ходъ носить спутанный, хаотический характеръ. Такимъ образомъ, для того, чтобы уяснить себѣ дѣйствительный ходъ представлений, должны быть найдены факторы, которые опредѣляютъ этотъ ходъ наряду съ законами ассоціаціи.

§ 31. Апперцепціонный ходъ представлений. Вниманіе.

Вліяніе, оказываемое склонностями чувства и воли на ходъ нашихъ представлений, сказывается прежде всего въ явленіи *вниманія*.

Вниманіе представляетъ собою психическое состояніе, въ которомъ ясно выраженнымъ образомъ сливаются три вышеупомянутыя основные функции сознанія. *Вниманіе* состоитъ въ особаго рода сосредоточеніи всего организма въ ожиданіи впечатлѣнія. Посмотрите на кошку, подстерегающую свою жертву, и передъ вами будетъ наглядная картина вниманія. Эта концентрація суживаетъ наше внутреннее поле зрѣнія, но въ то же время усиливаетъ функции, служащія для опредѣленной цѣли, такъ какъ вся сила соединяется въ одномъ пункѣ. Когда мы напряженно на что-нибудь смотримъ или напряженно прислушиваемся къ чему-нибудь, то въ это время глаза и уши и подчиненные имъ органы работаютъ интен-

сивъе обыкновенаго. Одновременно съ этимъ воспроизводятся всѣ представлія, которыя имѣютъ отношеніе къ наблюдалемому нами предмету, и, такимъ образомъ, повышается способность сужденія объ ожидаемомъ впечатлѣніи. Все это направлено къ тому, чтобы возможно правильнѣе и полноѣ охватить ожидаемое впечатлѣніе и быстро принять соответствующая мѣры.

Вниманіе будетъ намъ вполнѣ понятно только тогда, когда мы разсмотримъ его съ биологической точки зреінія. Рефлекторныя движения, какъ мы уже это говорили (§ 7), не достаточны для поддержания жизни. Для того, чтобы цѣлесообразно реагировать на дѣйствія внѣшней обстановки, или, говоря другими словами, для того, чтобы принимать мѣры, необходимый для поддержания жизни,—для этого требуются самопроизвольныя проявленія организма. Наиболѣе важной изъ относящихся сюда дѣятельностей является возможно болѣе точное знаніе отдѣльныхъ объектовъ и явлений внѣшней обстановки. Мы должны знать, чего намъ ждать отъ всѣхъ предметовъ окружающей настѣ среды, отъ облаковъ и волнъ, отъ животныхъ и людей. Для этой цѣли мы напрягаемъ всѣ наши психическая силы, и это напряженіе мы называемъ вниманіемъ. Когда раздается шумъ, мы стараемся узнать природу и направленіе его; мы дѣлаемъ это для того, чтобы знать, къ какимъ послѣдствіямъ онъ можетъ привести.

Вниманіе обыкновенно сопровождается движеніями, служащими для того, чтобы повысить восприимчивость какого-либо органа чувствъ или удалять мѣшающія дѣлу явленія. При внимательномъ наблюденіи мы обыкновенно глазами фиксируемъ объектъ; прислушиваясь къ чему-либо, мы дѣлаемъ соответствующія движения головой. Эти движения сопровождаются ощущеніями напряженія и влекутъ за собою послѣдствія болѣе или менѣе долгаго времени сильное утомление организма.

Биология объясняетъ намъ также различіе, которое часто проводится между *произвольнымъ* и *непривольнымъ* вниманіемъ. Если непосредственно вблизи настѣ раздается выстрѣль или какой-нибудь шумъ, то мы вздрогиваемъ, пугаемся и въ то же время чувствуемъ необходимость разслѣдовать причины этого явленія. Сильный шумъ даетъ намъ право предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ серьезными явленіями, которые не могутъ быть для настѣ безразличны, такъ какъ они разыгрываются недалеко отъ настѣ и могутъ угрожать нашей жизни. Напротивъ, если мы на прогулкѣ замѣчаемъ какое-нибудь растеніе, то отъ настѣ самихъ зависить, хотимъ ли мы его наблюдать ближе или нетъ. Тутъ наша жизнь не находится въ непосредственной зависимости отъ этого. Развитіе сознанія обусловливаетъ расширение круга нашихъ интересовъ. Болѣе сильные, болѣе жизненные интересы непривольно возбуждаютъ внимание; болѣе слабые интересы побуждаютъ волю къ сознательной дѣятельности, регулируемой произвольнымъ вниманіемъ.

У дѣтей внимание возбуждается всяkimъ болѣе сильнымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ и отвлекается отъ предмета, которымъ оно раньше занималось. Ребенокъ очень быстро уѣняетъ предметы своего вниманія, и ему бываетъ довольно трудно сосредоточиваться болѣе продолжительное время на одномъ какомъ-нибудь рядѣ представлений. Такъ называемое произвольное внимание дѣйствуетъ всегда не безпрерывно, такъ какъ необходимо для него напряженіе воли очень быстро утомляетъ человѣка. Педагогъ, знакомый съ физиологической стороной вниманія, будетъ поэтому стараться привлекать внимание учениковъ иными средствами, чѣмъ постояннымъ призывомъ къ ихъ силѣ воли.

Вниманіе находится въ тѣсной связи съ тѣмъ, что мы въ обыденной жизни называемъ *интересомъ*. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не практи-

ческій интересъ, тожественный съ понятіемъ пользы, выгоды, а интересъ теоретическій, проявляемый нами къ опредѣленнымъ умственнымъ занятіямъ. Теоретический интересъ является склонностью чувства, выражющейся въ томъ, что мы испытываемъ удовольствие при дѣятельности нашей функции познанія вообще или при известныхъ видахъ этой дѣятельности. Если мы про кого-нибудь говоримъ, что онъ интересуется языками, естественными науками, описаніемъ путешествий, музыкой, театромъ, спортомъ и т. п., то этимъ мы хотимъ сказать, что занятіе такими-то и такими-то вещами доставляетъ ему удовольствие. Такой человѣкъ читаетъ книги, относящіяся къ данному предмету, отыскиваетъ въ книгахъ и газетахъ мѣста, касающіяся данного предмета, и идетъ туда, где онъ наѣтъся увидѣть его или что-либо узнать о немъ. То, что возбуждается нашъ интересъ, привлекаетъ въ то же время наше вниманіе. Педагогъ, сумѣвшій заинтересовать учениковъ, въ то же время возбуждаетъ постоянно ихъ вниманіе.

Такимъ образомъ, интересъ является, въ известной степени, источникомъ и въ то же время руководителемъ вниманія; этимъ и объясняются дѣйствія вниманія на ходъ представлений. Эти дѣйствія крайне разнообразны; ихъ можно сгруппировать слѣдующимъ образомъ:

1. Выбирающая дѣятельность. Изъ массы имѣющихся на лицо воспріятій или ассоціаций нами выбираются только тѣ, которыхъ сумѣли заинтересовать насъ и привлечь наше вниманіе. Вполнѣ естественно, что тутъ особенно ярко сказываются индивидуальная различія; такъ, напримѣръ, различные лица, путешествовавшія по одной и той же странѣ, будутъ рассказывать о ней совершенно различные вещи, такъ какъ каждый изъ нихъ дѣлать иной выборъ изъ всей массы дѣйствовавшихъ на нихъ впечатлѣній.

2. Суженіе внутренняго поля зрењія. Вниманіе суживаетъ внутреннее поле зрењія, такъ какъ организмъ сосредоточивается на ожидаемомъ впечатлѣнії. Всѣ склонности, имѣющія какое-либо отношеніе къ предмету нашего вниманія, усиливается; остальные же склонности отодвигаются на задній планъ. Созерцая картину, мы вспоминаемъ все, что находится въ связи съ изображаемымъ предметомъ, съ живописью вообще, но въ то же время мы не замѣчаемъ шума, раздающагося вблизи насъ. Чѣмъ интенсивнѣе наше вниманіе, тѣмъ сильнѣе суживается поле зрењія и тѣмъ менѣе мы оказываемся въ состояніи быстро переходить въ другую область мышленія. Всякий учитель знаетъ, что большинство учениковъ на урокѣ латыни значительно труднѣе вспомнить какую-нибудь математическую формулу или какую нибудь историческую дату, чѣмъ на урокѣ математики или истории.

3. Разложение представлений. Для того, чтобы составить себѣ ясную картину какого-либо предмета часто необходимо внимательно разсмотрѣть другъ за другомъ отдѣльные части или отдѣльные признаки его, подобно тому, какъ мы фиксируемъ подрядъ отдѣльные части предмета, чтобы всѣ онъ отразились въ точкѣ наиболѣе яснаго зрењія. Когда мы внимательно рассматриваемъ одинъ какой-либо признакъ, остальные сами собой отступаютъ на задній планъ. Любусь колоритомъ картины, я не смогу особенно точно передать очертанія. Когда я читаю стихи Софокла и при этомъ обращаю особенное вниманіе на размѣръ стиха, содержаніе его ускользаетъ отъ меня. Корректируя печатный листъ и внимательно слѣдя за буквами и знаками, я совершенно не знаю содержанія прочитанного. Точно такъ же ребенокъ, который учится читать, вначалѣ не знаетъ ничего изъ того, что онъ только что съ такимъ трудомъ прочиталъ по складамъ. Только современемъ мы научаемся комбинировать известныя

дѣятельности и можемъ обращать внимание одновременно на нѣсколько признаковъ. Благодаря тому, что мы научаемся обращать наше внимание на различные признаки, мы знакомимся съ предметомъ значительно полнѣе. При этомъ мы обнаруживаемъ различныя свойства предметовъ. То, что при поверхностномъ наблюденіи представлялось намъ чѣмъ-то цѣльнымъ, нераздѣльнымъ, оказывается совокупностью частей, чѣмъ то сложнымъ. Различные элементы, изъ которыхъ сложенъ предметъ, разматриваются нами отдельно и получаются благодаря этому извѣстную самостоятельность. Мы пользуемся ими, когда они намъ нужны, и ниже мы увидимъ, что эти элементы играютъ большую роль при образованіи фантастическихъ представлений. Цвѣтъ, форма, величина воспринятыхъ объектовъ могутъ быть нами расчленены и скомбинированы въ новые соединенія, точно такъ же, какъ и высота тона, тембръ и другіе неисчислимые элементы нашихъ комплексовъ представлений.

4. Абстракція. Другимъ, побочнымъ результатомъ вниманія является **абстракція**, или отвлеченіе отъ извѣстныхъ признаковъ. При внимательномъ наблюденіи одного признака остальные сами собой отступаютъ на задній планъ; позднѣе это отвлеченіе можно произходить намѣренно. Такъ, корректируя печатный листъ, я намѣренно не обращаю вниманія на содержаніе, чтобы всецѣло отдаваться исправленію буквъ и знаковъ препинанія. Абстракція имѣетъ огромное значеніе для логической обработки понятий, и поэтому особенно важно знать ея психологической корень.

5. Апперцепція. Однимъ изъ важнейшихъ результатовъ вниманія является тѣтъ фактъ, что благодаря со средоточенію на ожидаемомъ впечатлѣніи оживаются всѣ склонности, находящіяся съ этимъ въ какой либо связи. Благодаря этому мы замѣчаемъ такія свойства предмета, которые иначе ускользнули бы отъ нашего вниманія. Только благодаря этому предметъ связывается съ нашими прежними познаніями и какъ бы становится нашей духовной собственностью. Это усвоеніе предмета подъ влияніемъ склонности къ представлению, обусловленной вниманіемъ, мы называемъ апперцепціей. Въ сїдующемъ параграфѣ мы подробнѣе остановимся на этой душевной дѣятельности, имѣющей такое огромное значеніе для нашей психической жизни.

§ 32. Апперцепція.

Подъ апперцепціей мы понимаемъ, какъ уже указывалось выше, образованіе и оформленіе представлій подъ влияніемъ склонности къ представлению, обусловленной вниманіемъ. Когда мы концентрируемъ наше вниманіе на какомъ либо предметѣ, то онъ доходитъ до центральной точки нашего сознанія, и благодаря этому въ насъ оживаютъ всѣ представлія, находящіяся въ связи съ этимъ предметомъ независимо отъ того, будетъ ли то связь по сходству или по смежности. Эти новые представлія освѣщаются съ своей стороны предметъ, благодаря чему онъ самъ предстаетъ передъ нами въ новомъ свѣтѣ.

Только благодаря оживившимъ склонностямъ предметъ нашего вниманія вносится въ инвентарь нашего сознанія, врастаетъ въ строеніе всего цѣлаго и такимъ образомъ становится нашей духовной собственностью. Наши познанія состоять изъ совершившихся апперцепцій. Тогда какъ ассоціація состоить изъ цѣлаго ряда звеньевъ и по своей природѣ безконечна, апперцепція даетъ направление и известнымъ образомъ замыкаетъ ходъ представлений. Мы сѣдѣмъ за рядомъ представлений, возбудившихъ наше вниманіе и интересъ, только до тѣхъ поръ, пока онъ не срастется съ нашимъ сознаніемъ; тогда мы сейчасъ же переходимъ къ другому ряду представлений.

Изъ имѣющихъ на лицо склонностей къ представлению легче всего, подъ вліяніемъ вниманія, будуть, конечно, оживляться такія склонности, которыя больше всего развиты и потому являются господствующими у данного индивида. Поэтому одинъ и тотъ же предметъ будетъ вызывать у различныхъ лицъ различные группы представлений, т. е. онъ будетъ апперцепированъ ими различнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, усталый путешественникъ замѣчаетъ въ лѣсу лишь тѣнистыя мѣста; художникъ, напротивъ, будетъ любоваться отѣнками цветовъ и группами деревьевъ; плотникъ будетъ обращать вниманіе на величину и крѣпость стволовъ, лѣсничій—на деревья, а охотникъ—на слѣды дичи.

Ассоціаціонный и апперцепціонный ходы представлений ни въ коемъ случаѣ не являются противоположностью другъ другу. Скорѣе обѣ эти дѣятельности взаимно дополняютъ другъ друга. Благодаря ассоціаціи увеличивается запасъ представлений; при этомъ сознаніе все болѣе и болѣе расширяется. Благодаря вниманію и апперцепціи суживается поле нашего зрѣнія; но зато основательно перерабатывается приобрѣтенный запасъ и присоединяется къ нашимъ прежнимъ познаніямъ.

Апперцепція является однимъ изъ важнейшихъ законовъ психической жизни. Дѣйствіе ея сказывается въ познаніяхъ обыденной жизни, и она объясняетъ многія явленія культурнаго развитія человѣчества.

Ежедневный опытъ дасть намъ массу примѣровъ дѣйствія апперцепціи. Такъ, напримѣръ, одна и та же книга интересуетъ ученаго по заглавію и содержанію, антикварія—по ея цѣнности, переплѣтчику—своимъ переплетомъ, фабриканта бумаги—своей бумагой, любителя книгъ—пожалуй, всѣми этими признаками, вмѣстѣ взятыми. Одинъ и тотъ же объектъ апперцептируется различнымъ образомъ. Шиллеръ въ жизнеописаніяхъ *Платона* искалъ материала для своихъ произведеній, тогда какъ *Наполеонъ* искалъ въ нихъ примѣровъ для подражанія. Успѣхъ преподаванія въ значительной степени зависитъ отъ того, умѣеть ли учитель, желающій сообщить новое ученикамъ, возбудить въ нихъ соответствующія склонности къ представлению, благодаря чему они легче схватываются и усваиваются новымъ материаломъ. Важной задачей преподаванія является также умѣніе действовать такъ, чтобы одинъ и тотъ же объектъ былъ апперцептированъ съ разныxъ сторонъ. При изученіи какой-либо области мы должны обращать вниманіе не только на ея горныя цѣпи и направление рѣкъ, но и на историческія события, ареной которыхъ она была.

Измѣненія значенія словъ знакомятъ насъ съ различными родами апперцепціи, при посредствѣ которыхъ былъ воспринятъ одинъ и тотъ же предметъ и одно и то же свойство. Такъ, напримѣръ, въ измѣненіяхъ иѣзцкаго слова «schlecht», означавшаго сначала «просто» и «прямо», затѣмъ «незначительно», «негодно», а потомъ—«безнравственно», сказывается своего рода аристократическая апперцепція. Понятіе «schlechter Mann» вначалѣ было равнозначуще съ понятіемъ «простой человѣкъ», т. е. человѣкъ не дворянскаго происхождѣнія. «Schlechtъ» называлось тогда все то, что противорѣчило поведенію дворянинна; отсюда ведутъ свое происхождѣніе и дальнѣйшія значенія этого слова. Слѣдовательно, поведеніе дворянина считалось благороднымъ, достойнымъ подражанія; въ этомъ-то и сказывается аристократический способъ апперцепціи.

Эпитеты, которыми ораторы и поэты снабжаютъ объекты, часто очень метко характеризуютъ различные способы апперцепціи, которыми познается одинъ и тотъ же объектъ.

Тропъ синекдохи, гдѣ часть принимается за цѣлое, является выражениемъ акта апперцепціи, когда называется только та часть цѣлаго, о которой какъ разъ идетъ рѣчь. Такъ, напримѣръ, домъ называется одинъ

разъ порогомъ, другой разъ кровлей. Въ «Ивиковыхъ журавляхъ» мы встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе:

„Издалека мы сюда прилетѣли
и умоляемъ о гостепріимной кровлѣ“.

Первоначальная обозначенія вещей словами покоятся также на апперцепції, причемъ апперцептируется не сущность вещи, а въ большинствѣ случаевъ наиболѣе бросающейся въ глаза признакъ ея. Нѣмецкое слово «Schlange» (змѣя) безусловно происходитъ отъ слова «umschlingen» (охватывать, обмальывать), между тѣмъ какъ въ латинскомъ словѣ «serpens» (змѣя) отмѣчено именно то обстоятельство, что змѣя ползетъ.

Въ арабскомъ языкѣ имѣются сотни словъ для обозначенія понятія «левъ»; все это—результаты столькихъ же различныхъ апперцепцій, съ точки зрѣнія которыхъ обитатели пустыни рассматривали столь важное для нихъ животное.

Нѣмецкое слово «Seele» (душа) произошло, вѣроятно, отъ того же самого корня, какъ и «See» (море), и обозначаетъ что-то движущееся въ глубинѣ. То же самое можно сказать про греческое слово «θυμός», находящееся въ родствѣ съ глаголомъ θύω (волноваться, бѣсноваться). Въ другихъ звукахъ, какъ напр., въ русскомъ, латинскомъ (anima), греческомъ (φυγή), еврейскомъ (Nephesch), слово, обозначающее понятіе души, напоминаетъ вздохъ, дыханіе. Въ этихъ обозначеніяхъ отражаются различные акты апперцепціи, которыми народы пытались охватить свою душевную жизнь на первыхъ ступеняхъ культурного развитія.

Всякое обозначеніе предмета является актомъ апперцепціи, и этимология показываетъ намъ, какая склонности къ представлению играли при обозначеніи рѣшающую роль. Благодаря этому мы узнаемъ, чтоказалось наиболѣе характернымъ въ данномъ предметѣ первымъ создателемъ языка. *Вильгельмъ фонъ-Гумбولدтъ* называлъ апперцепцію, действующую при первомъ обозначеніи предметовъ (т. е. одностороннее обозначеніе многостороннаго предмета при помощи рѣчи) *внутренней формой* «innere Sprachform» слова. Въ теченіе культурного развитія изъ сознанія по большей части, исчезаетъ первоначальная внутренняя форма рѣчи; однако и въ развитыхъ языкахъ при образованіи новыхъ обозначеній существуетъ тотъ же законъ. Гениальнымъ поэтомъ иногда удается вновь возстановлять въ сознаніи почти потерянную внутреннюю форму слова.

Основная апперцепція. Какъ ни различны способы апперцепціи однихъ и тѣхъ же объектовъ, все же въ нашей душевной жизни имѣется видъ апперцепціи, который одинаковымъ образомъ реагируетъ на все происходящее. Когда ребенокъ пытается сжать предметъ, то онъ встрѣчаетъ сопротивление, которое ощущается имъ, какъ сознательное, обусловленное волей противодействіе. Ребенокъ приписываетъ свои собственные волевые импульсы окружающимъ его объектамъ и принимаетъ явленія за проявленія воли. Ребенокъ апперцептируетъ всякое явленіе такимъ образомъ, что этимъ самымъ возбуждается наиболѣе сильная склонность къ представлению. Изъ всѣхъ склонностей наибольшей силой отличается склонность переживать волевые импульсы, обусловленная движеніями тѣла. Такимъ образомъ наиболѣе легко вызывается воспоминаніе о пережитыхъ волевыхъ импульсахъ, и эти воспоминанія образуютъ тѣ наиболѣе легко всплывающія группы представлений, которыхъ ребенокъ примѣняетъ къ каждому явленію, привлекшему его вниманіе. Каждый воспринятый объектъ представляется ребенку одухотвореннымъ существомъ, и все, что онъ замѣчаетъ на данномъ объектѣ, воспринимается имъ, какъ волевое дѣйствіе. Это анимистическое

(одухотворяющее) и антропоморфическое возврѣніе мы встрѣчаемъ также у дикихъ народовъ. Теченіе воды, дуновеніе вѣтра, свѣтъ солнца, мѣсяца и звѣздъ,—все это у дикихъ народовъ считается проявленіями воли видимыхъ или невидимыхъ существъ. Этотъ способъ апперцепціи, благодаря которому все явленія вѣнчаны го мѣра считаются *проявлѣніями воли самостоятельныхъ объективовъ*, мы назовемъ *основной апперцепціей*.

Этотъ способъ восприятія, развивающейся въ раннемъ дѣтствѣ, свойственъ человѣку до конца его дней. Постепенно развиваясь, мы научаемся отличать одушевленные предметы отъ неодушевленныхъ и не присыпываемъ послѣднимъ сознательной воли. Но несмотря на это, основная апперцепція все же проявляетъ свое дѣйствіе. И даже развитое сознаніе можетъ сдѣлать своей духовной собственностью какое либо явленіе или фактъ не иначе, какъ воспринять это явленіе, по аналогии съ нашими волевыми дѣйствіями, въ качествѣ проявленія самостоятельно существующаго центра силы. Мѣсто воли застуپаетъ сила, но и ее мы, сознательно или безсознательно, приписываемъ сущности воспринятаго объекта. Ниже мы увидимъ, какъ основная апперцепція развивается въ функцию сужденія и выливается въ форму *предложенія*. Ниже намъ придется еще встрѣчаться съ основной апперцепціей, и поэтому здѣсь намъ достаточно указать на возникновеніе и значеніе этой важной формы нашего представлія и мышленія.

Послѣ того, какъ мы познакомили читателя, съ общими законами хода представлений, перейдемъ къ упомянутымъ выше (§ 26) главнымъ классамъ представлений и соответствующимъ имъ склонностямъ.

§ 33. Память и воспоминаніе.

Воспоминаніями мы назвали выше (§ 26) тѣ представлія, благодаря которымъ болѣе раннія восприятія воспроизводятся въ нашемъ сознаніи въ возможно неизмѣнномъ видѣ. Однако болѣе точное наблюденіе показываетъ намъ, что фактъ неизмѣнного воспроизведенія не является характерной чертой воспоминанія. Для этого необходимо сознать, что мы *дѣйствительно сами пережили* представляемое явленіе. Этотъ признакъ является дѣйствительно характернымъ для воспоминанія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы присмотримся ближе къ нашей душевной жизни, то мы увидимъ, что въ дѣйствительной жизни нѣть совершенно неизмѣненного воспроизведенія. Мы не можемъ сохранять и точно воспроизводить всѣ детали воспринятаго объекта. Картина воспоминанія всегда отличается, съ сравненіемъ съ первоначальнымъ восприятіемъ, расплывчатостью, и часто, увидѣвъ снова, напримеръ, какую-нибудь картину, мы сами удивляемся истинностямъ и недостаткамъ прежнихъ образовъ воспоминаний.

Такимъ образомъ, подъ *воспоминаніемъ* мы понимаемъ *представленія объ явленіяхъ; сознанныхъ нами, какъ нѣчто пережитое нами самими*. Когда мы пытаемся воскресить въ нашей памяти свою родину и тѣ мѣста, гдѣ мы провели юность, то передъ нашими духовными очами появляется домъ, садъ, многие детали, и гдѣ то въ уголку мы всегда открываемъ самихъ себя. Мы очутились въ какой то комнатѣ, затѣмъ на улицѣ, въ саду и все это снова рассматриваемъ. Такимъ образомъ, воспоминанія сопровождаются чувствомъ собственной дѣятельности и сознаніемъ безпрерывности нашихъ познаній. Когда въ воспроизведеніи представленій отсутствуетъ мое собственное «я», то оно не является уже больше воспоминаніемъ. Ниже мы увидимъ, что такія представлія часто соответствуютъ дѣйствительности, но носить совершенно иной характеръ. Воспоминаніе, указывающее на прежде пережитые факты, содержать въ себѣ

поэтому элементъ *созерцанія времени* и, какъ мы ниже увидимъ, имѣть большое значеніе для развитія этого созерцанія времени.

Память, говоря въ общемъ, представляетъ собою психическую склонность переживать представления воспоминанія. Въ нѣсколько болѣе специальномъ смыслѣ памятью называется способность воспроизвести въ возможно неизмѣнномъ видѣ ряды представлений или суждений, причемъ эта способность находится всегда въ нашемъ распоряженіи.

Число представлений или длина рядовъ, находящихся всегда въ нашемъ распоряженіи, опредѣляетъ *объемъ* памяти или ея *силу*. Качество памяти опредѣляется числомъ повторений, необходимыхъ для того, чтобы запомнить рядъ представлений. Чемъ лучше память, тѣмъ меньшее число разъ должно быть повторенъ этотъ рядъ. Вѣрность памяти опредѣляется степенью точности, съ которой мы воспроизводимъ представленія. Чемъ вѣрѣ память, тѣмъ ближе воспроизведенный рядъ подходитъ къ первоначально воспринятыму ряду.

Для особенно интересующихъ нась предметовъ у нась тоже имѣется лучшая память. Здѣсь, конечно, сказываются крупная индивидуальная различія. Поэтому у одного человѣка имѣется особая способность запоминать числа, у другого—имена, у третьаго—лица, или мѣстности, картины, мелодіи и т. п. Поэтому, если вы хотите усилить память для определеннаго вида представлений, вы должны пробудить интересъ къ нимъ. Хронология запоминается нами трудно часто потому, что цифры намъ ничего не говорятъ и часто даются памъ безъ всякой связи съ историческими явленіями. Но когда вы познакомитесь съ богатымъ содержаніемъ какого либо года, то онъ при помощи безчисленныхъ нитей связывается съ другими содержаніями вашего сознанія и такимъ образомъ легче запоминается.

Стѣдовательно, специальная память для извѣстныхъ группъ представлений поконится на опредѣленномъ направлении интереса. Благодаря этому соответствующимъ представлениямъ прочно апперцептируются и усваиваются и оставляютъ поэтому болѣе сильная психическая склонности. Этой специальной памяти можно противопоставить *общую память*. Эта память въ особенности развитой степени, состоитъ въ томъ, что ассоціации по смежности образуются легко и быстро и крайне прочно запечатлѣваются въ нашемъ сознаніи. Такая память носить на себѣ характеръ чего то механическаго и потому называется также *механической памятью*. Человѣкъ одаренный хорошей механической памятью легко заучиваетъ наизусть и удерживаетъ услышанное въ своеемъ сознаніи. Этимъ самимъ человѣку дано важное вспомогательное средство для научной работы.

Но хорошая механическая память ни въ коемъ случаѣ не является признакомъ дѣйствительного умственного дарованія. Послѣднее сказывается скорѣе какъ мы уже выше замѣтили, въ способности легко образовывать ассоціации по сходству. Здѣсь мы уже встрѣчаемся съ новымъ видомъ памяти, а именно, съ памятью на сходства, которая заключается въ содержаніи представлений и установлѣніе которыхъ предполагаетъ наличность болѣе сложныхъ мыслительныхъ процессовъ. Эта память на внутреннюю связь представлений и на имѣющіяся между ними отношенія сходства носить название *раціональной памяти*. Этотъ видъ памяти представляетъ собою способность передавать содержаніе и внутреннюю связь слышаннаго или прочитаннаго. Въ этомъ процессѣ наряду съ памятью принимаетъ также участіе *разумъ*. Человѣкъ, появившій какое-нибудь математическое доказательство или какое-нибудь мѣсто изъ произведеній латинскихъ или греческихъ писателей, не будетъ при повтореніи доказательства или при перевѣдѣ мѣста просто воспроизводить услышанное имъ, но будетъ въ то же время самъ вновь создавать звенья ряда.

Механическая память наиболѣе сильна въ дѣствѣ. Дѣти цитируютъ иногда длинныя стихотворенія, содержаніе которыхъ имъ непонятно. Въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ легче замѣчаетъ смыслъ и содержаніе, но зато труднѣе запоминаетъ дословно прочитанное или услышанное. Въ этотъ періодъ болѣе развита рациональная память.

Древніе греки обладали лучшей памятью, чѣмъ мы. У дикихъ народовъ память тоже очень хороша. Въ «Пирѣ» Ксенофонтъ нѣкій Никератъ хвалится тѣмъ, что онъ можетъ наизусть прочитать всю Илладу и Одиссею, и это не считалось тогда чѣмъ то особенно выдающимся. Правда, изобрѣтеніе и распространеніе письма и наличность лексиконовъ и справочныхъ изданий значительно повысили возможность воспоминанія, но въ тоже время ослабили память.

Забываніе. Всякое переживаніе, какъ извѣстно, оставляетъ послѣ себя психическую склонность, благодаря которой удается вновь довести до сознанія картину явленія. Эта склонность можетъ быть сильнѣе или слабѣе, продолжаться болѣе долгое или болѣе короткое время. Когда она отсутствуетъ, то переживаніе *совершенно забывается* нами. Часто мы никакъ не можемъ вспомнить имени, числа и т. п., хотя мы прекрасно знаемъ, что мы не забыли этого. «Это такъ и вертится у меня на языкѣ», говоримъ мы тогда. Часто случается, что искомое вспоминается нами черезъ нѣкоторое время, когда мы заняты совершенно другимъ. Напряженіе воли, не давшее вначалѣ никакихъ результатовъ, теперь оказываетъ свое дѣйствіе. Возможность вполнѣшаго забыванія нельзя отрицать, такъ какъ этотъ фактъ подтверждается многочисленными опытами; однако въ отдельномъ случаѣ трудно наявурное утверждать, что то или иное забыто нами окончательно. Иногда въ нашемъ сознаніи воскресаютъ неожиданно такія события, о которыхъ, какъ намъ казалось, мы совершенно забыли.

Недавно вѣнскій ученый Зигмундъ Фрейдъ обратилъ вниманіе на крайне интересное явленіе, которое имѣть мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ временнаго забыванія. Часто мы не можемъ вспомнить заглавіе какойнибудь хорошо извѣстной намъ книги или какое нибудь доступное намъ явленіе только потому, что съ этими вещами связано непріятное чувство. Въ этомъ случаѣ, какъ выражается Фрейдъ, представлѣніе «вытѣсняется». Я самъ имѣлъ случаѣ наблюдать на себѣ такое явленіе, о которомъ я сообщилъ на конгрессѣ психологовъ въ Вюрцбургѣ (1905 г.). Поэтому можно было бы сказать, что забываніе является результатомъ или ослабленія соответствующихъ склонностей представлѣнія, или «вытѣсненія» представлѣнія подъ вліяніемъ непріятнаго чувства.

Мы не можемъ произвольно забыть что либо; это не можетъ быть сдѣлано, по крайней мѣрѣ, непосредственно. Стараясь забыть какое либо воспоминаніе, я тѣмъ самымъ вызываю его. Но, направляя свое вниманіе возможно интенсивнѣе на другія вещи, мнѣ удается на нѣкоторое время прогнать отъ себя непріятное воспоминаніе. Лучшимъ утѣшениемъ въ горѣ является напряженный, цѣлесообразный трудъ. Такимъ образомъ, это познаніе, приобрѣтенное опытнымъ путемъ, находить себѣ подтвержденіе въ законахъ психологіи.

§ 34. Фантазія.

Фантастическими представлениями, какъ мы уже выше говорили (§ 26), называются такія представлѣнія, которыя изъ воспиринутыхъ элементовъ создаютъ новыхъ образованій, не бывшія прежде въ данной комбинаціи предметомъ нашего воспріятія. Психическая склонность къ созданію такихъ представлений называется *силой воображенія*, или *фантазіей*.

Какъ мы уже теперь знаемъ, почти при каждомъ воспроизведеніи дается поводъ къ образованію фантастическихъ представлений. Въ нашей памяти почти никогда не сохраняются всѣ детали воспринятыхъ объектовъ и пережитыхъ событий. Но, несмотря на это, въ картинахъ воспоминаній мы не находимъ фактическихъ пробѣловъ. Видѣніемъ нами дома мы всегда представляемъ себѣ, какъ нѣчто цѣлое, хотя мы при этомъ врядъ ли сможемъ указать нѣкоторыя подробности въ архитектурѣ его. Мы непроизвольно дополняемъ изъ запаса элементовъ представленія какъ разъ то, чего недостаетъ въ воспоминаніи. Эти элементы, какъ мы выше указали (§ 31), находятся въ нашемъ распоряженіи благодаря разложенію представленій, обусловленному вниманіемъ. Такимъ образомъ, первоначальная дѣятельность фантазіи заключается въ томъ, что она не даетъ образовываться пробѣламъ въ картинахъ нашихъ воспоминаній и заполняетъ ихъ элементами, находящимися въ ея распоряженіи.

Эта непроизвольная работа фантазіи дѣйствуетъ между прочимъ также и тогда, когда данное воспріятіе нуждается въ дополненіи. Вышеупомянутое (§ 32) анимистическое или антропоморфическое объясненіе явлений природы (которое мы считаемъ выражениемъ основной апперцепціи) часто побуждаетъ фантазію къ многочисленнымъ дополненіямъ и образованіямъ; съ такими дополненіями и образованіями мы имѣемъ дѣло въ миѳологии. Грекъ, который видѣлъ, что солнце описывается на небѣ дугобразный путь, думалъ при этомъ о колесницаѣ и представлять себѣ солнце въ видѣ колесницы, запряженной парадомъ лошадей и управляемой богомъ солнца. Видѣлъ быстро промчавшагося всадника, натолкнуль человѣка на мысль о существованіи какого-то существа, представляющаго собою наполовину человѣка, наполовину лошадь (кентавръ).

Кромѣ непроизвольной или пассивной фантазіи имѣется еще активная фантазія, играющая въ обыденной жизни, въ наукѣ и, особенно, въ искусствѣ очень большую роль.

Въ обыденной жизни фантазія пускается нами въ ходъ всякий разъ, когда мы хотимъ понять услышанное или прочитанное. Рассказъ о какомъ нибудь самому простомъ явлениѣ никогда не можетъ быть понять безъ энергичной дѣятельности нашей фантазіи. Способность представлять себѣ на основаніи описанія образъ описываемаго объекта развита у различныхъ людей въ различной степени. Иногда, благодаря описанію, образъ становится такимъ живымъ, что намъ кажется, будто мы его на самомъ дѣлѣ видѣли. Тутъ очень многое зависитъ отъ способа описанія. Дѣйствие, оказываемое на насъ поэтическими произведеніями, зависитъ, съ одной стороны, отъ умѣнья поэта наглядно описывать события и чувства, а съ другой—отъ способности читателя или слушателя создавать себѣ фантастические образы.

Въ наукахъ фантазія играетъ значительно большую роль, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Изученіе исторіи и находящихся съ нею въ связи наукъ требуетъ очень энергичной дѣятельности фантазіи. Здѣсь приходится на основаніи источниковъ составлять себѣ ясную картину жизни прошлыхъ временъ; знаніе же голыхъ фактovъ не даетъ ничего. Даже при изученіи естественныхъ наукъ, которая, какъ намъ кажется при поверхностномъ наблюденіи, имѣютъ дѣло только съ фактами и стараются по возможности ограничить индивидуальность изслѣдователя, даже и тутъ необходима дѣятельная работа фантазіи. Уже расположение ряда опытовъ, могущаго дать отвѣтъ на определенные вопросы, требуетъ, чтобы изслѣдователь ясно представлялъ себѣ аппаратъ и его дѣйствія, а это невозможно безъ дѣятельности фантазіи. Можно даже сказать о всѣхъ научныхъ открытияхъ (поскольку они не являются дѣломъ случая), что они сначала носились въ

фантазіи изобрѣтателя, а затѣмъ уже были имъ логически обоснованы. Разсказываютъ, что упавшее на землю яблоко навело *Ньютона* на мысль о законѣ тяготѣнія. Если это такъ, то мы должны однаково восхищаться, какъ рѣдкой силой отожествленія у *Ньютона*, такъ и его богатой фантазіей. Увидѣвъ падающее на землю яблоко, онъ подмѣтилъ сходство этого явленія съ силой притяженія, которая оказывается солнцемъ на звѣзды; въ этотъ же моментъ передъ его духовными очами раскрылась такая картина солнечной системы, которая еще не представлялась никому. Только послѣ этого онъ могъ логически обосновать видѣнное имъ.

Наконецъ, *искусство* представляеть собою собственную сферу дѣйствій активной фантазіи. Не являясь единствено опредѣляющимъ момен-томъ, она все же составляетъ основное условіе художественнаго творчества. Жизнь никогда не даетъ художнику образовъ и событій въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они ему нужны для его цѣлей. *Фидій* врядъ ли видѣлъ когда нибудь человека, обладавшаго такими же чертами лица, какимъ онъ надѣялся своего Зевса; *Рафаэль* тоже никогда не видѣлъ девушки, кото-рая какъ двѣ капли воды была бы похожа на его Мадонну. Имѣя передъ собой человѣческія лица, они, съ помощью фантазіи, должны были создать образъ, соотвѣтствующій идеѣ, которую они хотятъ выразить даннымъ произведеніемъ. Изображеніе ада *Ганса Гольбаха* настолько наглядно и живо, что намъ кажется, будто мы сами переживаемъ всѣ описываемыя тамъ явленія; а между тѣмъ это изображеніе является однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ примѣровъ чистой фантазіи, какие мы только находимъ во всемирной литературѣ.

Образованіе фантастическихъ представлений почти всегда сопро-вождается чувствомъ самодѣятельности, и, какъ проявленіе дѣятельности психическихъ силъ, оно, по большей части сопровождается чувствомъ удо-вольствія. Наши желанія побуждаютъ насъ рисовать себѣ самыя радостныя картины будущаго. Создаваніе воздушныхъ замковъ представляеть собою крайне занимательную игру; но она иногда охватываетъ насъ настолько сильно, что мы, во вредъ себѣ, забываемъ о жестокой дѣйствительности. Этой радостью, испытываемой при создаваніи фантастическихъ представле-ній, и объясняется тотъ фактъ, что въ умахъ многихъ народовъ загроб-ный міръ представляется такъ богато и живо. На игру фантазіи и на испытываемую при этомъ радость надо смотрѣть, какъ на одинъ изъ по-водовъ развитія поэзіи.

Но фантазія также пропозшла отъ инстинкта "сохраненія жизни и является важнымъ факторомъ ся. Именно на основаніи фантастическихъ представлений мы составляемъ сужденія о томъ, что намъ предстоитъ, и затѣмъ поступаемъ, соответственно этимъ сужденіямъ. Когда небо покрыто тучами, мы представляемъ себѣ при помощи фантазіи дождь; мы составля-емъ себѣ сужденіе, что скоро пойдетъ дождь и на основаніи этого, въ случаѣ, если намъ приходится уходить изъ дома, забираемъ съ собой дождевой плащъ и зонтикъ. Склонность, возникшая такимъ образомъ изъ биологическихъ мотивовъ, развивается и является причиной вышеописан-ныхъ поразительныхъ дѣйствій.

Слѣдовательно, фантазія представляеть собою психическую склон-ность, вытекающую изъ прирожденного человѣческой душѣ стремленія къ цѣльности; она заполняетъ пробѣлы памяти и представляеть намъ часть міровой картины, изъ которой мы черпаемъ воспріятія, въ видѣ чего то цѣльного, полного, удовлетворяющаго нашему стремленію къ единству. Она смѣло завоевываетъ мышленію новыя, огромныя области познанія, которыхъ затѣмъ благодаря медленной, но постогодной работѣ мышленія, становятся неоспоримо собственностью человѣческаго духа. Она же, наконецъ, соз-

даєть намъ идеальный, заоблачный міръ, куда мы улетаемъ чтобы отдохнуть душой и хотѣ на мгновеніе забыть всѣ наши горести и печали.

§ 35. Типическая представлени¤.

Типическими представлени¤ми мы называемъ такія представлени¤, которые появляются въ нашемъ сознаніи въ качествѣ представителей цѣлаго класса или цѣлой группы объектовъ. Тотъ фактъ, что типическая представлени¤ являются представителями свойствъ цѣлой группы объектовъ, составляетъ существенный признакъ ихъ. Мы постоянно имѣемъ дѣло съ такими представлени¤ми, не всегда ясно сознавая это. Типическая представлени¤ часто производятъ впечатлѣніе отдельныхъ представлени¤, носящихъ на себѣ печать индивидуальности. Для того, чтобы ясно представить себѣ сущность болѣе сложныхъ мыслительныхъ процессовъ, необходимо познакомиться съ возникновеніемъ и функцией типическихъ представлени¤, имѣющихъ, кромѣ того, также большое значеніе для художественного творчества.

Въ существованіи типическихъ представлени¤ можно легче всего убѣдиться, раскрывъ какой-нибудь естественно-исторический атласъ. Образъ льва (который мы беремъ въ качествѣ примѣра) немедленно вобуждаетъ въ насъ опредѣленное и носящее индивидуальный отпечатокъ воспріятіе. Но представлени¤, которое мы хотимъ создать подъ вліяніемъ этого воспріятія, является уже типическимъ. Когда бы мы ни вспоминали объ этомъ представлени¤, всегда оно фигурируетъ въ качествѣ представителя цѣлаго класса объектовъ. Если мы затѣмъ посѣщаемъ зоопаркъ или зоологический садъ, то къ типическому представлению, имѣющемуся у насъ на-лицо въ качествѣ алперцепціи, присоединяется воспріятіе дѣйствительного льва; это воспріятіе сливаются въ памяти съ типическимъ представлениемъ и образуетъ новое, болѣе полное типическое представлени¤. Когда мы затѣмъ читаемъ, напримѣръ, исторію Андрокла и его льва и пытаемся съ помощью силы воображенія представить себѣ разсказанное явленіе, то приобрѣтенное типическое представлени¤ вызоветъ въ нашей думѣ образъ льва, или говоря иначе, мы представляемъ себѣ льва Андрокла съ помощью приобрѣтеннаго типического представлени¤. Подобнымъ же образомъ можно убѣдиться въ наличности типическихъ представлени¤ въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ.

Типическая представлени¤ выражаютъ въ нашемъ сознаніи не только классы объектовъ, но и отдельные предметы. Столъ въ моей комнатѣ выглядитъ различно, если онъ покрытъ скатертью, освѣщенъ лампой или солнцемъ. Каждое отдельное воспріятіе стола даетъ особенную картину, которая рѣзко отличается отъ другихъ воспріятій того же самаго объекта. Но въ моемъ сознаніи имѣется типическое представлени¤ объ этомъ столѣ, содержащее въ себѣ столько признаковъ, сколько необходимо для того, чтобы снова узнать столъ, какъ опредѣленный, отдельный объектъ. Такимъ образомъ, мы можемъ различать типическая общія представлени¤ и типическая индивидуальная представлени¤.

Возникновеніе типическихъ представлени¤ объяснялось различно. Наиболѣе распространеннымъ въ настоящее время воззрѣніемъ считается то, согласно которому общіе признаки сходныхъ объектовъ воспринимаются чаще, чѣмъ отличительные признаки ихъ; вслѣдствіе этого общіе признаки остаются послѣ себя сильныя склонности и такимъ образомъ рѣзко отдѣляются отъ отличительныхъ признаковъ. Если же это воззрѣніе было правильно, то общіе признаки должны были бы сказываться все сильнѣе и сильнѣе и все больше отдѣляться отъ отличительныхъ признаковъ.

ковъ. На самомъ же дѣлѣ, общіе признаки постоянно тѣсно связаны съ отличительными признаками и не могутъ быть отдѣлены отъ нихъ. Кроме того, типическое представлениія образуются на очень ранней ступени душевной жизни и не являются лишь результатомъ часто повторяемаго наблюденія многихъ одинаковыхъ объектовъ. Типическое представлениѣ является не абстракціей, а дѣйствительнымъ переживаніемъ; поэтому всѣ представляемые имъ объекты дѣйствительно имѣются на-лицо. Типическое представлениѣ рѣзко отличается отъ логического понятія.

Такимъ образомъ, типическое представлениѣ не является результатомъ частаго представлениія общихъ признаковъ. Основу его возникновенія надо искать скорѣе въ биологическихъ мотивахъ. Объ объектахъ окружающей насъ вѣнчайшей обстановки мы должны, прежде всего, знать столько, чтобы умѣть сообразовать съ ними свое поведеніе. Про столъ, стоящій въ моей комнатѣ, я долженъ знать, что онъ изъ дерева, что онъ твердъ, и что я могу класть на него предметы. Я долженъ также знать, где онъ стоитъ, чтобы въ темнотѣ не наполгнуться на него особенно сильно. Мы также можетъ быть важно знать, четыреугольенъ ли онъ или круглъ, прикрытъ ли онъ къ полу или нѣтъ. Если вставъ ночью и не освѣтить комнаты, я въ темнотѣ направляюсь къ двери, то прикосновеніе къ находящемуся на моемъ пути столу будетъ вполнѣ достаточнымъ, чтобы вспомнить о столѣ все то, что мнѣ надо. Объ окружающихъ животныхъ первобытный человѣкъ долженъ знать, какъ они приблизительно выглядятъ и какіе звуки они издаются; тогда онъ можетъ различать изъ издалека. Вполнѣ естественно, что вниманіе чаще и сильнѣе всего сосредоточивается на этихъ важныхъ съ биологической точки зрѣнія признакахъ. Поэтому эти признаки оставляютъ послѣ себя наиболѣе сильныя склонности, и достаточно вспомнить эти признаки, чтобы составить сужденія, имѣющія значеніе для сохраненія жизни. При этомъ ожидаютъ только тѣ склонности, которыя имѣютъ какое-либо значеніе, и мы представляемъ себѣ только то, что важно для сохраненія жизни. Такимъ образомъ, типическое представлениѣ является вначалѣ *совокупностью важныхъ съ биологической точки зрѣнія признаковъ предмета*. Отсюда легко объясняется тотъ фактъ, что типическое представлениѣ является выражителемъ предметовъ живой дѣйствительности. Типическое представлениѣ напоминаетъ намъ какъ разъ живую дѣйствительность и дѣйствія предметовъ. Зная возникновеніе типическихъ представлений, можно легко объяснить и тотъ фактъ, что они являются представителями цѣлой группы предметовъ. Типическое представлениѣ даетъ намъ картину предмета, имѣющую для насъ опредѣленное биологическое значеніе. Благодаря типическому представлению, мы узнаемъ до извѣстной степени только то, чего намъ ждать отъ данного предмета. Типическое представлениѣ знаетъ очень мало или ничего о томъ, каковъ данный предметъ въ остальныхъ отношеніяхъ. Передъ нами могутъ имѣться различные предметы, обладающіе для насъ сходнымъ биологическимъ значеніемъ; всѣ эти предметы выражены типическимъ представлениемъ.

Биологическое происхожденіе типическихъ представлений объясняеть также тотъ фактъ, что они возникаютъ очень рано, значительно раньше, чѣмъ точные отдѣльныя представлениія, содержащія въ себѣ всѣ детали предмета. Вначалѣ мы, подобно Иисусу, обращаемся къ окружающимъ насъ вещамъ съ слѣдующимъ вопросомъ: «другъ ты или недругъ?» Вначалѣ мы хотимъ и можемъ обращать вниманіе только на биологическое значеніе предмета. Когда намъ больше нечего бояться, у насъ остается время для развитія и удовлетворенія нашего теоретического интереса. Только тогда мы знакомимся съ вещами во всемъ ихъ разнообразіи; только тогда мы открываемъ ихъ свойства, которыя раньше были скрыты отъ насъ.

Что эта деятельность теоретического интереса тоже важна для сохранения жизни, лучше всего подтверждается темъ влияниемъ, которое естественно-научные открытия оказывают на нашу современную жизнь.

Такимъ образомъ, типическая представлениа являются продуктомъ очень ранней ступени развитія. Они представляютъ собою результатъ необходимаго съ биологической точки зрѣнія сосредоточенія сознанія и экономіи душевной жизни. Но они принимаютъ участіе и въ дальнѣйшемъ развитіи и имѣютъ большое значеніе также и для высшихъ ступеней душевной жизни.

Въ функции познанія типическая представлениа составляютъ основу образованій, извѣстныхъ въ логикѣ подъ именемъ «понятій». Понятія не созерцаются и общі, отдѣльныя представлениа наглядны и носятъ на себѣ печать индивидуальности. Типическая представлениа соединяютъ въ себѣ на первый взглядъ несодѣянныя свойства *наглядности* и *общности*. Вслѣдствіе этого мы преднарѣзанно пытаемся создавать и использовать для высшихъ цѣлей типическая представлениа, первоначально созданныя, какъ мы уже выше говорили, нашимъ инстинктомъ самосохраненія.

Типическая представлениа имѣютъ большое значеніе для преподаванія. Всѣ атласы, схематическіе чертежи, модели вызываютъ живыя типическая представлениа и обогащаютъ нашъ умъ несравненно лучше, чѣмъ это могло бытъ достигнуто при помощи описаній или опредѣлений.

Но аналога своего развитія типическое представление достигаетъ въ искусство. Всѣ образы, возбужденные въ насъ художественнымъ изображеніемъ, являются типическими представлениами или типами. Исполненный со всей живостью и наглядностью, свойственными отдѣльнымъ существамъ, эти образы все же дѣйствуютъ на насъ, какъ типы, и отъ генія художника зависитъ находить въ индивидуальности типичныя черты.

Король Лиръ всегда остается для насъ типомъ отца, который ставить выше нѣжныя фразы, чѣмъ молчаливую любовь. Что-то неизмѣнное, вѣчное, лежащее въ этомъ типѣ, безусловно испытывали съ тѣхъ поръ уже многие отцы, такъ какъ въ каждомъ отцѣ есть черты, присущія королю Лиру. Ромео и Джульетта всегда останутся для насъ парой любящихъ существъ, которыхъ губить вражда между ихъ семьями, а Маргарита — трогательнымъ типомъ любящей и покинутой дѣвушки. Каждый портретъ даетъ типическое представление данной личности, а не ея отдѣльное определенное представление.

Типическая представлениа являются результатами апперцепцій, совершенныхъ инстинктивно на очень ранней ступени развитія. Благодаря *основной апперцепціи* мы воспринимаемъ всѣ предметы, какъ центры силъ, изъ которыхъ исходятъ активныя или потенциальные дѣйствія. То, что мы называемъ *свойствами*, является, на самомъ дѣлѣ, *потенциальными дѣйствіями*; это то, чего мы ждемъ отъ вещей, то, къ чему мы должны быть готовы. Въ типическихъ представлениахъ апперцепція охватываетъ потенциальный дѣйствія вещи, важныя для сохраненія нашей жизни; она говоритъ намъ сначала о томъ, что означаютъ для насъ данные вещи, такъ что затѣмъ мы можемъ извлѣдовать ихъ значеніе въ природѣ.

§ 36. Воспроизведеніе (репродукція) пережитыхъ душевныхъ состояній.

До сихъ поръ мы разматривали только такія представлениа, содержащіе или предметовъ которыхъ были физическая явленія. На этихъ явленіяхъ развилась душевная функция воспроизведенія, и только на нихъ мы могли познакомиться съ общими законами хода представлений и важ-

нейшими классами представлений. Но намъ приходится имѣть дѣло также и съ представлениями психическихъ явлений. Я могу вспоминать свое прежнее состояніе, я могу «представить» себѣ пережитыя раньше чувства или волевые акты.

Безъ сомнѣнія, пережитыя раньше психическаяя явленія могутъ быть тоже воспроизведены, но выступающая тутъ психическаяя дѣятельность рѣзко отличается, какъ по своей сложности, такъ и по своему характеру отъ той дѣятельности, которая играетъ роль при воспроизведеніи воспріятій физическихъ явлений. Если я хочу вспомнить пережитое мною раньше психическое состояніе, то я долженъ при помощи замѣтнаго волевого акта вызвать его въ своей душѣ, я долженъ создать его еще разъ. Правда, пережитыя мною мысли и чувства снова всплываютъ во мнѣ, но я о нихъ сужу съ точки зрѣнія настоящаго момента. При этомъ пережитое раньше сливаются съ тѣмъ, что я сейчасъ думаю; это сліяніе бываетъ иногда настолько тѣсно, что я самъ не въ состояніи отличить пережитое отъ придуманнаго мною въ данную минуту. Иногда случается, что мы такъ погружаемся въ наши воспоминанія, что забываемъ настоящее. Такое состояніе, носящее насебѣ характеръ сновидѣнія, изображаетъ Готевъ посвященіе къ «Фаусту»:

*Was ich besitze, seh' ich wie im Weiten,
Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten*.*

(То, чѣмъ обладаю, кажется мнѣ словно вдали, и что исчезло, становится дѣйствительнымъ).

Во вслкмъ случаѣ, воспроизведеніе психическихъ состояній значительно сложнѣе, чѣмъ воспроизведеніе воспріятій физическихъ явлений, и эти акты нельзя называть представленими; они относятся уже не къ вторичной, а къ третичной ступени развитія функции познанія. На этой ступени вторичныхъ образованій разсматриваются какъ матеріаль, получающей здѣсь новую форму и группировку. Поэтому воспроизведенія пережитыхъ душевныхъ состояній не являются уже больше представленими; это—мысли, которые часто сопровождаются спѣльными чувствованіями.

С. Мысленіе и языкъ.

§ 37. Представленіе и мысленіе.

Слово «мысленіе» употребляется въ обыденной жизни въ различныхъ смыслахъ. Подъ этимъ понимается, съ одной стороны, та душевная дѣятельность, которая проявляется при изслѣдованіи истины и выражается въ формѣ сужденія и умозаключенія, а съ другой—практическое размышленіе, предшествующее обыкновенно нашимъ решеніямъ. Соответственно этому, въ обычной рѣчи мы можемъ различать практическое и теоретическое значеніе слова «мысленіе». Обычная рѣчь довольно рѣзко подчеркиваетъ разницу между практическимъ мысленіемъ и чувствованіемъ, но она ставить мысленіе въ тѣсную связь съ хотѣніемъ. Вѣдь говорять же о людяхъ чувства и людяхъ разсудка, желая этимъ охарактеризовать склонности, играющія рѣшающую роль при образѣ дѣятельности. Въ области теоретического значенія имѣется опять таки совершенно опредѣленный классъ психическихъ явлений, которыхъ мы не относимъ къ мысленію: это—чувственная восприятія. Созерцаніе и мысленіе разсматриваются въ обыденной жизни, какъ прямыхъ противоположности другъ другу; при этомъ по большей части, упускается изъ виду тотъ фактъ, что въ тѣхъ комплексахъ, которые мы приписываемъ одному только воспріятію, часто имѣются на лицо явленія, возникновеніе которыхъ возможно лишь при помощи мы-

шленія. Точно такъ же *чувствомъ*, представляющимъ собою склонности переживать восприятія, противопоставляется умъ, какъ органъ независимой душевной дѣятельности. То, что обычая рѣчъ понимаетъ подъ словомъ мышленіе, представляется собою такимъ образомъ репродуктивную дѣятельность, сравнительно независимую отъ чувствъ; это—то, что мы до сихъ поръ относили къ области *представлений*.

Обычная рѣчъ не отличаетъ ассоціаціонного хода представлений отъ апперцепціонного хода. Она одинаково называетъ мышленіемъ какъ работу памяти и фантазіи, такъ и строго логической сужденій. Но несмотря на это, тамъ, где вліяніе воли сводится почти къ нулю, какъ это имѣть мѣсто во снѣ или при умственныхъ разстройствахъ, никогда не говорится о мысляхъ, а, по большей "части, о представленияхъ". Здѣсь чаще всего употребляются выраженія, вродѣ *насильственныхъ* представлений, фантастическихъ сновидѣній и т. п. Такимъ образомъ, какъ кажется, мы можемъ, основываясь на обычномъ пониманіи слова, подразумѣвать подъ мышленіемъ лишь находящіеся подъ вліяніемъ воли, т. е. *апперцепціонный ходъ представлений*. Но этотъ ходъ, какъ мы уже выше показали, опредѣляется, прежде всего, *основной апперцепціей*, благодаря чему представление становится *сужденіемъ*. Соответственно съ этимъ мы можемъ сказать: мыслить—это создавать сужденія.

Ниже мы точнѣе объяснимъ, что развитіе функции сужденія создаетъ психическія образованія, которыя лишь приблизительно можно назвать представлениями. Подвергнувъ нашъ собственный ходъ мыслей тщательному наблюденію, мы легко обнаружимъ кромѣ представлений определенныхъ предметовъ еще и другие элементы, которые очень трудно выразить словами, но въ наличности которыхъ нельзя сомнѣваться. Это—тѣ элементы, которые доводятъ до нашего сознанія форму сужденія и связь, заключающуюся между несколькими сужденіями. Эти элементы носятъ название отрицанія союзовъ и частицъ; благодаря имъ до нашего сознанія доходить тонко развитыя отношенія между представлениями и сужденіями.

Если ходъ мыслей сравнять съ потокомъ, то на представлія предметовъ надо смотрѣть, какъ на острова, показывающіеся изъ подъ воды. Вода, протекающая въ формѣ разнообразныхъ извилинъ между этими островами, была бы тогда символомъ вышеупомянутыхъ элементовъ отношенія и соединенія.

Только благодаря языку эти элементы приобрѣтаютъ прочность и относительно постоянную и продолжительную способность функционированія. Труднѣйшая работы функции познанія, благодаря которой мы разбираемся не только въ отдельныхъ явленіяхъ вѣнчанаго міра, но и въ *законахъ происходящаго*, были бы невозможны безъ мыслительныхъ средствъ нашего языка. Языкъ обрабатываетъ вышеупомянутые элементы и превращаетъ картины воспоминаній и типическая представлія въ *понятія*. Соответственно этому, мышленіе представляется собою дальнѣйшее развитіе основной функции познанія, выходящее за предѣлы представлениія. Психическую склонность, обусловливающую это дальнѣйшее развитіе, мы называемъ *разумомъ*.

Для того, чтобы понять работу мышленія, мы должны сначала познакомиться съ возникновеніемъ и развитіемъ языка.

§ 38. Возникновеніе языка.

Животные и люди выражаютъ свои сильныя чувства при посредствѣ звуковъ; возбужденная чѣмъ-нибудь собака лаетъ, левъ рычитъ, лошадь ржетъ и даже ребенокъ, лежащий въ колыбелькѣ, можетъ своимъ ерикомъ

обратить на себя вниманіе окружающихъ. Даже у животныхъ звуки считаются выраженіями чувствъ и потребностей; эти звуки очень разнообразны и прекрасно понимаются другими животными. Ребенокъ издаетъ тоже крайне разнообразные звуки, и внимательная мать всегда можетъ по тону крика определить, чего хочетъ ребенокъ.

Въ этихъ элементарныхъ фактахъ, въ существованіи которыхъ нельзя сомнѣваться, заключаются уже важные и разнообразные зачатки, изъ которыхъ можетъ развиться языкъ. Крикъ представляетъ собою выраженіе психическихъ состояній, заключающихъ въ себѣ элементы представлений, хотя преобладающую роль въ нихъ все же играетъ элементъ чувства. Крикъ, выражающій страхъ животного, конечно, представляетъ собою, по преимуществу, выраженіе чувства, но, безъ сомнѣнія, представлениѳ врага или преслѣдователя образуетъ элементъ психического состоянія, находящаго свое выраженіе въ крикѣ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ уже передъ собою сочетаніе элементовъ чувства и элементовъ представлений, находящее свое выраженіе въ звукѣ; подъ влияніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ элементъ чувства можетъ быть ослабленъ, а элементы представлений усилены. Тутъ мы сталкиваемся уже съ пониманіемъ, такъ какъ звуки, выражающіе собою чувства животныхъ, понимаются животными того же пола и животными другихъ полоръ и оказываютъ влияніе на поведеніе ихъ. Чего же еще недостаетъ для образования языка? Съ физиологической точки зрѣнія здесь недостаетъ артикуляціи, а съ психологической—освобожденія звука отъ равнозначнаго ему чувства и прочнаго соединенія съ представленими.

Артикуляція или преднамѣренное расчлененіе звука при посредствѣ органовъ рѣчи объясняется тѣмъ, что человѣкъ съ самого начала обладаетъ большей воспріимчивостью къ впечатлѣніямъ, чѣмъ животныя. Чѣмъ богаче и разнообразнѣе впечатлѣнія, тѣмъ разнообразнѣе и точнѣе будутъ звуки. Если впечатлѣніе захватывается не всѣ психическія силы, то на-липо остаются еще нѣкоторыя психическія силы, которыя оформливаютъ звукъ. Позднѣе сюда присоединяется намѣреніе сообщать свои чувства другимъ, и это намѣреніе требуетъ значительно болѣе тщательной и болѣе точной артикуляціи.

Въ связи съ вышеуказанной богатой и сильно дифференцированной воспріимчивостью человѣка къ впечатлѣніямъ находится также тотъ фактъ, что даже впечатлѣнія, не отличающіяся особой силой, вызываютъ звуки. Если при повтореніи того же самаго впечатлѣнія будетъ повторять также и соответствующий звукъ, то равнозначное этимъ звукамъ чувство постепенно притупляется. Но звукъ остается въ связи съ представлениемъ впечатлѣнія, и это соединеніе дѣлается все прочнѣе и прочнѣе. Тогда можно уже намѣренно вызывать въ душѣ другого человѣка какой-либо звукъ при посредствѣ впечатлѣнія и наоборотъ. Но какъ только человѣкъ достигаетъ такой ступени развитія, звуки, выражающія чувство, становятся звуками рѣчи.

Исѣмымъ доказательствомъ того, что изъ звуковъ, выражающихъ чувство, подъ влияніемъ частаго повторенія звука и находящагося съ этимъ въ связи притупленія чувства, могутъ возникать имена, служить намъ биографія Лауры Бриджменъ. На третьюмъ году своей жизни Лаура Бриджменъ, заболѣвъ скарлатиной ослѣпла и оглохла; вскорѣ она забыла и тѣ немногія слова, которыя она уже умѣла произносить. Восьми лѣтъ отъ рода она была отдана въ институтъ для слѣпыхъ въ Бостонѣ, директоръ которого докторъ Самунъ Хоу взялъ въ свои руки воспитаніе этого глухонѣмого и слѣпого ребенка. Лаура постепенно научилась азбукѣ для слѣпыхъ, стала разговаривать, какъ глухонѣмые, пальцами и такимъ образомъ сообщалась съ окружающими. Она имѣла обыкновеніе произносить нечленораздѣльные

звуки, которые неприятно рѣзали ухо. Но послѣ двухлѣтнаго пребыванія въ институтѣ она дала нѣсколькимъ лицамъ что-то вродѣ именъ. Завидя опредѣленныхъ лицъ, она произносила ясные членораздѣльные звуки, которые были извѣстны окружающимъ ее. Подруги Лауры всегда знали, услышавъ опредѣленные звуки, издаваемые Лаурой, кто находится въ ея обществѣ. Эти «имена», придуманныя Лаурой, образовались изъ звуковъ, выражающихъ чувство, какъ это можно судить по замѣткамъ, занесеннымъ въ годовые отчеты бостонскаго института для слѣпыхъ. Сначала Лаура употребляла эти «имена» только тогда, когда говорила съ любовью о данной личности. Этими звуками которыми Лаура выражала сначала только свою радость по поводу совмѣстнаго пребыванія со своими подругами, позднѣе совершенно потеряли равнозначенное имъ чувство и стали настоящими именами.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ притупленія чувства и тѣсной связи звука съ представлениемъ обозначаемаго явленія, звуки, выражающіе чувство, становятся звуками рѣчи.

До тѣхъ поръ, пока чувство, вызванное восприятиемъ какого-либо объекта, очень сильно, до тѣхъ поръ умственныхъ силы недостаточно велики, чтобы сдѣлать объектъ предметомъ чисто теоретического вниманія. Когда, напримеръ, при видѣ приближающагося слона толпа первобытныхъ людей вскрикивала отъ страха и обращалась въ бѣгство, то это содержаніе представлениія не являлось вначалѣ объектомъ вѣнчанаго міра, съ которымъ хотѣть бы ближе познакомиться умы человѣка; это былъ скорѣе поводъ для движений, необходимыхъ для сохраненія жизни. Сознанію никогда *теоретически* заниматься данными предметомъ. Только тогда, когда подъ вліяніемъ частыхъ встрѣчъ съ животнымъ человѣкъ убѣждается въ его безвредности, только тогда изъ звука, обусловленного видомъ животнаго, исчезаетъ соотвѣтствующее чувство, и онъ, часто повторяясь, ассоциируется съ представлениемъ животнаго. Это притупление совершается значительно быстрѣе у звуковъ, являющихся выраженіемъ радостныхъ чувствъ; это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ преобладаетъ тенденція часто повторять эти звуки, а съ другой—что радость притупляется значительно быстрѣе, чѣмъ боль. При повтореніи и, особенно, при позднѣйшемъ предметномъ примѣненіи звука расщепленіе звуковъ становится болѣе тонкимъ, болѣе богатымъ оттенками, а этотъ фактъ составляетъ важнейшую основу языка.

Возникновеніе языка обусловлено непроизвольнымъ движениемъ, выражающимъ чувство; но постепенно, подъ вліяніемъ потребности во взаимномъ пониманіи людей, онъ становится все болѣе и болѣе совершенной системой знаковъ, имѣющей огромное значеніе для образованія мыслей и для взаимнаго обмѣна мыслями.

§ 39. Развитіе языка, предложеніе и сужденіе.

Первые звуки или комплексы звуковъ, служащіе для обозначенія явленій вѣнчанаго міра, называются *корнями*. Но корни не являются обозначеніемъ вещей или дѣйствія; они обозначаютъ явленія, въ которыхъ вещь и дѣятельность не различаются еще сознаніемъ. Такимъ образомъ, корни являются не словами, а тѣмъ, что въ развитомъ языке выражается предложениями. Первые слова, произносимыя ребенкомъ, означаютъ тоже предложеніе. Когда ребенокъ говоритъ слова «папа» или «мама», то это всегда должно обозначать приблизительно слѣдующее предложеніе: «папа здѣсь», «мама должна прйти» и т. п. Когда ребенокъ въ первый разъ сознательно прибавляетъ къ подлежащему другое слово въ качествѣ скажемаго, то это означаетъ важную фазу въ его развитіи.

Точно такъ же корень «*svar*», отъ которого ведеть свое происхождение латинское слово «*sol*», первоначально не обозначалъ понятія «солнце»; этотъ корень служилъ выраженіемъ различныхъ дѣятельностей и свойствъ солнца. Поэтому, когда первобытный человѣкъ хотѣлъ сказать, что солнце свѣтить, или что оно блестить, посыпать на землю тепло, всходить и заходить, покрыто тучами,—изъ его груди вырывался извѣстный ему уже звукъ «*svar*». Мы можемъ допустить, что лица, слышавшія этотъ возгласъ, понимали, при посредствѣ собственнаго чувственного воспріятія и, можетъ быть, благодаря жесту говорящаго, что именно замѣчаетъ онъ на солнцѣ. Но первобытный человѣкъ долженъ былъ вскорѣ замѣтить, что для того, чтобы сообщить другимъ пережитое имъ событіе или душевное состояніе, не достаточно одного только возгласа «*svar*», сопровождаемаго даже жестомъ. Тотъ фактъ, что окружающіе люди не понимали его, долженъ былъ еще больше усиливать его потребность дать себя понять какимъ-нибудь образомъ; и вотъ, онъ ищетъ въ своемъ бѣдномъ запасѣ звукъ, который, будучи прибавленъ къ «*svar*», пояснилъ бы его товарищамъ то, что онъ хочетъ сказать. Представимъ себѣ, ему пришелъ, напримѣръ, на умъ корень «чикъ», и тогда онъ кричитъ: «*svar чикъ*» (*sol lucet*, солнце свѣтить). Если товарищъ пойметъ его, то онъ будетъ радостно повторять эти звуки и затѣмъ употреблять ихъ для обозначенія явленія.

Это—крупный шагъ по пути развитія. Цвѣтущее дерево, какъ и свѣтящее солнце, представляетъ собою для нашего воспріятія нераздѣльное, нерасчлененное еще цѣлое. Но какъ только мы, руководимые воспріятіемъ, составляемъ сужденіе: «дерево цвѣтеть», наше пониманіе явленія значительно менѣется. Теперь дерево представляетъ для насть самостоятельно существующій центръ силы, который вызываетъ цвѣтеніе точно такъ же, какъ наши волевыя дѣйствія исходить изъ нашей внутренней сущности. Благодаря тому, что корень разбился на подлежащее и сказуемое, явленіе оформляется, расчленяется и объективируется. Тутъ только мы поняли данное явленіе соответственно природѣ нашего духа, и только затѣмъ оно было воспринято нами и сдѣлано нашей духовной собственностью. Мы сдѣлали доступнымъ человѣческому духу явленіе вселенной. Это пониманіе явленій вѣнчанія міра подготовлено основной *апперцепціей* (§ 32). Мы теперь уже можемъ сказать, что въ лицѣ основной апперцепціи намъ дана *внутренняя форма сужденія*. Вещь, какъ, напримѣръ, дерево въ сужденіи «дерево цвѣтеть», представляется человѣку вначалѣ въ качествѣ одухотвореннаго существа; онъ олицетворяетъ эту вещь и смотритъ на это явленіе, какъ на проявленіе *воли*. Но какъ только человѣкъ замѣчаетъ, что онъ можетъ проявлять свою волю по отношенію къ другимъ, а именно по отношенію къ неодушевленнымъ вещамъ (например, по отношенію къ камню, который онъ можетъ бросать, по отношенію съ копью, стрѣлѣ и т. п.), то его пониманіе рѣзко измѣняется. При видѣ брошенного камня или летящей стрѣлы человѣкъ не приписываетъ это явленіе волѣ самого камня или стрѣлы, а волѣ другого существа, перенесшаго свою волю на камень или стрѣлу. Такимъ путемъ изъ воли постепенно развивается понятіе силы и причины.

Сужденіе представляетъ собою форму, въ которую мы должны вкладывать все, совершающеся въ и внутри насть; благодаря этой формѣ, все становится намъ понятнымъ и дѣлается нашей духовной собственностью. Эту форму должны принимать какъ самыя простыя, такъ и самыя сложныя содѣржанія мыслей; фиксація ея въ предложеніи представляетъ собою основу для необычайно богатаго дальнѣйшаго развитія разума и языка. Въ настоящей книжѣ мы можемъ прослѣдить лишь за наиболѣе важными фазами этого развитія.

§ 40. Слово и понятие.

Какъ скоро корень разбился на подлежащее и сказуемое, слово, являющееся подлежащимъ, не обозначаетъ уже больше всего явленія, а представляетъ собою скорѣе носителя дѣятельности. Когда для взаимнаго пониманія необходимо образовывать цѣлья предложенія, вродѣ «дерево цветѣтъ», то одного слова «дерево» уже не достаточно для обозначенія всего явленія. Лицо, услышавшее слово «дерево», ждеть, что скажетъ говорящий о деревѣ. Корень сталъ словомъ, а слово является носителемъ всякой дѣятельности, всѣхъ силъ, покояющихся, поскольку намъ позволяютъ судить объ этомъ наши опыты, въ вещахъ. Слово является какъ выраженіемъ *воли* вещи, и когда несколько вещей похожи другъ на друга, то ихъ называютъ однимъ и тѣмъ же именемъ, такъ какъ намъ кажется, что они одухотворены одной и той-же *волей*, что въ нихъ дѣствуетъ одна и та-же сила.

Что слово дѣйствительно понималось въ качествѣ носителя силъ, это доказываетъ существовавшее у многихъ народовъ явленіе суевѣрного страха передъ словами. Греки и римляне боялись употреблять во время своихъ богослуженій слова, которыя могли бы служить сквернымъ предзнаменованіемъ. Поэтому передъ началомъ богослуженія священникъ напоминалъ свой пастѣвъ, чтобы она не употребляла такихъ словъ, что повело впослѣдствіи къ запрещенію говорить во время богослуженія, такъ какъ было неизвѣстно, какія слова могутъ имѣть дурное значеніе. Колонія Эпидамнъ называлась у римлянъ *Durrachium*—Диррахій, такъ какъ произношеніе предложеній вродѣ «*navigo Epidamnum*» (*ἐπὶ dāmnum*—во вредъ) могло служить дурнымъ предзнаменованіемъ.

Люди, очевидно, думали, что, произнося слово, они могли возбудить силы, скрытые въ обозначаемой вещи. Въ Индіи есть племена, члены которыхъ имѣютъ два имени: одно—извѣстное всѣмъ, а другое—тайное; это дѣлается съ той цѣлью, чтобы всякия проклятія, относимыя къ извѣстному всѣмъ имени человѣка, не задѣвали его самого, такъ какъ тайное имя считается настоящимъ именемъ.

Уже типическое представление охватываетъ биологически важные признаки цѣльыхъ группъ. Но эти представления, вслѣдствіе своего постояннаго, непрерывнаго развитія, не обладаютъ достаточной твердостью и устойчивостью. Только слово или имя можетъ схватить цѣлый классъ объектовъ и устроить такъ, чтобы эта группа дѣйствительно воплощалась въ какомъ-либо мыслительномъ актѣ. Слово неизмѣнется въ теченіе долгаго времени, оно само по себѣ является результатомъ чувства и рѣзко отличается отъ обозначаемой имъ вещи. Этимъ самымъ оно становится прочнымъ центромъ, вокругъ которого группируются свойства и возможныя состоянія вещей. Чемъ больше сужденій мы составляемъ о какой либо-вещи, тѣмъ богаче значеніе слова, тѣмъ точнѣе определено и ограничено оно отъ другихъ областей значенія. Такимъ образомъ слово становится собственнымъ носителемъ качествъ и состояній, свойственныхъ одной какой-нибудь группѣ объектовъ; это и есть то, что мы называемъ *понятиемъ*.

Первые образующіяся понятия охватываютъ группы чувственнаго воспринимаемыхъ объектовъ. Эти понятия подготовлены типическими представлениями и вѣкоторое время тождественны съ ними. Затѣмъ, понятие дѣлается все болѣе и болѣе осадкомъ сужденія, составленного по поводу объекта, и все болѣе и болѣе отходить отъ типического представления. Понятие дѣлается не нагляднымъ, и на него надо смотрѣть, какъ на совокупность знаній, приобрѣтенныхъ о классѣ объектовъ, представителемъ ко-

тораго является понятие. Понятия, охватывающие чувственное воспринимаемые объекты, называются обыкновенно *конкретными* понятиями.

Сказуемое суждения отдаляет свойства, состояния и деятельность вещи от носителя ихъ, и, благодаря этому разделению, человѣкъ можетъ схватывать одинаковыя или сходныя свойства и состояния на различнѣихъ объектахъ. Тутъ языкъ становится творцомъ понятий. Въ представлении свойство всегда прикреплено къ своему носителю, и только слово, означающее сказуемое, какъ бы дѣлаетъ неподвижными свойства и состояния, благодаря чему они дѣлаются предметомъ особаго наблюденія и содержаніемъ какого-либо мыслительного акта. Такимъ путемъ возникаютъ понятия свойствъ, состояній, дѣятельностей, отношений; эти понятия называются обыкновенно, въ противоположность конкретнымъ понятиямъ объектовъ, *абстрактными понятиями*. Такъ, напримѣръ, чувственное ощущеніе теплоты, соединяясь съ ощущеніемъ отъ слова «тепло», получаетъ, благодаря этому, самостоятельное существование въ сознаніи человѣка. Здѣсь тоже оказывается склонность къ *олицетворенію*, такъ какъ теплота рассматривается какъ самостоятельное, живое существо, которое для проявленія своихъ дѣйствій должно обитать въ чѣмъ-то другомъ. Правда, это существо не можетъ быть нами воспринято непосредственно, но наличность его оказывается въ проявленіяхъ его дѣйствія. Тенденція къ *олицетворенію* оказывается также въ томъ, что, какъ только свойства, состоянія и отношения дѣлаются понятиями, они принимаютъ форму *имени существительного*. Слово «тепло» переходитъ въ слово «теплота», слово «спать» — въ «сонъ», «ходить» — въ «ходьба». Такимъ путемъ, съ помощью слова понятиями постепенно становятся не только качества ощущеній, но и самыя различныя отношения, какъ, напримѣръ, величина, причина, движение, пространство, время, число и т. п. Этимъ самымъ дается возможность не только расчленять и группировать всю массу явлений *внѣшняго мира*, но и познавать дѣйствующую повсюду закономѣрность.

Доказательствомъ того, что абстрактные понятия *олицетворяются*, служатъ произведения Гомера, для котораго борьба, злоба, месть, гневъ являются существами (иногда даже демонами), дѣйствующими самостоятельно. Такъ въ X^{VIII} пѣснѣ «Илады» мы читаемъ:

„О, да погибнетъ вражда отъ боговъ и отъ смертныхъ и съ нею
„Гневъ ненавистный, который и мудрыхъ въ неистовство вводить.
„Онъ въ зарожденіи сладостнѣй тихо струящагося меда,
„Скоро въ груди человѣка, какъ пламенный дымъ, возрастаетъ“.
(Перев. Гнѣвича).

Наши современные поэты, *олицетворяя* понятия, следуютъ духу языка, который на первыхъ ступеняхъ своего развитія смотрѣлъ на свойства и состоянія, какъ на какія-то существа, и соответственно этому давалъ имъ форму *именъ существительныхъ*.

Интереснымъ доказательствомъ того, что абстрактные понятия значительно ближе связаны съ языкомъ, являются болѣзниенія нарушенія рѣчи. Результатомъ заболѣванія извѣстныхъ частей мозга являются нерѣдко нарушенія функций познанія и функций органовъ рѣчи. Бываютъ случаи, что больной, хотя и скверно, но говорить, и въ то же время не понимаетъ другихъ. Вследствіе пораненія такъ называемаго центра Брокса, находящагося въ третьей извилини коры лѣваго полушарія, больной не можетъ произносить тѣхъ словъ, которыхъ бы ему хотѣлось употребить. Въ обоихъ случаяхъ нарушенія рѣчи рѣзко бросается въ глаза тотъ фактъ, что сначала забываются собственные имена и имена воспринимаемыхъ объектовъ, между тѣмъ какъ обозначенія свойствъ, состояній, дѣятельностей и отношений значительно дольше остаются въ памяти больного. Дѣло въ томъ,

что конкретные понятия связаны съ нашимъ сознаниемъ не только благодаря именамъ, но благодаря также типическимъ представлениямъ, и потому они не находятся въ особенно тѣсной связи съ обозначениями. Имена исчезаютъ, но понятия остаются. Абстрактные же понятия созданы языкомъ. Поэтому, до тѣхъ поръ пока понятие остается въ сознаніи, остается въ силѣ обозначеніе. Послѣднее исчезаетъ только тогда, когда пораженіе соответствующихъ частей мозга очень значительно и ведетъ за собой нарушение общаго хода мыслей.

На первыхъ ступеняхъ развитія понятие тожественно съ значеніемъ слова. Значеніе слова состоитъ въ ассоціаціяхъ и сужденіяхъ, обусловленныхъ этимъ словомъ. На дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія это значеніе измѣняется не только подъ влияниемъ новыхъ познаній, но также подъ влияниемъ культурно-историческихъ условій. Въ то время какъ понятие постоянно развивается и отражаетъ на себѣ прогрессъ науки, значеніе слова претерпѣваетъ измѣненія, которые по своей природѣ крайне неравнотѣрны и часто обусловлены случайными обстоятельствами. Такимъ образомъ, часто возникаетъ какая-нибудь сфера значенія слова, которую уже нельзя охватить однимъ психическимъ актомъ. Ощущеніе слова соединяется съ такими различными представленими, что слово не является уже болѣе однороднымъ носителемъ однихъ и тѣхъ же свойствъ и состояній, оно становится не одникоъ понятиемъ, а знакомъ, выражающимъ *несколько различныхъ понятий*. Если, напримѣръ, греческое слово *φοῖνιξ* обозначало сперва феникса, затѣмъ изобрѣтенный финикийцами пурпуръ, потомъ перенесенную этимъ народомъ въ Грецию пальму и, наконецъ, плодъ этой пальмы, то естественно, понятие не могло следовать за измѣненіями этого слова (обусловленными греческой исторіей культуры), но каждое изъ этихъ значеній соответствуетъ особому понятію. Кроме того, очень часто слову соответствуетъ рядомъ съ опредѣленной мыслью ясно выраженное чувство. Очень часто синонимы отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имъ соответствуетъ одна и та же мысль, но различные чувства, какъ напримѣръ, слова «слуга» и «холопъ». Чувственной цѣнностью слова объясняется часто сильное дѣйствие, оказываемое на насъ поэтическими оборотами рѣчи; здѣсь особенно рѣзко отличаются другъ отъ друга обозначенія нашего родного языка отъ тождественныхъ имъ по понятію иностранныхъ словъ. Понятіе не содержитъ и не можетъ содержать въ себѣ этой чувственной цѣнности. Понятіе *объективно* и не можетъ содержать въ себѣ субъективного элемента. Поэтому совершенными понятіями являются такія понятия, которые могутъ быть выражены не словами, а совершенно произвольными символами, какъ это, напримѣръ, имѣть мѣсто въ математикѣ.

Такимъ образомъ, понятіе въ теченіе развитія все яснѣ и яснѣ ограничивается, съ одной стороны, отъ типического представлія, а съ другой—отъ значенія слова. Понятіе развивается подъ влияніемъ сужденій, которыя мы составляемъ объ объектахъ и ихъ свойствахъ, и на него надо смотрѣть, какъ на сгущенный осадокъ всѣхъ этихъ сужденій. Научные понятія лучше всего отражаютъ на себѣ достигнутую ступень познанія, и всякий прогрессъ совершается подъ влияніемъ все болѣе и болѣе точнаго развитія понятій.

Понятіе создано словомъ; въ развитомъ мышленіи слово тоже упрощаетъ понятіе. Какъ бы сильно понятіе ни освободилось отъ непостоянныхъ колебаній значенія слова, все же оно не можетъ обойтись безъ виѣшняго знака, и въ большинствѣ случаевъ этотъ знакъ долженъ быть словомъ, значеніе котораго должна точно и недвусмысленно опредѣлить наука.

§ 41. Развитіе сужденія.

Въ предыдущемъ параграфѣ мы немного забѣжали впередъ, такъ какъ развитіе понятія предполагаетъ развитіе сужденія. Поэтому мы должны здѣсь вернуться къ старому.

Въ сужденіи, какъ мы это уже знаемъ, оформливается, расчленяется и объективируется при посредствѣ основной апперцепціи содержаніе данного представлениія. Какъ только основная апперцепція находить свое выраженіе въ предложеніи, представляемое явленіе разсматривается какъ объектъ, развивающій въ данный моментъ опредѣленную дѣятельность и выражающей опредѣленное дѣйствіе. Одновременно съ этимъ, явленіе объективируется нами, т. е. оно обозначается нами, какъ явленіе, протекающее независимо отъ настѣ и не измѣняющееся отъ того, воспринимаемъ ли мы его или нѣтъ. Явленіе понимается нами, какъ процессъ, совершающійся во вѣншнемъ мірѣ, какъ процессъ, который намъ извѣстенъ и съ которымъ намъ приходится считаться. Развитіе, обусловливающее раздробленіе корня на подлежащее и сказуемое, захватываетъ также и сужденіе и вызываетъ цѣлый рядъ новыхъ и очень важныхъ формъ сужденія.

Первыми, безъ сомнѣнія, образовались сужденія, касающіяся воспріятія. Предметъ такихъ сужденій составляеть воспринятое явленіе, совершающееся въ данный моментъ въ обстановкѣ, окружающей говорящаго человѣка. Въ индо-германскихъ языкахъ такія сужденія высказываются въ настоящемъ времени, а именно въ томъ настоящемъ времени, которое указываетъ на отношеніе говорящаго къ данному мѣсту и времени. Къ сужденіямъ, касающимся воспріятій, относится также такъ называемая безличная предложенія, каковы, напр., морозить, горить и т. п. Подлежащимъ въ такихъ предложеніяхъ является обстановка говорящаго, относящаяся къ данному времени. Въ нѣмецкомъ языкѣ эта обстановка обозначается словомъ «es», а въ русскомъ, латинскомъ и греческомъ—личнымъ окончаніемъ глагола. Въ этой указаніи на обстановку, окружающую говорящаго человѣка, надо искать основаніе того обстоятельства, что безличные глаголы вызываютъ въ настѣ очень наглядное представлениіе.

Когда пережитое нами въ прошломъ явленіе дѣлается предметомъ сужденія, то тогда мы имѣть дѣло съ *сужденіями, касающимися воспоминанія*. Примѣромъ такого сужденія можетъ служить фраза: «я гулялъ въ лѣсу». Такое сужденіе употребляется въ прошедшемъ времени, которое и обозначаетъ явленіе, какъ дѣйствительно пережитое нами.

Если мы, основываясь на настоящемъ положеніи вещей, пытаемся создать себѣ картину будущихъ формъ этихъ вещей и выражаемъ это фантастическое представлениѣ въ формѣ сужденія, то тогда мы имѣемъ передъ собой сужденіе, касающееся ожидаемаго. Всѣ идеи, высказываемыя нами въ будущемъ времени, являются, собственно говоря, не идеями о будущемъ, а сужденіями, касающимися ожидаемаго. Когда мы при видѣ неба, покрытаго тучами, составляемъ сужденіе: «скоро пойдетъ дождь», то этимъ мы не предсказываемъ будущаго явленія (такъ какъ это невозможно), а только хотимъ сказать, чего мы можемъ ждать на основаніи состоянія погоды въ настоящій моментъ. Анализируя точнѣе нашу фразу, мы должны сказать, что она должна обозначать слѣдующее: намъ кажется, что въ состояніи погоды въ настоящій моментъ замѣтно стремленія вызвать въ ближайшее время дождь. Наличность этой тенденціи, стремленія является предметомъ нашего утвержденія. всяко сужденіе о будущемъ представляетъ собою сужденіе о тенденціи, господствующей въ настоящій моментъ. Гекторъ, говоря Андромахѣ: «Будетъ день и погибнетъ священная Троя»,

подтверждает эти словами ту мысль, что въ постоянно усиливающихся штурмахъ грековъ и въ постоянно ослабывающемъ и безуспѣшномъ сопротивлении троянцевъ онъ видѣтъ зачатки окончательного разрушения его родного города.

Очень учитъ настъ, что мы легко ошибаемся въ нашемъ суждениіи насчетъ господствующей въ настоящее время тенденціи, и что иногда могутъ выступить неожиданныя измѣненія, оказывающія противодѣйствіе фактической господствующей тенденції. Такимъ образомъ часто суждение, касающееся ожидаемаго, связано съ сомнѣніемъ въ своей правильности, и изъ будущаго времени т. е. словеснаго выраженія (суждениія, касающагося ожидаемаго) развивается понятіе возможности и вѣроятнія.

Въ сужденияхъ, касающихся ожидаемаго, очень сильно сказывается склонность къ олицетворенію. Тенденція, обнаруженная въ настоящий монентъ, принимается нами за хотѣніе, и въ некоторыхъ языкахъ глаголъ «хотѣть» употребляется для выраженія будущаго времени (Напр., въ англійскомъ «It will rain» и въ нѣмецкомъ «Es scheint regnen zu wollen»).

Суждениія, касающіяся воспріятія, воспоминанія и ожидаемаго, имѣютъ одну общую черту, а именно: явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, носить ясно выраженный индивидуальный характеръ и отпечатокъ. Повсюду, лицо, составляющее суждение, находится въ живой связи съ явленіемъ, и повсюду дѣло идетъ объ оформленіи только что данного нагляднаго представленія. Поэтому-то суждениія, съ которыми мы встрѣчались до сихъ поръ, не являются предметомъ логического изслѣдованія. Логика занимается суждениіями другого вида, къ изученію которыхъ мы теперь и переходимъ.

§ 42. Развитіе суждениія (продолженіе).

Суждениія, касающіяся воспріятія, воспоминанія и ожидаемаго, можно было бы, основываясь на наглядности ихъ содержанія, объединить подъ общемъ именемъ *созерцательныхъ суждениій*. Когда, на основаніи многочисленныхъ суждений, касающихся воспріятій, вышеупомянутымъ путемъ образуются понятія, то часто у настъ будетъ на-лицо поводъ къ наблюдению закономѣрностей въ мировыхъ явленіяхъ, и въ настъ пробудится потребность выразить эти содержанія мыслей въ формѣ суждениій. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ: общая форма суждениія остается, и каждая такая закономѣрность разсматривается, какъ *признакъ понятія*. Такимъ путемъ образуются суждениія, содержаніе которыхъ не опредѣляется индивидуальностью и не носитъ индивидуальной окраски. Скорѣе тутъ въ форму суждениій выливаются законы всего совершающагося. Такія суждениія мы называемъ *логическими суждениіями*; примѣромъ ихъ можетъ служить суждениѣ: «человѣкъ смертенъ».

Логическія суждениія высказываются въ настоящемъ времени не находящемся тутъ однако ни въ какой временной или пространственной связи съ говорящимъ. Въ этихъ сужденияхъ настоящее время является скорѣе логическимъ настоящимъ временемъ. Въ большинствѣ грамматикъ указывается на это двоякое значение настоящаго времени. Подобная, хотя и не въ той же мѣрѣ известная разница замѣчается также и при употреблении прошедшаго времени. Прошедшее время, употребляемое въ сужденияхъ, касающихся воспоминанія, означаетъ, что данное явленіе было дѣйствительно пережито говорящимъ въ прошломъ. Но въ прошедшемъ времени употребляются также такія предложения, какъ: «Ганнибалъ побѣдилъ римлянъ въ четырехъ большихъ битвахъ», «Карлъ IV царствовалъ отъ 1347 года до 1378». Въ этихъ сужденияхъ прошедшее время не можетъ означать

чать, что данное явление действительно пережито самимъ говорящимъ, оно только говоритъ, что это явление действительно однажды имѣло мѣсто. На такія сужденія, которыхъ мы назовемъ историческими, надо смотрѣть не какъ на сужденія, касающіяся воспоминанія, а какъ на логические сужденія. Историческая личности стали съ течениемъ времени понятіями, играющими опредѣленную роль въ истории. Дѣйствія этихъ лицъ надо считать ихъ отличительными признаками.

Обыкновенно въ логическомъ сужденіи измѣняется также и форма предложения, выражающаго это сужденіе. Въ большинствѣ случаевъ сказуемое—глаголь разлагается на связку (которая въ русскомъ языке обыкновенно опускается) и на сказуемое, такъ какъ тогда ясно выступаетъ логическая составная часть сказуемаго. Сказуемое всегда означаетъ, будь оно выражено въ формѣ прилагательного или существительного, комплексъ свойствъ и состояній. Предложеніе: «китъ—млекопитающее животное» тождественно по своему содержанию съ предложеніемъ: «китъ обладаетъ особенностями, свойственными всѣмъ млекопитающимъ». Даже такія предложения, какъ вышеприведенное, гдѣ одно понятіе подчинено другому, означаютъ не что иное, какъ законъ совершающагося. Всякій разъ, когда я вижу кита, я вправѣ ожидать отъ него тѣхъ особенностей и состояній, которыхъ составляютъ сущность класса млекопитающихъ животныхъ.

Логическая сужденія, содержащія въ себѣ общія утвержденія, могутъ быть подвергнуты логическому изслѣдованию и нуждаются въ немъ. Искусственно разлагая логическое сужденіе на понятія, находящіяся въ опредѣленномъ отношеніи другъ къ другу, логика оказывается въ состояніи выставлять общія условія объективной достовѣрности или формъ правильнаго мышленія. Но это искусственное преобразованіе сужденій ни въ коемъ случаѣ не должно быть разматриваемо, какъ первоначальная форма сужденія, и изъ него мы не должны въ психологіи дѣлать никакого вывода о психологическомъ возникновеніи сужденія. Логика, стремящаяся выполнить свою задачу, должна отрѣшиться отъ всего индивидуального, отъ всѣхъ побочныхъ обстоятельствъ, которыхъ дѣствуютъ при возникновеніи сужденія. Она должна лишить сужденіе какой бы то ни было связи съ психологическими переживаніями, она должна разложить его на понятія въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, и только тогда она сможетъ установить тѣ условія, при которыхъ легче всего можетъ быть изслѣдована объективная достовѣрность сужденія. Психологія же, напротивъ, должна, для пониманія сущности акта сужденія и его значенія для всей душевной жизни, обратить вниманіе какъ разъ на эту связь. Но логическое разложеніе сужденія очень часто обманывало насъ насчетъ психологической природы акта сужденія; поэтому въ наше время надо остерегаться такого способа наблюденія.

Особенно важны тѣ логические сужденія, которыхъ утверждаютъ существование извѣстныхъ отношеній. Въ сужденіи: «при нагреваніи объемъ тѣла увеличивается» не говорится ни то, что какое-нибудь тѣло въ настоящий моментъ нагревается, ни то, что оно увеличивается въ своеемъ объемѣ. Предметомъ этого сужденія является только наличность зависимости, заключающейся между нагреваніемъ и измѣненіемъ объема. Во всѣхъ тѣхъ называемыхъ условныхъ периодахъ зависимымъ является то, что утверждается. Рядомъ съ этимъ говорящий можетъ намекать на многое другое; онъ можетъ сказать, что условие онъ считаетъ невыполнимымъ и т. п. Это намъ необходимо знать для пониманія условныхъ периодовъ, особенно въ греческомъ языке.

Всѣ математическая формулы представляютъ собою сужденія, выражающія отношенія. Тутъ предметомъ утвержденія является отношеніе равенства между величинами. Формула хочетъ сказать, что отношеніе

равенства действительно существует и будет обнаруживаться при всѣхъ будущихъ вычисленияхъ. Если я въ формулѣ

$$c^2 = a^2 + b^2 - ab \cos \gamma$$

вставлю вместо $\cos \gamma$, $\cos 90^\circ = 0$, то я получу формулу

$$c^2 = a^2 + b^2,$$

и изъ этого я узнаю, что установленное въ пифагоровой теоремѣ отношеніе гипотенузы къ катетамъ представляетъ собою лишь частный случай имѣющагося на-лицо во всякомъ треугольникеъ отношенія одной стороны къ двумъ остальнымъ. Во всѣхъ равенствахъ предметомъ сужденія является только выраженное въ нихъ отношеніе равенства.

Такимъ образомъ типъ сужденій остается однимъ и тѣмъ же, какъ въ самыхъ простыхъ, такъ и въ самыхъ сложныхъ формахъ. Вездѣ мы встрѣчаемся съ той же самой схемой: вещь — дѣятельность, подлежащее — сказуемое; вездѣ данное содержаніе расчленяется, оформливается и объективируется нами. Теперь для насъ остается еще неяснымъ вопросъ, какъ подходить подъ эту схему сужденія о *пережитыхъ* нами *психическихъ явленіяхъ*.

Функція сужденія развилаась подъ вліяніемъ виѣшняго міра. Человѣкъ долженъ былъ прежде всего обращать вниманіе на окружающій его виѣшній міръ, какъ отъ познанія этого міра зависѣли его радости и горе. Только значительно позднѣе человѣкъ сталъ наблюдать и изучать свою собственную душевную жизнь. Когда человѣкъ дошелъ до этой ступени развитія, языкъ его достаточно развился, и форма предложенія, выражавшаго сужденіе, была давно найдена и сдѣлалась вѣмъ доступна. Подобно тому, какъ словесныя обозначенія психическихъ явленій представляютъ собою, по большей части, образныя выраженія, взятыя изъ чувственного міра, точно такъ же и сужденіе о пережитыхъ психическихъ явленіяхъ представляетъ собою не что иное, какъ перенесеніе функций, развившейся подъ вліяніемъ чувственного міра, на переживанія нашей душевной жизни. Въ прежнее время опредѣленныя части тѣла часто считали мѣстопребываніемъ и источникомъ мыслей и чувствъ. Сердце, почки, печень, а затѣмъ и голова употреблялись въ качествѣ подлежащихъ въ сужденіяхъ, составляемыхъ по поводу нашихъ собственныхъ психическихъ переживаній. Выраженія, вродѣ «сердце мое ликуетъ», часто встречаются въ псалмахъ. У Гомера мыслящими и чувствующими существами являются фрѣнес. Такимъ образомъ, психическая явленія тоже вводятся въ схему: вещь — дѣятельность, подлежащее — сказуемое. Даже «я», являющееся въ такихъ фразахъ, какъ: «я радуюсь», «я страдаю», подлежащимъ сужденія, представляетъ собою не что иное, какъ часть вселенной, какъ объективно-существующій центръ силы.

Психическія явленія могутъ быть пережиты только однимъ способомъ, извѣстнымъ каждому изъ насъ. Они выступаютъ какъ нечто совершающееся, какъ события, не требующія сами по себѣ разложенія на вещь — дѣятельность. Если же мы хотимъ уяснить себѣ то, что въ наѣ происходитъ, то тогда мы должны пользоваться той формой, при помощи которой мы привыкли усваивать себѣ все другія содержанія представлений.

Когда я, на основаніи имѣющагося въ данномъ случаѣ на-лицо-чувствія удовольствія, составляю сужденіе: «я радъ», то это предложеніе, собственно говоря, имѣть сдѣдующее значеніе: если бы кто-нибудь могъ заглянуть внутрь меня, то онъ долженъ былъ бы — пережитое мною явленіе оформить и расчленить такимъ образомъ, что оно для него означало бы именно такую дѣятельность моего собственнаго «я». При этомъ мое «я»

является объективно существующимъ центромъ силы, и пережитое чувство радости рассматривается, какъ проявление этого центра.

Но языкъ не можетъ точно передавать пережитыя нами психическихъ явлений (см. § 3), и я только тогда буду хорошо понимать суждения по поводу душевныхъ состояний, когда я научусь вызывать подобныя же состояния въ моемъ сознаніи и буду какъ бы переживать услышанное мною. Суждения, составленные по поводу моихъ собственныхъ психическихъ переживаний, бываютъ часто неправильны. Часто они являются крайне несовершенными и неполными выражениемъ того, что действительно происходит въ моей душѣ. Но схема этихъ суждений остается одна и та же. Здѣсь данное содержаніе тоже расчленяется, оформливается и объективируется познаніемъ.

§ 43. Самостоятельный и переданный суждения.

Не все составляемыя нами суждения сдѣланы нами на основаніи собственного опыта. Какъ часто мы заимствуемъ у другихъ людей готовыя суждения и присваиваемъ ихъ себѣ! Но психический процессъ, сопровождающій перениманіе готоваго, образованного другими суждений, рѣзко отличается отъ того, что мы переживаемъ, когда, на основаніи собственныхъ воспріятій и воспоминаній, оформливаемъ данное содержаніе путемъ суждений.

Составляя самостоятельное суждение, мы чувствуемъ себя по отношенію къ данному содержанию самостоятельными, независимыми. Поэтому, составляя какое-либо самостоятельное суждение, мы убѣждены въ томъ, что оно правильно. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда мы заимствуемъ суждение. Здѣсь мы должны были бы сначала попытаться воспроизвести въ насть самихъ въ качествѣ чего-то цѣльного представленіе, оформленное въ суждени; и только послѣ этого мы должны были бы оформить данное представление такъ, какъ этого требуетъ переданное намъ суждение. Такъ, напримѣръ, если знакомый намъ пишетъ, что на нашей родинѣ теперь цвѣтутъ вишневые деревья, то знакомая деревья дѣйствительно представляются намъ въ полномъ цвѣту. Но очень часто намъ бываетъ лѣни составлять себѣ представлени. Часто мы повторяемъ услышанное суждение, не воспроизводя наглядно содержаніе представленія. Въ такомъ случаѣ мы удовлетворяемся тѣмъ, что составляемъ суждение въ той же формѣ, въ какой мы его услышали. Особенно часто это имѣеть мѣсто у логическихъ суждений: высказанный въ нихъ законъ происходящаго принимается нами, какъ дѣйствительный фактъ, причемъ у насъ не имѣются соотвѣтствующія отдельныя познанія, изъ которыхъ выведенъ этотъ законъ. Мы принимаемъ наслѣденіе многочисленныхъ познаній, имѣющеся въ логическомъ суждении, какъ нѣчто готовое, не переживъ самостоятельно элементы, изъ которыхъ сложилось это наслѣденіе. Большая часть всего того, что мы знаемъ, состоить изъ такихъ суждений, принятыхъ въ готовомъ видѣ. Это даже необходимо, такъ какъ иначе мы не могли бы усвоить себѣ умственную работу прежнихъ поколѣній. Мы не можемъ продѣлать сами все то, что сложилось въ логической суждени, такъ какъ тогда мы не шли бы впередъ, и все наше время ушло бы на повтореніе того, что было уже сдѣлано раньше. Такимъ образомъ, намъ нѣть надобности самимъ отыскивать законы свободнаго паденія, законъ тяготѣнія, грамматическія правила иностраннѣхъ языковъ. Въ такихъ случаяхъ мы перенимаємъ давно найденные суждени и оперириуемъ, будучи вполнѣ увѣрены въ ихъ правильности.

Но, несмотря на это, заимствованныя суждения часто превращаются

въ мертвое знаніе словъ; это имѣть мѣсто тогда, когда мы не имѣмъ случая проверить на собственномъ опыте правильность этихъ суждений. Къ одной изъ наиболѣе важныхъ задачъ преподаванія относится умѣніе учителя дать ученику въ сжатой, планомѣрной формѣ такие опыты, изъ которыхъ ясно вытекаютъ уже давно образованныя сужденія.

Сужденія передаются не только при помощи устной рѣчи, но, въ значительно большемъ количествѣ, при посредствѣ письма и печати. Благодаря этому лицо, не имѣющія возможности методически учиться болѣе продолжительное время, оказываются въ состояніи приобрѣтать знанія, накопленные прежними поколѣніями. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, намъ грозить опасность удовлетвориться однимъ только знаніемъ словъ; но каждый человѣкъ можетъ избѣжать этой опасности. Изобрѣтеніе письма и, особенно, книгопечатанія болѣе всего способствовало распространенію знанія и прогрессу науки.

§ 44. Правильность и ошибочность въ сужденіи. Отрицаніе.

Уже Аристотель отичає суждение отъ «безсвязной рѣчи» (или, какъ мы бы сказали, отъ простого представлѣнія вещи), говоря, что только суждение (*λόγος ἀποφαντικός*) можетъ быть вѣрнымъ или невѣрнымъ. Такъ какъ въ сужденіи данное содержаніе представлѣнія расчленяется, оформляется и объективируется, то, следовательно, въ немъ (сужденіи) заключается толкованіе представленного содержанія. Это содержаніе понимается, какъ опредѣленное выраженіе силы, исходящее изъ опредѣленного центра силы. Безъ сомнѣнія, можетъ имѣть мѣсто такой случай, что одно и то же явленіе tolkutъся различно, и такимъ образомъ намъ приходится считаться съ отношеніемъ между психическими актами суждения и фактически происходящимъ явленіемъ. Это отношеніе не всегда одинаково. Возможно, что актъ суждения *соответствуетъ* или *не соответствуетъ* данному явленію. Это отношеніе между суждениемъ и предметомъ, подвергающимся сужденію, составляетъ то, что мы называемъ правильностью или ошибочностью. Но если правильность и ошибочность должны проявлять психической дѣйствія, то отношеніе между суждениемъ и предметомъ, по поводу котораго составляется суждение, должно не только фактически существовать, но и жить въ сознаніи говорящаго. Какимъ же образомъ возникаетъ сознаніе правильности суждений?

Самостоятельный сужденія, касающіяся воспріятія, содержать въ себѣ правильность *implicite*¹⁾. Составляя какое-либо сужденіе, т. е. tolkujу данное содержаніе представлѣнія, мы считаемъ это толкованіе вѣрнымъ постольку, поскольку намъ неизвѣстна еще возможность ошибки. Только тогда, когда подъ вліяніемъ частыхъ обмановъ чувствъ до нашего сознанія дошла мысль о возможности невѣрного толкованія, только тогда мы начинаемъ ясно сознавать отношеніе между суждениемъ и предметомъ, по поводу котораго оно составлено. Человѣкъ, впервые косо погрузившій въ воду палку, вѣроятно, думалъ, что она сломалась при погруженіи ея въ воду. Когда же онъ вынулъ палку изъ воды и замѣтилъ, что она не сломана, онъ усомнился въ вѣрности своихъ чувствъ. Такимъ образомъ, фактъ ошибки наталкиваетъ насъ на мысль о вѣрности сужденія.

Сохраненіе жизни очень часто зависитъ отъ правильного толкованія явленій вѣщнаго міра. Моя сужденія обу́тъ окружающихъ меня явленіяхъ

1) *Implicite*—латинское слово, означающее собственно «запутанно». Оно употребляется для указания того, что нечто само собою подразумевается включеннымъ въ другое.

побуждаютъ меня производить соответственныя движения. Такъ, напримѣръ, если пастуху кажется, что вдали раздается вой волка, то онъ примѣтъ мѣры къ охраненію себя и своего стада, и точно такъ же поступать другіе пастухи, которымъ онъ сообщилъ свое воспріятіе. Но если окажется, что онъ ошибся, то другіе будуть считать невѣрнымъ и отвергнуть составленное имъ сужденіе. При этомъ часто будутъ проявляться сильныя чувства. Дѣло въ томъ, что, отвергая какое-либо сужденіе, какъ ошибочное, я одновременно съ этимъ отрицаю также и всѣ мѣры и дѣйствія, къ которымъ меня побудило данное сужденіе. Первобытному человѣку, должно быть, приходилось часто отвергать свои сужденія, и немудрено, что при этомъ онъ, подъ влияніемъ обуревавшихъ его сильныхъ чувствъ, произносилъ звуки. По всейѣроятности, отвергая различныя сужденія, онъ издавалъ одинъ и тотъ же звукъ, такъ какъ чувство, сопровождавшее этотъ актъ, должно было быть похожимъ во всѣхъ случаяхъ. Такимъ звукомъ, скоро ставшимъ знакомъ отрицанія сужденія, является частица отрицанія, которая на большинствѣ языковъ выражается односложнымъ, короткимъ словомъ. Слѣдовательно, отрицаніе является сначала словеснымъ выражениемъ того, что сужденіе отвергается.

Чувство, находившееся сначала въ тѣсной связи съ отрицаніемъ, подъ влияніемъ частаго повторенія постепенно притупляется, и отрицаніе, въ концѣ концовъ, превращается въ простой оформленный элементъ сужденія. Мысль ставится такимъ образомъ, что всякое сужденіе можетъ быть отвергнуто или отрицано. При этомъ, отрицаніе вначалѣ сливаются съ связкой и означаетъ только ошибочность сужденія. Но часто отрицаніе невѣрного сужденія побуждаетъ въ то же время къ образованію нового, вѣрного сужденія, и тамъ, едѣ количества возможныхъ толкованій не велико, въ самомъ отрицательномъ сужденіи содержатся уже ясныя указанія на это. Въ такихъ случаяхъ, когда отрицаніе соединяется съ понятіемъ сказуемаго, изъ отрицанія часто образуются новые понятія, уже не имѣющія чисто отрицательного, но обладающія также положительнымъ содержаниемъ. Человѣкъ, отрицающій сужденіе «душа смертна», говоритъ сначала: «душа не-смертна». Переходя затѣмъ къ положительнымъ фактамъ, онъ говоритъ: «душа бессмертна», т. е. она продолжаетъ жить вполнѣ сознательно и постѣ смерти. Но первоначально чувственная цѣнность отрицанія никогда не исчезаетъ окончательно и довольно ясно выступаетъ при образованіи нѣкоторыхъ словъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія о значеніи отрицанія въ сужденіи и обѣ отрицательныхъ понятіяхъ относятся къ области логики. Здѣсь мы хотимъ только показать, какимъ образомъ отрицаніе доводить до сознанія понятіе истинности въ дѣйствительномъ процессѣ развитія мысли.

Какъ мы уже сказали, истинность содержится *implicite* въ каждомъ сужденіи, поскольку человѣкъ, составляющій сужденіе, увѣренъ въ правильности своего толкованія. Но истинность доходитъ до сознанія только тогда, когда человѣкъ, составляющій сужденіе, думаетъ о могущемъ имѣть мѣсто отрицаніи и старается оградить отъ этого свое сужденіе. Только тогда, когда сужденіе оказывается въ состояніи твердо устоять противъ возможныхъ отрицаній, только тогда ясно выступаетъ убѣжденіе въ его истинности, только тогда человѣкъ, составивший сужденіе, увѣренъ въ томъ, что фактический ходъ событий соответствуетъ данному толкованію. Только благодаря отрицанію ошибокъ въ нашемъ сознаніи возникаетъ понятіе истины. Тогда только языкъ образуетъ слово «да», которое отстаиваетъ дѣйствительность сужденія противъ вскихъ противныхъ доводовъ. Это «да» является выражениемъ согласія, отличнымъ отъ самого акта сужденія. Формы, служащія для выраженія согласія, выработаны языккомъ не такъ

богато и не такъ тѣсно связаны съ предложеніемъ, какъ это имѣть мѣсто при отрицаніи. Уже въ этомъ мы видимъ доказательство того факта, что для того, чтобы довести до сознанія понятіе истинности, требовались особые цвовы.

На основаніи повседневнаго опыта *критеріи* истины складываются также въ умѣ человѣка, не получившаго научнаго образованія. Наиболѣе надежнымъ критеріемъ истинности сужденія считается наступленіе тѣхъ предсказаній, которыя основаны на данномъ сужденіи. Этотъ объективный критерій развивается изъ биологическихъ мотивовъ и всегда имѣетъ огромное практическое значеніе.

Сужденіе «это растеніе ядовито» окажется правильнымъ, если основанное на немъ предсказаніе, что при употреблениі въ пищу этого растенія должна наступить болѣзнь или смерть, фактически сбудется. Всякому видно, что очень важно для сохраненія жизни разматривать наступленіе подобныхъ предсказаній, какъ критерій истины, и соответственно съ этимъ регулировать свой образъ дѣйствій.

Кромѣ того, критеріемъ является также согласіе другихъ людей съ нашимъ сужденіемъ; этотъ критерій можно назвать интеръ-субъективнымъ критеріемъ. Тамъ, гдѣ нельзя ждать наступленія предсказаній, или тамъ, гдѣ мы вообще не принимаемъ ихъ въ расчетъ, тамъ этотъ критерій играетъ большую роль. При этомъ очень часто человѣкъ удовлетворяется согласіемъ со стороны находящихся вблизи него людей, и отсюда уже заключаетъ обѣ общемъ согласіи.

Изслѣдованія истинности отдельныхъ видовъ сужденій, какъ и сужденія о пригодности обоихъ критеріевъ, опять-таки не относятся къ области психологіи. Они скорѣе являются предметомъ логики и теоріи познанія. Психологія хочетъ только показать, какимъ образомъ въ фактическомъ мышленіи возникаетъ понятіе истинности. Вѣра, напротивъ, нуждается въ чисто-психологическомъ изслѣдованіи.

§ 45. Вѣра и сужденіе.

Выше мы говорили, что первоначально въ сужденіи содержится уже отношение сужденія къ обсуждаемому предмету, отношение, которое называется правильностью и ошибочностью. Мы говорили также, что мы начинаемъ сознавать это отношеніе лишь при известныхъ условіяхъ; точно такъ же обстоитъ дѣло съ вѣрой, съ согласіемъ съ сужденіемъ. Вѣдь высказали же некоторые новые ученыe взглядъ, что это согласіе съ сужденіемъ составляетъ собственное содержаніе, сущность самого акта сужденія. Но можно легко доказать, что такое возврѣніе неправильно. Правда, актъ вѣры можетъ слиться въ одно цѣлое съ актомъ сужденія, но, какъ только онъ доходитъ до сознанія, онъ рѣзко отличается отъ самого акта сужденія. Если я считаю что-либо вѣрнымъ, то то, во что я вѣрю, т. е. предметъ моей вѣры, долженъ уже быть сужденіемъ. Представленіе является для нась фактъ, мы не можемъ ни признавать, ни отрицать его, мы не можемъ говорить по его поводу ни да, ни неѣтъ. Когда говорять о невѣрныхъ представленияхъ, то тутъ имѣютъ въ виду представленія, побуждающія нась къ невѣрнымъ сужденіямъ.

То, чemu мы вѣримъ, или то, что мы считаемъ вѣрнымъ, представляютъ собою всегда только сужденіе, и актъ вѣры содержитъ *implicite* въ самомъ актѣ сужденія только въ первоначальныхъ и наивно составленныхъ сужденіяхъ. Позднѣе же, когда развилось понятіе истинности, при самомъ составленіи сужденія часто возникаетъ сомнѣніе въ его истинности. Особенно часто это имѣть мѣсто тогда, когда мы слышимъ сужденіе, проти-

вортчашес нашимъ прежнимъ познаніямъ. Если кто-либо разсказываетъ, напримѣръ, что онъ постился безъ перерыва тридцать дней, т. е. что онъ тридцать дней ничего не ъѣлъ и не пилъ, то мы не вѣримъ такому утверждению. Если же сообщенное намъ сужденіе, въ общемъ, безразлично для нась, то отрицаніе его не ведеть за собой душевнаго волненія. Но если мы сталкиваемся съ утверждениями, рѣзко противорѣчущими нашему прежнему міросозерцанію, то въ нась возникаетъ сильное сомнѣніе, и мы успокаиваемся только тогда, когда мы ясно сознаемъ неправильность данного утвержденія, или когда намъ удастся примирить его съ нашимъ міросозерцаніемъ.

Подобно сомнѣнію, вѣра тоже является чувствомъ, когда она ясно доходитъ до сознанія. Это чувство является сознаніемъ согласованія какого либо сужденія съ нашими прежними познаніями, со всѣмъ нашимъ міросозерцаніемъ.

Изображеніе греческихъ боговъ въ изложениі Гомера и Гезіода было долгое время рѣщающимъ для большей части грековъ. «Гомеръ и Гезіодъ», говоритъ историкъ Геродотъ, «создали грекамъ боговъ». Но позднѣе эти сужденія о богахъ не могли примириться съ данными науки и, особенно, съ требованіями морали. Ярыми противниками такого изображенія боговъ были Ксенофонтъ и Гераклитъ, а Платонъ, представляя себѣ свое идеальное государство, не считалъ возможнымъ допустить въ немъ чтеніе стиховъ Гомера. Сужденія, составленныя въ этихъ стихотвореніяхъ о богахъ, не мирились больше съ подвинувшимся впередъ міросозерцаніемъ. Трудно теперь было повѣрить въ то, что богъ обманываетъ (II пѣнь Иліады), и что боги есорятся и враждуютъ другъ съ другомъ.

Марія Стюартъ (героиня драмы Шиллера того же названія) находится долгое время въ тюрьмѣ и не надѣется больше на свое освобожденіе. Она подчинилась своей судьбѣ и смотрѣть на себя, какъ на умирающую. Вдругъ появляется передъ ней Мортимеръ, и она находить въ этомъ человѣкѣ, котораго она считала своимъ злѣйшимъ врагомъ, страстнаго поклонника, единомышленника и, можетъ быть, даже освободителя. Она никакъ не можетъ примирить этой внезапной перемѣны съ опытомъ послѣднихъ лѣтъ и съ настроениемъ, обусловленнымъ имъ. Поэтому она не можетъ считать все это истиннымъ, она должна знать подробности, чтобы разобраться въ хаосѣ мыслей, чувствъ и явлений. Вотъ почему великий поэты-психологъ вкладываетъ въ ея уста слѣдующія слова: «научи меня понять мое счастье, для того чтобы я могла вѣрить ему».

Какъ всякое чувство, вѣра обнаруживаетъ различныя степени интенсивности, которая сказывается особенно ясно тамъ, где дѣло идетъ о принятіи переданныхъ сужденій. Когда мы читаемъ или слышимъ какое-нибудь сужденіе, не противорѣчашее нашему прежнему опыту, то мы считаемъ его правильнымъ; но это сужденіе не послужить поводомъ къ особому усиленію чувства согласія. Когда же дѣло идетъ о научныхъ, религіозныхъ или политическихъ убѣжденіяхъ, то это согласіе въ сужденіяхъ будетъ ощущаться очень живо; могущее возникнуть противорѣчие побуждаетъ нась къ защитѣ нашихъ убѣжденій, благодаря чему крѣпнетъ чувство вѣры. Многочисленные мученики, готовые скорѣе отдать свою жизнь, чѣмъ измѣнить своимъ религіознымъ или научнымъ убѣжденіямъ, прекрасно показываютъ намъ, какъ сильно можетъ быть чувство вѣры.

Можетъ случиться, что сужденія, противорѣчашія нашему прежнему міросозерцанію, отчасти признаются нами. Возникающія при этомъ сомнѣнія часто влекутъ за собою сильная душевная потрясенія и душевную борьбу. Мы успокаиваемся только тогда, когда намъ удастся примирить новые факты съ старымъ міросозерцаніемъ или составить себѣ новое,

цельное убеждение. Мироозерцание Коперника стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ иѣкоторыми мѣстами библіи, и прошло много времени, пока удалось согласовать факты, основанные на естественнонаучномъ изслѣдованіи, съ вѣрой въ авторитетъ библіи.

Приведенное нами объясненіе вѣры дѣлаетъ намъ также понятнымъ тотъ фактъ, что дѣти и необразованные люди отличаются крайней легко-вѣрностью. Тамъ, где нѣтъ прочныхъ убѣждений, тамъ, где мироозерцаніе еще только формируется,—тамъ всякое услышанное сужденіе считается вѣрнымъ, такъ какъ тамъ нѣтъ ничего, что могло бы противорѣчить ему.

Большое значеніе для вѣры въ переданныя сужденія имѣть *авторитетъ* того, кто высказываетъ это сужденіе. Сужденія того, кого я считаю авторитетомъ, принимаются мною безъ всякой проверки. Для дѣтей авторитетомъ являются сначала родители, затѣмъ учитель, а часто простовѣякій взрослый человѣкъ. Чемъ больше развивается способность мышленія тѣмъ скорѣе исчезаетъ влияніе авторитета. Но государство и церковь, выдающіеся ученые, основатели новыхъ направлений мышленія всегда являются авторитетами и оказываютъ огромное влияніе на мышленіе и хотѣніе большинства людей.

§ 46. Умозаключеніе.

Сужденіе не представляетъ собою изолированного, самостоятельнаго переживанія; оно находится въ тѣсной связи со всей нашей душевной жизнью. Каждое, дѣйствительно составленное сужденіе исходить изъ прежнихъ переживаній и, съ своей стороны, оказываетъ влияніе на дальнѣйшій ходъ психической жизни. Когда мы, напримѣръ, избѣгаемъ экипажа, который мчится намъ навстрѣчу, то мы въ это время выводимъ заключенія изъ сужденія, къ составленію которого насъ побудило восприятіе этого бѣдущаго экипажа. Подобно тому, какъ наши практическія дѣйствія опредѣляются сужденіями, точно такъ же для нашего мышленія изъ *одного* сужденія вытекаютъ дальнѣйшія сужденія, которыхъ мы считаемъ слѣдствиемъ прежнаго мыслительнаго акта. Мы считаемъ послѣдующія сужденія вѣрными потому, что, по нашему мнѣнію, они содержались уже *implicite* въ первоначальномъ сужденіи. Мы можемъ при этомъ, не обращая вниманія на практическія послѣдствія нашихъ сужденій, считаться съ однимъ только теоретическимъ, стремящимся къ чистому познанію процессомъ; а этотъ послѣдний заключается въ выводѣ одного сужденія изъ другого, ранее составленного и не подлежащаго сомнѣнію. Тогда мы будемъ имѣть дѣло съ тѣмъ, что въ обыденной жизни и въ наукахъ называется «умозаключеніемъ». Такимъ образомъ, умозаключеніе представляетъ собою не что иное, какъ сужденіе, находящееся въ тѣсной связи съ признаніемъ основъ, заставляющихъ насъ признать вѣрнымъ полученное сужденіе. Въ обыденной жизни процессъ умозаключенія протекаетъ крайне быстро и часто крайне опрометчиво. Тутъ мы обыкновенно удовлетворяемъ большей или меньшей вѣроятностью, не всегда вполнѣ сознавая это. Производя умозаключенія для практическихъ цѣлей, мы частоываемъ вынуждены опираться на одинъ только вѣроятности. Подобный рѣшенія покоятся, по большей части, на сужденіяхъ, касающихся ожидаемаго (см. § 41), которыя по природѣ своей никогда не могутъ быть вполнѣ вѣрны.

Но для научнаго изслѣдованія имѣть большое значеніе тотъ фактъ, что мы отличаемъ дѣйствительно вѣрное отъ вѣроятнаго и можемъ точно опредѣлить степень вѣроятности. Поэтому-то возникла потребность выставить опредѣленные правила умозаключенія, т. е. найти тѣ условія, которыя должны имѣться на лицо для того, чтобы дѣлать правильныя умо-

заключений. Такимъ путемъ естественная логика не выработанного мышления превратилась въ научную логику. Отецъ логики—Аристотель опредѣлилъ очень вѣрно цѣль и границы ея, сказавъ, что въ задачу логики входитъ не открытие новыхъ истинъ, а приложение дѣйствительно произведенныхъ заключений къ новымъ формамъ, которыхъ мы признали вѣрными (*τούς τε γενημένους πάλλογούς αναλόγου εἰς τὰ συγκατα*).

Эта проверка удается лучше всего тогда, когда мы расчленяемъ суждение на отношенія понятій и затѣмъ спрашиваемъ себя, насколько можно изъ данныхъ отношеній понятія вывести новое суждение. Для этого изслѣдованія болѣе подходить отношенія *объемовъ* понятій, чѣмъ отношенія *содержаній* понятій, и поэтому-то вся традиціонная логика постоится на проверкѣ отношеній объемовъ понятій. Здѣсь рѣшающую роль играетъ научная цѣлесообразность; но оформленіе сужденій, предпринятое для логическихъ цѣлей, не должно, какъ мы уже выше упоминали, обманывать насъ на счетъ дѣйствительной природы суждения и умозаключенія, какъ психическихъ актовъ. Такъ, въ высшей степени неправильно считать рефлексорныя движения или суждения, обусловленныя ассоціаціями, «безсознательными умозаключеніями». Новорожденное дитя, сосущее грудь матери, не дѣлаетъ никакихъ умозаключеній; оно просто выполняетъ цѣлесообразные движения подъ вѣяніемъ унаследованныхъ физическихъ свойствъ организма. Когда мы, на основаніи слухового восприятія, говоримъ: «часы бьютъ», то мы не дѣлаемъ никакихъ умозаключеній, а поясняемъ лишь посредствомъ акта суждения только-что пережитое нами восприятіе. Мы можемъ говорить о умозаключеніи только тамъ, где намъ извѣстны основанія руководясь которыми, мы считаемъ вѣрнымъ какое-нибудь суждение. Но эти основанія должны уже сами быть ясно оформленными сужденіями. Выраженіе «безсознательная умозаключенія» представляетъ собою такимъ образомъ такъ называемое *contradictio in adjecto*^{*)}. Съ явленіями умозаключенія сходны явленія предположенія и угадыванія. Быстрая и удачная комбинація даетъ намъ иногда возможность установить изъ нѣсколькихъ, часто очень незначительныхъ, обстоятельствъ крайне важный для насъ фактъ, и если оказывается, что наше суждение вѣрно, то мы испытываемъ приятное чувство удачи. Это отгадываніе отличается отъ настоящаго умозаключенія тѣмъ, что въ немъ принимастъ большое участіе фантазія, съ帮忙комъ заполняющая имѣющіеся на-лицо проблемы.

§ 47. Мысленіе и познаніе.

Познаніями мы называемъ сужденія, въ правильности которыхъ мы убѣждены. Ближайшей цѣлью всего мышленія является достиженіе вѣрныхъ сужденій и познаніе *истиннаго бытія*. Все познаніе протекаетъ въ формѣ сужденій. Во всякомъ сужденіи представляемое содержаніе объективируется, т. е. оно представляется намъ, какъ нѣчто совершающееся, проекающее независимо отъ нашего мышленія. Эта объективирующая функция акта суждения и представляетъ собой то, что мы обозначаемъ словомъ «познаніе».

Въ задачу психологіи не входитъ изслѣдованіе того, насколько человѣкъ въ состояніи познать дѣйствительное бытіе и какія границы поставлены ему въ этомъ направлѣніи. Этими вопросами занимается философія, именно та часть философіи, которая въ наше время называется *теоріей познанія*. Психологія должна только констатировать, что, при составленіи

^{*)} *Contradiccio in adjecto*—внутреннее противорѣчье. Пр. перев.

вѣрного, по нашему мнѣнію, сужденія, въ нашемъ сознаніи возникаетъ убѣжденіе въ томъ, что этому сужденію соответствуетъ нечто совершающееся, дѣйствительно протекающее совершенно независимо отъ того, знаемъ ли мы его или нѣть. Такъ, мы убѣждены въ томъ, что земля вращалась вокругъ солнца до Коперника, что законъ Архимеда дѣйствовалъ до того, когда его открылъ Архимедъ, что молния и до открытія атмосферного электричества была не чѣмъ инымъ, какъ электрической искрой.

Мы уже упоминали, что познаніе является ближайшей цѣлью мышленія. Но самопознаніе, по крайней мѣрѣ, на первыхъ ступеняхъ культурнаго, развитія, являлось не самоцѣлью, а средствомъ для сохраненія жизни. Изъ исторіи культуры мы знаемъ, что всѣ науки обязаны своимъ происхожденіемъ практической потребности. Земледѣліе побуждало людей измѣрять свои поля, и благодаря этому возникла геометрія. Арифметика возникла, вѣроятно, подъ вліяніемъ потребностей торговли. Земледѣліе и мореплаваніе побуждали людей наблюдать ежедневныя и годовыя движения небесныхъ тѣлъ, и въ результатахъ этого возникла астрономія. Описательные естественные науки тоже обязаны вначалѣ своимъ происхожденіемъ потребности распознавать полезныхъ и вредныхъ животныхъ и растеній. Всѣмъ известно, что химія является дочерью алхіміи, цѣлью которой было приготовление золота. Но инстинктъ познанія не удовольствовался этимъ. Какъ и остальные инстинкты, онъ развивался дальше, по мѣрѣ того, какъ этого требовали условия самосохраненія. Даже теперь, когда тысячи ученыхъ заняты изслѣдованиемъ истины ради самой истины, изслѣдователю становится отрадно при мысли, что найденная имъ истина могутъ пригодиться для того, чтобы осчастливить человѣчество и поднять его на высшую ступень развитія.

Но языкъ, являющійся такимъ необходимымъ элементомъ при возникновеніи и развитіи мышленія, не всегда идеть параллельно съ развитіемъ мышленія и познанія. Мысленіе становится постепенно все болѣе и болѣе независимымъ отъ языка и пріобрѣтаетъ все большую и большую самостоятельность. Языкъ же постепенно спускается на степень простого условнаго знака. Человѣкъ научается мыслить безъ словъ, или ихъ мѣсто заступаютъ, какъ, напримѣръ, въ математикѣ, другіе знаки. Языкъ становится формой, мысль—самостоятельнымъ содержаніемъ; мысль можетъ быть выражена на различныхъ языкахъ, не особенно измѣняясь при этомъ. Но, какъ мы это уже выше упоминали, языкъ не слѣдуетъ однимъ только законамъ мышленія, а часто развивается сообразно законамъ ассоціаціи, и форма его ни въ коемъ случаѣ не соответствуетъ логическимъ формамъ мышленія. Все же языкъ крайне важенъ, такъ какъ при посредствѣ его люди понимаютъ другъ друга и поясняютъ свои мысли. Только высказанное или напечатанное сужденіе можетъ стать духовной собственностью людей, говорящихъ или мыслящихъ на томъ же языке; только благодаря этому умственная работа отдельного человѣка можетъ служить на пользу всего человѣчества; только благодаря этому умственная работа одного поколѣнія можетъ стать той основой, на которой будетъ строить слѣдующее поколѣніе.

Въ теченіе процесса развитія работы мышленія были найдены различные важныя средства мышленія, которыми мы ежечасно и ежедневно пользуемся, не будучи знакомы съ ихъ происхожденіемъ и значеніемъ. Психологія ставитъ себѣ задачу изслѣдовать наиболѣе важные изъ этихъ средствъ мышленія, а также изучить ихъ происхожденіе, развитіе и значеніе для нашей душевной жизни. Сюда относятся прежде всего *формы созерцанія пространства и времени, понятіе числа, вещь и субстанція, причинность и бытіе*.

§ 48. Формы созерцанія пространства и времени.

Міръ, въ которомъ мы живемъ, представляется намъ расположеннымъ въ пространствѣ. Воспринятыя нами вещи имѣютъ опредѣленную величину, опредѣленную форму и находятся въ различныхъ пространственныхъ отношеніяхъ къ другимъ вещамъ. Мы говоримъ: «вещи расположены въ пространствѣ *рядомъ другъ къ другу*». Мы представляемъ себѣ пространство, какъ нечто совершенно различное отъ вещей. Правда, мы можемъ себѣ представить пространство безъ вещей, *пустое пространство*, но вещи немыслимы безъ пространства. Мы представляемъ себѣ пространство, какъ нечто спокойное, неподвижное, въ которомъ совершаются движения тѣлъ. Наконецъ, мы воспринимаемъ это пространство въ *трехъ измѣненіяхъ*, и намъ кажется, что благодаря этому мы познали важнейшія свойства его.

Мы созерцаемъ и познаемъ не только вещи, но и события, явленія. Каждое явленіе, каждое движение представляется намъ *во времени*. Все совершающееся, особенно явленія нашей собственной душевной жизни, проходитъ *во времени*. Время имѣеть только одно измѣненіе, и оно не останавливается ни на мгновеніе.

Такимъ образомъ, всѣ вещи представляются намъ въ пространствѣ, всѣ события вицьшаго міра происходятъ въ пространствѣ и во времени, а всѣ психическія явленія, которая по своей природѣ не пространственны, совершаются только во времени. Но что представляютъ собою, сами по себѣ, пространство и время? Представляютъ ли они собою сущности, самостоятельный вещи? Являются ли они свойствами, и если они свойства, то чьи? Являются ли они свойствами вещей или нашего сознанія? Философы неоднократно занимались этими вопросами и давали на нихъ различные отвѣты. Сначала пространство и время считали самостоятельными вещами; затѣмъ ихъ считали только формами вещей, пока, наконецъ, не явился великий Кантъ, который заявилъ, что пространство и время не принадлежать вещамъ, а являются лишь формами созерцаній нашего сознанія; эти формы созерцанія прирождены каждому человѣку и, следовательно, даны ему еще до опыта; только благодаря имъ мы оказываемся въ состояніи дѣлать опыты.

Но въ задачу психологіи не входить заниматься этими вопросами, которые по своей сущности относятся къ теоріи познанія. Психологія должна изслѣдовывать, какимъ путемъ возникаютъ представленія пространства и времени, какое участіе принимаютъ они въ развитіи душевной жизни, и въ какихъ отношеніяхъ они находятся къ другимъ переживаніямъ и къ сознанію вообще.

§ 49. Воспріятіе пространства.

Возникновеніе представленій пространства совершенно ускользаетъ отъ нашего самонаблюденія. Въ развитомъ сознаніи элементъ пространства такъ тѣсно связанъ съ другими переживаніями, что мы при всемъ желаніи не можемъ отвлечься отъ него. При чувственныхъ воспріятіяхъ это понятно само собою, такъ какъ они всѣ указываютъ на что-то, находящееся въ насъ. Но наши воспоминанія, фантастические образы, наши мысли и даже чувства и волевые дѣйствія также содержать въ себѣ, непосредственно или непосредственно, пространственные элементы. Если меня спросить, где мои мысли, я отвѣту, что они находятся въ моей головѣ. Радость и печаль всегда связаны съ представленіями, которая, по природѣ своей, пространственны; принятые мною рѣшенія содержать въ себѣ импульсы движений, также скрывающіе въ себѣ созерцаніе пространства. Поэтому для того,

чтобы познакомиться, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, съ происхождениемъ пространственного элемента, надо вернуться къ элементарнымъ явленіямъ и тамъ разобрать, какія изъ нихъ содержать непосредственно или только посредственно понятіе пространства.

Легко заметить, что въ обонятельныхъ, вкусовыхъ и слуховыхъ ощущеніяхъ пространственный элементъ имѣется на лицо лишь постольку, поскольку они находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ прежнимъ зрительнымъ и осознательнымъ воспріятіямъ; къ этому присоединяются еще ощущенія движения, которыхъ, какъ мы выше уже говорили, составляютъ важный элементъ всякаго зрительного и осознательного воспріятія. Когда, подъ вліяніемъ интенсивнаго ощущенія обонянія, мы вспоминаемъ о возбудителе, то въ нашемъ сознаніи возникаетъ образъ этого возбудителя. При вкусовыхъ ощущеніяхъ пространственный элементъ возникаетъ подъ вліяніемъ соединенныхъ съ ними осознательныхъ ощущеній, а также подъ вліяніемъ представлія о возбудителе дадаго вкусового ощущенія. Если мы, наконецъ, услышавъ шумъ или звукъ, дѣлаемъ предположенія по поводу разстоянія или по поводу направлениія, изъ котораго исходитъ впечатлѣніе, то мы опять-таки встречаемся съ воспроизведенными зрительными воспріятіями и ощущеніями движенія, которыхъ даютъ пространственное отношение впечатлѣнію, лишенному само по себѣ пространственности.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ ощущеніями зрѣнія, осознанія и движенія. Здѣсь пространственный элементъ содержитя уже въ первичномъ переживаніи, и здѣсь не требуется больше наличности картины воспоминанія. Мы не можемъ воспринять *цвѣта* безъ того, чтобы съ этимъ не было связано представліе *поверхности*. Всякое прикосновеніе къ какому-нибудь предмету содержитъ въ себѣ что-то вѣщнее, постороннее, и поэтому оно по природѣ своей пространственно. Всякое ощущеніе движенія содержитъ въ себѣ элементъ направления, и поэтому оно съ самого начала имѣть пространственную форму. Форму, въ которой мы воспринимаемъ пространство на этой первичной ступени, можно будетъ, лучше всего, назвать *ощущеніемъ пространства*. Но на это ощущеніе пространства мы должны смотрѣть, какъ на первоначальный, больше не разложимый, элементъ *ощущеній зрѣнія, осознанія и движенія*.

§ 50. Созерцаніе пространства и понятіе пространства.

Подъ вліяніемъ совмѣстнаго дѣйствія ощущеній зрѣнія, осознанія и движенія и благодаря вступленію вторичныхъ элементовъ, изъ ощущенія пространства развивается созерцаніе пространства. Три измѣренія, по которымъ геометрія измѣряетъ пространство, не совсѣмъ соответствуетъ психологическимъ элементамъ созерцанія пространства. Наше созерцаніе складывается скорѣе изъ двухъ составныхъ частей, изъ воспріятія *плоскостнаго протяженія* и изъ воспріятія *разстоянія*. Воспріятіе плоскостнаго протяженія дано, какъ мы обѣ этомъ упоминали, уже въ воспріятіи цвѣта. Изображеніе, получающееся на сѣтчатой оболочкѣ *одного* глаза можетъ, какъ кажется, безъ помощи мускульныхъ ощущеній, создавать только плоскостный воспріятія пространства. Одинъ слѣпорожденный, оперированный докторомъ *Францомъ* въ 1840 году, принималъ кубъ за квадратъ, шаръ за кругъ, пирамиду за треугольникъ. Онъ не могъ ни комбинировать картины, отражающіеся на сѣтчатой оболочкѣ обоихъ глазъ, ни соединять зрительные ощущенія съ прежними воспріятіями осознанія. Такимъ образомъ, на основаніи картинъ, отражающихся на сѣтчатой оболочкѣ, у него имѣлось лишь созерцаніе плоскостнаго протяженія безъ *измѣренія въ глубину*. Это созерцаніе обусловлено, какъ мы уже выше

сказали, совместнымъ дѣйствиемъ картинъ, отражающихся на сѣтчатой оболочкѣ обоихъ глазъ, или бинокулярнымъ зрѣніемъ. Сюда присоединяется комбинація зрительныхъ впечатлѣній съ ощущеніями осязанія и движенія. Только благодаря этому у насъ составляется точное представление о формѣ, величинѣ и взаимномъ положеніи объектовъ, а также о томъ, движутся ли предметы или находятся въ состояніи покоя (§ 20). О разстояніи предмета мы судимъ, съ одной стороны, на основаніи аккомодации, а съ другой—на основаніи тѣхъ движений тѣла, которыя мы должны сдѣлать, чтобы дойти до предмета. Возникшее такимъ образомъ созерцаніе пространства имѣть, по вышеприведеннымъ причинамъ (§ 20), форму пустого полуспа-рія, въ центрѣ которого находимся мы сами. Это пространство, дающее, сообразно нашему взорѣнію, никогда не прерывающуюся возможность движенія, является тѣмъ самымъ связной, постоянной массой, не обнару-живающей никакихъ пробѣловъ, но ограниченную. Земля, горизонтъ и видимая поверхность неба являются для глаза непереходимыми границами. Но попытайтесь поразмыслить надъ пространствомъ, какъ таковыемъ. Сдѣ-лайте пространство подлежащимъ какого-нибудь сужденія и спросите себя, какія свойства принадлежать объективному пространству. Тогда окажется, что каждая граница, которую мы захотимъ провести для него, будетъ произвольна.

Дѣло въ томъ, что все, что находилось бы по ту сторону этой гра-ница, должно было быть снова пространствомъ, такъ какъ мы не можемъ себѣ представить абсолютной пустоты, абсолютного ничто. Такимъ образомъ, подъ влияніемъ мышленія, подъ влияніемъ сужденія о пространствѣ пред-ставление пространства становится понятіемъ пространства. Но это про-странство должно быть мыслимо яами, какъ нѣчто безконечное. Мы не можемъ созерцать безконечность пространства, но мы должны его мыслить. Мы не можемъ созерцать и представлять ее, но мы должны ее мыслить.

Элементъ безконечности заключается уже въ созерцаемомъ простран-ствѣ. Если мы въ ясную ночь будемъ смотрѣть съ высокаго холма на усъянное звѣздами небо, то небесный сводъ представляется намъ, хотя и не безконечнымъ, но неизмѣримо большимъ, мы сами представляемъ себѣ ничтожной точкой въ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ. Это возбу-ждаетъ въ насъ чувство возвышенаго и даетъ намъ представление о без-конечномъ. Шиллеръ прекрасно выразилъ это въ своемъ стихотвореніи «Художники»:

·Eh' vor des Denkers Geist der kühne
·Begriff des ew'gen Raumes stand,
·Wer sah hinauf zur Sternenfühlung,
·Der ihn nicht abnend schon empfand?
(«Еще идея о пространствахъ безды
Не создалась въ умѣ людей —
Кто, созерцая своды звѣзды,
Ужъ не предчувствовать о ней?»)
(Перев. Д. Минѣ).

Такимъ образомъ, *ощущеніе пространства*, составляющее элементъ восприятія зрѣнія и осязанія, становится созерцаніемъ пространства, а это послѣднее—*понятіемъ пространства*. Признаки этого понятія выводить, на основаніи созерцанія, геометрія, которая опредѣляетъ пространство, какъ безконечную связную непрерывную массу трехъ измѣрений.

§ 51. Ощущеніе времени.

Въ то время, какъ вѣнчаний міръ представляется намъ въ формѣ пространства, наша душевная жизнь протекаетъ въ формѣ времени, такъ

какъ вслѣдствіе непространственного характера психическихъ явлений нельзя размѣщать ихъ рядомъ другъ съ другомъ. Для изслѣдованія возникновенія и развитія представленія времени мы будемъ употреблять тотъ же методъ, что и при изслѣдованіи представленія пространства; мы должны будемъ изслѣдовать элементарные явленія сознанія для того, чтобы установить, содержать ли они и въ какой формѣ элементы того, что мы привыкли называть «временемъ».

Уже въ первомъ, неясномъ чувствѣ жизни мы находимъ моментъ времени. Это чувство, складывающееся изъ растительныхъ общихъ ощущеній и не находящееся ни въ какомъ отношеніи къвшнимъ раздраженіямъ, представляетъ собою внутреннее состояніе и потому носить признакъ продолжительности. Сознаніе начинаетъ дѣйствовать, оно работаетъ. Эта работа сознанія, какъ только она ясно отграничится отъ содержания сознанія, ощущается нами, какъ время. Въ темномъ, неясномъ чувствѣ жизни работа и содержаніе не отличаются рѣзко другъ отъ друга. Поэтому въ такомъ чувствѣ жизни лежитъ только зачатокъ ощущенія времени, но не оно само. То же самое можно сказать и объ обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеніяхъ, поскольку они сопровождаются ясными чувствами удовольствія или недовольства. При зрительныхъ восприятіяхъ и при восприятіяхъ осознанія виѣшня раздраженія таѣь овладѣваютъ нашимъ сознаніемъ, что у него не остается энергіи для ощущенія его собственной работы.

Напротивъ, слуховое ощущеніе и, особенно, ощущеніе тона уже содержитъ въ себѣ, въ качествѣ составной части содержанія, ощущеніе времени. Всякий тонъ, воспринятый нами, возбуждаетъ наше вниманіе. Мы можемъ это ясно наблюдать на выраженіи лица маленькаго ребенка, услышавшаго тонъ. Подъ вліяніемъ этого факта, что слуховое ощущеніе не находится вначалѣ ни въ какой связи съ виѣшнимъ раздраженіемъ, это вниманіе обращается исключительно на совершенно особое внутреннее состояніе, созданное слуховымъ ощущеніемъ. Это состояніе является здѣсь содержаніемъ сознанія, отъ которого начинаетъ отдѣляться въ качествѣ работы сознанія обращенное па него вниманіе; а чувство этой работы сознанія является *ощущеніемъ времени*. При этомъ надо замѣтить, что для того, чтобы ощущеніе тона было воспринято неразвитымъ сознаніемъ въ качествѣ слухового ощущенія, оно должно продолжаться болѣе долгое время. Характернымъ моментомъ для ощущенія времени является именно *продолжительность*, а не послѣдовательность, какъ это часто утверждаютъ. Мы ощущаемъ работу организма, какъ время, и такъ какъ эта работа при ощущеніи тона ясно отграничивается отъ данного содержанія, то поэтому ощущеніе времени можно разматривать, какъ элементъ ощущенія тона.

§ 52. Созерцаніе и понятіе времени.

Подъ вліяніемъ вторичныхъ явлений, а именно вниманія и апперцепціи, ощущеніе времени развивается въ созерцаніи времени. Чѣмъ чаще мы что-либо вспоминаемъ, чѣмъ чаще мы съ напряженіемъ вниманіемъ следимъ за какимъ-нибудь процессомъ, тѣмъ яснѣе работа сознанія, остающаяся качественно неизмѣнной, отличается отъ постоянно измѣняющагося содержанія. Благодаря этому эта постоянная непрерывная работа сознанія дѣлается *формой внутренняго процесса*. Такимъ образомъ, созерцаніе времени представляеть собою не что иное, какъ форму внутренняго процесса. Оно сопровождается всѣ психическія явленія, оно является необходимымъ элементомъ ихъ. Сообразно своей природѣ, своей сущности, оно

имѣть только одно измѣреніе. Периодические перерывы, наступающіе въ работѣ сознанія во время сна, ни въ коемъ случаѣ не нарушаютъ непрерывности времени. Организмъ продолжаетъ работать также и во снѣ, и когда послѣ сна вновь начинается работа сознанія, мы не испытываемъ никакого чувства перерыва. Сегодня мы тѣ же, каковыми были вчера, и возобновляемъ наши воспоминанія какъ разъ въ томъ пунктѣ, на которомъ мы вчера остановились.

Такимъ образомъ, созерцаніе времени находится въ тѣсной связи съ единствомъ сознанія и основной апперцепціей. Подобно тому, какъ мы переносимъ волевые импульсы, пережитые въ нашихъ собственныхъ волевыхъ дѣйствіяхъ, на вещи окружающаго настѣнѣ виѣшняго міра и считаемъ всѣ явленія проявленіями силы, исходящими изъ центровъ силы, точно такъ же мы переносимъ чувство нашей работы сознанія на окружающую настѣнѣ обстановку. Подобно тому, какъ всегда ровная работа сознанія, совершающаяся въ нашей душевной жизни, отличается отъ постоянно измѣняющейся содержанія, точно такъ же и во виѣшнемъ мірѣ и во вселенной мы видимъ постоянное движение, постоянную, непрерывную работу. Время, сопровождающее и какъ бы проникающее во всѣ наши психическія переживанія, тоже сопровождается и какъ бы пронизываетъ всѣ процессы виѣшняго міра. Изъ формы внутреннаго процесса время превращается «въ форму процесса вообще и благодаря этому получаетъ объективный характеръ». Оно больше не связано съ нашимъ «я», оно представляется собою скорѣе постоянную, никогда не прерывающуюся работу вселенной, работу, совершающуюся въ безконечномъ пространствѣ. Но этимъ самымъ оно сейчасъ же перестаетъ быть созерцаніемъ. Становясь предметомъ нашего размышенія, оно тѣмъ самымъ превращается уже въ понятіе времени. Это понятіе, подобно понятію пространства, носить характеръ безконечности, такъ какъ и здѣсь всѣ поставленныя вами границы оказываются произвольными. Для понятія времени начало такъ же немыслимо, какъ и конецъ. Начало и конецъ ограничиваются всегда лишь извѣстными протяженіями времени, лишь извѣстными частиами безконечнаго времени, которое, не имѣя ни начала, ни конца, по своему понятію можетъ быть только вѣчнымъ.

Тотъ фактъ, что на время надо дѣйствительно смотрѣть, какъ на работу сознанія, сказывается также и въ языке. Когда мы говоримъ «время заливаетъ всѣ раны», то этимъ мы хотимъ сказать, что постоянная, никогда не останавливающаяся работа сознанія оказывается въ состояніи смягчить острое чувство недовольства. Когда мы «убиваемъ» время, то въ этотъ моментъ мы пытаемся устраниТЬ непрѣятное чувство вичего недѣланія. Очень удачно языкъ сравниваетъ время съ рѣкой («время течетъ»); и то, и другое являются формами движенія, отдѣленными отъ движущагося (отъ воды).

§ 53. Измѣреніе и опредѣленіе пространства и времени.

Практическая потребность часто побуждала людей къ сравненію протяженій пространства. При опредѣленіи масштабомъ служили мускульные движения глазъ (глазомѣръ) или предполагаемая величина движенія тѣла, необходимая для того, чтобы достигнуть данного предмета. Эти субъективные измѣренія оказываются вскорѣ крайне несовершенными и не достигающими цѣли, и изъ мѣста вскорѣ заступаетъ объективное измѣреніе. Въ качествѣ мѣръ служатъ отдѣльныя части тѣла человѣка. Футъ, дюймъ, локоть могутъ служить примѣрами такихъ мѣръ длины. Различие въ величинѣ индивидовъ конечно сказывается на измѣреніяхъ, и поэтому

были введены искусственные единицы мѣръ, устранившія неточность измѣреній. Сравнительно наиболѣе совершенной системой мѣръ пространства является метрическая система, введенная въ настоящее время почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Благодаря введенію объективнаго измѣренія субъективное опредѣленіе можетъ производиться значительно точнѣе и успѣшнѣе. Опредѣлить разстояніе субъективнымъ путемъ равнозначно въ настоящее время тому, чтобы отгадать, сколько единицъ мѣры содержится въ данной части пространства. Къ мышечнымъ ощущеніямъ, являющимся еще и теперь основой опредѣленія, присоединяются прежнія познанія о болѣе или менѣе удачныхъ опредѣленіяхъ; благодаря этому можетъ значительно повыситься способность опредѣленія величинъ и разстояній. Слѣпые, у которыхъ мѣсто глазомѣра занимаетъ измѣреніе при помощи осязанія, доходятъ подъ влияніемъ упражненія до того, что при измѣреніяхъ разстоянія отъ 20 до 40 сантиметровъ они ошибаются всего лишь на $\frac{1}{2}$ —1 сантиметръ.

Основаніемъ для измѣренія времени послужили періодичкія движенія небесныхъ тѣлъ, движенія, которыя мы считаемъ абсолютно равноземными. Время, какъ мы уже видѣли, представляетъ собою форму процесса, никогда не останавливающуюся работу вселенной. Оно можетъ быть измѣreno только при посредствѣ правильно протекающихъ пространственныхъ измѣненій, т. е. только при посредствѣ движений. Ежедневныя и годовыя движения солнца, а также движения луны послужили основаніемъ для естественнаго измѣренія работы, совершающей природой, такимъ естественнымъ масштабомъ является *объективное время*. Какъ только оказалась потребность раздѣлить день на болѣе короткіе промежутки времени, должны были быть созданы искусственные приспособленія. Уже древніе пробовали измѣрять время солнечными, водяными и песочными часами. Но чѣмъ больше человѣкъ долженъ быть напрягать свою дѣеспособность, чѣмъ больше онъ былъ вынужденъ точно раздѣлять свое время, чтобы возможно лучше использовать его, тѣмъ сильнѣе ощущалась потребность въ болѣе точныхъ измѣреніяхъ времени. Эта потребность была удовлетворена изобрѣтеніемъ карманныхъ и висячихъ часовъ, которые, благодаря своей тонкой конструкціи могутъ опредѣлять очень небольшие промежутки времени.

Субъективному опредѣленію времени предшествуетъ, какъ и при опредѣленіи пространства, объективное измѣреніе. Благодаря упражненію мы съ большей или меньшей точностью можемъ отгадать, сколько объективнаго времени прошло послѣ опредѣленнаго пункта времени. Эта способность, какъ мы уже говорили, можетъ быть достигнута только путемъ упражненія, и поэтому крайне неправильно говорить о какомъ то чувствѣ времени. Даже при наиболѣе успѣшномъ упражненіи опредѣленіе времени подчинено значительнымъ колебаніямъ. Но условия субъективнаго опредѣленія времени сами по себѣ крайне интересны; они дополняютъ и подтверждаютъ данное нами объясненіе относительно возникновенія ощущенія времени.

Когда мы проѣзжаемъ по желѣзной дорогѣ черезъ мѣстности, не представляющія для насъ особаго интереса, когда мы скучаемъ въ вагонѣ, то время кажется намъ очень длиннымъ. Мы часто смотримъ на часы и намъ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ открывали часы, прошло не менѣе полчаса; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что прошло сдвѣ-сдвѣ пять минутъ. Подъ влияніемъ напряженія, съ которымъ мы ищемъ какого либо занятія, чувство работы нашего сознанія дѣлается очень интенсивнымъ, и поэтому время кажется намъ такимъ длиннымъ. Когда же мы достигли мѣста нашего назначенія и затѣмъ стараемся вос-

произвести въ памяти свое путешествие, то время какъ-то удивительно сокращается. Долгое путешествие представляется намъ очень короткимъ, такъ какъ въ это время мы не приобрѣли почти никакого нового содержанія сознанія, а для этого, какъ намъ кажется, требуется не особенно значительная работа сознанія. Возьмемъ теперь обратный случай: мы путешествуемъ въ очень веселомъ и приятномъ обществѣ. Время летить. Наше сознаніе постоянно обогащается новымъ содержаніемъ, такъ что мы не замѣчаемъ употребленной для этого работы. Черезъ восемь-девять дней мы возвращаемся домой и намъ кажется, что мы не были дома очень продолжительное время. Наше сознаніе обогатилось такимъ количествомъ нового содержанія, что для воспоминанія его требуется значительная работа сознанія. Между тѣмъ нашимъ знакомымъ и друзьямъ, оставшимся дома и занятыхъ своими обычными дѣлами, наше отсутствие не кажется такимъ продолжительнымъ, какъ намъ. Такимъ образомъ, мы опредѣляемъ протекающее время чувствомъ работы сознанія, а истекшее время — количествомъ воспринятаго содержанія сознанія.

Измѣреніе пространства и времени производится съ помощью чиселъ, и такимъ образомъ наблюденіе этихъ формъ созерцанія привело насъ къ разсмотрѣнію понятія числа.

§ 54. Число.

Для развитого мышленія счетъ и измѣреніе такъ же доступны, какъ и пространственный и временные отношенія; но можно легко показать, что понятіе числа не является такимъ первоначальнымъ, какъ понятіе времени и пространства. Наблюдая дѣтей, мы замѣчаемъ, что у нихъ понятіе числа развивается значительно позднѣе, и что для этого требуется определенный, преднамѣренный трудъ. Дѣти должны учиться считать, иначе они остаются на ступени дикихъ народовъ, не умѣющихъ иногда считать дальше четырехъ. Но, несмотря на это, счетъ является общей функцией человѣческаго духа, развивающейся повсюду и только обнаруживающей различныя степени совершенства. Поэтому мы должны заняться изслѣдованіемъ того, изъ какихъ основныхъ функций возникаетъ умѣнье считать.

Изъ сравнительного языкоznанія и этнографіи мы знаемъ, что имена числительные произведены, по большей части, отъ функции считанія, и что для счета примѣнялись пальцы рукъ и ногъ. Поэтому у большинства дикихъ народовъ мы находимъ такъ называемую двадцатичную систему, основнымъ числомъ которой является 20. Слова, служащія для выраженія двадцати, часто тождественны со словами, обозначающими понятіе «человѣкъ», «мужчина», «цѣлый человѣкъ». Дѣло въ томъ, что для того, чтобы получить число двадцать, требуются все пальцы рукъ и ногъ, т. е. «цѣлый человѣкъ». Число «семь» обозначается у некоторыхъ народовъ указательнымъ пальцемъ, такъ какъ при счетѣ число «семь» совпадаетъ съ указательнымъ пальцемъ второй руки. Возникновеніе десятичной системы, которую мы встрѣчаемъ главнымъ образомъ у индусовъ, финикійцевъ и евреевъ, а затѣмъ и у грековъ, обусловлено уже болѣе сложными явленіями.

Но все эти данныя не говорятъ намъ ничего о происхожденіи самого счета. Мы не узнаемъ ничего о томъ, какъ человѣкъ дошелъ до счета, какъ онъ позналъ важность этой функции и всеобщность законовъ чиселъ. Здѣсь мы можемъ только дѣлать всевозможныя предположенія. Наиболѣе вѣроятнымъ изъ нихъ является то, что группы одинаковыхъ объектовъ побуждали къ повторенію однихъ и тѣхъ же сужденій относительно обозначенія ихъ. Расположенные попарно члены тѣла, вѣроятно,

первые натолкнули человѣка на эту мысль: «рука, рука», «глазъ, глазъ», «нога, нога». Повтореніе сужденія сопровождалось, конечно, жестами, и число повтореній опредѣлялось объектомъ. Человѣкъ, составлявшій при видѣ группы деревьевъ сужденіе: «дерево, дерево, дерево», долженъ былъ останавливаться какъ разъ при третьемъ повтореніи. Группы, побуждавшія къ этимъ повтореніямъ, должны были бросаться въ глаза какъ разъ этой своеобразностью, и возникавшее благодаря этому сходство должно было вскорѣ дойти до сознанія. Но какъ только эти группы стали проявляться такъ ясно, что ихъ взаимное отношеніе было закрѣплено словомъ, этимъ самымъ были уже даны первыя понятія числа. Два, три, четыре представляются понятіями, обозначающими определенные свойства; эти свойства принадлежать одинаковымъ образомъ всѣмъ видамъ объектовъ. Благодаря этому, числа становятся самостоятельными, они становятся какъ бы существами, и можно легко понять тотъ фактъ, что пифагорейцы видѣли въ нихъ действительную сущность вещей.

Съ образованіемъ понятія числа неразрывно связывается мысль, что отношенія, заключающіяся между числами, имѣютъ по своей природѣ всеобщую силу. Эти законы должны всюду подтверждаться. Если я знаю, что $15 : 3 = 5$, то я могу вполнѣ увѣренno утверждать, что всякая группа, состоящая изъ пятнадцати объектовъ можетъ быть раздѣлена на три равные группы, по пяти объектовъ въ каждой. Такимъ образомъ, въ числѣ человѣкъ нашель крайне важное средство мышленія. Числовые законы имѣютъ силу для всѣхъ физическихъ явлений, и поэтому математика является необходимой и наиболѣе надежной основой естественныхъ наукъ.

§ 55. Вещь и субстанція.

Подъ вліяніемъ чувственного восприятія образуются представлія о самостоятельныхъ вещахъ. Какъ и при образованіи понятія пространства, рѣшающую роль здѣсь играютъ восприятія зрѣнія и ощущенія, такъ какъ они, строго говоря, являются единственными восприятіями, дающими намъ представление объ однородныхъ вещахъ. Обонятельная, слуховая и вкусовая восприятія предполагаютъ всегда наличность чего-то, что мы видимъ, и къ чему мы прикасаемся; они сообщаютъ намъ только о свойствахъ и состояніяхъ объектовъ, увидѣнныхъ и подвергнувшихся осознанію.

Восприятія чувствъ зрѣнія и осознанія представляются намъ (см. § 17) комплексами ощущеній, воспринятыми какъ нѣчто цѣлое. Этотъ процессъ обусловленъ, какъ мы это можемъ теперь сказать, основной апперцепціей. Главную роль здѣсь играютъ *ощущенія осознанія* въ связи съ ощущеніями движения. Ощущенія осознанія возникли значительно раньше, чѣмъ зрительные восприятія и образуютъ необходимую основу понятія вещи. Дитя, которое стремится сжать своими маленькими пальцами попавшій ему въ руки предметъ, испытываетъ при этомъ ощущеніе *сопротивленія*. Это ощущеніе можетъ быть, подъ вліяніемъ основной апперцепціи, понято ребенкомъ не иначе, какъ сопротивленіе, какъ *намѣренное обратное дѣяніе*. Благодаря этому оказывающая сопротивленіе вещь какъ-бы становится самостоятельнымъ существомъ. Когда затѣмъ развивается зрѣніе, то зрительные восприятія первое время побуждаютъ ребенка лишь выполнять движенія хватанія; только тогда, когда оказывается, что видимый объектъ дѣйствительно можно схватить руками, что онъ оказываетъ сопротивленіе этому сжиманію, тогда предположенія, вызванныя чувствомъ зрѣнія, подтверждаются чувствомъ осознанія. Такъ какъ это подтвержденіе обыкновенно бываетъ мѣсто, то затѣмъ эта проба становится излишней, и, при посредствѣ самого чувства зрѣнія, образуются сужденія, въ истинности которыхъ

ребенокъ уже больше не сомнѣвается. Но чувство осозанія остается всегда наиболѣе надежнымъ. То, что мы видимъ, можетъ на самомъ дѣлѣ не существовать, но то, до чего мы прикоснулись руками, является для насъ неопровергимымъ, истиннымъ.

Этимъ самымъ понятіе вещи, содержащееся уже въ воспріятіи, представляется намъ, какъ дѣйствіе основной апперцепціи, которая, конечно, развилась значительно раньше, чѣмъ мы ее познали. При дальнѣйшемъ развитіи *функции сужденія* понятіе вещи приобрѣтаетъ большую самостоятельность и точность. Подлежащее сужденія развивается въ неизмѣнномъ, постоянномъ носителяхъ свойствъ и состояній, и, такимъ образомъ, понятіе вещи приобрѣтаетъ признакъ неизмѣнности, признакъ постоянства въ смѣнѣ явлений. Склонность языка придавать всѣмъ мыслимымъ объектамъ форму существительного было причиной многочисленныхъ ошибокъ и недоразумѣній. Красота, бѣлизна, темнота, теплота очень долго считались самостоятельными вещами. Только новѣйшее естествознаніе доказало, что большая часть этихъ понятій представляетъ собою не что иное, какъ свойства и состоянія извѣстныхъ веществъ (воздуха, эѳира).

Аристотель говорилъ, что въ каждой вещи надо различать материю (матерію) и форму (субстанцію). Изъ понятія матеріи, носящей на себѣ характеръ постоянства, неизмѣнности, развилось—подъ влияніемъ философскаго мышленія—понятіе *субстанціи*. Подъ субстанціей понимается сущность вещи, сущность, остающаяся неизмѣнной въ постоянномъ круговоротѣ формъ и измѣненій.

Физика и химія считали раньше и еще теперь считаютъ *атомы* конечными, неизмѣнными субстанціями, неизмѣнными носителями всѣхъ измѣненій. Въ наукѣ, занимающейся изслѣдованиемъ явлений органической жизни или (какъ ее теперь называютъ) въ біологии, такими конечными органическими субстанціями являются клѣтки или ихъ составные части (нейроны, циазомы).

Въ послѣднее десятилѣтіе некоторые естествоиспытатели пытались изъять изъ естествознанія такъ глубоко укоренившееся въ немъ понятіе субстанціи. Они исходили изъ вполнѣ основательного убѣжденія въ томъ, что въ природѣ нѣть абсолютного покоя, что въ ней царитъ постоянное движение. Имъ кажется, что, прибавляя элементъ неизмѣнности, постоянства, каковыми въ данномъ случаѣ является понятіе субстанціи, они сворачиваютъ съ вѣрнаго пути. Поэтому они пытаются опредѣлить процессы, происходящіе въ природѣ, безъ помощи субстанціи, разсматривая ихъ, какъ сумму дѣйствій работы. Эти попытки имѣютъ, въ качествѣ метода изслѣдованія, большую цѣльность; но на самомъ дѣлѣ невозможно удалить изъ нашего взорѣнія на природу понятіе субстанціи. Наше мышленіе связано съ формой сужденія и не можетъ принять никакой другой формы. Но если мы твердо убѣждены въ томъ, что въ природѣ нѣть покоя, то мы можемъ понять и усвоить себѣ движение только въ отношеніи къ движущемуся объекту, нормальнымъ состояніемъ котораго является покой. Такимъ образомъ: понятія *вещь* и *субстанція* представляютъ собою средства мышленія, которыхъ необходимы для создания и расчлененія нашей міровой картины.

§ 56. Причинность и существование.

Развитое еознаніе всѣхъ людей соединяетъ послѣдовательныя события такимъ образомъ, что предыдущее событие принимается за *причину* (*causa*), а послѣдующее—за *дѣйствіе* (*effectus*). Отношеніе между причиной и дѣйствіемъ называется *причинностью*, и одной изъ важныхъ задачъ психо-

логії являється ізслѣдованіе происхожденія и развитія этого свойственнааго всѣмъ людямъ метода разматриванія всего происходящаго.

Причинность, какъ и понятія *вещи* и *субстанціи*, обязаны своимъ происхожденіемъ основной апперцепції. Мы принимаемъ явленія виѣшняго міра за выраженія силы, исходящія изъ объективно данныхъ центровъ силы; и такимъ образомъ каждое сужденіе содержитъ уже въ себѣ мысль о наличности причинной связи съ предыдущимъ событиемъ. Когда мы оформливаемъ и расчленяемъ воспріятие цвѣтущаго дерева путемъ сужденія «дерево цвѣтеть», то мы разматриваемъ дерево, какъ источникъ силы, какъ причину, а цвѣтеніе, какъ совершающееся въ настоящій моментъ проявленіе силы, какъ дѣйствие. Въ нашихъ собственныхъ волевыхъ дѣйствіяхъ мы непосредственно, безъ всякихъ пробѣловъ, переживаемъ переходъ отъ рѣшенія воли къ сокращенію мускуловъ. Въ явленіяхъ виѣшняго міра мы часто воспринимаемъ лишь отдельныя звенья ряда. Но, по аналогіи съ нашими волевыми дѣйствіями, мы дополняемъ недостающее и, благодаря основной апперцепції, понимаемъ эти события такъ, какъ будто въ нихъ господствовала та же самая непосредственность и то же самое отсутствіе пробѣловъ въ переходахъ. Когда камень летить въ окно и разбивается сю, то, собственно говоря, мы воспринимаемъ лишь послѣдовательный рядъ событий. Но, благодаря основной апперцепції, возстановляется единство всего явленія, и бросаніе камня становится для насъ очевидной причиной разбитія оконнаго стекла. Когда врачъ прописываетъ лихорадочному больному хининъ, то онъ по опыту знаетъ, что принятіе хинина повлечетъ за собой понижение температуры. Сущность физиологическихъ процессовъ, происходящихъ въ организме подъ влияніемъ принятаго хинина, не известна еще медицинѣ. Несмотря на это, каждый будетъ разматривать принятіе хинина какъ причину, а пониженіе температуры тѣла—какъ сѣдствіе.

Но, благодаря *функции сужденія*, воспринятое явленіе не только оформливается и расчленяется, но также и *объективируется*. Составивъ самостоятельно сужденіе, которое, по нашему мнѣнію, является вѣрнымъ, мы убѣждены въ то же время въ томъ, что данное явленіе дано намъ объективно, т. е. оно не зависито отъ того, составляемъ ли мы о немъ сужденіе или нѣтъ. Эта объективирующая сила акта сужденія передается всегда содержащейся въ немъ причинной связи; и дѣйствіе этого мы убѣждены въ томъ, что явленія природы связаны другъ съ другомъ узами причины и дѣйствія. Это убѣжденіе все болѣе и болѣе усиливается подъ влияніемъ правильности видимыхъ небесныхъ движений, подъ влияніемъ никогда не измѣняющейся сѣми временъ года, подъ влияніемъ роста и смерти растительности,—короче говоря, подъ влияніемъ той закономѣрности природы, которая бросается въ глаза даже народамъ, стоящимъ на низшей ступени культурнаго развитія. Благодаря этому возникаетъ увѣренность въ томъ, что законы причинности имѣютъ всеобщую силу; эта увѣренность, съ одной стороны, является незамѣтной, но необходимой предпосылкой всякаго научнаго изслѣдованія, а съ другой—все болѣе и болѣе подтверждается научнай работой, постоянно открывающей въ природѣ все новые и новые закономѣрности.

Въ сужденіяхъ, касающихся ожидаемаго, мы, какъ это уже было сказано выше (§ 41), понимаемъ будущее, какъ *тенденцію*, какъ *склонность воли*, заключающуюся въ настоящемъ моментѣ. Когда мы объективируемъ эту тенденцію, то изъ нея развивается понятіе *условія*, которое мы можемъ опредѣлить, какъ *потенциальную причину*. Мы убѣждены тогда въ томъ, что всякое событие обусловлено всѣмъ предыдущимъ, и что это событие, въ свою очередь, является причиной и условіемъ дальнѣй-

шаго образованія вещей. Многія условія явленій природы въ настоящее время уже извѣстны, и потому такія события, какъ затменія солнца и луны, могутъ быть предсказаны съ абсолютной точностью. Духовная жизнь человѣчества, являющаяся предметомъ исторіи, крайне сложна и запутана, и потому здѣсь значительно труднѣе установить всѣ причины и условія и и почти невозможно дѣлать на основаніи ихъ какія-либо предсказанія.

Вещь и субстанція исходятъ изъ чувственныхъ восприятій и потому находятся въ тѣсной связи съ пространствомъ. Причинность же возникаетъ благодаря тому, что опытъ собственной душевной жизни переносится на явленія вѣнчанаго міра; поэтому причинность находится въ тѣсномъ отношеніи къ понятию времени. Субстанція представляетъ собою какъ бы осадокъ закона постоянства, а причинность является общимъ закономъ всѣхъ измѣненій, всего происходящаго.

Въ тѣсной связи съ причинностью находится понятіе существованія. Это понятіе развивается сравнительно довольно поздно и потому легче поддается психологическому изслѣдованию.

Объекты чувственного восприятія считаются нами, конечно, дѣйствительно существующими; но на-лицо не имѣется никакого повода, чтобы особенно подчеркнуть ихъ существование и тѣмъ самымъ довести его до сознанія. Только тогда, когда опытъ сталъ дополняться и обогащаться фантастическими образами, только тогда могъ легко представиться случай, который натолкнулъ бы человѣка на вопросъ, дѣйствительно ли имѣются эти существа, которыхъ никто не видѣлъ, или нѣтъ. Представимъ себѣ, напримѣръ, что первобытному человѣку снится какое-нибудь умершее лицо. Эта сонъ онъ будетъ считать за дѣйствительное явленіе; онъ будетъ смотрѣть на него, какъ на проявленіе дѣятельности умершаго лица, его души, его тѣла. Дѣти тоже очень часто принимаютъ сны за дѣйствительно пережитыя события. Съ развитіемъ опыта образы сновидѣнія не кажутся ему уже болѣе настоящими, дѣйствующими лицами, и человѣкъ принимаетъ вѣтъ эти явленія лишь какъ сновидѣнія. Духъ, который считался дѣйствительно существующимъ и обладавшимъ извѣстной силой, оказывается не чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ моей фантазіи. Отсюда возникаетъ новая категорія представленныхъ вещей. Это—тѣ вещи, которая не могутъ считаться самостоятельными носителями силы, а оказываются при ближайшемъ разсмотрѣніи не чѣмъ инымъ, какъ состояніями моего собственного «я». Такимъ образомъ, на основаніи опыта мы узнаемъ, что тѣ вещи и понятія, которые мы раньше считали за самостоятельные центры силы, представляютъ собою лишь измыщенія нашего или чужого мозга. Но такія, разъ уже образовавшіяся понятія исчезаютъ очень трудно изъ нашего или чужого сознанія. Для того, чтобы выразить, что эти понятія не способны проявлять какое-либо дѣйствіе, что они являются не самостоятельными подлежащими, а лишь сказуемыми, мы употребляемъ новое, своеобразное сказуемое. Въ такомъ случаѣ сказуемое не должно отѣнять одно какое-нибудь особенное свойство подлежащаго; оно должно обозначать самостоятельность, способность къ дѣйствованію всего комплекса свойствъ, заключающагося въ словѣ, которымъ выражено подлежащее. Такимъ сказуемымъ явился давно уже заключавшійся въ языкѣ терминъ «быть», и такимъ путемъ возникло понятіе существованія, какъ результатъ познанія того, что считавшіеся раньше неспособными центры силы въ дѣйствительности не существуютъ. Подобно тому, какъ истинность образовалась въ сознаніи лишь вслѣдствіе неоднократного отрицанія ошибки, подобно тому, какъ сомнѣніе привело къ вѣрѣ, точно такъ же понятіе существованія явилось результатомъ познанія, что нѣкоторыя вещи, которые мы раньше считали дѣеспособными и самостоятельными, оказались дѣесамостоятельными,

оказались свойствами или состояниями другихъ существъ. Но когда понятие существованія стало обычнымъ средствомъ мышленія, то съ этого времени оно могло быть употребляемо, какъ въ положительныхъ, такъ и въ отрицательныхъ предложеніяхъ. Подобно тому, какъ суевѣрному человѣку говорять, что привидѣній не существуетъ, точно такъ же жизнерадостный человѣкъ можетъ отвѣтить пессимисту, который видитъ въ жизни лишь горе и страданія. словами поэта: «существуетъ счастье, не знающее раскаянія». Тиранъ Дюонисій въ «Bürgschaft» Шиллера не вѣрилъ, что существуютъ вѣрные друзья, готовые на самопожертвование. Но вдругъ онъ переживаетъ событіе, которое онъ вынужденъ истолковать, какъ результатъ вѣрности; тогда онъ убѣжденъ восклицаетъ: «die Treue, die ist doch keiner leer Wahn!» («Такъ, значитъ, вѣрность не звукъ пустой!»)

Такимъ образомъ, существованіе представляетъ собою не что иное, какъ дѣеспособность, и потому оно находится въ тѣсной связи съ причинностью. Въ нѣмецкомъ языкѣ эта связь выражается въ словахъ «wirklich» («дѣйствительно») и «das Wirkliche» («дѣйствительное»). Дѣйствительно только то, что можетъ дѣйствовать.

Глаголь «sein» (быть) въ нѣмецкомъ языкѣ, какъ и соответствующіе глаголы esse въ латинскомъ и εἰναι въ греческомъ языкахъ, употребляется не только для обозначенія существованія, но и значительно чаще, какъ связка. Этотъ фактъ послужилъ въ средніе вѣка причиною довольно значительныхъ споровъ, такъ какъ возникалъ вопросъ, заключается ли въ связѣ уже утвержденіе дѣйствительного существованія. Послѣ сказанного выше объ исторіи происхожденія понятія существованія подобные споры теряютъ уже совершенно смыслъ. Вѣдь связка является не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ функции сказуемаго и служить для отдѣленія содержанія сказуемаго отъ функции сказуемаго. Понятіе существованія заключается въ связѣ не въ большей и не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ во всякомъ сказуемомъ—глаголѣ. Кроме того слово, обозначающее связку, совсѣмъ не на всѣхъ языкахъ тожественно со словомъ, обозначающимъ существованіе.

§ 57. Общій обзоръ первого отдѣла.

Въ настоящемъ отдѣлѣ мы разсмотрѣли основную функцию познанія въ ея различныхъ формахъ развитія. Ихъ неяснаго чувства жизни, которымъ начинается наша душевная жизнь, дифференцируются (выдѣляются) ощущенія; ощущенія были обозначены нами, какъ опредѣленныя по качеству элементарныя явленія, вызванныя сравнительно простыми первыми раздраженіями. Въ фактической душевной жизни ощущенія даются всегда комплексами, которые подъ вліяніемъ основной апперцепціи воспринимаются нами, какъ нечто цѣлое. Такіе комплексы мы называли *восприятіями*. Ощущеніе и восприятіе составляютъ *первоичную* ступень функции познанія.

Образованія *вторичной* ступени мы называли общими именемъ *представлѣній*. Они отличаются отъ восприятій, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они возникаютъ въ центрѣ и потому находятся въ самой тѣсной связи со всей нашей душевной жизнью. Ходъ представлений бываетъ, съ одной стороны, *ассоціативный*, а съ другой—*апперцептивный*. Законы *ассоціаціи* по смежности и по сходству отражаютъ дѣйствія вѣнчанаго міра, оказываемыя ими на организмъ, а *вниманіе* и *апперцепція* содѣйствуютъ переработкѣ и усвоенію впечатлѣній. *Воспоминанія*, *фантастические образы* и *тиническія представления* являются главными классами представлений.

Типическія представлѣнія образуютъ переходъ къ *третичной* ступени развитія функции познанія; эту ступень развитія мы можемъ назвать,

въ общемъ, міромъ мыслей. При посредствѣ языка основная апперцепція развивается въ функцию сужденія, при помощи которой представлениіа оформляются, расчленяются и объективируются. Явленія виѣнняго міра мы принимаемъ за выраженія силы, исходящія изъ определенныхъ центровъ силы; этимъ центрамъ силы мы приписываемъ самостоятельное существованіе и относительное постоянство. Изъ сужденій по поводу виѣнняго міра образуются понятія, въ которыхъ выражается равномѣрность и цѣлесообразность всего происходящаго. Объективирующая сила функции сужденія доводить до сознанія понятія истинности и ошибочности и даеть начало чувству вѣры, въ которомъ выражается согласованіе какого-либо сужденія съ нашимъ прежнимъ опытомъ.

Вѣрныя сужденія мы называемъ знаніями, и эти знанія претендуютъ на то, что действительный ходъ событий соответствуетъ имъ, и что основанныя на нихъ предсказанія должны непремѣнно сбываться. Созерцаемый и познаваемый нами міръ находится въ пространствѣ, которое представляется намъ, какъ безконечная непрерывность трехъ измѣреній. Всё происходящее совершается во времени, которое мы должны себѣ представлять въ качествѣ безконечной непрерывности одного измѣренія. Всѣ физическія явленія подчинены числовымъ законамъ и могутъ быть дѣйствительно познаны только тогда, когда закономѣрность ихъ выражена цифрами. Изъ функции сужденія развиваются средства мышленія—субстанція и причинность, которая мы не можемъ не примѣнять ко всѣмъ содержаніямъ мышленія.

Такимъ образомъ, изъ неспнааго чувства жизни подъ вліяніемъ дифференціаціи и развитія новыхъ силъ и функций возникаетъ картина закономѣрно протекающаго мірового процесса; постепенно мы познаемъ этотъ процессъ лучше и научаемся господствовать надъ нимъ; а это развитие обусловлено инстинктомъ сохраненія жизни. Мы должны изучить окружающей насъ виѣншній міръ; иначе мы погибнемъ. Виѣншній міръ заставляетъ развиваться всѣ наши умственныя силы, и благодаря этому основная функция познанія достигаетъ такихъ значительныхъ результатовъ. Животные наслѣдуютъ отъ своихъ родителей рядъ заученныхъ рефлекторныхъ и инстинктивныхъ движений, которыя, по большей части, достаточны для сохраненія жизни. Но эти движения, достаточные лишь для выполненія работы средней трудности, недостаточны для человѣка. У него главную работу должны выполнять высшіе центры, которые дѣлаютъ возможнымъ приспособленіе организма къ каждому данному въ настоящій моментъ положенію. Поэтому человѣкъ въ дѣствѣ значительно帮忙а животнаго; онъ требуетъ за собой лучшаго ухода, и проходить довольно продолжительное время, пока разовьются его умственныя способности, благодаря которымъ онъ сможетъ справиться съ поставленными ему задачами.

«Vögel, entschlüpfet dem Ei, sind, was sie sollen, von Anfang
«Langsam wächst der Mensch, aber zum Herrscher der Welt».

(Птицы, вылупившіяся изъ яйца, представляютъ собою то, чѣмъ они должны быть. Человѣкъ медленно растетъ, но чтобы стать господиномъ вселенной).

Основная функция познанія, какъ мы это уже выше говорили, ни въ коемъ случаѣ не изолирована; она находится въ постоянныхъ отношеніяхъ къ двумъ другимъ функциямъ—къ чувствованію и хотѣнію. Всѣ эти три функции покоятся на тенденціи индивида сохранить и усовершенствовать какъ свою отдельную жизнь, такъ и жизнь рода. Въ психологии чувствованія, къ которой мы теперь переходимъ, эта тенденція скрывается еще яснѣе; тутъ же мы будемъ иметь возможность разматривать факты, съ которыми мы познакомились выше, въ ихъ отношеніяхъ ко всей жизни человѣка.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Психологія чувствованія.**§ 58. Общая характеристика чувствованія.**

Чувствованіе опредѣлялось нами, какъ особая основная функція по знанію, ясно отличающаяся отъ познаванія и хотінія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при генетическомъ наблюденіи чувствованіе является началомъ и основой всей душевной жизни вообще. Душа реагируетъ на проникающія въ нее вліянія виѣшняго міра прежде всего чувствомъ, которое вслѣдствіе своего неяснаго и совершенно недифференцированного характера было названо нами смутнымъ чувствомъ жизни. Уже это чувство колеблется въ границахъ между удовольствіемъ и недовольствомъ, причемъ вначалѣ, какъ кажется, чувство недовольства одерживаетъ верхъ.

Такимъ образомъ, удовольствие и недовольство являются первыми реакціями души на виѣшняя и внутреннія раздраженія. Оба эти чувства исполняютъ, если такъ можно выразиться, роль полицейскихъ въ нашемъ организмѣ. Организмъ старается удержать все, что доставляетъ ему чувство удовольствія, и защититься отъ того, что причиняетъ ему чувство недовольства. Въ общемъ, все, доставляющее удовольствие, полезно для организма, а все, причиняющее ему недовольство—вредно; поэтому уже самая простая психическая дѣятельность побуждаетъ организмъ къ цѣлесообразнымъ движеніямъ, способствующимъ сохраненію жизни. Но, подобно цѣлесообразнымъ рефлекторнымъ движеніямъ, которыхъ, въ общемъ, удовлетворяютъ своему назначению, первоначальные, нѣ дифференцированные еще чувства удовольства и недовольства достаточны лишь для выполнения грубыхъ, не особенно трудныхъ дѣйствій. Болѣе сложные условия жизни требуютъ болѣе тонкихъ и лучше приспособленныхъ реакцій. Въ процессѣ развитія между раздраженіемъ и реакцией входятъ переживанія, разсмотрѣнныя нами въ предыдущемъ отдѣлѣ. Благодаря ощущенію и воспріятію, представлению и сужденію мы можемъ точнѣе прослѣдить предполагаемыя слѣдствія только что полученного раздраженія. Поэтому иногда мы терпимъ небольшое чувство недовольства, если мы знаемъ, что затѣмъ наступитъ чувство удовольствія; иногда же мы удерживаемся отъ минутнаго чувства удовольствія, зная по опыту, что слѣдствіемъ этого удовольствія будутъ продолжительныя страданія. Но удовольствие и недовольство всегда остаются симптомами и возбудителями, всегда остаются въ тѣсномъ отношеніи къ сохраненію жизни.

Чувства колеблются однако не только въ границахъ удовольствія и недовольства. Мы различаемъ, кроме того, чувство, проявляющееся въ *возбужденномъ* и *спокойномъ* состояніи (чувство возбужденія и успокоенія), чувства *напряженія* и *разряженія*. Такъ, напримѣръ, красный цветъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, тогда какъ голубой цветъ успокаиваетъ. Точно также высокіе тона содергать въ себѣ обыкновенно что-то возбуждающее, а низкіе тона оказываютъ на насть успокаивающее вліяніе. Подъ успокоеніемъ мы понимаемъ также то, что обыкновенно называютъ депрессіей, т. е., говоря короче, общее замедленіе жизненнаго процесса. Возбужденіе и депрессія связаны поперемѣнно то съ чувствомъ удовольствія, то съ чувствомъ недовольства; они образуютъ своеобразное основное направление чувства. Чувство напряженія мы переживаемъ въ наиболѣе чистомъ

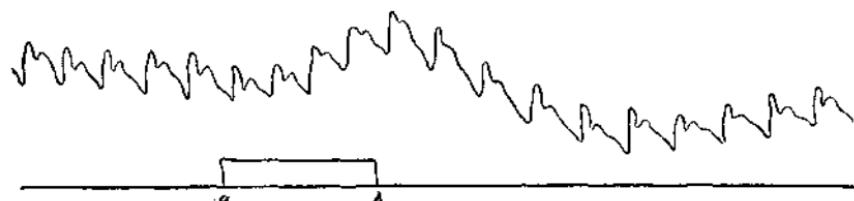
видѣ въ состояніи ожиданія, тогда какъ наступленіе ожидаемаго событія вызываетъ въ насъ чувство разряженія. Напряженіе мы ощущаемъ также при сосредоточенномъ вниманіи. Не особенно сильное напряженіе возбуждается насъ и доставляетъ намъ чувство удовольствія, между тѣмъ какъ напряженіе, достигшее высокой степени, вызываетъ въ насъ недовольство.

Такимъ образомъ, мы отличаемъ три основныхъ направления чувствъ, а именно: *удовольствіе и недовольство, возбужденіе и депрессія, напряженіе и разряженіе*. Въ дѣйствительно пережитыхъ чувствахъ всѣ эти три основныхъ направленія дѣйствуютъ совместно, но и тутъ они ясно отличаются другъ отъ друга; въ дѣйствительной жизни они тоже встрѣчиваются иногда въ чистомъ видѣ.

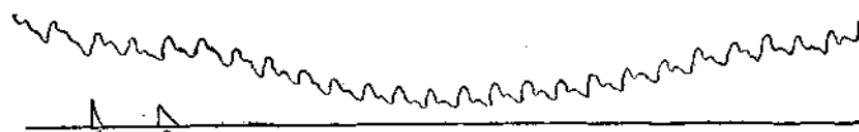
Общія свойства чувства таковы: 1) всѣ чувства колеблются между противоположностями, въ предѣлахъ которыхъ расположена большая или меньшая зона индифферентности (безразличія). Эти противоположности не относятся другъ къ другу, какъ положительныя и отрицательныя числа; противоположные точки всегда представляютъ собою положительныя состоянія, рѣзко отличающіяся отъ полосы безразличія. Недовольство не можетъ быть названо отрицательнымъ удовольствіемъ, а удовольствіе—отрицательнымъ страданіемъ. 2) Всѣ чувства обнаруживаютъ различныя степени интенсивности, и чѣмъ больше эта интенсивность, тѣмъ сильнѣе вліяніе, оказываемое чувствомъ на общее состояніе сознанія. 3) Всѣ чувства выражаются въ движеніяхъ, которыя, въ большей части случаевъ, могутъ считаться характерными симптомами наличности чувствъ. 4) Характернымъ свойствомъ чувствъ является то обстоятельство, что они, подъ вліяніемъ частаго повторенія возбуждающихъ ихъ поводовъ, значительно теряютъ въ своей интенсивности, или, какъ принято говорить, *притупляются*. Это притупленіе играетъ также большую роль при возникновеніи языка (см. § 38). 5). Всѣ чувства находятся въ тѣсной связи съ сохраненіемъ жизни и потому имѣютъ огромное значеніе съ биологической точки зренія.

§ 59. Внѣшнія выраженія чувствъ.

Въ послѣдніе годы ученые занялись тщательнымъ изслѣдованіемъ того вліянія, которое чувство оказываетъ на дыханіе и на кровообращеніе.

Фиг. 17. Удовольствіе. (Около а и въ дѣйствіе приятного запаха, ментола).

Фиг. 18. Недовольство. (Сирюкисалій хининъ, при 1 дѣйствіе, при 2 начало вкусового ощущенія).

Датскій психологъ Альфредъ Леманъ продѣлалъ цѣлый рядъ относящихъ сюда тщательныхъ опытовъ, для которыхъ были сооружены специальные, часто очень сложные аппараты. Эти опыты еще не совсѣмъ закончены, но уже и теперь можно отчасти съ увѣренностью, отчасти съ большой вѣроятностью установить слѣдующее:

и краснымъ цветомъ или низкими тонами и голубымъ цветомъ), а больше сложными условиями, такъ что нельзя говорить объ абсолютной вѣрности этихъ результатовъ. *Напряженіе* же, напротивъ, вызываетъ ясное *замедление и уменьшеніе силы*, бѣнія пульса, тогда какъ при наступающемъ затмѣи *разряженіи* замѣчается *усиленіе* и, можетъ быть, даже *ускореніе* пульса.

Отсюда мы видимъ, что выставленная *Вундтомъ* теорія трехъ основныхъ направлений чувства, соответствуетъ фактамъ: каждая изъ образованныхъ такимъ образомъ шести элементарныхъ формъ чувства оказываетъ своеобразное характерное влияние на дѣятельность пульса.

Дляясненія всего вышеизложенного служить изображенные на рис. 15—20 кривые пульса, добытыя *Леманоно* при его опытахъ. Эти фигуры выбраны Вундтомъ. Высоты или амплитуды *отдѣльныхъ* волнъ пульса показываютъ силу пульса, а длина ихъ—скорость бѣнія пульса. Измѣненія въ уровне *всѣхъ* кривыхъ не имѣютъ для насть въ данномъ случаѣ никакого значенія.

§ 60. Чувство и аффектъ.

Опредѣленный ходъ *чувства*, ясно отличающійся отъ спокойнаго настроенія и оказывающій интенсивное влияние на общее состояніе сознанія, мы называемъ *аффектомъ*. Въ дѣйствительныхъ переживанияхъ большинство чувствъ является составными частями аффектовъ. Такимъ образомъ, граница между простымъ чувствомъ и аффектомъ не опредѣлена, а постоянно отклоняется то въ ту, то въ другую сторону. Въ языке имѣются многочисленныя обозначенія для аффектовъ, и старая психологія тщательно занималась описаніемъ и классификацией ихъ.

Сообразно тремъ вышеуказаннымъ направлѣніямъ чувствъ мы различаемъ слѣдующіе виды аффектовъ: 1. *Аффекти удовольствія и недовольства* (напримѣръ, радость и горѣ). 2. *Возбуждающіе и гнетущіе аффекти* (напримѣръ, гнѣвъ и страхъ). 3. *Аффекти напряженія и разряженія* (напримѣръ, напряженное ожиданіе и неожиданность). Но болѣе характернымъ, чѣмъ направлѣніе чувства, является для аффекта то влияние, которое оно оказываетъ на общее состояніе организма. Въ этомъ отношеніи *Кантъ* раздѣлилъ аффекты на *стенические* и *астенические*. Стенические аффекты (отъ слова *θένος*=сила) повышаютъ, въ общемъ, жизненные функции и увеличиваютъ силу мускуловъ. Астенические аффекты (отъ слова *αθεγόνης*=слабый) влекутъ за собой ослабленіе организма. Къ стеническимъ аффектамъ принадлежать, напримѣръ, радость, гнѣвъ, къ астеническимъ—страхъ, сильная радость, забота, печаль.

Аффекты, по большей части, сопровождаются движеніями, которые разматриваются, какъ симптомы аффектовъ и поэтому носятъ название выразительныхъ движений. Эти движения указываютъ или на *интенсивность* аффекта, или на *качество* аффекта, или, наконецъ, на *содержаніе представлений* аффекта. Эти движения производятся при посредствѣ опредѣленныхъ группъ мускуловъ, сначала, главнымъ образомъ, при посредствѣ мускуловъ лица, а затмѣи также и мускуловъ руки и ногъ. Кроме того, въ этихъ движенияхъ принимаютъ участіе также и мускулы кровеносныхъ сосудовъ; сжимая и расширяя кровеносные сосуды, они вызываютъ характерные для извѣстныхъ аффектовъ явленія блѣдности или красненія.

Интенсивность аффекта проявляется особенно въ движенияхъ *сердца*. При сильныхъ аффектахъ это движеніе въ началѣ сильно *ужорается*, чѣму способствуетъ также быстро протекающій ходъ представлений. Даль-

и́йшее усиление аффекта влечетъ за собой *замыраніе сердца* и, вслѣдствіе этого, ослабленіе; это имѣеться, напримѣръ, мѣсто при сильномъ страхѣ или при сильной радости.

Качество аффекта выражается особенно ясно въ такъ называемыхъ *мимическихъ* движеніяхъ мускуловъ лица. Аффекты удовольствія и недовольства, чувства напряженія и разряженія выражаются опредѣленными мимическими движеніями, свойственными исключительно имъ; поэтому мы узнаемъ наличность этихъ аффектовъ по выражению лица, хотя мы все же больше судимъ по общему выражению, чѣмъ по отдельнымъ движеніямъ.

Содержание представлений аффектовъ выражается, главнымъ образомъ, въ движеніяхъ рукъ, причемъ надо отличать двѣ формы жестовъ—*указывающіе* и *подражательные* жесты. Изъ этихъ движений развился языкъ жестовъ, который является важнымъ средствомъ взаимнаго пониманія у глухонѣмыхъ, а также у многихъ другихъ народовъ.

Такъ какъ выразительныя движения имѣютъ большое значеніе для ораторскаго и драматического искусства, то ученые не разъ тщательно описывали и изучали ихъ. Было найдено, что выразительное движение часто усиливаетъ аффектъ. Поэтому *Лессингъ* совѣтовалъ артистамъ подражать выразительнымъ движеніямъ аффекта, поскольку они могутъ быть вызваны произвольно. Такимъ путемъ, по его мнѣнію, можно вызвать самыи аффектъ, который, въ свою очередь, повлечетъ за собою непроизвольная выразительная движенія. (*Lessing. Nachr. Dramaturgie, Drittes Stuck*).

Изслѣдуя психическое происхожденіе выразительныхъ движений, ученые пришли въ послѣднее время къ тому заключенію, что они представляютъ себою движения, служившія раньше цѣлями сохраненія жизни и только впослѣдствіи превратившіясь въ простые симптомы. Такъ, во время єды чего-либо сладкаго, ротъ принимаетъ такое положеніе, которое способствуетъ дальнѣйшему принятію такихъ раздраженій, тогда какъ горький вкусъ вызываетъ такія движения рта, которыя стараются противодействовать дальнѣйшему притоку раздраженій, вызывающихъ у насъ ощущеніе горькаго.

§ 61. Классификація чувствъ.

Огромное разнообразіе чувственныхъ состояній побуждаетъ психологовъ въ классификациіи чувствъ. Но вслѣдствіе быстро менѣящеагося характера чувствъ совершенно невозможно произвести классификацію, соответствующую строгимъ требованіямъ логики. Отдельные члены никогда не могутъ быть строго отграничены другъ отъ друга и переходить одинъ въ другой при посредствѣ многочисленныхъ промежуточныхъ ступеней. Къ этому присоединяется еще тотъ фактъ, что индивидуальные различія скаживаются у чувствъ значительно больше, чѣмъ у ощущеній и восприятій. Поэтому здѣсь словесныя обозначенія могутъ куда меньше соответствовать действительнымъ переживаніямъ, чѣмъ это имѣеть мѣсто у другихъ психическихъ явлений. Всегда что-то остается не договореннымъ; это «что-то» понимаетъ только тотъ, кто можетъ чувствовать точно такъ же, какъ самъ говорящій. Соответственно этому при попыткѣ классификаціи надо ограничиться только тѣмъ, чтобы найти *типическія главныя формы* чувствъ и изучить *условія* ихъ возникновенія.

Первымъ основаніемъ для разделенія могутъ служить упомянутыя выше основныя направления чувствъ. Мы различаемъ чувства *удовольствія* и *недовольства*, *возбужденія* и *депрессіи*, *напряженія* и *разряженія*. Само собою понятно, что тутъ возможны самыя разнообразныя комбинаціи. Чувство напряженія можетъ быть связано съ удовольствіемъ или съ недовольствомъ.

вольствомъ, удовлетворенное ожиданіе полно удовольствія, разочарованіе содергитъ въ себѣ непрѣятное чувство разряженія.

Дальнѣйшую основу для раздѣленія чувствъ даетъ наблюденіе различныхъ ступеней развитія. Здѣсь мы различаемъ, въ соотвѣтствіи съ вышесказаннымъ (§ 9), чувства, связанныя съ чувственными ощущеніями и восприятіями; эти чувства мы называемъ *чувственными*. Отъ нихъ рѣзко отличаются тѣ чувства, которые связаны съ вторичными и третичными явленіями познанія, т. е. съ представлѣніями и сужденіями. Мы называемъ эти душевныя состоянія *высшими чувствами*.

Чувственные или *первичные* чувства могутъ быть раздѣлены, въ соотвѣтствіи съ ощущеніями и восприятіями, съ которыми они связаны, на чувства цвета, тона, обонянія, вкуса, теплоты, холода; сюда же принадлежать и разнообразныя чувства движения и такъ называемое общее чувство. Какъ ни важны эти чувства, какъ основы душевнаго самочувствія и здравья, но въ развитой душевной жизни они всегда связаны съ представлѣніями и сужденіями и поэтому принадлежать къ явленіямъ вторичной и третичной ступени развитія сознанія. Но для того, чтобы ясно понять все разнообразіе высшихъ чувствъ, мы должны найти еще одну основу раздѣленія. Такой основой является *отношеніе къ сохраненію жизни*; это отношеніе характерно для большинства чувствъ и можетъ быть легко обнаружено.

Въ человѣкѣ, какъ и во всякомъ органическомъ существѣ, инстинктъ къ сохраненію выливается въ двѣ различные формы. Эти формы мы называемъ коротко инстинктомъ *самосохраненія* и инстинктомъ *сохраненія рода*. У человѣка, который, по словамъ Аристотеля, является по своей природѣ общественнымъ существомъ (*Ἀνθρώπος φύσει πολιτικός ζεῖ*), и который, по большей части, можетъ сохранить свою жизнь только благодаря совмѣстной работѣ съ другими людьми, инстинктъ *сохраненія рода* развивается особенно сильно. Тутъ чувство играетъ особенно выдающуюся роль, такъ какъ на жизнь нашихъ чувствъ оказываетъ влияніе не только наше собственное благоденствіе и несчастіе, но и благоденствіе и несчастіе общины, къ которой мы принадлежимъ. Чѣмъ разнообразіе становится жизненныя условия и чѣмъ сильнѣе развивается совмѣстная жизнь, тѣмъ больше дифференцируются интересы и характеры людей, тѣмъ богаче развивается жизнь чувства, тѣмъ разнообразіе становится формы чувствъ. Семья, община, государство и, наконецъ, даже все человѣчество входятъ въ кругъ нашего сознанія, и вслѣдствіе своего значенія для сохраненія жизни отдельнаго человѣка и всѣхъ людей они даютъ возможность развиться разнообразнымъ чувствамъ и аффектамъ.

Мы лучше всего разберемся во всемъ этомъ богатствѣ чувствъ, если сначала разсмотримъ тѣ чувства, которые находятся въ связи съ *самосохраненіемъ*. Эти чувства образуютъ въ своихъ различныхъ формахъ основу тѣхъ чувствъ, которые вызываются въ насть благоденствіемъ и страданіями семьи, общины и всего человѣчества.

Соответственно этому мы различаемъ слѣдующія чувства:

1. Чувства, которые доводятъ до сознанія все относящееся къ инстинкту *самосохраненія*; мы назовемъ ихъ *эгоистическими* или *индивидуальными чувствами*.

2. Чувства, имѣющія какое-либо отношеніе къ благоденствію и страданіямъ семьи; мы назовемъ ихъ *семейными чувствами*.

3. Чувства, имѣющія какое-либо отношеніе къ благоденствію и страданіямъ *общины*, къ которой мы принадлежимъ; эти чувства называются *патріотическими*.

4. Чувства, касающіяся благоденствія или страданія нашихъ ближнихъ вообще; это—чувство *симпатіи* или *сочувствіе*.

Кромъ того надо отмѣтить многіе виды чувствъ, складывающиеся отчасти изъ наблюденія природы и вселенной, отчасти же изъ отношеній индивида къ обществу; сюда же принадлежать чувства, являющиеся результатомъ наблюденія надъ нашей собственной душевной жизнью. Наиболѣе важными изъ этихъ очень сложныхъ видовъ чувствъ являются:

5. *Нравственные* чувства.
6. *Религиозные* чувства.
7. *Эстетическая* чувства.
8. *Интеллектуальные* чувства.

Во всѣхъ этихъ группахъ чувство и аффектъ не различаются другъ отъ друга, что послѣ всего сказанного въ § 60 не требуетъ особыго обоснованія.

§ 62. Индивидуальные чувства.

Если представлѣніе какой-либо *вещи* или *события* вицънняго міра вызываетъ въ насъ такія ассоціаціи и сужденія, которыя мы считаемъ *вредными* для *самосохраненія*, то въ насъ возникаетъ *чувство недовольства*; если же мы, напротивъ, признаемъ ихъ *полезными*, то въ насъ возникаетъ *чувство удовольствія*. При этомъ надо замѣтить, что природа чувства опредѣляется не *дѣйствительностью*, а *предполагаемою полезностью* или *средностью*. Чувство мѣняется въ зависимости отъ того, каковы будуть *вещь* или *событие*, являющіяся содержаніемъ представлѣнія, и, наконецъ, мы должны обратить вниманіе читателя на то, что *вредные* вещи или *события* вызываютъ значительно большіе оттѣнки чувства, чѣмъ *полезныя*. Кромѣ того, родъ чувства, вызываемаго въ насъ представлѣніемъ *вреднаго* предмета, зависитъ, во-первыхъ, отъ того, какую силу вреда мы приписываемъ данной вещи; во-вторыхъ, отъ того, возбуждается ли насъ эта вещь къ противодѣйствію, и успѣшно ли это противодѣйствіе или нѣтъ; въ-третьихъ, наконецъ, отъ того, вреденъ ли этотъ предметъ *активно* или только *потенциально*. Вреднымъ *активно* является тотъ предметъ, которому мы приписываемъ намѣреніе повредить намъ; такимъ предметомъ будетъ дикое животное, врагъ; вреднымъ *потенциально* будетъ, напримѣръ, приближающійся железнодорожный поѣздъ, который совершенно безвреденъ для лицъ, находящихихся на достаточномъ разстояніи, но который въ то же время размалывается всякаго, попавшагося ему на пути. Вредной *потенциально* является каждая машина, находящаяся въ ходу, а также пропасть, огонь, морскія волны.

Различія въ силѣ вреда, конечно, безконечно велики, но для субъективной природы чувства достаточно различать пять ступеней. Мы считаемъ силу вредныхъ вещей: 1. *непреодолимой*, 2. *превосходящей нашу собственную силу*, 3. *равной нашей собственной силѣ*, 4. *уступающей нашей собственной силѣ*, 5. *очень незначительной*. При дальнѣйшемъ раздѣленіи мы для краткости будемъ обозначать активно вредный предметъ словомъ «врагъ».

Если мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ врагомъ, которому мы приписываемъ *непреодолимую силу*, то въ насъ прежде всего возникаетъ чувство *ужаса*. Если врагъ побуждаетъ насъ къ противодѣйствію, то мы или сейчасъ же отвергаемъ попытку бороться, и тогда въ насъ возникаетъ чувство *смиренія*, или же мы начинаемъ бороться съ *мужествомъ отчаянія*. Если попытка увѣличивается успѣхомъ, мы ощущаемъ чувство *торжествующей гордости*; если мы побѣждены — въ насъ возникаетъ чувство *отчаянія*.

Если же врагъ обладаетъ силой, *превосходящей нашу силу*, но не *непреодолимой*, то видъ его пробудить въ насъ не чувство *ужаса*, а лишь чувство *страха*. Возбужденіе къ противодѣйствію вызоветъ чувство мужества; въ случаѣ, если противодѣйствіе сломлено, мы испытываемъ чувство

покорности. Успешное противодействие вызовет чувство торжества; безуспешное—можетъ вызвать и отчаяніе, и одно лишь придавленное настроение, въ зависимости отъ того, увеличилась ли сила врага, или она уменьшилась или осталась неизмѣнной подъ влияніемъ безуспешного сопротивленія.

Если же намъ кажется, что врагъ обладаетъ *такой же силой*, какъ и мы, то онъ возбуждаетъ въ насъ сначала *ненависть*. Если онъ побуждаетъ насъ къ противодействію, то въ насъ возникаетъ чувство *гнѣва*, а если мы откладываемъ моментъ оказанія противодействія, то въ насъ пробуждается *жажды мести*. Если наше сопротивленіе сломлено, возникаетъ опять-таки чувство *терпѣнія*, которое, по большей части, смѣшано съ другими чувствами, напримѣръ, съ религиознымъ, и потому воспринимается въ своемъ чистомъ видѣ очень рѣдко. Успешное сопротивленіе вызываетъ въ насъ *чувство побѣды*, безуспешное—*чувство униженія*.

Если врагъ *уступаетъ* намъ по силѣ, то представление его возбуждаетъ въ насъ сначала *досаду*. Возбужденіе къ противодействію сопровождается чувствомъ злости; успешное сопротивленіе влечетъ за собою чувство *удачи*, безуспешное—*чувство неудачи*.

Если же, наконецъ, врагъ обладаетъ *очень незначительной силой*, то представление о немъ вызываетъ въ насъ чувство собственного *превосходства*, и возбужденіе къ сопротивленію можетъ только проявиться, какъ желаніе *издѣваться* надъ нимъ.

Одинъ и тотъ же врагъ можетъ вызвать въ различныхъ лицахъ различные чувства. Такъ, если вооруженный, но плохо владѣющій оружиемъ путешественникъ встрѣтить дикое животное, то онъ страшно испугается. Онъ или покорно отдастся въ руки своей судьбы, или съ мужествомъ отчаянія кинется къ оружію. Если онъ попадеть въ животное, въ немъ вазникнетъ чувство торжества; если нетъ—то его охватить чувство отчаянія. Если же путешественникъ владѣетъ оружиемъ, то онъ при видѣ дикаго животнаго хотя и испугается, но его испугъ переходить сейчасъ же въ мужество, и онъ, уложивъ животное, тоже будетъ испытывать чувство торжества. Собака, лающая на проходящихъ, будетъ возбуждать въ нихъ, смотря по индивидуальности каждого, страхъ, досаду, злобу или чувство превосходства, презрѣніе, насмѣшку. Очень часто непреодолимая сила приписывается такому врагу, который объективно обладаетъ лишь небольшой силой или даже никакой. Такъ женщины при видѣ мыши часто охватываютъ страхъ. Благодаря большей возбудимости женщинъ и быстрымъ движеніямъ животнаго, невинное животное принимается за врага, обладающаго непреодолимой силой¹⁾.

Если же предметъ вреденъ не *активно*, а лишь *потенциально*, чувство (исключая *отвращенія*, которое обнаруживается при вкусовыхъ ощущеніяхъ) тоже будетъ находиться въ зависимости отъ *каждущейся силы* вещи и будетъ колебаться между *непріятностью* и *трепетомъ*. Вещи, вредныя только *потенциально*, вызываютъ обыкновенно какое-нибудь чувство только тогда, когда мы узнали о вредномъ дѣйствіи этой вещи. Такъ къ находящейся въполномъ ходу паровой машинѣ мы сначала относимся совершенно безразлично. Но если мы однажды были свидѣтелями того, какъ въ ея колесахъ запутался человѣкъ, то видѣ ея затѣмъ будетъ возбуждать въ насъ непріятное чувство, которое, въ зависимости отъ нашей индивидуальности, можетъ вылиться даже въ форму страха передъ машиной.

1) Здѣсь, повидимому, пробуждается одинъ изъ атавистическихъ (принадлежавшихъ отдаленнымъ предкамъ человѣка) инстинктовъ, часто въ женщинахъ и дѣтяхъ болѣе сильныхъ, чѣмъ у мужчинъ.

«Въ сосновой долинѣ Посейдона онъ (Ивикъ) былъ охваченъ *священнымъ трепетомъ*. Божество, въ священный владѣнія которого вступаетъ Ивикъ, представляется ему потенциално вреднымъ, такъ какъ оно можетъ доставить много страданій человѣку. Чувство, которое возникаетъ подъ вліяніемъ этого представленія, очень удачно названо трепетомъ. Но въ признаніи великой силы божественныхъ существъ сказывается набожное настроение пѣвца; поэтому обозначеніе «священный трепетъ» чрезвычайно удачно.

Но если мы признаемъ, что предметъ *полезенъ* намъ, то, въ случаѣ, если онъ оказываетъ намъ *активную помощь*, мы испытываемъ *благодарность* и даже *обожаніе*. Если же онъ полезенъ не активно, а лишь потенциално, то въ настѣ возникаетъ *чувство расположения*, которое имѣть различныя степени въ зависимости отъ силы и воли индивидуума. Такимъ образомъ, за какую-нибудь оказанную намъ услугу мы испытываемъ *благодарность*; мы обожаемъ *родителей и учителей*, которые неоднократно оказывали намъ содѣйствіе. *Расположеніе* мы чувствуемъ къ другу даже тогда, когда онъ въ данный моментъ не сдѣлалъ намъ ничего хорошаго.

Совершенно другія чувства возникаютъ въ настѣ, когда на насъ дѣйствуетъ представление о какомъ-либо *событиї*, которое мы признаемъ *вреднымъ* или *полезнымъ*. Въ общемъ, эту группу чувствъ можно подраздѣлить на *радостныя* и *боязнь* чувства.

Вредное событие, которое угрожаетъ намъ въ неизвѣстномъ будущемъ, вызываетъ въ настѣ *заботу*. При приближеніи этого события мы ощущаемъ *боязнь*, которая при непосредственномъ наступлѣніи события переходитъ въ *лихорадочное беспокойство*. Боязнь и лихорадочное беспокойство часто смѣшаны другъ съ другомъ; иногда къ нимъ присоединяется также *лучь надежды*. Если ожидаемое страшное событие не наступаетъ, то мы чувствуемъ *облегченіе*, *освобожденіе*. Если же оно наступило, то мы испытываемъ *боль, горе, страданія*.

Если же ожидаемое событие кажется намъ *благопріятнымъ*, то мы испытываемъ *радостное ожиданіе*, которое, при непосредственномъ наступлѣніи события, переходитъ въ *лихорадочное нетерпѣніе*. Если оно не наступаетъ, мы ощущаемъ *разочарованіе*; если оно наступило, то мы испытываемъ *радость, восторгъ, восхищеніе*.

Боязнь отца семьи, смерть котораго отразилась бы вредно на материальномъ положеніи семьи, вызываетъ у членовъ семьи (кромѣ семейныхъ чувствъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже) прежде всего *заботу*. Если боязнь можетъ быть излѣчима только благодаря опасной операции, то за нѣсколько дней до операции члены семьи будутъ испытывать страхъ и лихорадочное беспокойство. Въ случаѣ удачной операции всѣ они будутъ чувствовать себя очень легко и испытывать по отношенію къ врачу чувство благодарности. Если наступаетъ смерть, то, естественно, возникаютъ вышеупомянутыя болѣзnenные чувства. Чувства, вызванныя радостными событиями, можно наблюдать во всѣхъ ихъ ступеняхъ развитія у дѣтей, начиная съ начала декабря до наступленія праздниковъ.

§ 63. Индивидуальные чувства (продолженіе).

Разсмотрѣнныя нами индивидуальные чувства были обусловлены, вызваны вещами и событиями вѣнчанаго міра, дѣйствовавшими на нашъ организмъ. Но, кромѣ того, имѣются еще чувства, которые вызваны физическими и психическими явленіями, происходящими въ самомъ организмѣ.

Человѣческий организмъ, какъ великий организмъ, подчиненъ опредѣ-

леннымиъ условиямиъ существования. Эти условия, каковы, напримѣръ, принятіе пищи, подвижность членовъ, принятіе кислорода изъ воздуха и т. д., мы коротко назовемъ *требованіями* организма. Эти требованія часто сказываются у людей, а также отчасти и у животныхъ при посредствѣ субъективныхъ состояній, особенно чувствъ, и этимъ самымъ они становятся *потребностями*. Требованіе принятія пищи и питья дѣлается субъективно замѣтнымъ подъ вліяніемъ чувствъ *голода* и *жажды*. Это превращеніе объективныхъ требованій въ субъективныя потребности въ значительной степени способствуетъ самосохраненію и является даже его необходимымъ условіемъ. Сама потребность, когда она активна, представляетъ собою *чувство недовольства*, тогда какъ удовлетвореніе ея связано съ *чувствомъ удовольствія*. Но если потребность удовлетворена черезмѣрно, то вредъ, принесенный этимъ организму, скажется опять-таки въ чувствѣ недовольства.

По мѣрѣ культурнаго развитія жизненные условия человѣка становились все сложнѣе и сложнѣе; сообразно съ этимъ потребности человѣка тоже крайне увеличились. Поэтому въ наше время потребности не соответствуютъ уже больше объективнымъ требованіямъ. Мы развили въ себѣ, по большей части благодаря привычкѣ, такія потребности, удовлетвореніе которыхъ не всегда способствуетъ сохраненію жизни. Но дѣйствіе, оказываемое потребностью на чувство, остается всегда однимъ и тѣмъ же. Оно сообразуется съ *предполагаемой*, а не съ *дѣйствительной* пользой для сохраненія жизни. Потребленіе спиртныхъ напитковъ и куреніе табака стало въ настоящее время потребностью огромнаго количества людей, хотя наука доказала, что удовлетвореніе этой потребности вредно отражается на организмѣ. Вначалѣ организмъ дѣйствительно борется противъ дѣйствія такихъ возбуждающихъ веществъ. Лишь очень немногіе люди испытывали удовольствіе, выпивая первый стаканъ пива или выпутивая первую паниросу. Но, благодаря привычкѣ, преодолѣвается первоначальное чувство недовольства, и принятіе возбуждающихъ веществъ становится потребностью.

Потребности раздѣляются прежде всего на *физическая* (тѣлесная) и *психическая* (душевная) потребности. Физическая потребности раздѣляются опять-таки на *материальная* (вещественная) и *функциональная*.

Къ вещественнымъ потребностямъ тѣла относятся прежде всего потребности въ *пищу* и *питью*. Наличность этой потребности сказывается, какъ известно, при посредствѣ чувства *голода* и *жажды*, удовлетвореніе ихъ—при посредствѣ чувствъ *насыщенія* и *утоленія жажды*.

Функциональные потребности тѣла выражаются въ томъ, что отдельные органы требуютъ движенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ они чахнутъ. Послѣ того, какъ мы долго сидѣли на одномъ мѣстѣ, мы ясно ощущаемъ потребность въ движеніи, и эта потребность при такихъ условияхъ содержитъ сама по себѣ элементъ удовольствія. Черезмѣрное движение вызываетъ непріятное чувство утомленія, которое выражается отчасти въ локализованныхъ болевыхъ ощущеніяхъ, отчасти же—въ общей сонливости организма.

Душевные потребности по своей природѣ *функциональны*. Всѣ основные функции сознанія стремятся къ дѣятельности; если же онѣ долго бездѣйствуютъ, то возникаетъ ясно выраженное чувство недовольства.

Когда мы въ продолженіе долгаго времени находимся въ темнотѣ, то мы жаждемъ свѣта; все, что мы, затѣмъ, видимъ доставляетъ намъ радость, такъ какъ это удовлетворяетъ нашей потребности къ свѣту. То же самое имѣть мѣсто съ чувствомъ слуха, не воспринимавшаго въ теченіе долгаго времени никакихъ слуховыхъ ощущеній. Но не только чувства, но и наша сила воображенія и наша функция сужденія стремятся

къ дѣятельности. Все, что даетъ намъ случай успѣшно примѣнять эти функции, доставляетъ намъ радость, и это удовольствіе, являющееся разултатомъ удовлетворенія нашей интеллектуальной потребности къ функционированію, мы называемъ интересомъ. Поэтому, если я говорю, что кто либо интересуется музыкой или живописью, то этимъ я хочу сказать, что все, относящееся къ этимъ вещамъ, даетъ ему случай пріятно использовать свои способности.

Но не только разумъ, но и функция чувствованія стремится къ дѣятельности. Кроме интеллектуальныхъ имѣются еще эмоциональныя (отъ англійского слова emotion—чувство) потребности дѣйствованія, удовлетвореніе которыхъ доставляетъ намъ удовольствіе. Продолжительное однобразное занятіе будить въ насъ стремленіе къ возбужденію. Брестьянину, который цѣлую недѣлю ходилъ за плугомъ, хочется въ воскресенье забыться, напиться пьянымъ и податься. Праздная римская чернь, жившая на средства императоровъ, требовала боя гладіаторовъ, въ которомъ удовлетворялась ея эмоциональная потребность. Еще и теперь въ южной Франціи и въ Испаніи устраивается бой быковъ, который дѣйствуетъ такимъ же образомъ. Общественные классы, стоящие на высшей ступени нравственного развитія, удовлетворяютъ этой потребности другимъ, болѣе благороднымъ образомъ: они идутъ, напримѣръ, смотрѣть хорошую трагедію. Какъ доказали новѣйшіе изслѣдователи, «облегчающее разряженіе» страха, сожалѣнія и другихъ чувствъ, представляетъ собою не что иное, какъ то, что Аристотель назвалъ «*εὐθύρεσις*»; такимъ образомъ, дѣйствіе, оказываемое хорошей трагедіей, представляетъ собою облагороженный родъ удовлетворенія эмоциональной потребности въ дѣйствованіи. Высокой задачей искусства является умѣніе удовлетворить этой потребности, лежащей въ иѣдрахъ человѣческой природы, такъ чтобы оно облагораживало человѣчество, а не вело къ огрубленію нравовъ.

Основная функция *хотѣнія* тоже стремится къ дѣятельности. У насъ имѣется потребность хотѣть, т. е. мы хотимъ довести до известной цѣли наше дѣйствованіе. Достиженіе цѣли, т. е. успѣшная дѣятельность заключаетъ сама по себѣ чувство удовольствія, даже тогда, когда достигнутая цѣль не имѣть особаго значенія для нашей дальнѣйшей жизни. Такъ, мы ощущаемъ радость при удачѣ и недовольство при неудачѣ, и оба эти чувства исходить изъ потребности въ хотѣніи. Рѣшеніе загадокъ, трудныхъ математическихъ задачъ, пониманіе труднаго мѣста въ произведеніяхъ древнихъ классиковъ, даютъ прекрасный случай переживать самому подобные чувства удовольствія и недовольства.

Въ общемъ можно сказать, что всякое дѣйствіе сопровождается чувствомъ удовольствія. Но при функцияхъ, дѣйствующихъ ежедневно и ежечасно, это чувство притупляется и дѣлается замѣтнымъ снова только тогда, когда препятствіе, поставленное функции, причиняло въ теченіе болѣе или менѣе продолжительного времени чувство недовольства. Такъ, человѣкъ послѣ долгой болѣзни радуется всякому движенію, которое ему удается; ему доставляетъ удовольствіе ходить, стоять на мѣстѣ, хватать веера. Гриальпарцеръ прекрасно выразилъ эти чувства въ своемъ стихотвореніи «*Der Genesene*» («Выздоровѣвшій»).

Въ тѣсной зависимости отъ удовлетворенія или неудовлетворенія важнѣйшихъ физическихъ и духовныхъ потребностей дѣйствованія находится то, что мы обыкновенно называемъ *настроениемъ*. На настроение мы должны смотрѣть, какъ на совокупность чувствъ, которая находится въ тѣсной связи съ потребностями дѣйствованія и которая, взятая отдельно, слишкомъ слабы, чтобы дойти до сознанія. Успѣшная дѣятельность физически здороваго организма обусловливаетъ довольное, веселое настроеніе.

Напротивъ, въ томъ случаѣ, если многія группы функций не могутъ проявлять свое дѣйствіе, у человѣка обнаруживается нехорошее, недовольное настроеніе. Если же эти группы ясно выражены и потому могутъ дать опредѣленное направление мысламъ, то возникаетъ чувство *тоски* въ его различныхъ видахъ и степеняхъ. Музыкальный человѣкъ, долго не имѣвшій возможности быть въ оперѣ или на концертѣ, испытываетъ это, какъ помѣху опредѣленной группѣ функций, и *тоскуетъ* по хорошей музикѣ. Находясь въ чужой странѣ, человѣкъ тоскуетъ по родинѣ. Съ другой стороны, чиновникъ, вынужденный жить въ маленькомъ провинциальному городкѣ, тоже испытываетъ недовольство, такъ какъ тамъ онъ не можетъ найти желаемаго примѣненія своихъ духовныхъ и физическихъ способностей.

Къ разсмотрѣніемъ нами потребностямъ дѣйствованія присоединяется еще одна, которую мы назовемъ *потребностью выраженія*. Подобно тому, какъ аффекты выливаются въ выразительныя движения, точно такъ же у насъ имѣется потребность сообщать другимъ все то, что въ насть происходит. Мы благодарны тому человѣку, который, участливо слушая насть, даетъ намъ возможность высказаться. Высказавъ наши мысли и чувства, мы чувствуемъ значительное облегченіе, и тогда даже самыя тяжелыя минуты не кажутся намъ такими невыносимыми, какъ прежде. Марія Сьюартъ знаетъ, что послѣ встречи съ ней, Елизавета не замедлить подписать смертный приговоръ, но все же послѣ того, какъ она высказала своему врагу все накипѣвшее въ ея сердцѣ, она чувствуетъ себя значительно лучше. Выразительное движеніе по большей части, ослабляетъ аффектъ; но иногда оно, при посредствѣ ощущеній, связанныхъ съ самими движеніями, усиливаетъ аффектъ. Такъ, гневный человѣкъ становится, по большей части, спокойнѣе, послѣ того, какъ онъ измѣрилъ свой гневъ въ словахъ; иногда же случается, что онъ, подъ вліяніемъ своихъ словъ, приходить въ еще болѣй гневъ. Въ общемъ же удовлетвореніе потребности выраженія доставляетъ намъ удовольствіе, а неудовлетвореніе ея— недовольство. Если неудовлетвореніе потребности выраженія продолжается болѣе значительное время, то съдѣствіемъ этого могутъ быть также тяжелыя поврежденія всей нервной системы.

§ 64. Семейные чувства.

Семейная жизнь является первымъ условиемъ *сохраненія*, а также и облагораживанія человѣчества. Здѣсь прежде всего возникаетъ *чувство любви*, которое представляетъ собою важнѣйшій факторъ *нравственнаго совершенствованія* человѣчества. Здѣсь человѣкъ научается выходить за рамки эгоизма и принимать участіе въ радостяхъ и страданіяхъ другихъ людей.

Любовь возникла сначала между мужчиной и женщиной, и на первыхъ ступеняхъ культурнаго развитія она носить исключительно чувственныя характеры. Но по мѣрѣ того, какъ земледѣлье заставило человѣка перестать вести кочевую жизнь, всѣдѣствіе чего мужъ, жена и дѣти оставались навсегда или на болѣе или менѣе долгое время вмѣстѣ, половое чувство все болѣе и болѣе облагораживалось. Любовь, возникшая между мужчиной и женщиной, выражается въ стремлѣніи владѣть другъ другомъ. Къ этому присоединяется часто страхъ потерять любимое существо, и ненависть къ врагу, которому мы приписываемъ намѣреніе похитить любимое существо, принимаетъ здѣсь своеобразную форму *ревности*.

По мѣрѣ развитія культуры жена видѣть въ мужѣ не только любимаго человѣка, но и своего кормильца и защитника; все, что приноситъ

вредъ или пользу мужу, приносить вредъ или пользу также и ей, и возбуждаетъ въ ней всѣ чувства, о которыхъ мы говорили выше. Затѣмъ сюда присоединяется еще любовь, которая усиливаетъ удовольствіе и боль, и придаетъ этимъ чувствамъ своеобразную окраску. Эти чувства прекрасно изображены въ шестой книжкѣ Иліады въ сценѣ между Гекторомъ и Андромахой. Мужъ, съ своей стороны, видитъ въ женѣ не только любовницу, но и мать своихъ дѣтей, человѣка, который смотрѣть за хозяйствомъ и принимаетъ участіе въ его заботахъ. Такъ къ любви присоединяется еще взаимная благодарность и уваженіе, и мужъ и жена принимаютъ горячее участіе въ страданіяхъ и радостяхъ другъ друга.

Любовь родителей къ дѣтямъ значительно менѣе эгоистична, чѣмъ любовь между женщиной и мужчиной. Особенно сильно развита материнская любовь. Всякую боль ребенка мать ощущаетъ, какъ свою собственную. Дитя является ея плотью и кровью, и можно ясно замѣтить, что любовь сильнѣе всего тогда, когда ребенокъ малъ и совершенно безпомощенъ; когда же ребенокъ становится самостоятельнѣе, интенсивность любви уменьшается. Материнская любовь развилаась прежде всѣхъ остальныхъ чувствъ; она, въ извѣстномъ смыслѣ, имѣется уже у животныхъ. Вначалѣ воспитаніе ребенка было предоставлено матери. Любовь отца развилаась позднѣе и отличается отъ материнской любви. При видѣ ребенка или думая о немъ, отецъ всегда имѣеть въ виду его будущее. Онъ думаетъ о томъ, что онъ и впослѣдствіи будетъ ему прочной опорой въ жизни.

Любовь дѣтей къ родителямъ основана, главнымъ образомъ, на чувствахъ благодарности и обожанія, о которыхъ мы уже говорили. Дѣти видятъ въ родителяхъ людей, которые оказываютъ имъ всевозможное содѣйствіе. Послѣ того, какъ ребенокъ наказанъ матерью, онъ часто бросается ей на колѣни, считая это мѣсто наиболѣе надежнымъ убѣжищемъ. Чѣмъ самостоятельнѣе дѣти, тѣмъ больше зависить отъ поведенія родителей, будуть ли дѣти и вредъ чувствовать къ нимъ благодарность и обожаніе. Родители должны постоянно заботиться о томъ, чтобы сохранить по отношенію къ себѣ любовь своихъ дѣтей.

Любовь къ сестрамъ и братьямъ поконится больше на личной симпатии, какъ мы это выше говорили. Это чувство усиливается чувствомъ родства, которое связываетъ всѣхъ членовъ семьи. По отношенію къ внѣшнему миру семья образуетъ замкнутое цѣлое, и всякое приходящее извнѣ вредное или полезное дѣйствіе пробуждается въ каждомъ отдельномъ членѣ семьи чувство удовольствія или недовольства.

§ 65. Патріотическая чувства.

Подъ вліяніемъ осѣдлой жизни, обусловленной земледѣльемъ, семья развивается въ общину, въ государство. Государство, явившееся результатомъ потребности совмѣстного дѣйствія въ цѣляхъ облегченія борьбы за существованіе, пробуждается въ значительно большей степени, чѣмъ семья, чувство принадлежности другъ къ другу. Все, что можетъ, по нашему мнѣнію, повредить государству или принести ему пользу, необходимо пробуждается въ насъ тѣ чувства, которые возникаютъ въ насъ подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія; но, благодаря чувству взаимной принадлежности, они усиливаются и такимъ образомъ получаютъ своеобразную окраску. Мы ненавидимъ врага, угрожающаго нашему отечеству, мы обожаемъ властителя, заботящагося о нашемъ благѣ, и самоотверженно служимъ ему. Все это дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ яснѣ мы созиаемъ, что всѣ наши сограждане согласны съ нами. Эти чувства мы называемъ патріотизмомъ.

или любовью къ отечеству. Въ каждой большой войнѣ можно наблюдать цѣлую скалу патріотическихъ чувствъ; тутъ мы видимъ ужасъ и отчаяніе, страхъ и воодушевленное мужество, униженіе и гордое чувство побѣды.

Само собою понятно, что здѣсь могутъ имѣть мѣсто конфликты съ чувствомъ самосохраненія и съ семейными чувствами. Исторія и поэзія даютъ намъ массу примѣровъ конфликта между патріотическими и индивидуальными чувствами. Вспомнимъ, съ одной стороны, царя Кодра, Леонида, Десія Муса, Арнольда Винкельрида, а съ другой—Алкивиада и Корюлана. Точно также имѣютъ мѣсто конфликты между семейными чувствами и патріотическимъ долгомъ. Спартанка, которая сказала своему сыну, чтобы онъ вернулся со щитомъ или на щитѣ, была больше патріоткой, чѣмъ матерью. То же чувство мы видимъ въ Гекторѣ, который, несмотря на свою сильную любовь къ Андромахѣ, все же чувствуетъ, что онъ обязанъ идти въ бой.

Если въ теченіе культурнаго развитія общинъ сливаются въ болѣе крупныя государства, то образуются многочисленныя партии, которыя, каждая по-своему, хотятъ приносить пользу государству. Возникшая такимъ образомъ партійная жизнь даетъ поводъ къ образованію чувствъ, которыхъ можно назвать *политическими* чувствами. Они образовались такъ же, какъ и патріотическія чувства, и должны были бы быть тождественны съ ними. Но уже въ древности случалось, что ненависть къ политическимъ противникамъ часто была больше, чѣмъ ненависть къ врагамъ отечества. Конечно, такое состояніе крайне опасно для общинъ или государства.

§ 66. Сочувствіе.

Семья и отечество развили въ человѣка чувства, которыхъ подымаютъ его надъ его собственнымъ «я» и заставляютъ принимать участіе въ радостяхъ и страданіяхъ другихъ людей. Всѣ эти чувства находятся въ ясной связи съ самосохраненіемъ. Мое собственное благосостояніе зависить въ большей или меньшей степени отъ благосостоянія моей семьи, и врагъ, угрожающій моему отечеству, можетъ уничтожить мои посѣвы, разграбить мое имущество, а меня самого заключить въ тюрьму или даже убить. На первыхъ ступеняхъ культурнаго развитія эти эгоистическіе мотивы играютъ рѣшающую роль. Вначалѣ люди въ своемъ стремлѣніи къ обладанію любимымъ предметомъ руководились эгоистическимъ мотивомъ. Но сей часъ же послѣ удовлетворенія стремлѣнія у человѣка исчезаетъ интересъ и участіе къ любимому предмету. Только болѣе продолжительная совмѣстная жизнь вызываетъ, какъ мы уже видѣли, болѣе благородныя чувства и заставляетъ насъ безкорыстно любить нашу семью, нашихъ согражданъ. Это альтруистическое безкорыстное участіе въ судьбѣ близкихъ мы называемъ *сочувствіемъ*.

Сочувствіе возникаетъ оттого, что видъ чужихъ движений побуждаетъ насъ инстинктивно подражать этимъ движеніямъ. Если же эти движения являются выраженіемъ аффекта, то, благодаря подражанію движеніямъ, возникаетъ также самъ аффектъ (см. § 60). Дѣти при видѣ плачущихъ людей тоже обыкновенно начинаютъ плакать. Когда мы видимъ, что кто-либо порѣзалъ себя ножемъ, то намъ кажется, будто мы ощущаемъ разрѣзъ на соответствующемъ мѣстѣ нашего тѣла. Точно также видѣ веселящихся дѣтей приводитъ насъ въ хорошее, веселое настроеніе, такъ какъ тутъ мы, по крайней мѣрѣ мысленно, подражаемъ ихъ движеніямъ.

Эта первоначальная способность ощущать чужія чувства превращается, подъ вліяніемъ представлений и сужденій, въ *сочувствіе* въ узкомъ смыслѣ этого слова. Страданія близняго возбуждаютъ въ насъ *сострада-*

нее, его радость приятна и намъ. Тотъ фактъ, что мы гораздо чаще сочувствуемъ страданіямъ ближняго, чѣмъ его радости, легко объясняется возникновенiemъ сочувствія. Для сохраненія жизни значительно важнѣе устранить то, что доставляетъ намъ недовольство, чѣмъ сохранять приятное намъ. Къ этому присоединяется также и то, что мы часто завидуемъ радостямъ ближняго. Мы не завидуемъ только тогда, когда выпавшее на долю ближняго счастье не представляеть предмета нашего стремленія, когда мы, въ извѣстномъ отношеніи, стоимъ выше счастливца, или когда мы признаемъ, что данный человѣкъ стоить значительно выше наась самихъ, что онъ слишкомъ высокъ, чтобы мы могли ему завидовать. Вообще истинное сочувствіе радости ближняго возможно лишь между старыми, близкими друзьями, но даже и тутъ, противъ собственной воли, иногда проскальзываетъ зависть къ счастливому другу. Напротивъ, сочувствіе къ страданіямъ ближняго встрѣчается у дикарей и даже у людей, стоящихъ не высоко въ нравственномъ отношеніи.

Часто къ сочувствію примѣшивается также чувство нашего пре восходства, и это чувство даетъ намъ возможность легче переносить видъ страдающаго ближняго. Въ этомъ чувствѣ лежитъ уже переходъ къ чувству злорадства, составляющему прямую противоположность сочувствію. Злорадство мы ощущаемъ, по большей части, тогда, когда мы видимъ, что нашего врага постигло несчастіе. Однако, это чувство должно быть отнесено къ низменнымъ чувствамъ человѣка; оно можетъ быть извинительно, въ извѣстной степени, только тогда, когда несчастіе, постигшее врага, является удовлетворенiemъ правового чувства, какъ, напримѣръ, тогда, когда раскрывается преступление обманщика. Большое горе, постигшее, даже вполнѣ заслуженно, нашего ближняго, вызоветъ въ наась не злорадство, а сочувствіе, такъ какъ при этомъ мы вспоминаемъ объ общемъ несовершенствѣ человѣчества и объ изреченіи, гласящемъ: «кто безгрѣшъ, первый брось въ него камень». Эта мысль прекрасно изображена въ драмѣ Софокла «Аянтъ», гдѣ Одиссей, на слова богини Аеины, говорящей, что теперь онъ можетъ радоваться несчастью своего врага, отвѣчаетъ слѣдующее:

«И я сожалѣю его, хотя онъ и былъ моимъ врагомъ, онъ, который теперь вполнѣ несчастенъ, такъ какъ одержимъ помраченiemъ ума. При этомъ я думаю и о своей судьбѣ. Мы несчастные, всѣ живущіе, по-моему, представляемъ собою только призраковъ и легкую тѣнь» (перев. А. Ли бермана).

§ 67. Нравственное чувство.

Какъ мы видѣли, сочувствіе является результатомъ восприятія или представленія чужихъ радостей и страданій. Источникомъ и основой сочувствія является непосредственная способность ощущать чужія страданія и радости, вызванная своего рода внутреннимъ подражаніемъ. *Нравственное чувство*, правда, находится въ связи съ чужимъ благоденствіемъ и страданіями, но оно существенно отличается отъ сочувствія. Нравственное чувство является результатомъ не восприятій или наглядныхъ представлений, а результатомъ мыслей, и потому оно относится уже къ высшей ступени развитія сознанія. Даѣте, нравственное чувство не возникаетъ подъ влияніемъ вида чужихъ радостей и страданій; оно всегда имѣть отношение къ цѣлу, къ группѣ людей, слившихся путемъ организаціи въ одно цѣлое. Въ нравственныхъ чувствахъ сильнѣе всего отражается цѣнность отдельной личности; только непоколебимость нравственныхъ основъ придаетъ индивиду самостоятельность и внутреннюю силу; но эта нравственная

сила выражается въ сознательномъ отношеніи къ семье, къ государству, ко всему человѣчеству.

Нравственные чувства являются результатомъ критики человѣческихъ дѣйствій. Эти чувства принимаютъ двѣ различныя формы, въ зависимости отъ того, судимъ ли мы: 1) о чужихъ дѣйствіяхъ или 2) о своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ.

1) Нравственная оцѣнка чужихъ дѣйствій всегда связана съ извѣстными чувствами. Эти чувства, какъ всѣ чувства вообще, движутся въ противоположныхъ направлениихъ и обнаруживаютъ разнообразныя степени интенсивности. Въ качествѣ общаго обозначенія направленіеморальной оцѣнки и связанныхъ съ нею чувствъ въ нашемъ языкѣ имются выраженія—*похвала и порицаніе*. Похвала можетъ перейти въ *восхищеніе и воодушевленіе*, а порицаніе—въ *нравственное возмущеніе и отвращеніе*. Моральная оцѣнка чужихъ дѣйствій и связанныхъ съ ними чувствъ находится въ тѣсной связи съ соціальнымъ развитіемъ человѣчества и соотвѣтственно этому претерпѣваетъ съ течениемъ времени разнообразныя измѣненія.

Въ общемъ можно сказать, что люди считаютъ *хорошими* тѣ поступки, которые приносятъ пользу обществу, а *дурными* тѣ, которые приносятъ ему вредъ. На первыхъ ступеняхъ культурного развитія нравственному сужденію подвергается самъ поступокъ. По общему мнѣнію, прегрѣшенія противъ боговъ племени должно вызвать гнѣвъ боговъ противъ всего племени. Поэтому всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы изгнать дерзновенного человѣка изъ своей среды. На этой ступени развитія не различается еще, сдѣлять ли поступокъ умышленно или неумышленно. Эдипъ чувствуетъ себя виноватымъ, хотя онъ совершилъ кощунство, совершенно не зная обѣ этомъ. Подъ вліяніемъ соціальной привязанности отдельного человѣка къ переданной религіи, къ укоренившимся нравамъ и обычаямъ, всякое отклоненіе отъ традиціоннаго порядка вещей считается вреднымъ для общественнаго организма и потому строго порицается.

Но по мѣрѣ развитія культуры общественные организации становятся все сложнѣе и сложнѣе. Вслѣдствіе раздѣленія труда постепенно произошло сильное дифференцированіе способа мышленія и характера. Хотя соціальная зависимость и остается еще въ силѣ, но каждый отдельный человѣкъ претендуетъ на большую самостоятельность въ мышленіи и поступкахъ. Переданные мнѣнія, законы, нравы и обычай не являются уже большие непоколебимыи авторитетомъ, которому отдельный человѣкъ слѣпо подчиняется. Общество строго критикуетъ все переданное ему отъ прежнихъ временъ и задается вопросомъ, соотвѣтствуютъ ли еще и теперь старыя мнѣнія и требования расширившимся и углубленнымъ моральнымъ потребностямъ. Такъ Ксенофонтъ говорить, въ VI вѣкѣ до Р. Х., что гомеровскіе боги не могутъ быть больше для грековъ нравственными идеалами, а лирикъ Пиндаръ не вторить старымъ сказаніямъ, приписывающимъ богамъ дурныя свойства.

Сюда присоединяется еще слѣдующее. Съ развитіемъ культуры хозяйственная жизнь страны дѣлается оживленѣе и сложнѣе. Поступки человѣка дѣлаются тоже сложнѣе. Человѣкъ ставить себѣ отдаленныя цѣли, для достиженія которыхъ необходимо планомѣрное выполненіе цѣлаго ряда дѣйствій. Поэтому каждое отдельное дѣйствіе можно понять хорошо только тогда, когда известна цѣль, которую преслѣдовалъ дѣйствовавший человѣкъ, когда известенъ мотивъ, лежавшій въ основѣ дѣйствія. Благодаря этому, моральная оцѣнка также претерпѣваетъ глубокое измѣненіе. Для того, чтобы решить, вреденъ ли или полезенъ данный человѣкъ для соціального организма, я долженъ хорошо знать не вѣнчшій результатъ его дѣйствій,

а руководившее имъ намѣреніе. Такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія культуры моральная оцѣнка дѣлается болѣе глубокой. Критической оцѣнкѣ подлежать теперь уже не сами дѣйствія, а ихъ мотивы, т. е. лежащія въ основѣ ихъ психическая склонности. Мы цѣнимъ и восхищаемся умомъ, добротой, отвагой, энергией, силой воли; мы презираемъ и проклинаемъ неспособность къ сужденію, недостатокъ сочувствія, слабую волю.

Это углубленіе моральной оцѣнки является, какъ мы уже видѣли, слѣдствіемъ соціальной дифференціаціи. Постепенное образованіе самостоятельныхъ личностей создаетъ новая нравственная воззрѣнія и чувства. Такой же путь развитія прошла и вторая форма нравственныхъ чувствъ, а именно тѣхъ чувствъ, которыхъ являются результатомъ оцѣнки нашихъ собственныхъ поступковъ.

2) Психическая склонность, которая дѣлаетъ насъ способными и побуждаетъ насъ оцѣнивать наши собственные дѣйствія, называется *совѣстью*. Совѣсть выражается сначала въ *боязни порицанія* со стороны нашихъ близкихъ. Въ состояніи строгой соціальной зависимости человѣкъ, принимая какое-нибудь важное рѣшеніе, испытывалъ только чувство боязли-
ваго безпокойства, вызванное той мыслью, что его поступокъ можетъ быть не одобренъ, и онъ самъ можетъ быть наказанъ. Но подъ вліяніемъ религіозныхъ представлений совѣсть, какъ мы это ниже увидимъ, претер-
пваетъ существенные измѣненія.

Съ развитіемъ культуры въ насъ возникаетъ потребность служить обществу. Эта потребность соціальной дѣятельности относится къ выше-
упомянутымъ (§ 63) функциональнымъ потребностямъ. Мы испытываемъ послѣ совершенія нашей соціальной работы особый родъ нравственного удовлетворенія; если же намъ не удалось принести пользы обществу, или если наша общественная работа не удовлетворительна, то мы чувствуемъ недовольство. Къ первоначальной *предостерегающей* функции совѣсти при-
соединяется впослѣдствіи родъ положительного побужденія. Нашу зависимость отъ соціального цѣла, частью которого мы являемся, мы можемъ назвать нашими соціальными обязанностями. Когда выполненіе этихъ обязанностей становится потребностью, то совѣсть принимаетъ форму *чувства долга*. Чувство долга должно быть развито въ каждомъ человѣкѣ путемъ воспитанія. Дѣти съ самаго начала сознательной жизни должны себя считать членами государства, къ сохраненію которого каждый долженъ принести свою лепту. Но въ чувствѣ долга, который мы можемъ назвать также со-
циальной совѣстью, всегда имѣется остатокъ первоначальной функции совѣсти, состоящей въ *боязни порицанія*. Эта боязнь остается въ укромномъ уголкѣ души даже и тогда, когда выполненіе долга становится функциональ-
ной потребностью.

Но рядомъ съ чувствомъ долга развилась еще болѣе высокая форма совѣсти. Рука обь руку съ только что описаннымъ развитіемъ личности идетъ постепенное развитіе чувства человѣческаго достоинства. Освободившаяся личность не хочетъ считать себя только членомъ соціального цѣла. Свободно мыслящий и свободно дѣйствующий человѣкъ научается цѣнить самого себя; онъ не хочетъ быть лишь средствомъ, онъ хочетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, стать самоцѣлью. Это усилившееся чувство собствен-
наго достоинства даетъ человѣку новая важныя права, но въ то же время увеличиваетъ его обязанности. Человѣкъ предъявляетъ теперь большія требованія къ государству и къ самому себѣ. Мы требуемъ отъ государства, чтобы оно охраняло нашу жизнь, нашу собственность и личную свободу и давало возможность дальнѣйшему развитію нашихъ духовныхъ способностей. За это мы, подъ вліяніемъ свободного рѣшенія, а не вслѣд-
ствіе физического насилия, подчиняемся авторитету государства. Но обя-

заниети, исполняемыя нами по отношению къ государству, не удовлетворяютъ уже больше нашей потребности къ нравственному дѣйствованію. Мы ставимъ себѣ задачи, соответствующія нашей индивидуальности, и выполняемъ ихъ по мѣрѣ нашихъ силъ. Мы не только стараемся устранить все, что можетъ повредить общему благу, но стараемся также приносить ему посильную пользу; при этомъ мы избѣгаемъ всего того, что несомнѣмѣсто съ достоинствомъ самостоятельно мыслящаго человѣка, сознавшаго свое собственное достоинство. Мы требуемъ отъ государства справедливости и защиты, а сами приносимъ ему любовь иѣрность.

Чувству человѣческаго достоинства и вытекающимъ отсюда требованіямъ мы можемъ дать общее имя индивидуальной или личной совѣсти. Въ связи съ соціальной совѣстью эта новая нравственная сила постоянно углубляетъ и въ то же время расширяетъ нравственные требования. Нравственной оценкѣ подвергаются все новыя и новыя области жизни, а къ людямъ и ко всему человѣчеству предъявляются все болѣе и болѣе высокія требования. Уже Сократъ позналъ эти обѣ формы нравственной дѣятельности и выразилъ вытекающее отсюда двоякое требование слѣдующими простыми и въ то же время возвышенными словами: «Если человѣкъ занять определенное мѣсто, находя его наиболѣе подходящимъ для себя, или если его поставили на это мѣсто твои начальники, то онъ не долженъ покидать его въ минуту опасности» («Апология» Платона). Перваго требуется отъ него его человѣческое достоинство, а второго—его человѣческій долгъ. Оба эти элемента должны дѣйствовать совмѣстно. Одной изъ наиболѣе важныхъ задачъ воспитанія является развитіе въ ребенкѣ чувства человѣческаго достоинства и пріученіе его къ исполненію своего долга. Особенно слѣдовало бы разматривать правдивость, какъ требование человѣческаго достоинства, и въ этомъ направленіи должно вестись воспитаніе.

Совмѣстное дѣйствие соціального и личнаго фактора въ развитіи человѣчества объясняетъ намъ богатое разнообразіе нравственныхъ чувствъ и вытекающіе отсюда многочисленные душевныя конфликты. Благодаря этому способу наблюденія, намъ значительно уясняются понятія чести и права, обусловленный культурно-историческимъ развитіемъ и потому такъ трудно поддающимся определенію, а также всѣ чувства, находящіяся въ связи съ этими понятіями. Но важнейшимъ результатомъ этого способа наблюденія является увѣренность въ томъ, что углубленіе нравственного сознанія не только является продуктомъ соціального развитія, но что само-углубленіе можетъ быть и уже было творческой силой. Чѣмъ больше крѣпнетъ нравственная личность, чѣмъ совершенѣе становится нравственное чувство, чѣмъ болѣе высокія требования мы предъявляемъ къ государству и къ самимъ себѣ, тѣмъ ближеѣроятность, что намъ удастся создать такое человѣческое общество, въ которомъ можно было бы выполнять заповѣди долга, не впадая въ противорѣчіе съ чувствомъ человѣческаго достоинства.

§ 68. Религіозныя чувства.

Религіозныя чувства и *религіозныя представления* имѣются у всѣхъ людей, и даже дикари, стоящіе на низшей ступени культурнаго развитія, вѣрять въ невидимыхъ духовныхъ силы, во власти которыхъ находится судьба человѣка.

Благодаря основной апперцепціи человѣкъ не можетъ воспринимать бросающіеся ему въ глаза явленія природы, какъ, напримѣръ, громъ и молнию, градъ, бурю, землетрясеніе и т. п., иначе, какъ проявленіе какой-

то могущественной воли. Это одухотворение явлений природы носить общее название *анимизма*. Анимизмъ считаетъ явленія природы дѣломъ рукъ какихъ-то существъ и, въ своей простѣйшей формѣ, не представляетъ себѣ этихъ существъ въ видѣ какихъ-то образовъ. Первобытному человѣку кажется, что эти существа живутъ во всѣхъ вещахъ видашаго міра, а тутъ религіозное чувство оказывается только въ боязни какъ-нибудь не оскорбить этихъ потенциально вредныхъ силъ, скрытыхъ отъ его взора. На болѣе высокой ступени развитія эти существа принимаютъ образъ человѣка, и эту форму религіи можно назвать *антропоморфизмомъ*. Большую роль въ томъ, что люди придавали богамъ человѣческій образъ, играли *сновидѣнія*. Когда умерший предводитель племени «являлся во снѣ» иѣсколькимъ своимъ сородичамъ, то первобытные люди, какъ и наши дѣти, считали сны за дѣйствительныя переживанія. Эта вѣра усиливалась въ нихъ подъ вліяніемъ разговоровъ другъ съ другомъ, и эти представления передавались слѣдующимъ поколѣніямъ, которыхъ свято хранили ихъ. Такимъ образомъ, боги приняли человѣческій образъ, и тогда то фантазія первобытныхъ людей и создала себѣ цѣлое царство боговъ. Соціальный отношенія людей были тоже перенесены на боговъ, и у индусовъ, грековъ и германцевъ мы встрѣчаемъ цѣлья государства боговъ, гдѣ табель о рангахъ проведена крайне строго.

Но какъ только, подъ вліяніемъ совмѣстной жизни людей, развились нравственные чувства, боги стали блюстителями нравственности человѣчества. Въ стихахъ Гомера боги являются, отчасти, олицетвореніемъ явлений природы, отчасти существами, надѣленными всѣми человѣческими слабостями, а отчасти же блюстителями нравственного мірового порядка. Зевсъ является богомъ грома, страшнымъ и строгимъ супругомъ Геры, но онъ въ то же время посыпаетъ на землю сильный дождь, такъ какъ люди поступаютъ противно нравственнымъ законамъ (Иллада, стихъ 16). Съ развитиемъ естествознанія и совершенствованіемъ нравственныхъ чувствъ все болѣе и болѣе развивались религіозные представленія и чувства грековъ. Уже *Пиндаръ*, *Эсхилъ* и *Софокль* восхваляютъ Зевса, какъ всемогущаго бога, «котораго не можетъ укротить сонъ; укрошающій всѣхъ и вся», а *Платонъ*, какъ и *Аристотель*, ясно утверждаютъ, что божество едино.

Въ монотеистическихъ религіяхъ, основанныхъ на откровеніи, съ самаго начала господствуетъ вѣра въ одного бога, который, будучи всемогущимъ и всевѣдущимъ, добрымъ и справедливымъ, править всѣмъ міромъ. Здѣсь религіозные чувства съ самого начала тѣсно слипаются съ нравственными чувствами. Нравственные законы являются заповѣдями бога; тотъ, кто исполняетъ ихъ, живеть согласно волѣ бога; тотъ, кто нарушаетъ ихъ, нарушаетъ волю бога. Но, благодаря этому религіозному обоснованію, нравственные чувства какъ бы освящаются и получаютъ элементъ утѣшения; безъ религіи у нихъ не было бы этихъ свойствъ.

Но содержаніе религіозной жизни ни въ коемъ случаѣ не исчерпывается отношеніями между религіей и нравственностью. Формы обожанія бога, развившіяся въ различныхъ культурахъ, являются источникомъ разнообразныхъ чисто-религіозныхъ чувствъ. *Благоговѣніе*, испытываемое нами при входѣ во храмъ и при звукахъ органа, чувство *смиренія* и *внутреннаго успокоенія* въ молитвѣ и послѣ нея, а также стремленіе быть возможно ближе къ Богу,—все это и многое другое являются переживаніями, которыхъ связаны лишь съ религіозными представленіями. Въ псалмахъ Ветхаго Завѣта разнообразная религіозная чувства выражены съ захватывающей силой и красотой.

§ 69. Эстетическая чувства.

Эстетическими чувствами называются те чувства, которые вызываются въ насъ прекраснымъ и возвышеннымъ, а также и противоположностью ихъ — отвратительнымъ и смѣшнымъ. Въ общемъ можно сказать, что эстетическое удовольствие или неудовольствие являются слѣдствіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія нашихъ функциональныхъ потребностей.

Уже чувственные восприятія, особенно зрительные и слуховые восприятія, часто связаны съ элементарными эстетическими чувствами. Цвѣта, а особенно сочетанія цвѣтовъ, какъ, напримѣръ, радуга или усѣянное звѣздами небо, доставляютъ намъ эстетическое удовольствие. Эстетическая чувства, вызванныя въ насъ формами и образами, отличаются значительно болѣшимъ богатствомъ и разнообразiemъ. Поэтому эрѣи является источникомъ чувствъ удовольствия; однако мы приписываемъ это удовольствие свойствамъ предмета, и самъ предметъ называемъ *красивымъ*. Но тотъ фактъ, что источникъ чувства лежитъ въ насъ, а не въ предметѣ, становится намъ вполнѣ яснымъ послѣ того, какъ мы замѣчаемъ, что предметъ, который на первый взглядъ кажется намъ красивымъ, теряетъ это свойство, если мы видимъ его ежедневно и ежечасно. Удовольствие, являющееся результатомъ удовлетворенія функциональной потребности, скоро притупляется, и предметъ становится намъ безразличнымъ. Измѣнился не предметъ, а наше чувство, и этотъ фактъ говорить за то, что источникъ чувства удовольствія лежить въ насъ самихъ. Что касается чувства слуха, то уже простые продолжительные тона могутъ вызвать въ насъ ясное эстетическое чувство. Но значительно болѣе сильное эстетическое дѣйствіе оказываетъ ритмическая послѣдовательность шумовъ и звуковъ. Въ самомъ дѣлѣ, ритмическая движенія совмѣстной человѣческой работы, проходящія, напримѣръ, при рубкѣ дерева, при молотьбѣ, были, по всей вѣроятности, первой причиной образованія ритмическихъ *пѣсенъ*, которыхъ затѣмъ въ теченіе культурного развитія превратились въ высшія проявленія музыкального искусства. Эти элементарные эстетическая чувства находятся въ тѣсной связи съ ощущеніями движенія, которыхъ играютъ большую роль какъ при воспріятіи образовъ, такъ и при воспріятіи ритмическихъ звуковъ. Въ этихъ ощущеніяхъ движенія наша потребность къ дѣйствіямъ находитъ свое первоначальное и наиболѣе богатое удовлетвореніе.

Эстетическая чувства развиваются значительно богаче, когда къ чувственнымъ воспріятіямъ присоединяются *представленія* и *мысли*. Произведеніе природы или искусства, которое пріятно занимаетъ нашу фантазію и дасть намъ случай быстро и легко слѣдить за мыслью художника, доставляетъ намъ значительно большое эстетическое наслажденіе, чѣмъ простые тона или цвѣта. Здѣсь удовлетворяется наша функциональная потребность *ума*, и вытекающее отсюда удовольствие часто бываетъ такъ велико, что мы не замѣчаемъ очевидныхъ недостатковъ данного художественного произведения. «То, что мы понимаемъ, мы не можемъ порицать», очень мѣтко замѣчаетъ принцесса въ гетеевскомъ «Тассо».

Эстетическое чувство дѣлается еще интенсивнѣе, когда художественное произведеніе удовлетворяетъ не только нашу интеллектуальную, но и *эмоциональную* потребность къ дѣйствованію. Чувства возбужденія и успокоенія, напряженія и разряженія слѣдуютъ другъ за другомъ, возбуждаютъ нашъ интересъ, при чемъ сюда не примѣшиваются забота о нашей собственной судьбѣ. Какъ мы уже выше упоминали, «облегчающее разряженіе» страха и сочувствія, а также другихъ чувствъ, представляетъ собою то, что Аристотель называетъ катарисомъ. Сильное дѣйствіе, оказываемое

на насъ *музыкальными* художественными произведеніями, тоже объясняется этимъ удовлетвореніемъ эмоциональной потребности къ дѣйствію. Вѣдь тоны и звуки вызываютъ лишь очень немного представлений и мыслей, они вызываютъ посредственно и непосредственно различныя чувства. Поэтому музыку вполнѣ правильно называютъ языкомъ сердца. Она обладаетъ способностью проникать въ тайники нашего міра чувствъ; она пробуждаетъ могущія темныя чувства, мирно спавшія до того момента въ нашей душѣ. Великія художественные произведения сохраняютъ для насъ прелестъ новизны значительно дольше, чѣмъ простыя чувственныя воспріятія, такъ какъ они обладаютъ способностью вызывать самыя разнообразныя представлений, чувства и мысли. Мы постоянно открываемъ въ нихъ все новые и новые источники наслажденія; вообще мы можемъ оцѣнить ихъ по настоящему только тогда, когда они иѣсколько разъ оказывали на насъ свое дѣйствіе. Къ этому присоединяется еще то, что они могутъ удовлетворять функциональнымъ потребностямъ всѣхъ возрастовъ, такъ что сочиненіе, приводившее въ восхищеніе юношу, можетъ одинаковымъ образомъ доставить радость и зрѣлому человѣку и старцу. Такія произведения, какъ стихи Гомера, «Прометей» Эсхила; книга Іова, «Царь Эдипъ» Софокла, «Гамлетъ» Шекспира, лирика Шиллера, «Фаустъ» Гете составляютъ для насъ постоянный источникъ удовольствія въ теченіе всей нашей жизни.

Красота природы дѣйствуетъ на насъ особенно сильно тогда, когда природа даетъ намъ случай удовлетворить долго задержанныя функциональные потребности. Поэтому мы наиболѣе воспріимчивы къ предметамъ природы тогда, когда мы, утомившись отъ возбуждающей нервы городской жизни, уѣзжаемъ въ деревню, гдѣ мы дышимъ свѣжимъ воздухомъ, гдѣ мы имѣемъ возможность свободно двигаться, гдѣ мы, овободившись отъ стѣснительного этикета, можемъ жить такъ, какъ мы хотимъ, и гдѣ мы можемъ воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ: «Здѣсь я человѣкъ, здѣсь я могу имѣть быть!» Въ самомъ дѣлѣ, чувство пониманія красоты природы развилоось очень поздно и, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ люди были, извѣстнымъ образомъ, пресыщены культурой. Въ древности понимали и восхищались лишь веселой природой, тогда какъ горы ужасали и пугали нашихъ древнихъ предковъ. Альбрехтъ Галлеръ и Ж.-Ж. Руссо первые сдѣлали настъ воспріимчивыми къ красотѣ Альпъ, которая, благодаря своему богатству формъ и красокъ, являются неистощимымъ источникомъ эстетического наслажденія.

Такимъ образомъ, радость, испытываемая при созерцаніи прекраснаго, дѣйствительно является удовольствіемъ, вытекающимъ изъ удовлетворенія нашихъ функциональныхъ потребностей, и поэтому она почти не связана съ желаніями и вообще съ импульсами, побуждающими насъ къ дѣйствію. Поэтому Кантъ и Шиллеръ вполнѣ правы, считая характернымъ признакомъ эстетического, неэгоистическое наслажденіе предметомъ. Кромѣ того Шиллеръ тоже вполнѣ вѣрно сказалъ, что эстетическое наслажденіе представляется собою родъ *игры*. Подобно тому, какъ въ игрѣ мы не имѣемъ въ виду достиженія определенной практической цѣли, а сама дѣятельность доставляетъ намъ удовольствіе, точно такъ же эстетическое наслажденіе является удовольствіемъ, вытекающимъ изъ удовлетворенія нашихъ функциональныхъ потребностей, и потому оно не связано съ стремленіями.

Художественные произведения возбуждаютъ въ насъ всю нашу душевную дѣятельность, и вполнѣ естественно, что тутъ принимаются часто участіе *нравственные* и *религіозные* чувства. Благодаря этому, дѣйствіе художественного произведения значительно усиливается и углубляется; но, основываясь на этомъ, нельзя сказать, что цѣлью искусства является

распространеніе и защита нравственныхъ и религіозныхъ истинъ. Облагораживающее и возвышающее вліяніе искусства состоить не въ томъ, что оно старается насть склонить въ сторону тѣхъ или иныхъ учений или истинъ, а скорѣе въ томъ, что оно возвышаетъ насть надъ повседневной жизнью и открываетъ въ насть самихъ источникъ радостей, которыя дѣйствуютъ дольше и интенсивнѣе, чѣмъ наиболѣе сильныя чувственныя наслажденія.

Возвышенное возбуждаетъ въ насть, подъ вліяніемъ представлениія о неизмѣримой силѣ, чувство удивленія, восхищенія, которое можетъ достигнуть очень высокой степени. Здѣсь чисто эстетическая чувства особенно часто сплетаются съ нравственными и религіозными чувствами. Гибель возвышенного дѣйствуетъ на насть трагически, и для насть не безполезно ближе знакомиться съ этимъ на примѣрѣ безсмертныхъ трагедій мировой литературы.

Противоположностью возвышенного является въ нравственномъ отношеніи *незначимое* и *отвратительное*, въ эстетическомъ отношеніи — *смѣшное*. Смѣшное возбуждаетъ въ насть чувство веселья и чувство комического, внѣшнимъ проявленіемъ которого является, какъ известно, смѣхъ. Это чувство возбуждается представлениемъ о чѣмъ-то безконечно маломъ, незначительномъ. Выше мы показали, что слабый врагъ возбуждаетъ въ насть чувство презрѣнія и насмѣшку. Если отъ этихъ чувствъ отнять все непріятное, то мы имѣемъ передъ собой чувство комического. Даже маленький ростъ дѣйствуетъ на насть комическимъ образомъ; поэтому-то карлики часто вызываютъ въ насть веселость. То же дѣйствіе оказываетъ умственная незначительность, которая является причиной неправильного способа дѣйствій. Большую роль при усиленіи впечатлѣнія играетъ чувство собственного превосходства. Этимъ чувствомъ и объясняется правильность положенія, что отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ. Когда, напримѣръ, въ театрѣ во время какой-нибудь сильной сцены иллюзія, благодаря техническому неумѣнью, нарушена, то въ насть сейчасъ же исчезаетъ представление о неизмѣримой силѣ, и мы сознаемъ свое превосходство. То, что намъ только что казалось неизмѣримо величимъ, падаетъ въ нашихъ глазахъ, и вся сцена становится смѣшной.

Всѣдѣстie своего функционального происхожденія эстетическая чувства имѣютъ въ себѣ что-то иѣжное и въ то же время какъ бы очищающее насть. Они являются источниками чистаго наслажденія, и можно сказать, что всѣ великие художники своими произведеніями осчастливили міръ. Хотя эстетическая чувства лежать въ основѣ нашей организаціи, но для полнаго развитія ихъ необходимо тщательное воспитаніе. Поэтому одной изъ высшихъ и наиболѣе благородныхъ задачъ воспитанія является развитіе въ ребенкѣ эстетическихъ чувствъ, благодаря которымъ ему дѣлаются доступными высшая радости жизни.

§ 70. Интеллектуальные чувства.

Мы неоднократно подчеркивали выше тотъ фактъ, что основная функция познаванія находится въ тѣсной связи съ сохраненіемъ жизни. Всякое новое познаваніе является сначала средствомъ сохраненія жизни. Поэтому вполнѣ понятно, что эта функция оказываетъ вліяніе также и на жизнь чувства. Но инстинктъ познаванія развивается дальше, чѣмъ это требуется только для сохраненія жизни. Познаваніе становится самостоятельной цѣлью, и достижение или недостижение этой цѣли связано съ разнообразными чувствами, въ которыхъ сказываются всѣ вышеупомянутыя (§ 58) основные направленія (удовольствие и неудовольствие, возбужде-

ние и успокоение, напряжение и разряжение). Эти чувства мы называемъ интеллектуальными.

Самымъ первоначальнымъ изъ этихъ чувствъ является удивление. Это чувство возникаетъ тогда, когда мы встречаемся съ новымъ явлениемъ, которое мы не можемъ ввести въ добытый нами до этого момента кругъ познаній. Уже у ребенка по выражению лица можно судить объ этомъ чувствѣ, къ которому въ его первоначальныхъ фазахъ часто примѣшиваются страхъ; такъ все новое, незнакомое часто воспринимается нами, какъ нѣчто враждебное намъ, которому мы приписываемъ способность принести огромный вредъ. Но дальнѣйшее развитіе инстинкта познанія порождаетъ чувство удивленія безъ страха, т. е. теоретическое удивление. Это чувство побуждаетъ насъ къ близайшему изслѣдованию предмета, вызвавшаго наше удивленіе, и вообще къ мышленію; поэтому *Платонъ* и *Аристотель* назвали удивление началомъ философіи.

Удивленію родственно любопытство, которое выступаетъ тогда, когда мы свободны и ищемъ занятія для нашихъ интеллектуальныхъ функций. Любопытство оказывается особенно ясно у дѣтей.

Успешная работа функции познанія, какъ мы это выше уже замѣтили (§ 63), доставляетъ намъ само по себѣ чувство удовольствія. Даже тогда, когда мы познаемъ непріятные намъ факты, удовольствіе отъ познанія оказывается въ томъ, что мы воспринимаемъ непріятное не tanto сильно.

Въ своемъ произведеніи «Wahrheit und Dichtung» («Истина и поэзія») Гете разсказываетъ о томъ непріятномъ впечатлѣніи, которое на него произвела анонимная книга «Prometheus und seine Rezensenten» («Прометей и его рецензенты»). Судя по нѣкоторымъ сообщаемымъ въ книжѣ фактамъ, авторъ ея долженъ быть однимъ изъ наиболѣе близкихъ друзей Гете. Гете былъ возмущенъ авторомъ и страшно хотѣлъ знать его имя. «Ходя взадъ и впередъ по комната», пишетъ Гете, «и читая громко книгу, я по стилю ея понялъ, что авторомъ былъ ни кто иной, какъ Вамерь, и это было дѣйствительно такъ». Тѣмъ временемъ Вамерь сознался матери Гете и просилъ о ея заступничествѣ передъ Гете. «Ему въ данномъ случаѣ очень помогло то обстоятельство, что я самъ угадалъ, кто авторъ, и подъ вліяніемъ чувства удовольствія, сопровождающаго всякое самостоятельное открытие, я готовъ былъ примириться съ нимъ. Я простила ошибку, которая дала мнѣ такой прекрасный поводъ доказать свою догадливость».

Къ интеллектуальнымъ чувствамъ относится также вышеуказанное (§ 45) явленіе *вѣры*. Чувство сомнѣнія, противоположное вѣрѣ, часто ведеть къ жестокимъ душевнымъ конфликтамъ, если дѣло идетъ о рѣшеніи какой-нибудь нравственной или религіозной проблемы. Сомнѣніе и вѣра обнаруживаютъ различныя степени интенсивности. Они могутъ переживать стадіи, начиная отъ безразличія и кончая страстнымъ возбужденіемъ, и рѣшать вопросъ жизни или смерти.

Когда новая истина заполняетъ болѣзненно ощущаемый нами проѣздъ въ нашихъ зданіяхъ, когда она придаетъ цѣльность и законченность нашему міросозерцанію, тогда мы ощущаемъ высшую и потому значительно болѣе рѣдкую форму интеллектуальной радости. Такія интеллектуальные чувства легко соединяются съ особаго рода эстетическимъ наслажденіемъ, которое мы испытываемъ при созерцаніи гармонически-цѣльного произведенія искусства. Подобное же сочетаніе интеллектуальныхъ и эстетическихъ чувствъ переживаемъ мы тогда, когда намъ удалось не только вѣрно, но и красиво перевести трудное мѣсто въ произведеніяхъ латинскихъ или греческихъ классиковъ, или когда намъ удалось решить какое-либо уравненіе особенно простымъ и изящнымъ способомъ.

§ 71. Склонности чувствъ.

Такъ какъ чувствованіе является основной функцией организма, то вполнѣ естественно, что склонности къ нему общи и прирождены. Каждый человѣкъ приноситъ съ собою въ свѣтъ склонность ощущать удовольствие и недовольство и переживать чувства возбужденія и успокоенія, напряженія и разряженія. Однако даже общія склонности чувствъ имѣются у отдельныхъ индивидуумовъ въ различной степени и въ различныхъ комбинаціяхъ. Такъ, уже въ обычной жизни мы различаемъ веселыя и серьезныя, возбудимыя и спокойныя натуры. Больше старая психологія дала этимъ общимъ склонностямъ названія: *природа* и *темпераментъ*. При этомъ словомъ «природа» означались скорѣе различныя склонности къ чувствамъ удовольствія и недовольства, а словомъ «темпераментъ»—степень возбудимости. Старое разделеніе на четыре темперамента покоилось на томъ предположеніи, что находящіеся въ человѣческомъ тѣлѣ соки смыщлены у различныхъ людей въ различной пропорціи. Въ настоящее время на темпераменты смотрятъ, какъ на склонности чувствъ или аффектовъ, физиологической основой которыхъ является различная степень раздражимости нервной системы. Четыре типа (сангвинический, холерический, меланхолический и флегматичный темпераменты) ни въ коемъ случаѣ не исчерпываются разнообразіемъ характеровъ, встрѣчающихся въ дѣйствительной жизни.

Кромѣ этихъ общихъ склонностей чувствъ, которая надо считать прирожденными, имѣется еще много специальныхъ склонностей чувствъ и аффектовъ, которая отчасти прирождены, отчасти приобрѣтены нами. Такъ, напримѣръ: музыкальный слухъ, основывающійся, вѣроятно, на анатомическомъ строеніи органа слуха, представляетъ собою прирожденную склонность къ эстетическимъ чувствамъ, порождаемымъ тонами и звуками. Точно такъ же боязливость, застѣнчивость, пугливость, а, съ другой стороны, отвага и вспыльчивость могутъ быть отчасти прирождены намъ, а отчасти приобрѣтены нами самими.

Склонности къ болѣе сложнымъ чувствамъ, какъ, напримѣръ, склонность къ научнымъ изслѣдованіямъ, къ набожности (склонность къ религиознымъ чувствамъ) и т. п. могутъ быть, въ своей затачочной формѣ, прирождены намъ, но для ихъ полнаго развитія необходимо тщательное и умѣлое воспитаніе. Поэтому педагогъ долженъ обращать большое вниманіе на прирожденные склонности чувствъ, тщательно развивать хорошія склонности и устранять соответствующими мѣрами дурныя склонности.

§ 72. Чувствованіе и познаваніе.

Мы видѣли, что въ дѣйствительной душевной жизни основныя функции сознанія дѣйствуютъ всегда совмѣстно. Изъ неяснаго чувства жизни путемъ постоянной дифференціаціи и одновременного развитія чувственныхъ функций развились ощущенія и воспріятія. Поэтому чувство съ самаго начала является *предварительной ступенью развитія познанія*.

Это отношеніе остается, отчасти, въ силѣ также и въ развитомъ сознаніи. Часто мы прежде, чѣмъ познать взаимную связь, *предчувствуемъ* ее. Наше ухо иногда подсказываетъ намъ, что услышанный или прочитанный оборотъ рѣчи невѣренъ, хотя мы сразу не можемъ понять, въ чѣмъ заключается ошибка. Только послѣ изученія грамматики наше чувство рѣчи развивается въ сознаніе рѣчи. Мы ощущаемъ безконечность пространства уже при видѣ звѣздного неба, но мы познаемъ ее только послѣ пространныхъ объясненій (см. § 50).

Дальнѣйшая связь между чувствованіемъ и познаваніемъ сказывается

въ томъ, что чувство отчасти способствуетъ дѣятельности познанія, отчасти же задерживаетъ ее.

Положительное вліяніе чувства обнаруживается тамъ, гдѣ интересъ, возбуждаемый какимъ-либо предметомъ, усиливаетъ наши чувства, а внимание настолько повышается, что мы замѣчаемъ вещи, на которыхъ другое не обращаютъ никакого вниманія. Такъ, напримѣрь, мать замѣчаетъ всякое измѣненіе въ наружности и поведеніи ребенка, потому что материнская любовь усиливаетъ чувство зреія.

Чувство дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ тогда, когда намъ известно, что результатъ познанія доставить намъ недовольство. Чаще чувство противится признать какой-либо фактъ или законъ природы, если вытекающая отсюда послѣдствія намъ непріятны, или если они противорѣчатъ нашимъ излюбленнымъ возврѣніямъ. Такъ, мы долго не хотимъ вѣрить измѣнѣ любимаго друга и стараемся всячески извинить его. Точно также мы легко не замѣчаемъ дурныхъ качествъ любимыхъ лицъ, между тѣмъ какъ эти же качества мы сейчасъ же замѣчаемъ у постороннихъ людей и строго осуждаемъ ихъ. Мироизърданіе Коперника рѣзко противорѣчить нашимъ чувственнымъ воспріятіямъ, и мы, чтобы убѣдиться въ истинности его, должны всегда въ известномъ смыслѣ себя пересилить. Наше чувство противится хоть разъ сознаться въ обманѣ зреія, такъ какъ ежедневно и ежечасно мы убѣждаемся въ правильности его. Если же факты дѣйствуютъ на насъ ошеломляющимъ образомъ, то первоначальное сопротивление чувства преодолѣвается; это сопротивление вообще легко притупляется благодаря привычкѣ. Иногда же наше чувство ведеть насъ по болѣе правильному пути, чѣмъ по какому настъ толкаютъ самые изысканные и остроумные аргументы. Грильпарцеръ высказываетъ эту мысль въ слѣдующихъ красивыхъ стихахъ:

«Zu dem Gewölb von deinen strengen Schließen
„Stellt sich der Schlusstein nun und nimmer ein“,
Und die Empfindung, Flügel an den Füssen,
Entschwebt der Hass und ruft hinsliegend: „Nein“.

(«Въ зданіи твоихъ строгихъ умозаключеній никогда не устанавливается послѣдній камень, и крылатое чувство улетаетъ изъ лѣна, говоря тебѣ: не!»).

Поэты хотѣть этими словами сказать, что наше чувство постоянно говоритъ намъ о неспособности науки достигнуть глубину нашего существа, и что всегда на-лицо останется нечто не изученное, существование котораго проявляется въ чувствѣ, но не поддается ясному познанію.

Но въ общемъ мы должны сказать, что функція познанія, послѣ того, какъ она уже стала самостоятельной, стремится быть объективной, т. е. она хотѣть изслѣдоватъ законы вселенной въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они дѣйствуютъ независимо отъ нашего сознанія. Имѣя передъ собой такую цѣль, функція познанія не обращаетъ никакого вниманія на наши чувства и желанія. Наука стремится къ познанію истины и предоставляетъ чувству сводить съ нею счеты. Поэтому она стремится устраниТЬ все, имѣющее отношеніе къ чувству, и замѣнить слова, обладающія, по большей части, чувственной цѣнностью, отвлеченными математическими символами. Но, въ конечномъ счетѣ, наука все же служитъ для сохраненія жизни. Добытая ею свѣдѣнія являются средствомъ для сохраненія и совершенствованія человѣчества. Стоя на этой точкѣ зреія, мы должны признать, что чувствованіе и познаніе находятся въ тѣсной связи съ основными инстинктами организма. Эти основные инстинкты сказываются въ томъ, что нашъ организмъ самостоятельно вмѣшиваются въ міровой процессъ; они приводятъ насъ къ разсмотрѣнію третьей основной функціи нашего сознанія, къ психологіи хотѣнія.

ТРЕТИЙ ОТДѢЛЪ.

Психологія хотѣнія.**§ 73. Общая характеристика воли.**

Волевые импульсы относятся, въ извѣстномъ смыслѣ, къ самыи первичныи переживаниямъ. Появляясь на свѣтъ, человѣческий организмъ приносить съ собой *смутный позывъ къ движению*. Уже у новорожденныхъ дѣтей это стремленіе сказывается въ безцѣльныхъ движеніяхъ членовъ тѣла, не вызванныхъ какимъ-либо внѣшнимъ поводомъ. Эти движения представляютъ собою какъ бы разряженія накопившейся энергіи. Съ другой стороны, дальновидная рѣшенія и послѣдовательное проведеніе ихъ относятся къ высшимъ проявленіямъ душевной жизни. Поэтому Гѣффингъ вполнѣ правъ, говоря, что волю можно рассматривать или какъ самое первичное или какъ самое сложное душевное проявленіе.

Характерной чертой воли является тотъ фактъ, что она выступаетъ отдельно значительно рѣже, чѣмъ познаніе и чувствованіе, и переживается всегда лишь въ качествѣ элемента въ болѣе или менѣе значительномъ комплексѣ психическихъ явлений. Такъ, сосредоточеніе вниманія на группѣ представлений является, безъ сомнѣнія, волевымъ актомъ, но при этомъ мы интересуемся своей собственной дѣятельностью значительно менѣе, чѣмъ предметомъ, возбудившимъ наше вниманіе. Точно также болѣе сильныи чувства всегда сопровождаются волевыми импульсами, но и тутъ удовольствіе или недовольство, по большей части, затушевываются связанными съ ними проявленіями воли. При практическихъ размышленіяхъ, предшествующихъ нашимъ рѣшеніямъ, на первомъ планѣ для насъ стоитъ также функция мышленія; даже само рѣшеніе, являющееся ясно выраженнымъ волевымъ актомъ, рисуетъ себѣ необходимыя для выполненія его мѣры въ видѣ представлений и выдвигаетъ ихъ такъ сильно въ центръ сознанія, что они кажутся намъ наиболѣе важными.

Всѣдѣствіе этого волю часто не рѣшились считать основной функцией и относили къ чувствамъ. Но это не соответствуетъ фактамъ, такъ какъ налицо имѣется направление хотѣнія, которое ясно переживается нами, какъ совершенно своеобразное душевное состояніе. Мы имѣемъ въ иду *задерживающую* дѣятельность воли; въ этой дѣятельности раньше и аснѣе всего проявляется воля. Ребенокъ, котораго пріучаютъ къ опрятности, научается задерживать извѣстные двигательные импульсы, и эта задержка не является ни познаніемъ, ни чувствованіемъ, а чѣмъ-то своеобразнымъ. Въ развитой душевной жизни задерживающая функция воли тоже играетъ большую роль. Такъ, для того, чтобы удержать въ своемъ сознаніи рядъ мыслей, мы должны отвергать всѣ приходящія ассоціаціи, которыхъ могли бы отвлечь насъ. Точно также мы должны научиться умѣрять проявленія нашихъ чувствъ и сдерживать рѣзкіе аффекты. Само требование судить возможно объективнѣе заставляетъ насъ сдерживать чувства, соединенные съ этими сужденіями. Когда намъ чего-либо не хочется, тогда мы ясно сознаемъ *проявленіе хотѣнія*.

Дальнѣйшей характерной чертой воли является ея тѣсная связь съ *представлениемъ нашего „я“*. На всѣхъ ступеняхъ развитія, начиная опять смутного стремленія къ движению и кончая сложными рѣшеніями, воля

значительно лучше, чѣмъ чувствование и познаніе, выражаетъ единство и самостоятельность организма по отношенію къ вѣшнему миру. Поэтому развитіе представлѣнія нашего «я» и самосознанія дѣлается намъ понятнымъ лишь благодаря изслѣдованию функции воли и ея взаимной связи съ другими основными функциями.

Воля принимаетъ участіе въ дѣйствительномъ процессѣ душевной жизни двоякимъ образомъ. Когда мы выполняемъ произвольные движения, соответствующія ясно представляемой цѣли, то возникаютъ вѣшнія волевые дѣйствія. Если же мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на какомъ-нибудь предметѣ и отгоняемъ отъ себя ненужный намъ представлѣнія, или если мы стараемся сдержать аффектъ, то развивается такъ называемая внутренняя дѣятельность воли. Такимъ образомъ, воля или производить измѣненія въ окружающей вѣшней обстановкѣ или регулируетъ другія функции сознанія. Въ исторіи развитія воли первичными являются, какъ кажется, вѣшнія волевые дѣйствія. Способность воли къ регулированію хода чувствъ и представлений предполагаетъ, въ общемъ, болѣе высокое психическое развитіе.

Какъ у вѣшней, такъ и у внутренней волевой дѣятельности мы можемъ опять-таки различить положительное и отрицательное направленія. Положительная дѣятельность вызываетъ движения или выдвигаетъ представлѣнія въ центръ сознанія, отрицательная дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ. Подъ влияніемъ волевого акта мы задерживаемъ движение или отвергаемъ ненужный намъ представлѣнія. Какъ мы уже выше видѣли, отрицательное направленіе волевой дѣятельности доходитъ до сознанія значительно яснѣе, чѣмъ положительное.

Вѣшнія волевые дѣйствія, какъ уже было сказано, состоятъ въ выполненіи или задержкѣ движений. Такъ какъ налицо имѣется много движений, происходящихъ безъ содѣйствія воли, то психологія воли должна начать съ изученія движений, послѣ чего ей удастся найти тѣ психическія условия, при которыхъ движения становятся сознательными волевыми актами.

§ 74. Движенія и воля.

Движенія человѣческаго тѣла представляютъ собою результатъ сокращеній мускуловъ. Эти сокращенія опять-таки обусловлены центробѣжной дѣятельностью первовъ, о которой мы уже говорили (§ 7). Но имѣются цѣлые группы движений, которая ни въ началѣ своего развитія, ни въ самомъ процессѣ, ни по завершеніи его не сопровождаются никакими психическими явленіями. Къ такимъ чисто-физиологическимъ движеніямъ относится, напримѣръ, кровообращеніе, явленія пищеваренія и т. п. Въ противоположность имъ мы будемъ называть всѣ движения, которая въ какой-либо изъ своихъ фазъ сопровождаются сознаніемъ, психическими движеніями.

Психическія движения, въ зависимости отъ предшествующаго имъ психического явленія, могутъ быть раздѣлены на слѣдующія пять группъ:

1. **Импульсивныя движения.** Пробуждаясь отъ глубокаго сна или обморока, мы ощущаемъ потребность расправить наши члены. Точно такъ же у маленькихъ дѣтей замѣчаются движения, независимыя отъ вѣшнихъ раздраженій. Дитя двигаетъ руками и ногами, не хватая и не отталкивая ничего. Эти движения производятъ такое впечатлѣніе, будто накопившаяся энергія ищетъ въ нихъ выхода. Психической подкладкой ихъ является неоднократно упоминавшееся нами смутное чувство жизни.

2. **Рефлекторныя движения.** Усиленіе и ослабленіе силы свѣта вле-

четь за собой, какъ известно, суженіе или расширеніе зрачка. Прикосновеніе къ глазу вызываетъ закрытіе вѣка, раздраженіе дыхательного горла — кашель. Здѣсь ощущеніе непосредственно вызываетъ движеніе, а сознаніе не принимаетъ тутъ никакого участія. Движеніе совершается такъ быстро и увѣренно, что весь процессъ производить впечатлѣніе механическаго явленія. Психической подкладкой является здѣсь относительно простое ощущеніе.

3. Инстинктивные движения. Дѣти, научившіяся уже видѣть, хватаютъ всякий предметъ, попавшій имъ на глаза, и подносятъ его къ рту. Цыпленокъ, только что вылупившійся изъ яйца, начинаютъ собирать зерна во дворѣ. Пчелы и муравьи выполняютъ инстинктивно цѣлый рядъ очень сложныхъ движений. Всѣ эти движения, покоящіяся на прирожденныхъ склонностяхъ, вызываются не простыми ощущеніями, а *восприятіемъ объективовъ*.

4. Произвольные движения. Если движенію тѣла предшествуетъ *картина воспоминаній* или *фантастическое представление*, благодаря чему опредѣлено направление и комбинація движений, то это движеніе всегда сопровождается сознаніемъ. Движеніе дѣлается волевымъ актомъ, направленнымъ къ ясно представляемой цѣли. Картина воспоминаній о прежнихъ непріятныхъ слѣдствіяхъ рефлекторныхъ или инстинктивныхъ движений заставляетъ насть *одерживать* такія движения, и волевой актъ выражается тогда въ задерживаніи движений. Представление цѣли, возникшее въ нашей фантазіи, вызываетъ опять-таки новая комбинаціи движений, которыхъ, по большей части, протекаютъ медленно, такъ какъ двигательный аппаратъ не привыкъ еще къ нимъ. Но, благодаря болѣе частому повторенію, темпъ движений ускоряется, и тогда возникаетъ пятая группа движений.

5. Автоматическая движения. Подъ этимъ имеемъ мы понимаемъ всѣ тѣ группы движений, которыхъ, возникнувъ сначала путемъ ясно сознанного волевого акта, затѣмъ вслѣдствіе упражненія протекаютъ механически, безъ всякаго замѣтнаго влиянія воли. Ребенокъ, который учится читать и писать, примѣняетъ при выговариваніи и записываніи каждой отдельной буквы особый волевой импульсъ, и поэтому вначалѣ чтеніе и записываніе идетъ очень медленно. Затѣмъ, подъ влияніемъ частаго повторенія, эти движения не причиняютъ затрудненій, такъ что видъ написанного или напечатанного слова достаточенъ для того, чтобы вызвать цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ движений. Точно также рѣшеніе написать слово или предложеніе немедленно вызываетъ цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ движений пальцевъ и руки. Существенную часть этого процесса заучиванія составляетъ укрѣпленіе въ сознаніи необходимой для этого ассоціаціи по смежности (см. § 28). Такимъ же образомъ мы можемъ научиться *одерживать* движения, какъ это замѣтно, напримѣръ, при негромкому чтеніи. Вначалѣ ребенокъ можетъ читать только громко и значительно позднѣе онъ научается подавлять артикуляціонныя движения. Затѣмъ мы таинъ прѣучаемся читать про себя, что для того, чтобы произнести вслухъ прочитанное, требуется особый волевой импульсъ.

Такимъ путемъ могутъ быть заучены очень быстрыя движения. *Быстрота*, которую мы постепенно приобрѣтаемъ, представляетъ собою не что иное, какъ рядъ движений, выполняемыхъ нами автоматически. Даже ряды мыслей, которые не могутъ возникнуть безъ сильнаго влиянія внутренней волевой дѣятельности и которые являются поэтому, въ извѣстномъ смыслѣ, волевыми актами, могутъ быть заучены благодаря частому упражненію и протекаютъ затѣмъ быстро и увѣренно. Только благодаря этому намъ удается постепенно овладѣвать великой сокровищницей знанія. Благодаря заучиванію рядовъ движений, душа приобрѣтаетъ силу и время для

новыхъ решений и комбинаций; вотъ почему этотъ переходъ произвольныхъ движений въ автоматическая имѣть огромное значеніе для экономіи душевной жизни.

Всѣ психическія движения являются результатомъ функции воли и обнаруживаются различныя степени развитія ея. Въ первыхъ трехъ группахъ эта функция или совсѣмъ не доходитъ до сознанія или выражается въ форму смутного позыва къ движению. Несмотря на это, всѣ эти группы представляютъ активную сторону организма и, съ объективной точки зренія, они цѣлесообразны. Импульсивные движения способствуютъ ловкости и гибкости членовъ тѣла, которыхъ дѣлаютъ ихъ способными къ дальнѣйшимъ функциямъ. Рефлекторные движения, по большей части, устраняютъ вредныя вліянія. Наконецъ, инстинктивные движения служатъ у животныхъ (у которыхъ они развиты въ большей степени, чѣмъ у человѣка) цѣлямъ самосохраненія и поддержания рода. Функции воли въ своемъ развитіи создала цѣлый рядъ склонностей, которая прирождены организму. Поэтому здѣсь для выполнения цѣлесообразныхъ движений достаточны уже первичные явленія, каковы ощущеніе и воспріятіе. Но функция воли достигаетъ полнаго развитія только тогда, когда мы для сохраненія своей жизни и жизни рода пользуемся прежними познаніями, сдѣланными нами самостоятельно. Поэтому отличительной чертой произвольныхъ движений является тотъ фактъ, что имъ всегда предшествуютъ вторичные или третичные явленія познанія, т. е. представленія и сужденія.

Развитіе функции воли отъ смутного позыва къ движению до ясно сознанного хотѣнія переживаетъ цѣлый рядъ стадій, и языкъ не въ состояніи ясно обозначать каждую изъ нихъ. Поэтому мы будемъ различать лишь три фазы этого развитія, которая мы обозначимъ словами: *влеченіе, стремленіе и хотѣніе*.

§ 75. Влеченіе и инстинкты.

Самое первоначальное и самое общее психическое дѣйствіе воли мы называемъ *влечениемъ*. Этимъ словомъ мы обозначаемъ смутный позывъ къ движению съ болѣе или менѣе ясно выраженій тенденціей движения. Если же эта тенденція выступаетъ яснѣе и можно точно определить направление влеченія, то эту группу психофизическихъ явленій мы называемъ *инстинктомъ*.

Инстинкты представляютъ собою физиологическія и психическія склонности, которые влекутъ за собой при извѣстныхъ условіяхъ движенія организма; эти движения имѣютъ ясно выраженное направленіе и поэтому часто производятъ впечатлѣніе дѣйствій, цѣль которыхъ сознана. Если инстинктъ дѣлается активнымъ, то это выражается въ *чувству недовольства*, которое является непосредственнымъ поводомъ для выполненія цѣлесообразныхъ движений. Если къ чувству недовольства присоединяется ясное представленіе предметовъ или явленій, которые могли бы служить для устраненія этого чувства, то такие предметы или явленія мы называемъ *потребностями* (ср. § 63). Такимъ образомъ, инстинкты и потребности находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, и, подобно тому, какъ имѣются общія потребности, точно такъ же имѣются *основные инстинкты*, свойственные всемъ людямъ.

Къ основнымъ инстинктамъ принадлежать: 1. *Инстинктъ самосохраненія*; 2. *Инстинктъ къ сохраненію рода*. Среди различныхъ формъ инстинкта самосохраненія наиболѣе сильнымъ является *инстинктъ питанія*: изъ инстинктовъ къ сохраненію рода наиболѣе сильнымъ является

полової инстинкѣ. Оба эти инстинкты являются общими и наибольшими, и потому они имѣютъ огромное влияние на развитие человѣчества.

Но для сохраненія жизни служить также и другіе инстинкты, среди которыхъ особенное значеніе имѣютъ *инстинктъ подражанія* и *инстинктъ игры*. Инстинктъ подражанія очень важенъ для животныхъ, живущихъ обществами, но онъ имѣть также большое значеніе для развитія ребенка. Особенно большую роль этотъ инстинктъ играетъ при изученіи языка, такъ какъ тутъ ребенокъ старается повторить услышанное и подражаетъ также движеніямъ рта. Инстинктъ игры побуждаетъ молодыхъ животныхъ, а также и дѣтей къ движеніямъ, на которыхъ надо смотрѣть, какъ на подготовку къ будущей профессіи. *Карль Гросъ* многочисленными примѣрами доказалъ это въ своихъ трудахъ, касающихся вопроса объ играхъ животныхъ и людей.

Какъ мы уже неоднократно замѣчали, инстинктъ познаванія развился также изъ инстинкта самосохраненія. Но часто инстинкты развиваются значительно дальше, чѣмъ это требуется для поддержанія жизни, и создаются все новые и новые потребности (см. § 63). Такимъ путемъ могутъ развиться инстинкты, которые крайне вредно отзываются на индивидуумъ и на его родѣ (например, пьянство, болѣзньенная скучность и т. п.). Тутъ должны вмѣшиваться законодательство и воспитаніе, которымъ обязаны задерживать развитіе такихъ инстинктовъ и искоренять ихъ.

§ 76. Стремленіе и страсти. Желаніе.

Если въ влеченію присоединяется ясное представленіе предмета, которымъ мы хотѣли бы пользоваться, то влеченіе переходить въ *стремленіе*. Такъ, въ развитомъ сознаніи инстинктъ питания превращается въ *стремление есть* и пить. Точно также *инстинктъ игры* является у дѣтей источникомъ разнообразныхъ стремлений. Вначалѣ дѣти жаждутъ всего того, что имъ попадается на глаза: это объясняется, отчасти, любопытствомъ, а отчасти тѣмъ, что они считаютъ данный предметъ подходящей игрушкой.

Стремленіе вызываетъ движения, служащія для удовлетворенія его. По удовлетвореніи стремленіе вначалѣ усиливается, но затѣмъ выступаетъ чувство насыщенія, а иногда также пресыщенія. Представленіе желаемаго предмета всегда сопровождается интенсивными *чувствами*. Эти чувства могутъ легко перейти въ сильные *аффекты*. Это можетъ произойти, съ одной стороны, тогда, когда стремленіе долго не удовлетворяется, а съ другой— тогда, когда стремленіе усиливается подъ влияніемъ постепенного частичнаго удовлетворенія. Такъ, послѣ долгаго поста стремленіе къ пищѣ можетъ достигнуть очень и очень значительныхъ размѣровъ. Но мы видимъ также, что во время игры у дѣтей очень часто развиваются *страсти*. Обыкновенно постепенное и частичное удовлетвореніе стремленія доставляетъ удовольствіе, и само удовольствіе, являющееся результатомъ этого удовлетворенія, можетъ быть предметомъ страстнаго стремленія. Если это страстное стремленіе дѣлается привычкой, то возникаютъ тѣ психическія склонности чувства и воли, которыхъ мы называемъ *страстями*.

Каждая страсть выдвигаетъ на передний планъ всѣ представленія, имѣющія какое-либо отношеніе къ даннымъ стремленіямъ, такимъ образомъ, что приводить съ нимъ въ связь почти все наши прежнія переживания. Такъ страстный игрокъ всегда думаетъ о томъ, какъ бы удовлетворить свою страсть. Связанные со страстью аффекты потребляются, какъ вообще всѣ аффекты, большое количество жизненной энергіи. Такъ какъ

всѣдствіе страсти такіе аффекты выступаютъ очень часто, то всякая страсть оказываетъ разрушительное дѣйствіе на организмъ, и потому мы вполнѣ правы, говоря: «страсть *пожираетъ* меня». Это дѣйствіе усиливается еще тѣмъ, что обусловленная всякой страстью *односторонность* дѣйствуетъ губительно на всѣ функции организма, не находящіяся въ связи съ данными стремлѣніями. *Лихтервърь* прекрасно показалъ въ своемъ стихотвореніи «Die seltsamen Menschen» («Странные люди»), какое разрушающее дѣйствіе оказываетъ страстная игра на всѣ наши чувства.

Однако эта односторонность страсти можетъ при извѣстныхъ условіяхъ неожиданно повысить нашу дѣеспособность. Тамъ, где страстная дѣятельность полезна обществу, тамъ страсти побуждаютъ совершать великие и удивительные поступки. Страстная любовь къ отечеству вызываетъ воинственный пыль и самопожертвованіе, которыми удивляютъ насъ герои истории. Многіе путешественники, открывшіе вліянію культуры новыя области, были охвачены страстью жаждой изслѣдованія. Но, въ общемъ, надо стараться, чтобы стремлѣнія не переходили въ страсти. Мы можемъ легко сдержать аффекты, связанные съ стремлѣніями, благодаря своевременному вмѣнательству воли. Особенно опасна для организма страсть къ азартнымъ играмъ и къ потребленію спиртныхъ напитковъ.

Какъ мы видѣли, стремлѣніе переходитъ въ страсть подъ вліяніемъ того, что чувства, связанныя съ представлениемъ о желаемомъ предметѣ, переходятъ въ аффекты. Если же эти чувства отступаютъ на задній планъ, то стремлѣніе становится простымъ *желаніемъ*. Но всѣдствіе того, что чувства отступаютъ на задній планъ, представлениѣ о желаемомъ предметѣ становится значительно живѣе. Часто наша фантазія завладѣваетъ этимъ представлениемъ и развиваетъ его все дальше и дальше. Эта игра фантазіи доставляетъ намъ невинную радость. Мы представляемъ себѣ желаемое состояніе въ розовомъ свѣтѣ и испытываемъ при этомъ сильную радость. Тогда говорять: мы строимъ себѣ воздушные замки.

Такимъ образомъ, желаніе представлять собою не что иное, какъ стремлѣніе, которое связано съ слабыми чувствами и еще болѣе слабыми двигательными импульсами. Присоединяющаяся къ этому дѣятельность фантазіи создаетъ иногда образы, которые въ нѣкоторомъ родѣ упрочиваются и, въ качествѣ *идеаловъ*, остаются въ насъ на всю жизнь. Идеалы являются представлѣніями о высшемъ, совершенномъ и будуть въ насъ желаніе достигнуть этой ступени совершенства. Въ идеалахъ отдѣльныхъ людей также, какъ и въ идеалахъ цѣлыхъ народовъ, отражаются господствующія направленія желанія и воли, и благодаря имъ мы можемъ многое узнать о психикѣ людей и народовъ. Такимъ образомъ, идеалы не представляютъ собою лишь простыхъ фантомовъ: они являются продуктами воли и поэтому могутъ стать движущими силами.

§ 77. Хотѣніе.

Движенія, вызванныя инстинктами и стремлѣніями, совершаются безъ размышенія. Нашъ организмъ слѣпо бросается къ выполнению болѣе или менѣе ясно представляемой цѣли. Но, подобно тому, какъ рефлексы и инстинкты достаточны лишь для выполненія простыхъ дѣйствій, а при болѣе сложныхъ условіяхъ они или отказываются служить, или дѣйствуютъ даже вредно (см. § 7), точно такъ же съ развитиемъ культурной жизни инстинкты и желанія не могутъ уже больше служить надежными руководителями. Если мы хотимъ продолжать жить и при болѣе тяжелыхъ условіяхъ, то наши рѣшенія должны основываться на строго объективныхъ познаніяхъ. Мимолетный порывъ или имѣющеся въ насъ на лицо чувство-

недовольства не должны уже больше играть рѣшающей роли въ нашемъ поведеніи. Въ рѣшеніяхъ, которыя мы хотимъ предпринять, должны принимать участіе наши представленія и, особенно, наши сужденія или, выражаясь другими словами, переработанныя нами прежняя познанія. Благодаря тому, что къ функции воли присоединяются вторичная и третичная явленія познанія, функция воли становится ясно сознаваемымъ хотѣніемъ.

Мы говоримъ о хотѣніи въ томъ случаѣ, когда мы ясно сознаемъ не только цѣль нашего поступка, но и подходящія для этого средства. Это имѣть мѣсто, по большей части, тамъ, где къ достижению цѣли ведутъ различные пути, между которыми намъ приходится выбирать. Конечно, этотъ выборъ можетъ имѣть отношеніе также и къ самой цѣли. Поэтому *решенію*, по большей части, предшествуетъ *размышеніе*, которое часто сопровождается непрѣятнымъ чувствомъ *колебанія*. Само рѣшеніе является настоящимъ волевымъ актомъ. Оно сопровождается, по большей части, чувствомъ *облегченія* и проявляется въ энергичномъ выраженіи лица, а также въ увѣренныхъ, иногда быстрыхъ движеніяхъ.

Представляемыя цѣли, которыя принимаютъ участіе при рѣшеніи, мы называемъ *мотивами*. Чувства, которыхъ сопровождаются эти мотивы, мы назовемъ *движущими силами* нашихъ дѣйствій.

Когда ученикъ восьмого класса усиленію занимается, чтобы получить съ отличиемъ аттестатъ зрѣлости, то представляемое отличие и вытекающія изъ него слѣдствія являются *мотивами*. *Движущими силами* являются, напротивъ, его чувство долга, чести, самолюбіе и т. п. Когда мы, гуляя, видимъ издали стадо рогатаго скота и, во избѣженіе встрѣчи съ нимъ, сворачиваемъ съ пути, то мотивомъ тутъ является желаніе избѣгнуть стада, а движущей силой—чувство страха, въ которомъ мы не всегда хотимъ сознаться.

Очень часто при рѣшеніи дѣйствуетъ *несколько мотивовъ*. Тогда само рѣшеніе состоять въ томъ, что мы отдаемъ предпочтеніе *одному* изъ этихъ мотивовъ. Это предпочтеніе, по большей части, представляется намъ, какъ результатъ нашего размыщенія. Въ дѣйствительности же предпочтеніе одного мотива опредѣляется движущей силой, которая часто остается незамѣтной лицу, предпринимающему данное рѣшеніе. Доводы, выставленные за или противъ какого-нибудь мотива, находятся, такъ сказать, на поверхности сознанія и поэтому кажутся намъ наиболѣе важнымиъ момен-тами всего переживанія. Движущія силы прѣставляютъ собою, напротивъ, чувства, остающіяся на заднемъ планѣ сознанія и потому незамѣтныя для насъ. Поэтому можетъ случиться, что мы сами ошибаемся насчетъ причинъ, вызвавшихъ нашъ поступокъ. Намъ кажется, что мы предприняли данное рѣшеніе на основаніи чисто разсудочныхъ соображеній, тогда какъ дѣйствительной причиной его было чувство, отдавшее одному мотиву предпочтеніе передъ другими. Поэтому мы вполнѣ понимаемъ дѣйствія другихъ только тогда, когда мы узнаемъ не только руководившіе ими мотивы, но и ихъ движущія силы.

Все вышесказанное приводитъ насъ къ вопросу, свободна ли воля человѣка отъ мотивовъ и движущихъ силъ, дѣйствующихъ при волевомъ актѣ, или наши рѣшенія и поступки совершенно опредѣляются этими мотивами и движущими силами.

§ 78. Свобода воли.

Старая проблема о свободѣ воли не представляетъ собою, какъ это многіе думаютъ, простого вопроса, на который можно отвѣтить «да» или «нетъ». Постановка вопроса и отвѣтъ зависятъ отъ *точки зрения*, на

которую становится спрашивающей. Этот вопрос может разматываться какъ съ *психологической* точки зрѣнія (на которую становимся въ данномъ случаѣ мы), такъ и съ *метафизической* и *этической* точекъ зрѣнія. Въ зависимости отъ точки зрѣнія мынается также и значение словъ «свободная» воля и «свобода». Слѣдовательно, эти слова выражаютъ не *одно* понятіе, а *несколько* понятій, строго отличныхъ другъ отъ друга. Поэтому имѣется не одна, а *много* проблемъ и свободы воли. Въ *метафизическомъ* смыслѣ понятіе «свободное» равнозначуще съ понятіемъ «стоящее въ законѣ причинности». Поэтому метафизическую проблему свободы воли можно было бы формулировать такъ: стоять ли волевыя дѣйствія человѣка въ законѣ причинности, который господствуетъ надъ всѣми физическими явленіями или они тоже подчинены этому закону? Въ первомъ случаѣ воля въ метафизическому смыслѣ свободна, во второмъ—она не свободна. Приверженцы метафизической свободы воли называются *индетерминистами*, а ихъ терія—*индетерминизмомъ*. Противниковъ этого воззрѣнія называютъ *детерминистами*, а ихъ теорію—*детерминизмомъ*. Если индетерминисты правы, то наряду съ *физическими мірами*, иными *мірами причинъ* долженъ существовать независимый отъ него *духовный* или *нравственный міръ*, который можно назвать *міромъ цѣлей*. Мы видимъ, что метафизическая проблема воли находится въ тѣсной связи со всѣмъ міросозерцаніемъ. Разрѣшеніе этой проблемы выходитъ за предѣлы опыта, а потому относится не къ области психологіи, а къ области метафизики (ср. § 6).

Съ *этическо-юридической* точки зрѣнія понятіе «свободно» равнозначуще съ понятіями «*вмѣняемо*» и «*отвѣтственно*». Здѣсь проблема воли получаетъ слѣдующую форму: если воля «свободна», то человѣкъ является господиномъ своихъ дѣйствій, и потому онъ отвѣтствуетъ за свои поступки и за вытекающія изъ нихъ слѣдствія. Если же воля не свободна, то волевыя дѣйствія человѣка опредѣляются его прирожденными склонностями, его воспитаніемъ и вообще той совокупностью вліяній, которымъ былъ подчиненъ его организмъ до момента дѣйствія. Въ такомъ случаѣ государство, конечно, имѣть право защищаться противъ угрожающихъ ему опасныхъ дѣйствій, но здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ отвѣтственности и наказаніи. На преступниковъ смотрѣть, какъ на больныхъ, которыхъ надо сдѣлать безвредными и по возможности вылечить.

Съ *психологической* же точки зрѣнія понятіе «свободный» поступокъ равнозначуще съ понятіемъ: поступокъ, совершенный безъ чувства вицѣнія или внутренняго принужденія. Такимъ образомъ, каждое волевое дѣйствіе, которое мы совершаємъ въ здравомъ умѣ безъ всякаго чувства принужденія, является нашимъ *свободнымъ решеніемъ*. Передъ совершениемъ поступка мы убѣждены въ томъ, что мы можемъ поступать иначе, по совершенніи его мы знаемъ, что мы могли бы также и поступать иначе. Если представлениа и сужденія принимаютъ участіе въ нашихъ рѣшеніяхъ, то эти рѣшенія характеризуются, какъ продуктъ нашихъ прежнихъ познаній, какъ проявленіе всей нашей личности, поскольку она развилась до момента совершеннія поступка.

Слѣдовательно, съ *психологической* точки зрѣнія свобода воли является *не проблемой*, а *неоспоримымъ фактомъ*. Какъ только функція воли превратилась въ ясно сознаваемое хотѣніе, въ каждомъ волевомъ актѣ имѣть мѣсто фактъ *психологической свободы воли*, и каждое такое переживаніе является новымъ неоспоримымъ доказательствомъ, говорящимъ въ пользу нашего предположенія. Чемъ богаче развивается наше мышленіе, чѣмъ больше представлений и сужденій имѣется въ нашемъ распоряженіи при каждомъ волевомъ актѣ, тѣмъ свободнѣе кажется намъ всякое хотѣніе.

ніе. «Образованіе освобождаетъ насть», таکъ какъ оно даетъ намъ массу знаній и тѣмъ самыи открываетъ намъ массу средствъ и путей, между которыми мы можемъ выбирать. Но, чѣмъ богаче выборъ, тѣмъ яснѣе мы ощущаемъ свободу выбора.

Фактъ психологической свободы воли ни въ коемъ случаѣ не противорѣчить тому, что личность, на каждый сознательный волевой актъ которой надо смотрѣть, какъ на ея свободное рѣшеніе, въ своемъ развитіи находится подъ вліяніемъ окружающей ея обстановки. Климатъ и устройство поверхности родины, экономическое положеніе родителей, языкъ, государство постоянно оказываютъ огромное вліяніе на каждого человѣка, начиная съ первыхъ дней его жизни. Но, несмотря на всѣ эти вліянія, всегда даетъ знать себя извѣстная самостоятельность, заключающаяся въ каждомъ организмѣ. Дѣти однихъ и тѣхъ же родителей, выросшія при однихъ и тѣхъ же естественныхъ и соціальныхъ условіяхъ, отличаются другъ отъ друга рѣзкимъ своеобразіемъ. Но для развитія этого своеобразія необходимо вліяніе окружающей обстановки. Своеобразіе, т. е. прирожденная самостоятельность различныхъ людей, сказывается въ томъ, что они неодинаковыи образомъ перерабатываютъ впечатлѣнія внѣшнаго міра. Такимъ образомъ, изъ склонности и внѣшней обстановки складывается цѣльная личность, которая совершаєтъ сознательныя волевые дѣйствія.

Фактъ психологической свободы воли совершенно достаточенъ для того, чтобы решить этическо-юридическую проблему воли. Сознавая себя самостоятельными въ нашихъ рѣшеніяхъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ себя ответственными за наши поступки. Но если мы дѣйствуемъ не въ здравомъ умѣ или если мы находимся во власти сильного аффекта, то и законъ не признаетъ насть вмѣняемыми. Дѣти, слабоумные, пьяные не владѣютъ своими психическими силами и потому признаются закономъ невмѣняемыми. Самооборона, сильная страсть разсматриваются закономъ, какъ непреодолимое принужденіе, уничтожающее или ослабляющее вмѣняемость. Такимъ образомъ, съ точки зрењия нравственности или права, сознаніе свободы вполнѣ удовлетворительно, и законодателю незачѣмъ ждать рѣшенія метафизической проблемы воли.

Итакъ, понятіе «человѣкъ свободенъ» должно означать слѣдующее: человѣкъ способенъ принимать волевые рѣшенія на основаніи пріобрѣтенныхъ имъ знаній. Эту способность спокойно и безстрастно размышлять называютъ также *разсудкомъ*. Тогда какъ разумомъ мы называемъ способность мыслить, т. е. создавать сужденія, разсудкомъ мы называемъ склонность воли, которая помогаетъ намъ пользоваться разумомъ при нашихъ рѣшеніяхъ и покорять охватывающія насть страсти.

§ 79. Сознаніе нашего «я» и самосознаніе.

Какъ мы уже говорили (§ 73), въ тѣсной связи съ функцией воли находится сознаніе нашего «я». Единство и самостоятельность организма выступаетъ ярче всего тамъ, где организмъ самъ вмѣшиивается въ міровой процессъ. Сознаніе собственного «я» сопровождаетъ человѣка, въ извѣстномъ смыслѣ, отъ колыбели до могилы. Оно принимаетъ участіе въ душевномъ развитіи и благодаря этому претерпѣваетъ различныя измѣненія и преобразования.

Основой сознанія нашего «я» являются группы ощущеній, воспріятій, чувствъ и инстинктовъ, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему собственному тѣлу. Прикосновеніе пальцемъ къ какому-нибудь предмету вызываетъ въ насъ одно осязательное ощущеніе, а прикосновеніе къ какой-нибудь части нашего тѣла вызываетъ въ насъ два осязательныхъ ощу-

щенія (на пальцѣ и на мѣстѣ, къ которому мы пригнулись). Всяко е движение нашего тѣла сопровождается ощущеніями движенія. Такимъ образомъ, тѣло какъ единое замкнутое цѣлое, какъ наше *первичное «я»*, противопоставляется виѣшнему миру или «не — я». Когда ребенокъ хватается за увидѣные имъ предметы, онъ какъ бы старается включить ихъ въ составъ своего тѣла, своего «я». Первичное «я» является центромъ силы, изъ которого исходятъ всѣ движения, служащія для удовлетворенія первоначальныхъ инстинктовъ и стремлений. Такимъ образомъ, первичное «я» смотритъ за тѣмъ, чтобы мы утолили свой голодъ, чтобы мы боролись съ вредными вліяніями и тѣмъ самымъ поддерживали и защищали наше тѣло.

Сознаніе нашего «я» значительно обогащается подъ вліяніемъ вторичныхъ и третичныхъ явлений, т. е. подъ вліяніемъ нашихъ воспоминаній, фантастическихъ представлений и мыслей. Все, что мы видѣли и пережили, всѣ планы, которые мы строили, идеалы, къ которымъ мы стремимся, наша семья, отчество и его исторія,—все это постепенно дѣлается, въ извѣстномъ смыслѣ, составной частью сознанія нашего «я». Мы назовемъ это обогащенное и пополненное сознаніе «я» нашимъ *вторичнымъ «я»*. Вторичное «я» тоже является центромъ силы и борется противъ вредныхъ вліяній. Тутъ можетъ случиться, что вторичное «я» вступить въ борьбу съ первичнымъ «я», и не разъ первичное «я» оказывалось побѣженнымъ. Мы готовы отдать свою жизнь за нашу честь, за наше отчество. Точно также стремленіе къ научному изслѣдованию временами сильнѣе, чѣмъ первичный инстинктъ самосохраненія. Но особенно многочисленны случаи, когда религиозная вѣра оказывается сильнѣе, чѣмъ жизненное удовольствіе. Надежда на вѣчную жизнь стала у мучениковъ составной частью ихъ вторичнаго «я». Но эта надежда могла быть только у тѣхъ, чья вѣра была непоколебима. Поэтому они жертвовали своей временной жизнью на землѣ, чтобы отказомъ отъ вѣры не лишить себя надежды — на вѣчное блаженство. Такимъ образомъ, вторичное «я» уже часто одерживало верхъ надъ первичнымъ «я».

У дѣтей развито только первичное «я»; этимъ и объясняется естественный эгоизмъ дѣтей, наивность которыхъ настолько часто восхищаетъ. Въ глубокой старости у человѣка иногда помрачается память, фантазія, мыслительная способность ослабѣваютъ, и остается лишь первичное «я», что опять-таки оказывается въ своего рода первичномъ эгоизмѣ.

Но первичное «я» въ теченіе всей жизни остается основой сознанія нашего «я» и направляетъ наше поведеніе. Вторичное «я» является какъ бы надстройкой, иногда оказывающейся въ состояніи задавить свою основу; обыкновенно же она покояится на этой основе и приспособляется къ ней.

Постепенно обогащающееся, сознаніе нашего «я» претерпѣваетъ измѣненіе, выражющееся въ суженіи и концентраціи сознанія. На первичной ступени «я» — это тѣло. По воззрѣніямъ дикихъ народовъ съ тѣломъ связаны свойства человѣка, тогда какъ душа имѣть въ немъ лишь временное пребываніе и послѣ смерти покидаетъ его. Такъ, людѣй, пойдая своего врага, думаетъ, что онъ вмѣстѣ съ этимъ переносить въ себя его силу и мужество. Уже у Гомера говорится, что Ахилль своимъ гнѣвомъ бросилъ въ адъ души героеvъ; *сами же герои* остались пищей для собакъ и птицъ. Такимъ образомъ, *сами герои* — это ихъ тѣла.

Чѣмъ дальше развивается культура, тѣмъ больше «я» переносятся къ духовнымъ дѣятельностямъ, а тѣло считается уже составной частью виѣшнего мира. Философъ Декартъ видитъ въ собственномъ сознаніи лучшее доказательство своего существованія. «Cogito, ergo sum» («я мыслю, слѣдовательно я существую») говорить онъ. Слѣдовательно, его «я» — это не его тѣло, а то, что въ немъ мыслятъ.

Но мышление, цѣлью которого является познаваніе дѣйствительности, должно быть по возможности объективно и исключать все субъективное и личное, поскольку это достижимо. Наши сужденія и умозаключенія вѣрны только тогда, когда они точно соответствуютъ фактамъ; эта цѣль лучше всего будетъ достигнута тогда, когда мы дадимъ свободу дѣйствія нашимъ мыслямъ и не будемъ прымѣшивать къ нимъ нашихъ чувствъ и желаній. Поэтому мышление, какъ волевой актъ, всегда сопровождается сознаніемъ нашего «я», но оно не можетъ быть продолжительнымъ носителемъ этого сознанія. Напротивъ, *чувствованіе* и *хотѣніе* болѣе субъективны, болѣе характерны для нашей личности, а потому и болѣе пригодны для того, чтобы представлять «я» въ нашемъ сознаніи. То, что въ настѣ мыслить, это—сами факты, то, что въ настѣ чувствуетъ и стремится, это—мы сами.

Но такъ какъ сильные чувства легко переходятъ въ аффекты, которые, какъ кажется, совершенно подчиняютъ наши движенія, то эти чувства часто разсматриваются, какъ посторонняя силы, господствующія надъ нами. Такъ, напримѣръ, мы говоримъ: гнѣвъ обуялъ меня, страхъ парализовалъ меня, тоска грызетъ меня и т. п.

Прекрасный примѣръ олицетворенія чувствъ можетъ служить цитированное выше (§ 40) мѣсто изъ восемнадцатой книги Иллады.

Поэтому сознаніе нашего «я» все больше и больше концентрируется на функциї воли. Сознаніе нашего «я» оживаетъ при всякомъ рѣшеніи, которое мы принимаемъ въ сознаніи «свободы» выбора. Развитое сознаніе относить тѣло къ предметамъ виѣшняго міра. Процессъ нашего мышленія опредѣляется объективными фактами, или, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ ими опредѣляться. Мы чувствуемъ, что сильные аффекты подчиняютъ настѣ своей власти. Но всякое ясно сознаваемое волевое дѣйствіе является *нашимъ дѣйствіемъ*. Рѣшающую роль здѣсь играетъ наше собственное «я», а не что-то виѣшнее, чуждое намъ.

Развитое сознаніе нашего «я», въ которомъ «я» противоставляется, какъ нечто самостоятельное, не только виѣшнему міру, но и собственнымъ представлѣніямъ и чувствамъ, мы называемъ также *самосознаніемъ*. Сознаніе, говорили мы выше (§ 1), представляетъ собою переживаніе психическихъ явлений. Самосознаніе же является болѣе высокой ступенью развитія душевной жизни и состоить въ томъ, что мы можемъ судить о пережитыхъ нами психическихъ явленіяхъ.

Сознаніе нашего «я» способствуетъ развитію основной апперцепціи или функциї сужденія. Подъ влияніемъ того, что мы въ комплексѣ ощущеній вкладываемъ нашу волю или наше «я», этотъ комплексъ становится цѣльной, самостоятельной вещью (ср. § 55). Благодаря языку функция сужденія все болѣе и болѣе развивается и помогаетъ намъ завоевывать и покорять міръ, въ которомъ мы живемъ. Какъ только эта функция сужденія достигаетъ полного развитія, мы въ *самосознаніи* примѣняемъ ее также къ пережитымъ намъ психическимъ явленіямъ. Но рассматривая эти переживанія какъ проявленія силы нашего «я», мы объективируемъ само это «я» (ср. § 42). Оно дѣлается частью вселенной, частью принимающей участіе въ мировомъ процессѣ. Это «я», которое имѣется налицо не только для настѣ, но и для другихъ, которое имѣть не только субъективное, но и объективное значеніе.—это выдѣлившееся изъ настѣ «я» мы называемъ *личностью*.

§ 80. Личность и индивидуальность.

Когда мы долго имѣемъ дѣло съ однимъ какимъ-нибудь человѣкомъ, то настѣ становится известной не только его виѣшность, но и многое другое: мы знаемъ также, какъ онъ рѣшаетъ болѣе важные вопросы, что причиняетъ

ему радость или страдание, что его интересует; мы можемъ также предположить, какъ онъ будетъ себя вести въ томъ или иномъ случаѣ. Но благодаря нашей функции сужденія мы склонны привести всѣ эти способы проявленія его физического и психического организма къ однородной причинѣ, и эту причину, которая при всемъ измѣненіи мыслей и настроений все же обнаруживаетъ извѣстное постоянство, мы называемъ его личностью.

Личность человѣка—это его развитое «я», поскольку это «я» можно объективно познать и наблюдать. Она является основой нашего существа, выражаящагося въ нашей видимости, въ нашемъ мышлѣніи, чувствованіи и хотѣніи. Прирожденные склонности и вліянія видимой обстановки дѣйствуютъ совместно при развитіи личности, но, какъ кажется, прирожденные склонности одерживаютъ верхъ. Личность представляетъ собою крайне сложный продуктъ физиологическихъ и психическихъ склонностей, частью прирожденныхъ, частью приобрѣтенныхъ нами. Поэтому крайне трудно вполнѣ ясно познать и представить личность человѣка. Полное описание личности прямо-таки не возможно. Но, несмотря на это, крайне занимательно и поучительно знакомиться съ личностями великихъ людей по ихъ решеніямъ, поступкамъ, сочиненіямъ и т. д. Это изученіе было значительно облегчено и подвигнуто впередъ въ послѣдніе годы, благодаря изданію дневниковъ, писемъ и разговоровъ многихъ выдающихся людей.

Каждая личность единична. Само собою понятно, что не можетъ быть двухъ совершенно одинаковыхъ личностей. Но между представителями одного какого-нибудь народа, племени, семьи и даже сословія, безъ сомнѣнія, существуетъ извѣстное сходство. Для того, чтобы отыскать различие и подчеркнуть оригинальность каждой личности, употребляютъ выражение индивидуальность. Подъ индивидуальностью мы понимаемъ личность, поскольку она отличается отъ другихъ и противоставляется цѣлому, какъ самостоятельное отдѣльное существо съ ясно выраженными своеобразными чертами.

Развитіе ясно выраженныхъ индивидуальностей является продуктомъ культуры и въ особенности—связанного съ нею и постоянно прогрессирующаго раздѣленія труда. Пока члены одного какого-нибудь племени занимаются, приблизительно, однимъ и тѣмъ же, изъ массы хотя и выдѣляются отдѣльные высокіе индивидуумы, которые становятся вождями племени, но всѣ остальные, по большей части, слѣпо подчиняются ихъ приказаніямъ. Налицо нѣть никакого повода для развитія сильныхъ различій; къ тому же образъ жизни дикихъ народовъ, по большей части, регулируется обычаемъ. Но какъ только люди благодаря земледѣлью пручаются вести осѣдалый образъ жизни и какъ только возникаютъ города, въ которыхъ живетъ населеніе, разслоившееся по сословіямъ и профессіямъ, дѣлается необходимымъ раздѣленіе труда, что влечетъ за собою сильную дифференціацію интересовъ отдѣльныхъ людей. Это различіе профессій и интересовъ влечетъ за собой также сильную дифференціацію личности и образованіе ясно выраженныхъ индивидуальностей. Дѣло въ томъ, что защищая свои интересы, каждый легко владаетъ въ конфликѣ съ интересами остальныхъ и нерѣдко даже съ интересами всего общества. Подъ вліяніемъ возникающей борьбы духовныхъ силы безусловно повышаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и духовная дѣспособность всего человѣчества.

Поэтому дифференцированіе людей и развитіе яркихъ индивидуальностей, безъ сомнѣнія, способствуютъ развитию культуры и прогресса. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ разностороннее развитіе личности и энергичную дѣятельность индивидуальности именно и считали цѣлью развитія человѣчества и важнейшимъ условиемъ истиннаго счастья.

Но слишкомъ односторонняя забота о развитії индивидуальности можетъ имѣть крайне вредныя послѣдствія. Человѣкъ, который живеть только для себя и направилъ всѣ свои силы къ развитію своей личности, легко забываетъ, что онъ имѣть опредѣленныя обязанности по отношенію къ той соціальной организаціи, членомъ которой онъ является и учрежденіями которой онъ постоянно пользуется. Но эти учрежденія соціальной организаціи или государства стали такой потребностью для каждого культурнаго человѣка, что безъ нихъ онъ не могъ бы существовать. Каждый пользуется почтой и телеграфомъ и недоволенъ, если письмо или телеграмма доставлены не во-время. Большинство родителей не смогли бы дать своимъ дѣтямъ необходимаго воспитанія, если бы не было общественныхъ школъ, содержащихся на средства государства или общинъ.

Если мы примемъ въ соображеніе всѣ эти факты, то мы поймемъ, какъ много мы обязаны соціальному организму, и постараемся уменьшить нашъ долгъ тѣмъ, что предоставимъ въ распоряженіе государства всѣ наши развившіяся душевныя силы. Такимъ образомъ, на ряду съ индивидуальностью мы должны заботиться также о развитіи *соціального* сознанія, чувства принадлежности къ общему; на это надо обращать особое вниманіе при воспитаніи юношества. Люди второй половины девятнадцатаго вѣка поняли это вполнѣ ясно, и такимъ образомъ идеалъ эпохи просвѣщенія пополнился новымъ крайне важнымъ факторомъ.

Въ общемъ, оба направленія воли, т. е. стремленіе къ развитію индивидуальности и сознаніе соціальныхъ обязанностей, прекрасно уживаются другъ съ другомъ, такъ какъ индивидуальность нигдѣ не можетъ такъ пышно развиться, какъ тамъ, где она принимаетъ участіе въ общей работе, направленной на благо человѣчества.

Личность и индивидуальность представляютъ собою продукты соціального развитія человѣчества. Наше «я» стало вполнѣ самостоятельнымъ только вслѣдствіе противопоставленія его чужому «ты», а часто также въ результатѣ борьбы съ этимъ «ты». Но затѣмъ «я» и «ты» сознательно сливаются въ общее «мы». Изъ человѣческаго стада первобытнаго времени, слѣпо слѣдовавшаго за своимъ вождемъ, развились люди, отличающіеся богатымъ своеобразіемъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою маленькой міркоть. Но затѣмъ люди, поднявшись на высшую степень развитія, вполнѣ сознательно слились другъ съ другомъ въ великое бессмертное человѣчество.

§ 81. Склонности воли. Укладъ и характеръ.

Частое упражненіе воли вызываетъ въ душѣ опредѣленныя склонности воли, которыя становятся болѣе или менѣе постоянными свойствами. Уже вышеупомянутый (см. § 74) переходъ отъ произвольныхъ движений къ автоматическимъ связанъ съ развитіемъ физиологическихъ склонностей, которыя находятся въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ функцией воли. Благодаря частому повторенію однихъ и тѣхъ же рядовъ волевыхъ актовъ, у насъ какъ бы прокладываются нервные пути, такъ что процессъ совершается все съ большей и большей легкостью. Эти прокладыванія пути мы не можемъ назвать въ настоящее время, когда разыгрывающіеся при этомъ механические, электрические и химические процессы намъ почти совершенно неизвѣстны, иначе, какъ приобрѣтенными физиологическими склонностями.

Такимъ же путемъ, подъ влияніемъ частаго повторенія волевыхъ актовъ, обнаруживающихъ общее направленіе воли, образуются психическія склонности воли. Тотъ, кто научился владѣть выраженіемъ своего лица, кто не отдается во власть аффектовъ и страстей, тотъ приобрѣль ту самую

склонность воли, которую мы называем *самообладанием*. Чиновникъ, привыкшій пунктуально и тщательно выполнять свою обязанность, пріобрѣлъ склонность воли, которая обыкновенно носить название пунктуальности и добросовѣстности. Точно также пріобрѣтенными склонностями воли мы должны считать прилежаніе, трудолюбіе, выносливость. Съ другой стороны, на лѣнность, неаккуратность и т. п. мы должны смотрѣть, какъ на качества, которыхъ объясняются отсутствиемъ соответствующихъ склонностей воли.

Для совершенствованія отдѣльного человѣка и вмѣсть съ тѣмъ также для облагораживанія всего человѣчества наибольшее значеніе имѣютъ тѣ склонности воли, которыхъ находятся въ связи съ нравственнымъ разви-тиемъ. Изъ словесныхъ обозначеній, созданныхъ языкомъ для такихъ склонностей, сюда надо отнести прежде всего «укладъ» (*Gesinnung*) и «характеръ», на разсмотрѣніи которыхъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Подъ словомъ «укладъ» мы понимаемъ тѣ склонности воли, которыхъ опредѣляютъ наше нравственное поведеніе. Въ основѣ всѣхъ поступковъ, которые не являются безразличными съ нравственной точки зре-нія, лежитъ укладъ, и этотъ-то укладъ мы и дѣлаемъ предметомъ нравственной оцѣнки (ср. § 67). Мы называемъ образъ дѣйствія нравственнымъ тогда, когда мы принимаемъ, что онъ вытекаетъ изъ нравственного уклада человѣка. Нравственнымъ же мы называемъ тотъ укладъ, который заставляетъ насъ при всѣхъ нашихъ поступкахъ имѣть въ виду благо общества и избѣгать всего того, что могло бы принести вредъ человѣчеству.

Правственный укладъ представляетъ собою сумму *пріобрѣтенныхъ* склонностей, и поэтому воспитаніе ставить себѣ важную задачу оказывать влияніе на развитіе этого нравственного уклада. Очень часто наши собственные интересы сталкиваются съ интересами другихъ или даже съ интересами всего общества. Поэтому воля должна быть воспитана такъ, чтобы быть въ состояніи подчинять свои страсти и инстинкты и жертвовать своими интересами для блага общества. Для этого необходима способность преодолѣвать себѣ, и поэтому юношество должно съ дѣтства развивать въ себѣ эту способность. Но способность преодолѣвать себѣ является въ то же время прекраснымъ и яснымъ доказательствомъ того, что воля человѣка можетъ ставить себѣ высокія цѣли, противиться искушеніямъ момента и постоянно стремиться къ поставленной цѣли. Способность преодолѣвать себѣ доказываетъ намъ, что человѣкъ является *духовнымъ* существомъ, что онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, стоитъ надъ природой и можетъ освободиться отъ влиянія низшихъ инстинктовъ.

Но нравственный укладъ не представляетъ собою одну лишь склонность воли. Для развитія его необходимы также строго логическая дисциплинировка ума и положительная знанія. Тотъ, кто строго считается съ возможностью нравственной ответственности, долженъ до совершенствования какого-либо поступка взвѣсить всѣ слѣдствія, которыхъ могутъ быть результатомъ этого поступка, а для этого ему необходимы соответствующія знанія. Подобно тому, какъ незнаніе законовъ не можетъ служить достаточнымъ извиненіемъ, точно такъ же нась не оправдаетъ наша собственная совѣсть, когда мы скажемъ, что мы не сдѣлали бы того-то и того-то, если бы мы предвидѣли послѣдствія. Мы должны рѣзко порицать тѣхъ родителей, которые, не зная элементарныхъ правилъ гигиены, подрываютъ здоровье своихъ дѣтей, такъ какъ они могли бы легко пріобрѣсти соответствующія знанія. Въ наше время всегда имѣется возможность пріобрѣсти тѣ знанія, которыхъ необходимы для выполненія нравственныхъ задачъ человѣка. Тотъ, кто не воспользовался этимъ случаемъ, тотъ дѣлается также

и нравственно отвѣтственнымъ за результаты своего незнанія. *Сократъ*, какъ извѣстно, училъ, что добродѣтель заключается лишь въ знанії, и познаніе добра совершенно достаточно, чтобы совершать нравственные поступки. Это учение, конечно, односторонне—и нуждается въ дополненіяхъ. Для нравственныхъ поступковъ, кроме ясно сознанной цѣли, необходима также «желѣзная воля», т. е. способность воли подчинять себѣ чувства и аффекты. Но въ мысли *Сократа* одно остается всегда истиннымъ, а именно то, что пониманіе нравственной цѣли является необходимымъ условіемъ нравственного развитія, и что ясное представленіе результатовъ крайне помогаетъ намъ оказывать противодѣйствие минутнымъ увлеченіямъ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ логической дисциплинировки ума и увеличенія знаній, нравственное развитіе также идетъ впередъ. Поэтому всякий человѣкъ, приобрѣтающій знанія и распространяющій ихъ, тѣмъ самымъ движется впередъ нравственное совершенствованіе человѣчества.

Если же положенія, на основаніи которыхъ мы приходимъ къ тому или иному решению, перешли подъ вліяніемъ привычки въ нашу плоть и кровь, такъ что направленіе нашей воли вполнѣ опредѣлено какъ для насъ, такъ и для другихъ, то тогда въ насъ развилось то, что мы называемъ *характеромъ*. Это слово произошло, какъ извѣстно, отъ греческаго слова *χαρακτήρ*, которое первоначально обозначало «чеканъ монеты». Но уже *Теофрастъ*, ученикъ *Аристотеля*, примѣняетъ это слово по отношенію къ человѣку. Въ своемъ произведеніи «*χαρακτῆρες*», сохранившемся до нашихъ дней, онъ изображаетъ различные типы людей, напримѣръ, наемнника, сувѣрного человѣка. Теперь подъ характеромъ мы понимаемъ сумму приобрѣтенныхъ склонностей сужденія и воли, ставшихъ *постоянными свойствами* индивида. Но основное значеніе сохранилось въ томъ, что подъ характеромъ *понимаются* лишь ясныя, легко опредѣляемыя психическія свойства. Надо умѣть считаться съ характеромъ человѣка, надо знать, чего мы можемъ ожидать отъ него и чего неѣть. Въ характерѣ заканчивается развитіе индивидуального сознанія. Характеръ является результатомъ всѣхъ сделанныхъ нами опытовъ, всего того, что мы познали изъ вѣнчанаго міра, всѣхъ мыслительныхъ и волевыхъ актовъ, благодаря которымъ мы переработали и сделали своей духовной собственностью всѣ эти познанія и примѣнили ихъ затѣмъ какъ для сохраненія нашей собственной жизни, такъ и для общеполезныхъ цѣлей. Характеръ является суммой правиль разума, суммой принциповъ и положений, которые опредѣляютъ наше поведеніе въ каждомъ важномъ съ нравственной точки зреінья случаѣ; они такъ тѣсно срослись съ нашей личностью, что мы можемъ слѣдоватъ только имъ, что мы можемъ слушаться только ихъ приказаний. Поэтому само собою понятно, что характеръ окончательно формируется только въ зрѣломъ возрастѣ, и что многіе люди въ теченіе всей жизни вообще не обладаютъ твердымъ, ясно выраженнымъ характеромъ.

Такимъ образомъ, характеръ образуетъ не только *краеугольный камень*, но и цѣль индивидуального развитія, и для прочности и совершенствованія общества въ высшей степени важны и цѣнны немоколебимые и нравственные характеры. Поэтому задачей воспитанія и, особенно, само-воспитанія является развитіе твердаго и постояннаго характера.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Временные перерывы и разстройства душевной жизни.

§ 82. Сонъ и сновидѣніе. Гипнозъ.

Наше сознаніе периодически прерывается во время сна. Физиологическая причины сна покрыты пока еще мракомъ неизвѣстности. Можно только съ увѣренностью сказать, что сонъ обусловленъ явленіями, происходящими въ центральномъ организмѣ. Въ общемъ, сонъ является слѣдствиемъ истощенія и утомленія центральной нервной системы; однако мы по ощущению знаемъ, что сонъ вызывается также недостаткомъ занятій, продолжительнымъ равномѣрнымъ дѣйствиемъ одного и того же чувственного раздраженія, а также извѣстными наркотическими веществами. Само собою разумѣется, что растительная или физиологическая жизненная явленія, каковы кровообращеніе, пищевареніе и т. п. продолжаются также и во время сна; рефлекторная движенія тоже совершаются во снѣ; бездѣйствуетъ лишь одна воля. Какъ показали изслѣдованія, самый глубокий сонъ бываетъ сейчасъ послѣ того, какъ мы засыпаемъ. Въ это время наблюдается полная потеря сознанія. Но скоро сонъ переходитъ въ тихую дремоту, во время которой выступаютъ своеобразные явленія сознанія, извѣстныя подъ именемъ *сновидѣній*.

Сновидѣнія относятся къ наиболѣе интереснымъ явленіямъ душевной жизни; хотя о нихъ говорилось очень много, но они все же остаются для насъ загадкой. Здѣсь мы должны прежде всего установить, каковы свойства представлений сновидѣній, и чѣмъ они отличаются отъ представлений, составленныхъ наяву; только затѣмъ мы займемся вопросомъ, какъ объясняется возникновеніе этихъ представлений.

Представления, составленные во время сна, отличаются тѣмъ, что они принимаются спящимъ за чувственная восприятія. Во снѣ мы видимъ, слышимъ и чувствуемъ. Намъ часто снится, что мы находимся въ различныхъ положеніяхъ и условияхъ, но при этомъ мы всегда видимъ и чувствуемъ необходимыя для этого движенія и слышимъ звуки и слова. Этимъ фактамъ объясняется все, что мы знаемъ о сусѣряхъ, основанныхъ на сновидѣніяхъ, и о предсказаніяхъ на основаніи сновъ. Необразованные, малокультурные люди, а также и дѣти не всегда могутъ отличать картины сновидѣнія отъ дѣйствительности. Принимая сны за дѣйствительные переживания, малокультурный человѣкъ легко увидитъ въ нихъ указанія на будущія события, указанія, которыя, по его мнѣнію, исходятъ отъ высшихъ силъ.

Дальнѣйшей своеобразной чертой сновидѣній является то, что они протекаютъ по законамъ ассоціаціи, при чѣмъ совершенно отсутствуетъ регулирующее влияніе волн. Этимъ объясняется беспорядочность сновидѣній, легкость, съ какой мы во снѣ преодолѣваемъ разстоянія и всевозможныя затрудненія.

Сновидѣнія являются, отчасти, воспоминаніями, но, по большей части, они представляютъ собою продуктъ фантазіи. Они похожи на фантастическія представлениія тѣмъ, что въ нихъ тоже имѣются элементы новаго, оригинального, часто противорѣчашаго дѣйствительности; но, кромѣ

того, у нихъ имѣется еще другое свойство, которое играетъ большую роль при возникновеніи сновидѣній. Какъ всякая дѣятельность фантазіи, сонъ всегда сопровождается чувствомъ удовольствія или недовольства, и, какъ кажется, нѣть сновъ, которые бы ни пріятны, ни непріятны. Это чувство удовольствія или недовольства и является, пожалуй, причиной того, что покойный сонъ прерывается, и возникаютъ сновидѣнія. По новой, крайне остроумной теоріи, все сновидѣнія вызываются *желаніями*, которая какимъ-нибудь образомъ исполняются во снѣ. При этомъ исполненіе желанія должно опредѣлять не только тонъ, но и содержаніе сновидѣній. Ясно только одно, а именно, что во время сна проявляются такие элементы и события, которыхъ днемъ были скрыты или оттеснены повседневными занятіями. Содержаніе сновидѣній складывается, по большей части, изъ переживаний прошлаго, которыхъ, конечно, фактически преобразовываются и благодаря чувству получаютъ своеобразную окраску, своеобразный тонъ. Какъ бы запутанно и беспорядочно ни было сновидѣніе, все же послѣ некотораго опыта мы, немного подумавъ, всегда найдемъ въ немъ элементы старыхъ переживаний.

Важную роль при представленихъ сновидѣній играютъ тѣ субъективные зрительныя и слуховая ощущенія, которыхъ известны намъ изъ бодрственнаго состоянія, какъ свѣтовой хаосъ темнаго поля зрѣнія, какъ звонъ и шумъ въ ушахъ. Этимъ объясняется замѣчательная склонность сновидѣнія представлять въ *большомъ количествѣ* похожие или совершенно сходные другъ съ другомъ объекты. Во снѣ передъ нами проносятся безчисленное множество птицъ, бабочекъ, рыбъ, пестрыхъ красокъ, цветовъ и т. п. Тутъ замѣтное влияніе оказываютъ также общее состояніе спящаго человѣка, особенно ощущенія кожи и общее чувство. Одно и то же субъективное свѣтовое раздраженіе, которое при хорошемъ самочувствіи превращается во снѣ въ картины летающихъ птицъ или пестрыхъ цветовъ, переходить, если спящій испытываетъ непріятное ощущеніе кожи, въ отвратительныхъ гусеницъ или жуковъ, которые какъ бы ползаютъ по кожѣ спящаго.

Очень часто во снѣ оживаютъ склонности къ представлениямъ, которыхъ днемъ, въ суетѣ повседневной жизни, не могли проявиться. Передъ нами встаютъ воспоминанія прежнихъ лѣтъ, образы умершихъ или давно не видѣнныхъ нами друзей, и все это страннымъ, нелогическимъ образомъ переплетается съ переживаниями недавнаго прошлаго. Наша жизнь представлений, возбужденная минимальными чувственными раздраженіями и чувствами удовольствія или недовольства, работаетъ также и во снѣ, по воля, скованная сномъ, не можетъ оказывать на нее никакого влиянія.

Тѣмъ не менѣе, сновидѣнія оказываютъ влиянія на моторные (двигательные) центры центрального органа, такъ какъ во снѣ мы выполняемъ движения, которыхъ очень похожи на произвольныя движения. Сюда относятся производимыя часто во снѣ движения рука и ногъ, разговоръ во время сна, а также замѣчательное явленіе *сомнамбулизма*. Нѣчто таинственное, окружавшее издавна явленіе сомнамбулизма, дало поводъ къ многочисленнымъ искаженіямъ и преувеличеніямъ въ описаніи этого явленія; однако мы достовѣрно знаемъ, что сомнамбулы предѣлываются очень сложныя дѣйствія. Но это не говорить за то, что во снѣ воля также дѣйствуетъ; это только доказывается, что сложныя движения, т. е. ряды движений могутъ быть такъ механически заучены, что для приведенія ихъ въ дѣйствіе достаточно простой ассоціаціи. (См. выше § 28).

Гипнозъ. Со сномъ сходно, но ни въ коемъ случаѣ не тождественно такъ называемое гипнотическое состояніе. Подъ гипнозомъ понимаютъ искусственно вызванный сонъ, въ теченіе которого гипнотизируемый стран-

нымъ образомъ подчиненъ гипнотизеру. Это вліяніе, оказываемое гипнотизеромъ, называется *внушениемъ*.

Не слишкомъ сильныя, но продолжительныя или равнотрно повторяющіяся чувственныхъ впечатлѣнія, каковы, напр., пристальное наблюдение блестящаго предмета, тиканье часовъ и т. п., заставляютъ лицъ, склонныхъ къ гипнозу, черезъ короткое время погрузиться въ гипнотической сонъ. Иногда для этого достаточно приказаний врача: «Спите!» Въ продолженіе сна врачъ можетъ, напр., внушить, что кожа спящаго становится или слишкомъ чувствительной (гиперестезія), или совершенно нечувствительной (анестезія). Въ первомъ случаѣ малѣйшее прикосновеніе къ кожѣ вызываетъ дрожь спящаго, во второмъ — можно вонзить глубоко иголку въ кожу, и спящій не будетъ на это реагировать. Часто случается, что приказаний гипнотизера оказываютъ вліяніе на сознаніе загипнотизированного человѣка даже и послѣ пробужденія его. Такимъ путемъ удалось совершенно или временно излѣчить нервныя подергиванія, бессонницу и другія болѣзни, обусловленныя нервностью.

Но, какъ кажется, гипнозъ, при некоторыхъ условіяхъ, можетъ оказывать вредное вліяніе на организмъ загипнотизированного, и потому въ послѣдніе годы къ этому способу лѣченія медицина прибѣгаєтъ съ осторожностью²⁾.

§ 83. Галлюцинаціи и иллюзіи.

Галлюцинаціи—это *представленія*, которыя вслѣдствіе болѣзненно-возбужденной раздражимости центрального органа принимаются за *воспрянія*. Чаще всего имѣютъ мѣсто галлюцинаціи зреінія (*видѣнія*) и слуха. Значительно реже наблюдаются галлюцинаціи чувствъ осязанія, обонянія и вкуса, при чмъ онѣ всегда связаны съ галлюцинаціями высшихъ чувствъ, тогда какъ галлюцинаціи слуха и зреінія выступаютъ также отдельно. Крайне интересенъ тотъ фактъ, что одиночное заключеніе расположаетъ къ галлюцинаціямъ слуха, пребываніе въ темнотѣ — къ галлюцинаціямъ зреінія; это объясняется, повидимому, тѣмъ, что недостатокъ соответствующихъ чувственныхъ раздраженій повышаетъ раздражимость центровъ данныхъ чувствъ. Но, съ другой стороны, какъ кажется, черезъ мѣрное раздраженіе чувствъ влечетъ за собой тотъ же результатъ, такъ какъ, напримѣръ, у художниковъ чаще всего наблюдаются галлюцинаціи зреінія, у музыкантовъ — галлюцинаціи слуха. Продолжительное занятіе однимъ и тѣмъ же предметомъ можетъ даже повести къ тому, что картина воспоминанія становится крайне живой, и человѣкъ начинаетъ ее считать вполнѣ реальной. Человѣкъ, съ которымъ случается галлюцинація, видѣть разные образы или слышитъ различные тоны и голоса, наличность которыхъ не замѣчаютъ окружающие его люди. При болѣзненномъ возбужденіи, достигшемъ высокой степени, онъ твердо убѣжденъ въ наличии вещей, которая ему представляются въ фантазіи. Но иногда случается, что больной прекрасно сознаетъ обманчивость этихъ явлений, но онъ не въ состояніи отогнать ихъ отъ себя.

Иллюзіи называются такія галлюцинаціи, которыя исходятъ изъ какого-нибудь чувственного впечатлѣнія. Повышенная раздражимость чувственныхъ центровъ предрасполагаетъ къ бреду, и тогда всѣ нормальные видѣнія чувственныхъ раздраженій являются возбудителями иллюзій;

¹⁾ Желающимъ поближе познакомиться съ этимъ вопросомъ благоволять прочесть изданную «Вѣстникъ Знанія», книгу В. Биттера «Гипнозъ и рождественныя явленія въ науцѣ и жизни».

люцинирующей человѣкъ принимаетъ легкій стукъ въ дверь за шумъ грома, завываніе вѣтра — за небесную музыку, облака, скалы и деревья принимаютъ въ его головѣ форму фантастическихъ созданий. Свободнѣе отчасти же качество и форма воспріятій фантастически измѣняются. Гал-при этомъ, отчасти, усиливается интенсивность чувственныхъ раздраженій, всего воображеніе распоражается, конечно, съ очень неопределеными чувственными впечатлѣніями; поэтому-то фантазія здороваго человѣка тоже легко представляетъ себѣ различные образы въ расплывчатыхъ очертаніяхъ облаковъ и въ безпорядочной массѣ отдальныхъ горъ и скалъ.

§ 84. Разстройства рѣчи.

Для знакомства съ развитіемъ языка большое значеніе имѣютъ тѣ наблюденія, которыя были сдѣланы надъ лицами, страдавшими болѣзнями разстройствомъ рѣчи. У такихъ больныхъ наблюдается два различныхъ вида нарушеній: они или не *понимаютъ* слова или не могутъ ихъ *произнести*.

Въ первомъ случаѣ больной можетъ самъ громко читать и даже говорить, но онъ не понимаетъ того, что говорятъ другіе. Органъ слуха его совершенно здоровъ; больной слышитъ, что говорять, но это кажется ему шумомъ, лишеннымъ какого-либо смысла и значенія. Это состояніе называютъ *глухотою къ словамъ*. Она можетъ быть или *полной* или *частичной*. При полной глухотѣ къ словамъ больной не можетъ понять даже одного слова, какъ бы часто его ни произносили. Его мыслительныя способности не нарушены, онъ, какъ мы уже упоминали, можетъ даже говорить; онъ говоритъ только немнго неясно и непонятно, такъ какъ онъ самъ не слышитъ своихъ собственныхъ словъ. При частичной глухотѣ къ словамъ больной можетъ понять часто повторяемыя ему слова — напримѣръ, названія предметовъ, которые только-что были показаны ему. Бываетъ также, что лица, владѣющія нѣсколькими языками, забываютъ одинъ изъ нихъ вслѣдствіе частичной глухоты къ словамъ.

Къ этой же группѣ болѣзней принадлежитъ также не особенно чистый случай, когда больной обладаетъ способностью говорить и понимать, но не можетъ читать. Профессоръ Шарко наблюдалъ такой случай въ Парижѣ въ 1882 году. Его больной могъ писать длинныя письма, но не могъ прочитать ихъ. «Я пишу», говорилъ онъ, «какъ бы съ закрытыми глазами». Этотъ родъ разстройства рѣчи называется *слѣпотою къ словамъ*. Связь между звукомъ и представлениемъ и между представлениемъ и звукомъ сохранилась, а связь между буквами и звукомъ нарушена.

Во второмъ случаѣ у больного сохраняется способность понимать, но онъ не можетъ говорить. Этотъ видъ нарушенія рѣчи называется *афазіей*. Она тоже можетъ быть *полной* или только *частичной*. При полной афазіи больной не можетъ выговорить ни одного слова. При частичной афазіи выступаетъ упомянутое выше (§ 40) явленіе, когда прежде всего забываются собственные имена, затѣмъ имена вещей вообще и только по-томъ прилагательные, глаголы и частицы. Бываетъ также, что больные могутъ выговаривать отдельные звуки или слоги, но не цѣлое слово. При афазіи сохраняется связь между звукомъ и представлениемъ и между буквами и представлениемъ; связь же между представлениемъ и ощущеніемъ произношенія прервана. Неоднократно наблюдалось, что афазія можетъ ограничиться только однимъ изъ языковъ, на которомъ говорилъ больной; на другихъ языкахъ онъ можетъ прекрасно говорить.

Къ афазіи нерѣдко присоединяется полная или частичная неспособ-

ность писать (*аграфія*). Несколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ наблюдалось два случая, гдѣ аграфія выступала совершенно самостоятельно. Оба больные могли говорить и читать, понимали, что имъ говорять, но не могли написать ни слова, хотя раньше они прекрасно писали. Одинъ изъ нихъ, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ написать ни одной буквы, хотя въ то же время онъ былъ въ состояніи находить и называть отдѣльные буквы въ книгахъ и письмахъ.

Нарушенія рѣчи доказываютъ намъ, какъ сложны тѣ функции, сумма которыхъ обусловливаетъ нашу рѣчу; и, подобно тому, какъ ребенокъ постепенно, одну за другой, приобрѣтаетъ эти функции, точно такъ же одинъ изъ этихъ функций могутъ гибнуть, тогда какъ другія остаются въ полной силѣ.

Физиологическая причины нарушеній рѣчи извѣстны довольно точно. Извѣстно, что всѣ представлѣнія и движенія, имѣющія отношеніе къ языку, находятся въ связи съ явленіями лѣваго полушарія мозга. Также извѣстно, что глухота къ словамъ находится въ связи съ пораженіями первой и второй височной извилины, а афазія всегда сопровождается пораженіями задней части третьей лобной извилины.

§ 85. Душевные болѣзни.

Глубокія и продолжительныя нарушенія душевной жизни, дѣлающія обыкновенно человѣка неспособнымъ къ своей профессіи, называются душевными или психическими болѣзнями.

Наука въ настоящее время смотритъ на эти нарушенія, какъ на заболѣванія мозга, и предоставляетъ лѣченіе ихъ врачу. Такъ какъ такие больные часто бывають опасны для другихъ людей, то ихъ держать въ специальнѣ устроенныхъ для этой цѣли заведеніяхъ, гдѣ они находятся подъ наблюденіемъ врача. Развившаяся недавно особая вѣтвь медицины—*психіатрія*—ставитъ себѣ цѣлью изучить возникновеніе и теченіе этихъ болѣзней и найти правильные методы лѣченія.

Цѣль этихъ изслѣдованій была бы достигнута, если бы наукѣ удалось установить заболѣванія отдѣльныхъ частей мозга, соответствующія душевнымъ нарушеніямъ, и найти тѣ средства, при помощи которыхъ эти заболѣванія могли бы быть излѣчены. Но до сихъ поръ психіатрія мало подвинулась къ этой цѣли. Все же, благодаря тщательнымъ наблюденіямъ, удалось найти отдѣльные типы душевныхъ болѣзней, которые, правда, не особенно рѣзко отграничены другъ отъ друга, но все же развиваются и протекаютъ очень разномѣрно.

Описывая типы этихъ болѣзней, психіатры въ наше время должны особенно подчеркивать психические симптомы, такъ какъ до сихъ поръ въ точности неизвѣстны всѣ явленія, протекающія въ мозгу. Именно поэтому эти описанія имѣютъ большое значеніе для психологіи. Изучая нарушенія душевной жизни, мы можемъ узнать многое, что крайне цѣнно для знакомства съ нормальнымъ ходомъ психическихъ явленій.

Въ настоящемъ труде мы не ставимъ себѣ задачей описывать отдѣльные формы душевныхъ болѣзней. Здѣсь мы хотимъ только вкратце указать, какого рода нарушеніямъ подвергаются основные функции сознанія у душевно-больныхъ.

Яснѣе всего проявляются и поэтому наиболѣе всего удобны для наблюденія нарушенія основной функции *познанія*. Ходъ *предстащеній* бываетъ часто чисто ассоціаціоннымъ, онъ совершенно не регулируется волей, такъ что представлѣнія стараются одновременно какъ бы перегнать другъ друга. Но часто у больного возникаютъ странныя идеи, которая

онъ затѣмъ переносить, въ качествѣ постоянной апперцепціонной массы, на всѣ событія. *Мыслительная жизнь* душевно-больныхъ, въ общемъ, характеризуется тѣмъ, что они лишаются способности *объективно* судить объ явленіяхъ и вещахъ виѣшняго міра. «*Вторичное «я»*» (см. § 79) отступаетъ, по большей части, на задній планъ (вѣроятно, вслѣдствіе за болѣванія коры большого мозга), и затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, на передній планъ выступаютъ чисто эгоистическія чувства и стремленія. Больной относитъ на свой счетъ всѣ явленія виѣшняго міра и поэтому понимаетъ ихъ, по большей части, неправильно. Иногда наступаетъ полная атрофія мыслительныхъ способностей, такъ что больной продолжаетъ жить лишь растительной жизнью.

Жизнь чувства обнаруживаетъ, въ общемъ, склонность къ сильнымъ аффектамъ. Эти послѣдніе выражаются, отчасти, въ сильныхъ припадкахъ гиѣва (бѣшенство), или же вызываются продолжительное душевное разстройство. Это разстройство можетъ временами носить характеръ духовнаго подъема, когда больной обнаруживаетъ повышенное самосознаніе, веселое настроеніе и составляетъ себѣ ложныя представленія (манія величія). Но часто это разстройство носить характеръ унынія и влечетъ за собой крайне пониженное самочувствіе (меланхолія).

Нарушенія *функции воли* проявляются, по большей части, въ неспособности приходить къ какому-либо решенію, въ нежеланіи работать, а также въ упорномъ противодѣйствіи предписаніямъ врача. Сюда относятся также упомянутыя выше измѣненія сознанія нашего «я».

Во всякомъ случаѣ, изученіе душевныхъ болѣзней доказываетъ намъ, что всѣ три основныя функции сознанія находятся другъ съ другомъ въ тѣсной связи, и разстройство одной изъ нихъ оказываетъ существенное влияніе на остальныя функции.

Краткое содержание №№ 4 и 5 „Вестника Знания“ за 1907 г.

№ 4.

П. Звездичъ. Социалисты у власти. Оршинъ. Недугъ оси-
лиль. Метерлинкъ. Разумъ цѣтвовъ. Петръ Гайда. Въ
Ясной Полянѣ. Инж. М. Тихановъ. Новое производство.
Шнейуръ. Огонь. Д-ръ Гедике. Бѣлые кровяные шарики какъ враги
нашего тѣла. Д-ръ Деккеръ. Возраженіе д-ру Гедике. Далецкій. По
выставкамъ. Проф. Сванть Аренусъ. Панспермія. Акуратеръ. Сонъ
Сатаны. Д-ръ Ленцъ. Возникновеніе новыхъ видовъ подъ вліяніемъ
химическихъ агентовъ. **Лѣтопись современной литературы.** Борисъ Бра-
золенко. Мелочи журнальной беллетристики. Библіографія. Списокъ
книгъ, присланыхъ для отзыва. **Вопросы народного образования.**
Янтарева-Вилленкина. О счастливыхъ и несчастныхъ дѣяхъ. Видеманъ.
Въ поискахъ за словаремъ. **Научное обозрѣніе.** Физиологическое дѣ-
ствіе на разстоянія. Новая открытія въ области науки и техники.
Астрономическое обозрѣніе. Взаимопомощь читателей. I. Отдѣль
общій. Друзьямъ и врагамъ „Вестника Знания“. II. Отдѣль моло-
дежи. III. Спорные вопросы жизни и нравственности. IV. Научная
переписка читателей. V. Отвѣты (часть ихъ помѣщается въ Библіотекѣ
„Сист. Зн.“, „Народн. Унів.“ и „Библ. для саморазв.“) — **Объявленія.**

Краткое содержание журналовъ, замѣняющихъ прежнія бесплатныя прило-
женія къ „Вестнику Знания“.

1) „Библіотека Систематического Знания“. Проф. В. Іерузальмъ. Курсъ
психологии.

2) „Библіотека для саморазвитія“. Чарльзъ Дарвинъ. Мое міросозерцаніе
(окончаніе). А. Мальверъ. Наука и религія.

3) „Народный университетъ“ (съ приложеніемъ 12 раскраш. картинъ для
волжского фонара). I. Лекція по біології. Міръ безконечно-малаго (окончаніе).
II. Лекція по психології. Росинскій. Эмоціи и ихъ культура. III. Лекція по русской
литературѣ и исторіи. Графъ Алексѣй Толстой. Русская история отъ Гостомысла.

№ 5.

А. И. Новиковъ. Земство до Думы и земство при Думѣ.
Петръ Гайда. Въ Ясной Полянѣ. Проф. Мейеръ. Гигантъ
первобытнаго міра. Д-ръ А. Іоффе. Революція и культура. Проф. Паули. Хімія коллоидовъ. Проф. Пшибрамъ. Регенерація.
Г. Бакаловъ. Соц.-дем. движение въ Болгаріи. Д-ръ Боксбергеръ. По-
морникъ. Д-ръ Ортлеппъ. Движенія и ощущенія растеній. П. Звездичъ.
Социалисты у власти. Проф. I. Фабръ. Ядъ скорпіона. **Лѣтопись со-
временной литературы.** Борисъ Бразоленко. Критическая замѣтки.
Библіографія. **Вопросы народного образования.** Е. Рошинъ. Итоги
общественной мысли въ области народного образования. **Научное обоз-
рѣніе.** Научная хроника. Муассанъ. Бертло. Менделѣевъ. Мениуткинъ.
Техническое обозрѣніе. Тельгармоніумъ. Новая открытія въ обла-
сти науки и техники. **Астрономическое обозрѣніе.** Планета Марсъ.
Взаимопомощь читателей. I. Отдѣль общій. II. Отдѣль молодежи.
III. Спорные вопросы жизни и нравственности. IV. Научная переписка
читателей. V. Отвѣты.—**Объявленія.**

Краткое содержание журналовъ, замѣняющихъ прежнія бесплатныя прило-
женія къ „Вестнику Знания“.

1) „Библіотека Систематического Знания“. Проф. П. Кетнеръ. Хімія не-
осознаваемаго.—Проф. Прайсъ. II. Исторія политической экономіи.

2) „Библіотека для саморазвитія“. А. Мальверъ. Религія и наука (окончаніе)—Литература въ главныхъ представителяхъ. Сѣверные писатели.

3) „Народный университетъ“. I. Лекція по русской литературѣ и исторіи.
Графъ А. Толстой. Русская история отъ Гостомысла. II. Лекція по исторіи куль-
туры. Первобытный человѣкъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

Основные понятия.

§ 1. Понятие и предмет психологии	3
§ 2. Задача психологии и место психологии среди других наук	5
§ 3. Методы психологии	6
§ 4. Методы психологии (продолжение)	9
§ 5. Источники психологии	11
§ 6. Понятие души	12
§ 7. Тело и душа. Нервная система	14
§ 8. Основные функции сознания	21
§ 9. Ступени развития сознания	22
§ 10. Некоторые склонности	24
§ 11. Разделение психологии	26

ЧЕРНЫЙ ОТДЫХ.

Психология познания.

А. Ощущение и восприятие.

§ 12. Происхождение и общие свойства ощущения	27
§ 13. Качество ощущения	28
§ 14. Интенсивность ощущения	31
§ 15. Чувствительный тонк и ощущения	34
§ 16. Чувственное ощущение в широком смысле	35
§ 17. Ощущение и восприятие	36
§ 18. Чувство осознания	37
§ 19. Зрение. Свет и цвет	39
§ 20. Зрение. Восприятие предметов	44
§ 21. Слух	48
§ 22. Вкус и обоняние	53
§ 23. Общее значение чувственных восприятий	53

Б. Представление.

§ 24. Представление	55
§ 25. Представление и восприятие	55
§ 26. Главные классы представлений	56
§ 27. Ходь представлений	57
§ 28. Ассоциативный ход представлений. Закономерности связей (смежности)	58
§ 29. Ассоциация по сходству	61
§ 30. Ассоциативный ход представлений (продолжение)	63
§ 31. Аперцепционный ход представлений. Внимание	64
§ 32. Апперцепция	67
§ 33. Память и воспоминание	70
§ 34. Фантазия	72
§ 35. Типические представления	75
§ 36. Воспроизведение пережитых душевных состояний	77

С. Мысление и языки.

§ 37. Представление и мышление	78
§ 38. Возникновение языка	79
§ 39. Развитие языка, предложение и суждение	81
§ 40. Слово и понятие	83
§ 41. Развитие суждения	86

§ 42. Развитие суждения (продолжение)	87
§ 43. Самостоятельный и переданный суждения	90
§ 44. Правильность и ошибочность в суждении. Отрицание	91
§ 45. Вера и суждение	93
§ 46. Умозаключение	95
§ 47. Мысленіе и познаніе	96
§ 48. Формы созерцания пространства и времени	98
§ 49. Восприятие пространства	98
§ 50. Созерцание и понятие пространства	99
§ 51. Ощущение времени	100
§ 52. Созерцание и понятие времени	101
§ 53. Изменение и определение пространства и времени	102
§ 54. Число	104
§ 55. Вещь и субстанция	105
§ 56. Причинность и существование	106
§ 57. Общий обзор первого отдель	108

ВТОРОЙ ОТДЕЛЪ.

Психология чувствования.

§ 58. Общая характеристика чувствования	111
§ 59. Внешнее выражение чувств	112
§ 60. Чувство и аффект	114
§ 61. Классификация чувств	115
§ 62. Индивидуальные чувства	117
§ 63. Индивидуальные чувства (продолжение)	119
§ 64. Семейные чувства	122
§ 65. Патриотические чувства	123
§ 66. Сочувствие	124
§ 67. Нравственное чувство	125
§ 68. Религиозные чувства	128
§ 69. Эстетическая чувства	130
§ 70. Интеллектуальные чувства	132
§ 71. Склонности чувств	134
§ 72. Чувство и познание	134

ТРЕТИЙ ОТДЕЛЪ.

Психология хотѣнія.

§ 73. Общая характеристика воли	136
§ 74. Движение и воля	137
§ 75. Влечеіе и инстинкты	139
§ 76. Стремление и страсти. Желание	140
§ 77. Хотѣніе	141
§ 78. Свобода воли	142
§ 79. Сознание нашего «я» и самосознание	144
§ 80. Личность и индивидуальность	146
§ 81. Склонности воли. Укладъ и характеръ	148

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Временные перерывы и разстройства душевной жизни.

§ 82. Сонъ и сновидѣніе. Гипнозъ	151
§ 83. Галлюцинаціи и мазохізмъ	153
§ 84. Разстройства рѣчи	154
§ 85. Душевныя болѣзни	155

Цѣна въ годъ
съ пересылкой
3 р. — к.
1/2 р. 1 р. 50 к.
1/4 р. — р. 75 к.
Для подвижниковъ
«Вѣстника Зна-
нія» годовая цѣна
«Библ. Сист. Зна-
нія» 2 р.

БИБЛІОТЕКА

СИСТЕМАТИЧЕСКАГО ЗНАНІЯ.

Ежемѣсячный популярно-научный журналъ для само-
образованія, подъ редакціею В. В. Битнера.

**Условія подписки на «Вѣстникъ Знанія» и др.
журналы того же издательства, непосред-
ственно связанные съ «Вѣстникомъ Знанія».**

«Вѣстникъ Знанія», п. 1/4 г. 75 к., въ годъ съ перес.	3 р.
«Вѣстникъ Знанія» съ Библиотекой Систе- матического Знанія», ц. съ пер. 1/4 года 1 р. 25 к., въ г.	5 р.
«Вѣст. Зн.» съ «Библиотекой для Самораз- витія», ц. съ пер. 1/4 г. 1 р. 25 к., въ годъ	5 р.
«Вѣст. Зн.» съ «Народнымъ Университе- тотомъ», ц. съ пер. 1/4 г. 1 р. 25 к., въ годъ	5 р.
«Вѣст. Зн.» съ «Библ. Сист. Зн.» и «Биб. для Саморазв.», ц. съ пер. 1/4 г. 1 р. 75 к., въ годъ	7 р.

«Вѣст. Зн.» съ «Библ. Систем. Зн.» и «На-
род. Унив.», ц. съ пер. 1/4 г. 1 р.
75 к., въ годъ . . . . . 7 р.
«Вѣст. Зн.» съ «Библ. для Саморазв.» и
«Народ. Унив.», ц. съ пер. 1/4 г. 1 р.
75 к., въ годъ . . . . . 7 р.
«Вѣст. Зн.» со всѣми тремя журналами, ц.
ст. пер. 1/4 г. 2 р., въ годъ . . . . . 8 р.
При подпискѣ на одинъ, два или три эти
журнала, но безъ «Вѣстника Знанія»,
цѣна въ годъ съ пер. каждого журнала . 3 р.

**Содержание № 5 Библиотеки Системати-
ческаго Знанія.**

1. Отвѣты подпишчикамъ.
2. Проф. В. Йерусаalemъ. Руководство психо-
логіи, стр. 49—156.

Отвѣты подпишчикамъ¹⁾.

*Подп. № 3655.—Текстъ ст. 428 т. X п. I св. Зак. не допускаетъ двухъ толкований: при-
ращеніе берега составляетъ собственность того
владѣльца, кому принадлежитъ сей берегъ. Юр.-конс.*

*Петру Баливаду, Благовѣщенскъ.—Дѣло сложное и трудное. Выигрыши возможны
только въ томъ случаѣ, если въ точности буде-
ть доказано существование договора съ Ком-
панией. Юр.-конс.*

*Подп. № 5921.—Невызовъ свидѣтелей, вѣбще говоря, можетъ служить кассационнымъ по-
водомъ. Но въ данномъ случаѣ не выяснено,
по какимъ именно основаніямъ судь отказалъ
въ вызовѣ. Признаніе же свидѣтеля въ же-
свидѣтельствѣ можетъ служить основаніемъ къ
ходатайству о пересмотрѣ дѣла, но не въ по-
радѣ кассационного обжалованія. Юр.-конс.*

*Подп. № 8699.—Прощеніе о выдачѣ
заграничного паспорта направляется къ губер-*

*натуру. При этомъ должно быть представлено
свидѣтельство отъ изѣтной позиціи о неимѣніи
преступлений къ выѣзу за границу. Юр.-конс.*

*Подп. № 22798. Сначала нужно удосто-
вѣриться въ томъ, что повѣренный подлинно
вызываютъ долгъ. Въ случаѣ, если обнаружится,
дѣйствительно, присвоеніе, предъявлять къ нему
искъ въ судъ гражданскому или привлечь къ
ответственности въ уголовномъ порядке съ при-
соединеніемъ къ уголовному дѣлу гражданскаго
иска. Если присвоена сумма до 300 р.—въ ико-
новыхъ упраежненіяхъ, если свыше 300 р.—въ
Окружномъ Судѣ, черезъ прокурора. Юр.-конс.*

*Подп. № 21779.—Старшій сынъ при
трудоспособномъ отцѣ подлежитъ воинской по-
званности. Юр.-конс.*

*Подп. № 5523.—Искъ о вознагра-
жденіи за увѣчіе въ видѣ грыжи—навѣжне труд-
ный изъ т. н. увѣчныхъ дѣлъ. Необходимо точно*

¹⁾ Читатели тоже не лишены права получать отвѣты, но въ виду громаднаго числа за-
просовъ приходится отдавать преимущество подпишчикамъ.

доказать на судѣ, что грыжа образовалась впервые именно вслѣдствіе ненормальныхъ условій данной работы. *Юр.-конс.*

Подп. № 10059.—Такая критика невозможна. *Юр.-конс.*

Подп. № 8585.—За исправленіемъ фамиліи нужно обратиться въ тѣ учрежденія, которыхъ въ своихъ книгахъ ее показали. Въ подтверждение ихъ ошибки представить метрическое свидѣтельство, которое и является въ этомъ вопросѣ руководящимъ документомъ. *Юр.-конс.*

Подп. № 25039.—Свидѣтели—достаточное доказательство. Присвоеніе квитанцій—уголовно-наказуемое дѣяніе. Но, разъ квитанція служитъ обезспечениемъ долга, сначала нужно уплатить долгъ. *Юр.-конс.*

Подп. № 10125.—Безъ вида изъ жительства никакъ проживать невозможно. Помимо согласія отца получить паспортъ тоже невозможно.

Подп. Путкову. О легализаціи всячаго рода обществъ ходатайствуютъ предъ мѣстными губернаторомъ лично сами учредители этого общества. Подается прошеніе, нотаріусъ удостовѣряетъ правоспособность, въ двухъ экземплярахъ представляется уставъ общества. *Ю.-к.*

Подп. № 23227.—Разводъ допускается только въ определенныхъ, закономъ точно указанныхъ, случаяхъ. Ст. 1031 ч. I, т. X св. зак. гласитъ, что «супруги обязаны жить вмѣстѣ». Ст. 46 въ 76 того-же X т. воспрещаетъ заключеніе всакихъ предварительныхъ между супругами актовъ, клонящихся къ разрыву супружескаго союза и утверждение или свидѣтельствованіе такихъ актовъ должностными лицами и учрежденіями. *Юр.-конс.*

Подп. Н. М. Носову.—Зависть отъ мѣстной полиціи и губернатора. *Юр.-конс.*

Подп. Колосову. Отецъ обязанъ содѣржать дѣтей всѣхъ видѣній. При общіиумъ согласіи родителей вѣнчаныхъ дѣтей можетъ быть дано отцомъ обязательство нотаріальнымъ порядкомъ. Въ случаѣ несогласія отца, надлежитъ предъявить иску къ нему судебнѣй порядкомъ. Наслѣдникъ его посль его смерти могутъ оспаривать упомянутое обязательство, ссылаясь на его невѣроятность въ моментъ выдачи обязательства. Необходимо обратиться къ помощнику адвоката. *Юр.-конс.*

Подп., по претензіи къ Банк. дому „Генрихъ Блокъ“.—Заявленіе о своей претензіи надлежитъ подать тому учрежденію, въ которомъ сосредоточились дѣла покойного Блока—одной или конкурсному управлѣнію. *Ю.-к.*

Подп. 20513. Дѣло безнадежное въ виду отсутствія документовъ и истечения 10-лѣтней давности. *Юр.-конс.*

Архангельскъ. Подп. № 24.—Аттестовать зрѣлости не теряетъ своей силы.

Подп. № 8952. Можно предъявить иску къ хранителю вещей, т. е. О-ву, но нужно доказать, что пропали тѣ вещи, которыхъ именно были приобретены О-вомъ на храненіе. Если въ теченіе 2-хъ лѣтъ вещи не были приобретены отъ хранителя по винѣ собственника, то за порчу

вещей вслѣдствіе долгаго лежанія врядъ ли О-во будетъ отвѣтственно. *Юр.-конс.*

Подп. № 6300. Въ виду окончанія срока договора, квартирнанимателю обязанъ очистить помѣщеніе, а судъ не можетъ отказать въ выселеніи его, въ случаѣ предъявленія такого иска со стороны землевладѣльца. *Юр.-конс.*

Подп. В. Кислинскому.—Безъ надлежащаго разрѣшения торговья книги не допускаются. *Юр.-конс.*

Подп. Я. Глатову.—Жаловаться въ Гласное Управление Почты и Телеграфовъ. Безнадежно. *Юр.-конс.*

З-полеочный сборъ, вѣроятно, незаконенъ. Впрочемъ, можетъ случиться, что существуютъ какія-нибудь мѣстныя правила. Вознагражденіе за сверхурочныя работы можно искасть судомъ. Трудно доказать фактическую сторону дѣла. Необходимо обратиться къ помощи адвоката. *Ю.-к.*

Подп. № 6339.—Безъ разрѣшения торговья книги не допускаются. *Юр.-конс.*

Подп. № 5853.—З-легализаціей союза обратиться надлежитъ въ мѣстную губернатору прошеніемъ отъ имени учредителей съ приложениемъ устава въ 2-хъ экземплярахъ и съ уточненіемъ правоспособности учредителей по-тарифнымъ порядкомъ. *Юр.-конс.*

Подп. Береславскому.—Вопросъ повинности единственнаго сына не подлежитъ. *Ю.-к.*

Подп. № 5377. Въ виду противорѣй въ циркулярахъ, трудно решить вопросъ категорически. Надо думать, что силу будутъ имѣть правила, преподанные М-вемъ, какъ учреждения центральными, стоящими выше поинчестили. *Юр.-конс.*

Подп. Бабенко и Бахановскому.—Мы можемъ только привѣтствовать образованіе кружка съ образовательною цѣлью. Всегда усѣѣ!

Подп. „медоуильевающему“.—Будьте спокойны, ничего опаснаго нѣтъ, и Ваша духовная способность въ порядке. Трудность пониманія Вами, фразъ, подобныхъ приведенной ничего не доказываетъ, такъ какъ это обычное явленіе у людей, непривыкшихъ къ чтенiu такого рода книгъ. «Каждую фразу въ отдѣльности понимаю,—часто говорятъ новички,—а отъ всей страницы ничего не остается, и никакого вывода слѣдуетъ не могу...» Все это не бѣда! Дальнѣшее изученіе, умственная гимнастика приведетъ, въ концѣ концовъ, къ болѣе легкому усвоенію... Врачи правы. Укрѣпите нерви, между прочимъ, купаніями. Болѣзнь Ваша очень перѣдка, но у Васъ, къ счастью, она не перешла въ хроническую, стало быть, опасности нѣтъ, а воля, очевидно, для борьбы имѣется... Рѣдкія проявленія не страшны. Поменьше думайте о своемъ воображаемомъ разстройствѣ. Что Вы не понимаете Вундта, изъ того далеко еще до вывода, дѣлаемаго Вами. Спросите двадцать окружающихъ Вашъ лицъ, и Вы убѣдитесь, что знательная ихъ часть тоже не осмысливаетъ упомянутой Вами книги.—Женитесь безусловно можете, и выете право (никакой опасности для потомства) и даже можно совѣтовать.